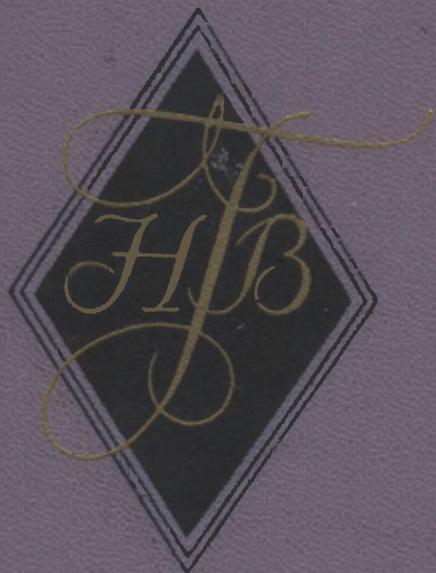

ТРОПА К ГОГОЛЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"Детская литература"

Тропа к Гоголю

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

П. Боголепов, Н. Верховская

Прота
ГОГОЛЮ

МОСКВА

< ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА >

1976

*Книга-справочник
о жизни и творчестве Н. В. Гоголя*

Под общей редакцией
С. И. Машинского

Оформление
П. Кузаяна

Боголепов П. К., Верховская Н. П.

Б44 Тропа к Гоголю. Книга-справочник о жизни и творчестве Н. В. Гоголя. Под общ. ред. С. И. Машинского. Оформл. П. Кузаяна. М., «Дет. лит.», 1976.

352 с. с ил + 16 вкл. (Школьная библиотека).

«Тропа к Гоголю» — своеобразный литературно-документальный справочник, вводящий в духовный мир великого писателя-реалиста. В последовательном порядке книга излагает наиболее значительные даты жизни и творчества, знакомит с ближайшим окружением писателя, рассказывает о тех местах, где бывал и останавливался Гоголь, где создавал свои произведения. Один из разделов книги содержит объяснение непонятных или устаревших слов и выражений, встречающихся в произведениях Гоголя.

Иллюстрировано издание документальными фотографиями репродукциями с различных картин и портретов.

Т 70803—452 158—76
М101(03)76

8Р1

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о жизни и творчестве великого русского писателя — Николая Васильевича Гоголя. И не просто рассказывает, а помогает изучить и биографию писателя, и его произведения. Она позволяет представить себе рождение творческих замыслов, обстоятельства, при которых создавались произведения Гоголя.

Книга знакомит читателя и с людьми, окружавшими Гоголя, среди которых он жил и творил; раскрывает их характеры, их взаимоотношения с писателем; описывает места, где бывал Гоголь и о которых он сам рассказал в своих письмах и произведениях.

В текст книги включены выдержки из писем и высказываний самого Гоголя и его современников, из документов, дневников и других материалов, которые позволяют почувствовать дух эпохи, ощутить ее характерные черты.

Составители надеются, что книга «Тропа к Гоголю» станет помощником юных читателей в изучении жизненного и творческого пути Гоголя.

Книга состоит из четырех разделов:

- 1. Даты жизни и творчества Гоголя.**
- 2. Окружение писателя (краткие биографии лиц, с которыми встречался Гоголь).**
- 3. Места, где жил и бывал писатель.**
- 4. Словарь к художественным произведениям Гоголя.**

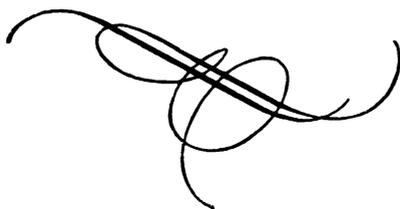
Каждый раздел предваряет небольшая вступительная статья.

Составители

Датты
жизни и творчества

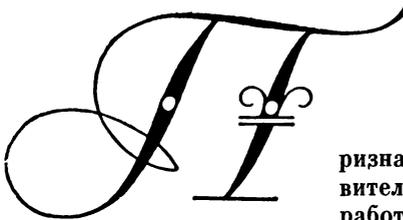
ГОГОЛЯ

...ЛИТЕРАТУРА ЗАНЯЛА...
ВСЮ ЖИЗНЬ МОЮ...

Гоголь

ризнание Гоголя замечательно. Действительно, вся жизнь его — это работа, работа писателя.

Литературное поприще не сразу представилось Гоголю как единственный его путь. Несмотря на явный интерес к литературе, проявившийся с отроческих лет, Гоголь считал, что принесет пользу родине на государственной службе.

«...В те годы, когда я стал задумываться о моем будущем... мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра. Я думал, просто, что я выслужусь и все это доставит служба государственная...

Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить также службу государственную, я бросил все: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем, чтобы вдали и в уединении от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творение, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей».

Гоголь. «Авторская исповедь».

Писателем Гоголь стал не ради славы, не ради материального благополучия, а видел в этом свое предназначение служить народу. Гоголь считал себя обязанным рассказать правду о страшной русской действительности, показать всю Россию, от самых низов до самой верхушки. «Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был — жизнь, а не что другое».

Гоголь. «Авторская исповедь».

Найдя в литературе призвание, Гоголь подчинил ему все: и самую жизнь, и круг интересов, и выбор друзей, и время препровождения. Самым главным для писателя стала его работа. К ней он относился чрезвычайно серьезно, в ней он видел не развлечение, не способ заполнения досуга, а свой долг. Ничто не должно было отвлекать его от главного дела всей жизни. Ни семья, которой у Гоголя поэтому и не было, ни личная жизнь, ни светские связи и развлечения.

«Могу сказать, что я никогда не жертвовал свету моим талантом. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от моей обязанности. Для меня нет жизни вне моей жизни».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 26 июня¹ 1836 г. Гамбург.

Гоголь высоко ставил звание писателя, считая литературу единственным каналом, по которому еще можно было в то время — время николаевского деспотизма — сказать если не всю правду, то хотя бы часть ее. Видя в русском писателе подвижника, борца за будущее счастье народное, Гоголь возмущался: «...в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель».

Гоголь — М. П. Погодину. 15 мая 1836 г. Петербург.

Весь свой талант, все свое время, весь свой профессиональный опыт Гоголь отдал родине. Он был не просто писателем, он был русским, национальным писателем, и это больше всего ценил в себе сам. Думая об оценке, которую он получит у потомства, Гоголь выражает желание, чтобы «...люди всех партий и мнений сказали: «Он знает, точно, русского человека. Не скрывши ни одного нашего недостатка, он глубже всех почувствовал наше достоинство».

Гоголь — А. М. Вельгорской. 29 октября 1848 г. Москва.

В эту оценку благодарного русского человека Гоголь верил. Не случайны его слова: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливей меня...»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 12 полбря 1836 г. Париж.

Перевернув страницу, вы прочтете летопись жизни и творчества Гоголя. Цитаты подобраны из писем и сочинений Гоголя, из писем его родных и друзей и воспоминаний современников и, наконец, из документов. Читая эту живую повесть о жизни и творчестве великого писателя, рассказанную и им самим и его близкими, вы будете увлечены той силой напряженного труда, которому гениальный человек отдал весь свой талант и всю жизнь без остатка.

¹ Время пребывания Н. В. Гоголя за границей и его переписка этого периода даются в книге по новому стилю.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

ДЕТСТВО МОЕ ДОНЫНЕ ЧАСТО
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ МНЕ.

Гоголь

В 1809 году, 20 марта, в селе Большие Сорочинцы, Миргородского уезда, Полтавской губернии, родился великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь.

«1809 год — месяца марта 20 числа у помещика Василия Яновского (Гоголя) родился сын Николай...»

Выписка из метрической книги Спасо-Преображенской церкви, местечка Сорочинец, Миргородского уезда.

1809—1818 гг. Жизнь Гоголя в усадьбе родителей Васильевке. «...вижу все милое сердцу; — вижу вас, вижу милую родину, вижу тихий Псёл, мерцающий сквозь легкое покрывало...»

Гоголь — родителям. 13 июня 1824 г. Нежин.

В эти годы Гоголь, ребенком, вместе с родителями бывал в соседних поместьях. Чаще всего у богатого вельможи, дальнего родственника матери Д. П. Трошинского, в его роскошной усадьбе Кибицы и в семье известного писателя-сатирика, автора знаменитой комедии «Ябеда» — В. В. Капниста.

По отзыву современника дом Д. П. Трошинского «...служил в Малороссии средоточием для либералов; там, например, находились безотлучно один из Муравьевых-Апостолов, сосланный впоследствии на каторгу, и Бестужев-Рюмин, кончивший жизнь на виселице».

То же происходило и в Обуховке, поместье Капнистов. Один из сыновей писателя Алексей был членом Союза благоденствия, и потому у него собирались его друзья, будущие декабристы: Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, Лорер, Лунин, Бестужев-Рюмин. Иногда бывал Пестель. Не исключено, что, приезжая в Обуховку с родителями, а позднее на каникулы, Гоголь мог встречаться с ними.

1818 г., 3 августа. Вместе с братом Иваном Гоголь поступил в Полтавское поветовое¹ училище.

¹ Поветовое — от «повет» — волость (ныне район).

«...Представил в Полтавское училище детей моих... не имея средств доставить им лучшее место воспитания».

В. А. Гоголь — Д. П. Трощинскому.

1818 г., 3 августа, до 1819 г., 30 июня. Гоголь в Полтавском поветовом училище.

«Ведомости Полтавского поветового училища удостоверяют, что в феврале, марте, апреле, мае и июне 1819 г. Николай Гоголь учился на высшем отделении первого класса этого училища».

Д. Иофанов. «Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы».

1819 г., июнь или июль. Смерть Ивана Гоголя.

«Смерть младшего брата Ивана до того поразила отрока Гоголя, что были принуждены отвезти в Нежинский лицей, чтоб отвлечь его от могилы брата».

Г. П. Данилевский. «Знакомство с Гоголем».

В НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ ВЫСШИХ НАУК

...Я учусь хорошо, по крайней
мере сколько позволяют силы.

Г о г о л ь

1820 г., 19 апреля. Высочайший рескрипт об открытии в г. Нежине «Гимназии высших наук».

«Гимназия сия есть публичное учебное заведение. Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую ступень после университетов... и отличается перед губернскими гимназиями высшей степенью преподаваемых в ней предметов и особенными ей дарованными правами и преимуществами».

Устав гимназии, утвержденный Александром I.

1821 г., 1 мая. По протекции Д. П. Трощинского Гоголь принят живущим¹ в Нежинскую гимназию высших наук.

1821 г., 1 ноября. Директором гимназии высших наук назначен доктор медицины, магистр словесных наук и философии Иван Семенович Орлай, человек большого ума и высокой культуры.

¹ В современном понятии: принят в интернат.

И. С. Орлай владел небольшим поместьем возле Кибинец Д. П. Трощинского, где бывал и где познакомился с отцом будущего писателя В. А. Гоголь-Яновским.

«Сюды ожидают со дня на день директора, который уже утвержден в здешнюю гимназию. Директор же вам известный, доктор Орлай, который был в Кибицах».

Гоголь — родителям. 6 октября 1821 г. Нежин.

1824—1827 гг. В Нежинской гимназии высших наук, силами воспитанников, организовался школьный театр, в котором с увлечением участвовал Гоголь. Особенно ему хотелось поставить комедию, сочиненную его отцом, «Собака-Овца».

«...По вашему обещанию прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю...»

Гоголь — родителям. 1 октября 1824 г. Нежин.

«Играли мы трагедии Озерова «Эдипа» и «Фингала», водевили, какою-то малороссийскую пьесу... от которой публика надрывалась со смеху. Но удачнее всего давалась у нас комедия Фонвизина «Недоросль». Видал я эту пьесу в Москве и Петербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний тогда Гоголь».

Воспоминания товарища Гоголя по Нежинской гимназии высших наук Григория Шапошникова в записи В. И. Шенрока.

Гоголь «...был превосходный актер. Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным».

Там

1825—1827 гг. В эти годы среди учеников Нежинской гимназии высших наук сильно увлечение литературой. По инициативе Гоголя, и с его участием, они в складчину выписывали книги и выпускали свои собственные рукописные журналы: «Парнасский наезд», «Метеор литературы» и другие.

«Мы выписывали с ним и с Прокоповичем журналы, альманахи. Он [то есть Гоголь. — *Ред.*] заботился всегда о своевременной высылке денег... Мы собирались втроем и читали «Онегина» Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным».

А. С. Данилевский в записи В. И. Шенрока.

«В ...1825, 26 и 27 годах наш литературный кружок стал издавать свои журналы и альманахи, разумеется, рукописные. Вдвоем с Гоголем, лучшим моим приятелем, хотя и не обходилось без ссор и без драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы еже-

месячный журнал страниц в 50—60 в желтой обертке с виньетками нашего издания, со всеми притязаниями дельного литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разборы современных лучших произведений русской литературы, — была и местная хроника, в которой преимущественно Гоголь поднимал на смех наших преподавателей под вымышленными именами».

К. М. Базили. «Воспоминания».

«Гоголь был... любим, как за свой симпатичный характер, так и за литературный талант, обнаружившийся в нем с самых еще юношеских лет... Его веселые и смешные рассказы, его шутки и самые шутки, всегда умные и острые, без которых не мог он жить, до того были комичны, что и теперь не могу вспомнить об них без смеха и удовольствия».

Воспоминания товарища Гоголя по Нежинской гимназии высших наук Григория Шапошникова в записи В. И. Шенрока.

1825 г., вторая половина марта. Смерть отца писателя — Василия Афанасьевича Гоголя.

«...Я сперва был поражен ужасно сим известием, однако ж не дал никому заметить, что я был опечален. Оставшись же я наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою».

Гоголь — матери. 23 апреля 1825 г. Неж

1825 г., 14 декабря. Восстание гвардейских полков в Петербурге на Сенатской площади.

После восстания Николай I, желая уничтожить русское освободительное движение, создал в стране режим жесточайшего террора, который, вопреки надеждам царя, привел к росту оппозиционных настроений. Крестьянские волнения, восстание Черниговского полка, общее тревожное «состояние умов» свидетельствовали о том, что русское освободительное движение продолжает жить.

«Дело о вольнодумстве», возникшее в Нежинской гимназии в 1827 году, также явилось отражением событий 14 декабря 1825 г.

1826 г., август. И. С. Орлай получил назначение на должность директора Ришельевского лицея в Одессе. В Нежинской гимназии высших наук на его место временно назначен старший профессор К. В. Шапалинский.

«Директор наш уже отправился в Одессу».

Гоголь — матери. 10 сентября 1826 г. Неж

1826 г. Гоголь бывает в гостях у знакомых крестьян в предместье Нежина — Магерки.

«В гимназии Гоголь... постоянно, бывало, ходит на Магерки.

Магерки — это предместье Нежина. Гоголь имел там много знакомых между крестьянами. Когда у кого из них бывала свадьба, или другое что, или когда просто выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь уж непременно был там».

Н. Ю. Артынов по записи Мацеевича.

1826 г. В особую тетрадь, названную «Книгой всякой всячины», Гоголь начал записывать все, что казалось ему любопытным: отдельные слова и выражения, пословицы и поговорки, обычаи, предания, описания одежды и даже целые эпизоды из жизни людей.

«Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия. Составил Н. Г.—Нежин. 1826 г.».

Надпись на заглавном листе сделана рукой Гоголя.

1827 г., 27 января. Директором гимназии высших наук назначен Д. Е. Ясновский — чиновник самых реакционных взглядов.

«Ожидают у нас директора, г-на Ясновского, со дня на день. Не знаем его характера...»

Гоголь — матери. 26 февраля 1827 г. Нежин.

1827 г., 7 мая. В педагогический совет Гимназии высших наук поступил рапорт профессора Билевича о том, что у воспитанников обнаружены настроения свободомыслия, источник которого он видел в лекциях профессора Белоусова по естественному праву.

«Необходимую обязанностью для себя поставлю как старший профессор юридических наук сказать, что я заметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства, а сие, полагаю, может происходить от заблуждения в основаниях права естественно-го, которое, хотя и предписано преподавать здесь, по системе г-на де-Мартини, он, господин младший профессор Белоусов, проходит оное естественное право по своим запискам».

*Рапорт ст. проф. юридич. наук М. В. Билевича
Конференции гимназии. 7 мая
1827 г.*

1827 г., 29 октября — 3 ноября. Допросы старших учеников по «делу о вольнодумстве». Предлагалось два вопроса: 1) соответствуют ли записи воспитанников содержанию лекций профессора Белоусова? и 2) читал лекции профессор Белоусов по утвержденному министерством просвещения учебнику или по записям?

Из показаний воспитанников вытекало, что основой большей части их записей был конспект, составленный Гоголем-Яновским.

Нестор Кукольник свидетельствовал, что одна из его тетрадей переписана с тетрадок ученика 9-го класса пансионера Яновского, без всяких прибавок.

По второму вопросу большинство учеников показало, что Белоусов читал лекции не по учебнику, а по собственным запискам. Показания ставили Белоусова под удар.

1827 г., 3 ноября. Допрос Гоголя.

«1827 года, ноября 3-го дня ученик 9-го класса Николай Яновский, 19-ти лет, призван будучи в Конференцию... заявил... что объяснение о различии права и этики профессор Белоусов делал по книге...»

Протокол допроса.

Таким образом, своими показаниями, что Белоусов читал не по своим запискам, а по учебнику, Гоголь действовал в интересах профессора.

1827—1828 гг., зима. Подготовка к выпускным экзаменам.

«Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. Целый день с утра до вечера ни одна праздная минута не прерывает моих глубоких занятий».

Гоголь — матери. 15 декабря 1827 г. Нежин.

1828 г., конец июля. Гоголь закончил курс наук в Нежинской гимназии с правом на чин коллежского регистратора.

«Николай Гоголь-Яновский, коллежского асессора Василия Афанасьевича сын, поступивший 1 мая 1821 года в Гимназию высших наук кн. Безбородко, окончил в оной полный курс учения в июне месяце 1828 года при поведении очень хорошем с следующими в науках успехами:

в законе божьем с очень хорошими, в нравственной философии с очень хорошими, в логике с очень хорошими, в российской словесности с очень хорошими, в правах: в римском с очень хорошими, в уголовном с очень хорошими, в государственном хозяйстве с очень хорошими, в чистой математике средственными, в физике и началах химии с хорошими, в естественной истории с превосходными, в технологии, в военных науках с очень хорошими, в географии всеобщей и российской с хорошими, в истории всеобщей с очень хорошими, в языках: латинском с хорошими, в немецком превосходными, в французском с очень хорошими, в греческом (нет отметки) и по окончательном испытании конференциею гимназии удостоен звания студента и г. министром утвержден в праве на чин 14-го класса...»

Аттестат Николая Васильевича Гоголя.

«Никоша мой имеет чинок в ранге университетских студентов 14 класса. С ним несправедливо поступили, так же как и с другими, в его отделении бывшими, по причине партий их наставников.

Ему следовало бы получить 12 класс... Главное, что надо было более ласкаться к ним, а он никак не мог того сделать».

М. И. Гоголь — П. П. Косяровскому. Июль 1828 г. Васильевка.

1826, 1827, 1828 гг. За время учения в Нежинской гимназии высших наук Гоголь написал: стихотворение «Непогода», балладу «Две рыбки», трагедию «Разбойники», повесть «Братья Твердиславичи», поэму «Россия под игом татар» и сатиру «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан».

«Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, к которым я получил навык в последнее время моего пребывания в школе, были почти все в лирическом и сурьезном роде».

Гоголь. Рукопись «Повесть моего авторства». 1847 г.

1828 г., 13 декабря. Проведя лето и осень в Васильевке, Гоголь вместе с А. С. Данилевским, через Кибицы, Нежин, Чернигов, Могилев, Витебск, минуя Москву, выехал в Петербург.

ПЕТЕРБУРГ

ВО СНЕ И НА ЯВУ МНЕ ГРЕЗИТСЯ
ПЕТЕРБУРГ...

Гоголь

Учеником гимназии высших наук Гоголь безотчетно стремился в Петербург, мечтая о полезной деятельности в столице.

«Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу».

Гоголь — П. П. Косяровскому. 3 октября 1827 г. Нежин.

1828 г., 28 декабря. Гоголь, вместе с А. С. Данилевским, приехал в Петербург.

«...Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее...»

Гоголь — матери. 3 января 1829 г. Петербург.

«Итак я стою в раздумьи на жизненном пути, ожидая решения... моим ожиданиям».

Гоголь — матери, 22 мая 1829 г. Петербург.

1829 г., июнь. Вышла в свет романтическая поэма Гоголя — «Ганц Кюхельгартен» под псевдонимом В. Алова.

Заглавная страница: «Ганц Кюхельгартен. Идиллия в картинах. Соч. В. Алова. (Писано в 1827 году) СПб. 1829. В типографии А. Плюшара».

«Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только автора, не побудили его к тому.

Это произведение его восемнадцатилетней юности».

Предисловие к Идиллии в картинах «Ганц Кюхельгартен».

1829 г., конец июня — начало июля. Отрицательные рецензии на «Ганца Кюхельгартена» побудили Гоголя уничтожить книгу. Гоголь «...бросился со своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцов экземпляры, нанял номер в гостинице и сжег все до одного».

П. А. Кулиш, «Записки о жизни Н. В. Гоголя».

1829 г., конец июля. Расстроенный неудачей книги, на которую возлагал большие надежды, Гоголь выехал в Германию.

«Как бы то ни было, но это противувольное мне самому влечение было так сильно, что не прошло пяти месяцев по прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному. ...Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее».

Гоголь. «Авторская исповедь».

1829 г., 1 августа. Гоголь в Любеке. Оттуда 11 августа выехал в Травемюнде на три дня.

«Сегодня поутру часа в три прибыл я в Любек... Этот довольно старинный, вольный торговый город... хотя он не может похвастаться одним из самых лучших торговых городов, но всё однако ж занимает весьма важное место в обширной торговле Европы».

Гоголь — матери, 13 августа 1829 г. Любек.

1829 г., 22 сентября. Через Гамбург Гоголь вернулся в Петербург.

1829 г., сентябрь — октябрь. Попытка поступить в Александрийский театр актером, окончившаяся неудачей потому, что реалистическая игра Гоголя не отвечала требованиям классической декламации, принятой в то время.

Результатом испытаний было то, что Храповицкий [инспектор русской труппы.— *Ред.*] запискою донес князю Гагарину¹, что присланный на испытание Гоголь-Яновский оказался совершенно неспособным не только к трагедии или драме, но даже к комедии. Что он, не имея никакого понятия о декламации, даже по тетради читает очень плохо и нетвердо, что фигура его совершенно неприлична для сцены... что он не признает в нем решительно никаких способностей для театра...»

Н. П. Мундт. «Попытка Гоголя».

1829 г., 15 ноября — 1830 г., 25 февраля. Служба в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий.

1830 г., февраль — март. В февральском и мартовском номерах журнала «Отечественные записки» напечатана повесть Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала».

1830 г., 10 апреля. Гоголь зачислен в штат Департамента Уделов на должность писца.

«Н. В. Гоголь-Яновский... поступил на службу в Департамент Уделов 1830 года, апреля 10-го».

Аттестат Гоголя из Департамента Уделов.

«После бесконечных исканий мне удалось наконец сыскать место, очень однако ж незавидное. Но что ж делать, важной протекции я не имел никакой...»

Гоголь — матери. 2 апреля 1830 г. Петербург.

1830 г., май. Разрыв с редакцией журнала «Отечественные записки».

«Литературные мои занятия и участие в журналах я давно оставил...»

Гоголь — матери. 3 июня 1830 г. Петербург.

К этому времени Гоголь отчетливо осознал острую принципиальную борьбу, которую вела «Литературная газета» в лице Дельвига, Пушкина и Вяземского с реакционно настроенными журналами. В этой ситуации молодому начинающему писателю, все симпатии которого были отданы прогрессивной литературе, было невозможно продолжать сотрудничество в «Отечественных записках».

1830 г., май — июнь. Начало работы над «Вечерами на хуторе близ Диканьки».

«Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю

¹ Князь С. С. Гагарин занимал в те годы пост директора театров.

свой обширный труд... Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж как они готовятся не для журнала, то и по-явятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени».

Гоголь — матери. 3 июня 1830 г. Петербург.

1830 г., май — июнь. Занятия Гоголя в Академии Художеств.

«...В 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств, где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, — тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они кроме труда и старания ничего не требуют... В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа...»

Гоголь — матери. 3 июня 1830 г. Петербург.

1830 г., декабрь. Знакомство с В. А. Жуковским и П. А. Плетневым.

«Он (Гоголь) достал от кого-то рекомендательное письмо к В. А. Жуковскому, который сдал молодого человека на руки П. А. Плетневу с просьбою позаботиться о нем».

П. А. Кулиш. «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя».

«...Я часто видал Жуковского, который сказал мне, что уже познакомился с Гоголем...»

В. А. Соллогуб. «Воспоминания».

1831 г., 1—16 января. Вышел № 1 «Литературной газеты». В нем напечатаны произведения Гоголя: 1) Глава «Учитель» из малороссийской повести «Страшный кабан», подписанная «П. Гличик», 2) Статья «Несколько мыслей о преподавании детям географии», подписанная «Г. Янов». А также вышел № 4 «Литературной газеты», в котором была напечатана статья Гоголя «Женщина» и впервые подписано его имя.

«Надобно познакомить тебя с молодым писателем, который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в «Северных цветах» отрывок из исторического романа с подписью 0000, также в «Литературной газете» «Мысли о преподавании географии», статью «Женщина» и главу из малороссийской повести «Учитель». Их писал Гоголь-Яновский... Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение...»

П. А. Плетнев — А. С. Пушкину. 22 февраля 1831 г. Петербург.

1831 г., 9 марта. Гоголь оставил службу в Департаменте Уделов. «...По прошению его, из Департамента Уделов уволен. По служебному его в сем департаменте поведения был отличным и должность свою исправлял с усердием».

Аттестат Гоголя из Департамента Уделов.

«...Я душевно был рад оставить... ничтожную мою службу, ничтожную, я полагаю, для меня, потому что иной, бог знает, за какое благополучие почел бы занять оставленное мною место. Но путь у меня другой, дорога прямее, и в душе более силы идти твердым шагом».

Гоголь — матери. 16 апреля 1831 г. Петербург.

1831 г., 1 апреля. При содействии П. А. Плетнева Гоголь назначен старшим учителем истории в Патриотическом институте благородных девиц.

«...Вместо мучительного сидения по целым утрам, вместо 42-х часов в неделю, я занимаюсь теперь 6...»

Гоголь — матери. 16 апреля 1831 г. Петербург.

«Он тем же превосходит товарищей своих как учитель, чем он выше стал многих, как писатель, т. е. силою воображения, которое под его пером всему сообщает чудную жизнь и увлекательное правдоподобие».

П. А. Плетнев — М. П. Погдину.

1831 г., первая половина. Через П. А. Плетнева Гоголь получил частные уроки в домах П. И. Балабина, Н. М. Лонгинова и А. В. Васильчикова.

1831 г., 20-е числа мая. Гоголь познакомился с Пушкиным.

«Гоголь был представлен Пушкину на вечере у П. А. Плетнева».

П. В. Антенков. «Материалы для биографии Пушкина».

1831 г., лето. Гоголь жил у Васильчиковых в Павловске в качестве домашнего учителя и часто бывал в Царском Селе у Пушкина, Жуковского и А. О. Россет.

«Все лето прожил я в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая. — Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая».

Гоголь — А. С. Данилевскому. 2 ноября 1831 г. Петербург.

«И Пушкин окончил свою сказку! Боже мой, что-то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии...»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 10 сентября 1831 г. Петербург.

В течение лета в Петербурге печатались «Вечера на хуторе близ Диканьки».

«Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фirkать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, очень до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни*».

Гоголь — А. С. Пушкину. 21 августа 1831 г. Петербург.

1831 г., 21—23 июня. Холерный бунт в Петербурге.

«В Петербурге холера... На днях на Сенной был бунт в пользу ее; собралось православного народу тысяч шесть, отперли больницы, кой-кого, сказывают, убили; государь сам явился на место бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай бог, чтобы и без кнута. Тяжелые времена...»

А. С. Пушкин — П. В. Нащокину. 26 июня 1831 г. Царское Село.

1831 г., сентябрь. Выход из печати сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки», изданного под псевдонимом «Пасичник Рудый Панько».

«Сейчас прочел Вечера близ Диканьки. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе...»

А. С. Пушкин. Письмо к издателю «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду».

Сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» своей свежестью, романтичностью, светлым колоритом повествования и образов произвел сильное впечатление на читающую публику, принес Гоголю литературную известность и поставил его в первый ряд русских писателей.

1832 г., 19 февраля. На новоселье у издателя-книгопродавца А. Ф. Смирдина Гоголь впервые встретился с кругом известных петербургских литераторов.

«В прошлую пятницу, 19 февраля, открыл он свою библиотеку празднеством, на которое пригласил многих литераторов... Обеденный стол был накрыт в большой зале библиотеки... Любопытно и забавно было видеть здесь представителей веков минувшего, истекающего и наступающего; видеть журнальных противников, выражающих друг другу чувства уважения и приязни; критиков и раскритикованных, взаимно объясняющихся; страстные уверения, усердные обещания, невинные остроты искрились, как шампанское в бокалах».

«Северная пчела», 1832 г., № 45.

1832 г., начало марта. Выход в свет второй части сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки».

«Читатели наши конечно помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина».

А. С. Пушкин. Заметка. «Вечера на хуторе близ Диканьки».

1832 г., 27—30 июля. Гоголь впервые приехал в Москву, где познакомился с Аксаковыми, поэтом И. И. Дмитриевым, М. С. Щепкиным и М. П. Погодиным.

«В Москве я заболел и остался, и пробыл полторы недели, в чем, впрочем, и не раскаяваюсь. За все я был награжден».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 8 июля 1832 г. Подольск.

«Надобно сказать правду, что, кроме просвещенных любителей литературы во всех слоях общества, молодые люди лучше и скорее оценили Гоголя. Московские студенты все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую славу о новом великом таланте».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1832 г., 2 июля. Гоголь в доме Аксаковых.

«В 1832 году, кажется весной, когда мы жили в доме Слепцова на Сивцевом Вражке, Погодин привез ко мне, в первый раз и совершенно неожиданно, Николая Васильевича Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки» были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими... По субботам постоянно обедали у нас и проводили вечер короткие мои приятели. В один из таких вечеров, в кабинете моем, находившемся в мезонине, играл я в карты, в четверной бостон, а человека три не игравших сидели около стола... Вдруг Погодин, без всякого предуведомления, вошел в комнату с неизвестным мне, очень молодым человеком, подошел прямо ко мне и сказал: «Вот вам Николай Васильевич Гоголь!» Эффект был сильный».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1832 г., между 4 и 7 июля. Знакомство Гоголя с М. Н. Загоскиным. Разговор о комедии и комизме.

«Через несколько дней, в продолжение которых я уже предупредил Загоскина, что Гоголь хочет с ним познакомиться и что я приведу его к нему, явился ко мне довольно рано Николай Васильевич... мы скоро пошли пешком к Загоскину... Дорогой разговор шел о Загоскине. Гоголь хвалил его за веселость, но сказал, что он

не то пишет что следует, особенно для театра. Я легкомысленно возразил, что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично и пусто, что

...даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой,—

но Гоголь посмотрел на меня как-то значительно и сказал, что «это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1832 г., 7 июля. Отъезд Гоголя из Москвы в Васильевку.

«Минувши заставу и оглянувшись на исчезающую Москву, я почувствовал грусть».

Гоголь — И. И. Дмитриеву. 20 июля 1832 г. Васильевка.

1832 г., 20 июля. Гоголь прибыл в Васильевку.

«Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы. Теперь я живу в деревне...»

Гоголь — И. И. Дмитриеву. 20 июля 1832 г. Васильевка.

1832 г., начало октября. Взяв с собой младших сестер Анну и Елизавету, чтобы отдать их учиться в Патриотический институт, Гоголь выехал в Петербург.

«...Собрался было ехать совсем, но сестры мои, которых везу с собою в Патриотический институт, заболели корью и я принужден был дожидаться, пока проклятая корь прошла. Наконец 29 сентября я выехал из дому и, не сделавши 100 верст, переломал так свой экипаж, что принужден был прожить целую неделю в Курске...»

Гоголь — П. А. Плетневу. 9 октября 1832 г. Курск.

1832 г., 18—23 октября. По дороге в Петербург Гоголь вторично остановился в Москве. Бывал у Аксаковых, М. П. Погодина и М. Н. Загоскина. Тогда же состоялось знакомство с Киреевскими, М. А. Максимовичем и О. М. Бодянским.

«Москва так же радушно меня приняла, как и прежде, и умоляет усердно остаться здесь еще на сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому в воскресенье, 23, я думаю непременно выехать...»

Гоголь — матери. 21 октября 1832 г. Москва.

1832 г., 30 октября. Гоголь вместе с сестрами приехал в Петербург.

«В Петербурге брат старался доставить нам всевозможные удовольствия; возил нас по нескольку раз в театр, зверинец и другие места... Квартуру брат переменял при нас два раза, и устраивал решительно все сам... Вечерами у него бывали гости, но мы почти никогда не выходили... Мы прожили таким образом с братом, кажется, с месяц; в это же время он нас сам подготавливал к поступлению в институт».

Е. В. Гоголь-Быкова. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

1832 г., конец ноября. Сестры Гоголя приняты в Патриотический институт.

«Об детях не беспокойтесь. Они уже в институте, покамест ничего не делают, только привыкают».

Гоголь — матери. 13 декабря 1832 г. Петербург.

1832 г., ноябрь — декабрь. Гоголь начал работу над комедией «Владимир третьей степени».

«...у Гоголя вертится на уме комедия...»

П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому. 8 декабря 1832 г.

«...Я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написано на белой толстой тетради: *Владимир 3-ей степени*, и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит. А что из того, когда пьеса не будет играть? Драма живет только на сцене».

Гоголь — М. П. Погодину. 20 февраля 1833 г. Петербург.

Пьеса не была дописана.

«Я не могу утвердительно сказать, почему Гоголь не дописал этой комедии: может быть, он признал ее в полном составе неудобною в цензурном отношении, а может быть, был недоволен ею как взыскательный художник».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

Гоголь написал только два акта комедии «Владимир 3-й степени» и затем оставил над ней работу. К этому писателя привело, с одной стороны, опасение цензуры, с другой — чрезмерно обширный план задуманной пьесы.

«Он слишком много хотел объять в ней...»

П. А. Плетнев — В. А. Жуковскому. 11 марта 1833 г. Петербург.

1833 г., 9 января. «В петербургском Большом театре, в бенефис В. А. Каратыгина, поставлен «Вечер на хуторе близ Диканьки, малороссийская интермедия в одном действии, взятая из повестей того же названия пасечника Рудого Панька, с принадлежащими к ней пением и танцами» — инсценировка повести Гоголя «Ночь перед рождеством».

Из афиши.

1833 г., сентябрь — октябрь. А. С. Пушкин, В. Ф. Одоевский и Н. В. Гоголь задумали издание альманаха. (Не состоялось.)

1833 г., 2 декабря. Гоголь прочел Пушкину свою повесть «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«Вчера Гоголь читал мне сказку «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Тимофеевичем...»¹ (Никифоровичем) — очень оригинально и очень смешно».

А. С. Пушкин. «Дневник». 3 декабря 1833 г.

1833 г., декабрь. Гоголь решил добиваться кафедры всеобщей истории в Киевском университете.

«Я восхищаюсь заранее, когда вообразю, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи... Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую Историю. ...А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.!»

Гоголь — А. С. Пушкину. 23 декабря 1833 г. Петербург.

«Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все чертвые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями!.. Я не могу жить без песен. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько песен, и вместе с тем не знаю».

Гоголь — М. А. Максимовичу. 9 ноября 1833 г. Петербург.

1833 г., конец года. Написана повесть «Старосветские помещики».

«Свежи, прелестны, благоуханны, художественны были рассказы в «Диканьке», но в «Старосветских помещиках», в «Тарасе Бульбе» уже являлся великий художник с глубоким и важным значением».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1834 г., февраль, начало марта. Избрание Гоголя членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

¹ Пушкин ошибся в отчестве.

«...При этом почтеннейшем вашем письме я получил маленькое прибавление... о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова, труды которого, без сомнения, слышны в Лондоне, Париже и во всех городах древнего и нового мира. Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович, и прошу также изъяснить ее благородному сословию».

Гоголь — М. П. Погодину. 13 марта 1834 г. Петербург.

1834 г., апрель. В апрельском номере «Журнала министерства народного образования» напечатан «Отрывок из истории Малороссии» и статья «О малороссийских песнях» Гоголя.

1834 г., 3 мая. В присутствии Пушкина Гоголь прочел свою комедию «Женихи», впоследствии названную «Женитьбой».

«Женитьба» Гоголя — не грубый фарс, а исполненная истины и художественно воспроизведенная картина нравов петербургского общества средней руки».

В. Г. Белинский. Статья «Русский театр в Петербурге».

1834 г., 24 июля. После неудачных хлопот о кафедре в Киеве Гоголь утвержден адъюнкт-профессором Петербургского университета по кафедре всеобщей истории. Но за время своего пребывания в университете вел два курса: курс истории средних веков и курс древней истории.

«...Я скинул с себя лишнюю обузу и отказался от других занятий. Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности, потому что и не имею желания занять и не имею времени».

Гоголь — матери. 1 августа 1834 г. Петербург.

1834 г., первая половина года. Работа Гоголя над историей Украины и сборниками народных украинских песен.

«Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться».

Гоголь — М. П. Погодину. 11 января 1834 г. Петербург.

1834 г., сентябрь. Вступительную лекцию к курсу всеобщей истории на тему «О средних веках» Гоголь прочел на филологическом факультете Петербургского университета.

«Не знаю, прошло ли и пять минут, как уж Гоголь овладел совершенно вниманием слушателей. Невозможно было спокойно следить за его мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории».

Н. И. Иваницкий. «Гоголь — адъюнкт-профессор».

1834 г., октябрь. В присутствии А. С. Пушкина и В. А. Жуковского Гоголь прочел лекцию на тему «Взгляд на историю аравитян».

«...Однажды — это было в октябре — ходим мы по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уже знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в которой аудитории будет читать Гоголь?.. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру, и вдруг, как говорится, ни с того, ни с другого, начал читать взгляд на историю Аравитян. Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая... Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию, и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово: «увлекательно».

Н. И. Иваницкий. «Гоголь — адъюнкт-профессор».

1834—1835, зима. На литературном вечере у В. А. Жуковского Гоголь прочел свою комедию «Женитьба».

«Я помню, что он читал ее однажды у Жуковского в одну из тех пятниц, когда собиралось общество (тогда малочисленное) русских литературных, ученых и артистических знаменитостей. При последних словах: «Но когда жених выскочил в окно, то уже...» он скорчил такую гримасу и так уморительно свистнул, что все слушатели покатались со смеху...»

В. А. Соллогуб. «Первая встреча с Гоголем».

1835 г., январь. Выход в свет сборника «Арабески».

«Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подумать».

Гоголь — М. П. Погодину. 31 января 1835 г. Петербург.

«Посылаю вам два экземпляра Арабесков, которые ко всеобщему изумлению очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. — Мне это очень нужно».

Гоголь — А. С. Пушкину. Около 22 января 1835 г. Петербург.

1835 г., 18 марта. Повесть «Нос», над которой работал с начала года, Гоголь послал в журнал «Московский наблюдатель».

«Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад».

Гоголь — М. П. Погодину. 18 марта 1835 г. Петербург.

1835 г., конец марта. Редакция журнала «Московский наблюдатель» не приняла повести Гоголя «Нос».

«Московский наблюдатель» «...отказался принять в себя повесть Гоголя «Нос», по причине ее пошлости и тривиальности...»

В. Г. Белинский. «Литературные и журнальные заметки».

1835 г., март. Выход в свет сборника «Миргород», в котором была напечатана и повесть «Тарас Бульба».

«Посылаю тебе Миргород».

Гоголь — М. А. Максимовичу. 22 марта 1835 г. Петербург.

«Пушкин хвалил Нащокину «Тараса Бульбу». О сей пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степи внушил Пушкину какой-то знакомый... очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в «Бульбу» описание степи».

П. И. Баргенов со слов П. В. Нащокина. «Рассказы о Пушкине».

1835 г., начало мая. По дороге в Васильевку Гоголь на несколько дней остановился в Москве.

«Из Москвы никак не мог писать: был страшно захлопотан и при всем том многих не видел».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 24 мая 1835 г. Васильевка.

1835 г., 4 мая. Читал у М. П. Погодина свою комедию «Женихи», позднее переименованную в «Женитьбу».

«Погодин... назвал столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита битком... Гоголь до того мастерски читал, или, лучше сказать, играл свою пьесу, что многие понимающие это дело люди до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно господина Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1835 г., конец мая. Гоголь в Васильевке.

«Сижу дома на перекуты около недели уже, не зная, куда лучше ехать — на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 24 мая 1835 г. Полтава.

1835 г., июнь. Июнь Гоголь провел в Крыму и вернулся оттуда в Васильевку.

«Все почти мною изведено и узвано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и

на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 15 июля 1835 г. Васильевка.

«Теперь я живу в предковской деревне и через три недели еду опять в Петербург...»

Гоголь — М. А. Максимовичу. 20 июля 1835 г. Полтава.

1835 г., август. Поездка Гоголя в Киев к М. А. Максимовичу вместе с А. С. Данилевским.

«Гоголь исполнил обещание, данное земляку и другу [Максимовичу М. А.— *Ред.*] в письме от 20 июля 1835 года. Он посетил его в Киеве, на пути в столицу, и прожил у него около пяти суток. ...Максимович занимал тогда квартиру в доме Катеринича, на Печерке. Отсюда Гоголь отправлялся в разные прогулки по Киеву и его окрестностям...»

П. А. Кулиш. «Опыт биографии Гоголя».

1835 г., вторая половина августа. Возвращаясь вместе с А. С. Данилевским в Петербург, Гоголь остановился в Москве. Читал комедию «Женитьба» у И. И. Дмитриева.

«На вечере у Дмитриева собралось человек 25 московских литераторов, артистов и любителей... Гостеприимный хозяин и все просили Гоголя прочесть «Женитьбу». Гоголь сел и начал читать. По одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такой неподражаемой интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели приходили в восторг... Кончил Гоголь и свистнул... Восторженный Щепкин сказал так: «подобного комика не видал и не увижу!»

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя».

1835 г., 1 сентября. Гоголь возвратился в Петербург. В тот же день в № 7 журнала «Телескоп» появилось начало статьи В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя».

«Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность, и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключена в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной».

В. Г. Белинский. «О русской повести и повестях г. Гоголя».

1835 г., октябрь. Начало работы над поэмой «Мертвые души». «Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон... Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь».

Гоголь — А. С. Пушкину. 7 октября 1835 г. Петербург.

Пушкин «...отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ».

«Пушкин находил, что сюжет «Мертвых душ» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Гоголь. «Авторская исповедь».

1835 г., 7 октября. Гоголь просит у Пушкина сюжет для комедии.

«Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов и, клянусь, будет смешнее черта».

Гоголь — А. С. Пушкину. 7 октября 1835 г. Петербург.

Пушкин отдал Гоголю сюжет, который живо интересовал его самого. Сохранилась запись Пушкина:

«Крестин (Свиньин) приезжает в губернию на ярмонку, его принимают за... Губернатор честный дурак. Губернаторша с ним кокетничает. Крестин сватается за дочь».

1835 г., ноябрь — декабрь. Напряженная работа Гоголя над комедией «Ревизор».

«Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр... [«Ревизор» — *Ред.*]... Скажи... милому Щепкину, что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет...»

Гоголь — М. П. Погодину. 6 декабря 1835 г. Петербург.

1835 г., 31 декабря. Гоголь уволен от должности адъюнкта по случаю преобразования Петербургского университета.

«Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузванный я взшел на кафедру и неузванный схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души».

Гоголь — М. П. Погодину. 6 декабря 1835 г. Петербург.

1836 г., 18 января. В одну из «суббот» В. А. Жуковского Гоголь прочел свою комедию «Ревизор».

«Вчера Гоголь читал нам новую комедию «Ревизор»: петербургский департаментский шалопай, который заезжает в уездный город и не имеет чем выехать в то самое время, когда городничий ожидает из Петербурга ревизора... Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистощимая веселость...»

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 19 января 1836 г. Петербург.

«В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем».

Гоголь. «Авторская исповедь».

1836 г., февраль — март. Гоголь был занят постановкой в петербургском Александринском театре своей комедии «Ревизор».

«Я теперь занят постановкою комедии. Не посылаю тебе экземпляра потому, что беспрестанно переправляю».

Гоголь — М. П. Погодину. 21 февраля 1836 г. Петербург.

Когда ставили «Ревизора», «...все участвующие артисты как-то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголем в пьесе, новы для них, и что эту пьесу нельзя так играть, как они привыкли разыгрывать на сцене свои роли в переделанных на русские нравы французских водевилях».

А. Я. Панаева. «Воспоминания».

1836 г., 2 марта. Получено разрешение III отделения на представление комедии Гоголя «Ревизор».

«Гоголю большого труда стоило добиться до представления своей пьесы. При чтении ее цензура перепугалась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое решение в высшую инстанцию. Он так и сделал. Жуковский, кн. Вяземский, гр. Вельгорский решились ходатайствовать за Гоголя, и усилия их увенчались успехом. «Ревизор» был вытребован в Зимний дворец... и по окончании чтения последовало высочайшее разрешение играть комедию».

А. Вольф. «Хроника петербургских театров».

1836 г., 4 апреля. На литературном вечере у В. А. Жуковского Гоголь прочел повесть «Нос».

«В последнюю субботу читал он нам повесть об носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского асессора и очутился после в Казанском соборе в мундире Министерства Просвещения. Уморительно смешно! Много настоящего *humour*».

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. 9 апреля 1836 г. Петербург.

1836 г., 11 апреля. Выход в свет первого тома журнала «Современник», в котором была напечатана повесть Гоголя «Коляска».

«Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску», в ней альманах далеко может уехать, но мое мнение — даром «Коляски» не брать, повысить ей цену: Гоголю нужны деньги».

А. С. Пушкин — П. А. Плетневу. Петербург.

1836 г., 19 апреля. Первое представление комедии «Ревизор» в Петербургском Александринском театре.

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 19 апреля, под рубрикой «Зрелища», было напечатано:

«Сегодня, 19-го апреля, на Александринском театре в первый раз «Ревизор», оригинальная комедия в 5 действиях. Сочинение Н. Гоголя... Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество...»

«Русская старина». 1879

«Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня... Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия».

Гоголь — М. С. Щепкину. 29 апреля 1836 г. Петербург.

В героях комедии многие из зрителей узнавали самих себя, свои действия, свои пороки, отчего пьеса подверглась резкой критике.

1836 г., апрель. Выход в свет из печати комедии Гоголя «Ревизор».

«По окончании спектакля [премьеры «Ревизора» в Александринском театре 19 апреля.— *Ред.*] Гоголь явился к Н. Я. Прокоповичу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднести ему экземпляр «Ревизора», только что вышедший из печати, со словами: «Полюбуйтесь на сынку». Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: «Господи боже! Ну, если бы один, два ругали, ну, и бог с ними, а то все, все...»

П. В. Анненков. «Литературные воспоминания»

1836 г., апрель (конец). Появление в Москве комедии Гоголя «Ревизор».

«Наконец показалось и в нашем добром городе Москве двадцать пять экземпляров желанного «Ревизора», и они расхvatаны, перекуплены, перечитаны, зачитаны, выучены, превращены в пословицы и пошли гулять по людям, обернулись эпиграммами и начали клеймить тех, к кому придутся. Имена действующих лиц «Ревизора» обратились на другой день в собственные названия: Хлестаковы, Анны Андреевны, Марии Антоновны, городничие, Земляники, Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Чацким, Простаковыми...»

«Молва», 1836 г., № 9.

1836 г., 25 мая. Первое представление комедии «Ревизор» в московском Малом театре.

«...Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидал гораздо большего приема. Это меня чрезвычайно изумило; один знакомый забавно объяснил мне эту причину: «Помилуй,— говорит,— как можно было ее лучше принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей?*»

М. С. Щепкин. «Записки»

1836 г., май. Закончена черновая редакция «Петербургских записок 1836 г.» и черновая редакция комедии «Игроки».

1836 г., первые числа июня. Гоголь читал свою комедию «Женитьба» в доме Вяземских.

«На днях мы провели вечер у Вяземских; у них, по случаю дня рождения Поля, Гоголь читал свою комедию — «Женитьба», мы смеялись до слез, так как он читает чудесно».

С. Н. Карамзина — брату Андрею в Париж. Петербург.

1836 г., 6 июня. Восприняв шумную критику вокруг «Ревизора» как провал своего произведения, Гоголь, в сопровождении А. С. Давилевского, морским путем выехал из Петербурга в Германию.

«Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку нет славы в отчизне».

Гоголь — М. С. Щепкину. 10 мая 1836 г. Петербург.

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

ТЕПЕРЬ ПЕРЕДО МНОЮ ЧУЖБИНА,
ВОКРУГ МЕНЯ ЧУЖБИНА, НО В
СЕРДЦЕ МОЕМ РУСЬ... ОДНА ТОЛЬКО
ПРЕКРАСНАЯ РУСЬ.

Гоголь

1836 г., 28 июня. Гоголь в Гамбурге.

«После довольно продолжительного и утомительного путешествия морем, наконец, отдыхаю я на несколько времени в Гамбурге».

Гоголь — матери. 29 июня 1836 г. Гамбург.

1836 г., вторая половина июля. Из Аахена Гоголь двое суток плыл по Рейну до Майнца. Оттуда дилижансом отправился во Франкфурт-на-Майне.

«...Путешествие по Рейну осталось несколько в моей памяти. Река Рейн — очень замечательная вещь в Германии. Она уставлена с обеих сторон горами и усыпана городами. Два дня шел пароход наш, и беспрестанные виды наконец надоели мне. Глаза устают совершенно, как в панораме или в картине. Перед окнами вашей каюты один за другим проходят города, утесы, горы и старые рыцарские развалившиеся замки. Очень многие из них картинны и до сих пор еще прекрасны... В Майнце, большом и старинном городе, вышел я на берег, не остановился ни минуты, хотя город очень стоил того, чтобы посмотреть его, и сел в дилижанс до Франкфурта».

Гоголь — матери. 26 июля 1836 г. Франкфурт-на-Майне.

1836 г., 26 июля. Из Франкфурта Гоголь приехал в Баден-Баден, где провел три недели. Встречался с Репниными и Балабиными. Читал им «Ревизора».

«В первый раз я его увидела в Баден-Бадене... Гоголь читал нам «Ревизора». Я не бываю в театре, но могу сказать, что я присутствовала на представлении «Ревизора»: потому что Гоголь представил всех действующих лиц, переменяя голос, разнообразя мику каждого лица. Он читал изумительно хорошо...»

В. Н. Репнина. «Воспоминания».

1836 г., с августа по ноябрь Гоголь — в Швейцарии.

«...Осень в Веве наконец настала прекрасная, почти лето. У меня в комнате сделалось тепло, и я принялся за Мертвых душ, которых было начал в Петербурге. Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись... Если совершу это творенье так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь вядится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 12 ноября 1836 г. Париж.

1836 г., 27 сентября. Гоголь посетил Ферней.

«Сегодня поутру посетил я старика Вольтера.

Был в Фернее. Старик¹ хорошо жил. К нему идет длинная, прекрасная аллея, в три ряда каштаны. Дом в два этажа из серенького камня, еще довольно крепок. Я вошел в его зал, где он обедал и принимал; все в том же порядке, те же картины висят. Из залы дверь в его спальню, которая была вместе и кабинетом его. На сте-

¹ В Фернее жил знаменитый французский писатель-философ Вольтер.

не портреты всех его приятелей Дидеро, Фридриха, Екатерины. Постель перестланная, одеяло старинное кисейное, едва держится, и мне так и представлялось, что вот-вот отворятся двери, и войдет старик в знакомом парике... и спросит: что вам угодно?»

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 27 сентября 1836 г. Женева.

1836 г., ноябрь — декабрь. Гоголь — в Париже. Встречался с Адамом Мицкевичем. Увлеченно занимался поэмой.

«...Мертвые текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною всё наше, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 12 ноября 1836 г. Париж.

1837 г., февраль. Известие о гибели А. С. Пушкина привело Гоголя в отчаяние.

«Моя утрата всех больше. Ты скорбишь как русской, как писатель, я... и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета. Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нет впереди! что труд мой? Что теперь жизнь моя?»

Гоголь — М. П. Погодину. 30 марта 1837 г. Париж.

1837 г., конец марта — начало июня. Гоголь — в Риме. Встречался с Балабинными, Репнинными, кн. З. А. Волконской, художником А. А. Ивановым. Все так же напряженно работал над поэмой «Мертвые души».

«Я должен продолжать мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 18 апреля 1837 г. Рим.

1837 г., с середины июня до начала сентября. Гоголь — на водах в Германии.

1837 г., первая половина сентября. Приехал в Женеву.

1837 г., вторая половина октября — первая половина ноября. Гоголь — в Риме, усиленно работает над поэмой «Мертвые души».

1837 г., ноябрь. Поездка в Милан.

1837 г., 22 декабря. Возвращение в Рим.

«Я соскучил страшно без Рима. Там только я был совершенно спокоен, здоров и мог предаваться моим занятиям».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 19 сентября 1837 г. Женевы.

1838 г., первое полугодие. Гоголь в Риме. Увлечен работой над поэмой «Мертвые души».

1838 г., июль — вторая половина октября. Путешествие по Италии.

«Я путешествие совершил счастливо. Приезд мой был очень кстати. Здоровье мое было хорошо во всё время дороги... Более недели я не остаюсь в Париже».

Гоголь — В. Н. Реппиной. 20 сентября 1838 г. Париж.

1838 г., вторая половина октября. Возвращение в Рим.

1838 г., 19 декабря. В Рим приехал В. А. Жуковский. Гоголь знакомил его с достопримечательностями города.

«Я же так теперь счастлив приездом Жуковского, что это одно наполняет меня всего. Свидание наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было: Пушкин. Поныне чело его облекается грустью при мысли об этой утрате. Мы почти весь день вместе обсматривали Рим с утра до ночи...»

Гоголь — В. Н. Реппиной. 18 января 1839 г. Рим.

1839 г., 17 февраля. Отъезд В. А. Жуковского из Рима.

«Если бы вы остались здесь еще неделю».

Гоголь — В. А. Жуковскому. Февраль 1839 г. Рим.

1839 г., 8 марта. В Рим приехал М. П. Погодин с женой и поселился в одном доме с Гоголем, который показывал им город.

«Он выбирал время, час, погоду, — светит ли солнце или пасмурно на дворе, и множество других обстоятельств, чтоб показать нынче то, а не это, а завтра наоборот».

М. П. Погодин. «Отрывки из записок».

1839 г., 25 марта. Гоголь вместе с М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым посетил мастерскую художника Александра Иванова.

«Гоголь повел нас в студию художника Иванова».

М. П. Погодин. «Дневник», 25 марта 1839 г.

1839 г., 30 июня. По дороге в Мариенбад Гоголь был проездом в Вене и Ганау, где впервые встретился с поэтом Н. М. Языковым.

«Гоголь вчера был у нас проездом в Мариенбад. С ним весело! Он мне очень понравился...»

Н. М. Языков в письме из Ганау. 1 июля 1839 г.

1839 г., первая половина сентября. Гоголь в Вене, работает над задуманной им драмой из истории Запорожья.

«Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества... Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навели их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 25 августа 1839 г. Вена.

1839 г., 22 сентября. Гоголь вместе с Погодиным выехал в Россию.

МОСКВА

МОСКВА — МОЯ РОДИНА...

Гоголь

1839 г., 26 сентября. Гоголь, вместе с М. П. Погодиным, приехал в Москву и остановился у него в доме на Девичьем поле.

«...29 сентября вдруг получаю я следующую записку от Михаила Семеновича Щепкина: «Почтеннейший Сергей Тимофеевич. Спешу уведомить вас, что М. П. Погодин приехал, и не один, ожидания наши исполнились: с ним приехал Гоголь».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

Гоголю «...обрадовались в Москве без памяти...»

М. П. Погодин — С. П. Шевыреву. 10 октября 1839 г. Москва,

1839 г., конец сентября. Гоголь провел три дня у М. С. Щепкина в Волынском.

«Однажды приехал Гоголь к Михаилу Семеновичу на дачу. Щепкин жил с семьей в то время на даче под Москвой, в Волынском».

М. А. Щепкин. «Из воспоминаний о М. С. Щепкине».

1839 г., 2 октября. Гоголь с М. С. Щепкиным у Аксаковых.

«...2 октября он [то есть Гоголь. — *Ред.*] приехал к нам обедать вместе с Щепкиным, когда мы уже сидели за столом, совсем его не ожидая. С искренними, радостными восклицаниями встретили его все, и он сам казался воротившимся к близким и давнишним друзьям... Я был восхищен до глубины сердца и в то же время удивлен. Казалось, как бы могло пятилетнее отсутствие, без письменных сношений, так сблизить нас с Гоголем? По чувствам нашим мы, конечно, имели полное право на его дружбу...»

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1839 г., начало октября. В доме Елагиных Гоголь читал В. А. Жуковскому свои произведения.

1839 г., 14 октября. Гоголь читал у Аксаковых комедию «Тяжба» и первую главу поэмы «Мертвые души».

«...Гоголь читал у нас начало комедии «Тяжба» и большую главу из романа. И то, и другое — чудные создания!.. он так читает или, лучше, играет, как никто! Лучшие актеры, мне известные, перед ним ученики в театральном искусстве».

С. Т. Аксаков — сыновьям. 15 октября 1839 г. Москва.

1839 г., 17 октября. Гоголь впервые в Москве смотрел в Большом театре «Ревизора». Избегая оваций, после второго акта уехал к Чертковым.

«Большой московский театр... Был в этот раз полон. Все московские литературные и другие знаменитости были здесь в полном сборе...»

И. И. Панаев. «Литературные воспоминания».

1839 г., 26 октября. Гоголь, вместе с С. Т. Аксаковым, его дочерью Верой и сыном Мишей, выехал в Петербург, чтобы взять из института сестер Анну и Елизавету.

«...Мы выехали в четверг после обеда 26-го октября (1839 г.). Я взял особый дилижанс, разделенный на два купе: в переднем

сидел Миша и Гоголь; в заднем — я с Верой... Это путешествие было для меня и для детей моих так приятно, так весело, что я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1839 г., 30 октября. Гоголь с Аксаковыми приехали в Петербург. Гоголь остановился у Плетнева.

«30 октября в восемь часов вечера приехали мы в Петербург. Не доезжая до Владимирской... Гоголь вышел из дилижанса, захватил свой мешок и простился с нами».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1839 г., 1 ноября. Гоголь в гостях у В. А. Жуковского в Царском Селе.

1839 г., 14—15 ноября. От П. А. Плетнева Гоголь переехал на квартиру В. А. Жуковского.

«...Был у Гоголя. Он только что переехал к Жуковскому...»

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1839 г., 17 ноября. Гоголь вместе с С. Т. и В. С. Аксаковыми навестил сестер в Институте.

«Гоголь был нежный брат; он боялся, что сестры его произведут на нас невыгодное впечатление; он во всю дорогу приготавливал нас, рассказывая об их неловкости и застенчивости и неумении говорить. Мы нашли их точно такими, как ожидали, то есть совершенными монастырками».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1839 г., ноябрь — первая половина декабря. В доме Н. Я. Прокоповича, для его друзей, Гоголь прочел четыре первых главы поэмы «Мертвые души».

1839 г., ноябрь — первая половина декабря. Гоголь дважды виделся с Белинским.

«Гоголя видел два раза, во второй раз обедал с ним у Одоевского. Хандрит, да есть от чего, и все с иронической улыбкой спрашивает меня, как мне понравился Петербург».

В. Г. Белинский — В. П. Боткину. 22 ноября 1839 г. Петербург.

1839 г., 17 декабря. Вместе с окончившими институт сестрами Анной и Елизаветой и Аксаковыми Гоголь выехал из Петербурга в Москву.

«Я взял два особых дилижанса: один четвероместный, называющийся фамильным, в котором села Вера, две сестры Гоголя и я; другой двухместный, в котором сидели Гоголь и Федор Иванович Васьков».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1839 г., 21 декабря. Приехав в Москву, Гоголь вместе с сестрами поселился у М. П. Погодина на Девичьем поле.

«Мы живем у Погодина, наверху. У нас одна комната с Анной и братец как раз прямо пред нами».

Е. В. Гоголь — матери. Около 25 декабря 1839 г. Москва.

1839 г., 23 декабря. Гоголь читал в доме Аксаковых три первых главы поэмы «Мертвые души».

1839 г., конец декабря. Кроме Аксаковых и Чертковых, Гоголь в это время бывал у А. П. Елагиной, Д. Н. Свербеева, А. С. Хомякова. Тогда же встречался с П. А. Вяземским и А. И. Тургеневым.

1840 г., январь. Встречи Гоголя с композитором А. Н. Верстовским, пожелавшим написать оперу на сюжет Гоголя «Страшная месть».

1840 г., 4 февраля. Гоголь прочел у Аксаковых начало повести «Анунциата» (впоследствии напечатанная под названием «Рим»).

«...Прелесть, очарование».

С. Т. Аксаков — сыновьям. 5 февраля 1840 г.

1840 г., середина февраля. Знакомство с профессором Московского университета Тимофеем Николаевичем Грановским.

«Гоголь здесь давно; я его вижу два раза в неделю; он был у меня...»

Т. Н. Грановский — Н. В. Станкевичу. Начало 1840 г. Москва.

1840 г., 19 февраля. Гоголь в присутствии Т. Н. Грановского читал свою повесть «Анунциата» у Киреевских.

«Вчера была среда и чтение у Киреевских... главное украшение вечера был отрывок из романа, еще не конченного, читанный Гоголем. Чудо. Действие происходит в Риме. Это одно из лучших произведений Гоголя».

Т. Н. Грановский — Н. В. Станкевичу. 20 февраля 1840 г. Москва.

1840 г., 6 марта. Гоголь читал у Аксаковых четвертую главу поэмы «Мертвые души».

1840 г., 8 марта. Гоголь читал у Аксаковых комедию «Тяжба».

«Восьмого марта, при многих гостях, совершенно неожиданно для нас, объявил Гоголь, что хочет читать. Разумеется, все пришли в восхищение от такого известия, и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул и, опустив бумагу, сказал, как он объелся грибов. Это было начало комической сцены, которую он нам и прочел. Он начал чтение до такой степени натурально, что ни один из присутствующих не догадался, что слышит сочинение».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1840 г., апрель. В Москву приехала Мария Ивановна Гоголь с младшей дочерью Ольгой.

«Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с легким оттенком самого кроткого юмора.

Натурально, Мария Ивановна жила вместе со своими дочерьми также у Погодина».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1840 г., март — начало апреля. В одну из «суббот» Гоголь читал у Аксаковых пятую главу поэмы «Мертвые души».

1840 г., 17 апреля. Гоголь читал у Аксаковых шестую главу поэмы «Мертвые души».

«...Тоже в субботу, он прочел нам... в маленьком моем кабинете, шестую главу, в которой создание Плюшкина привело меня и всех нас в великий восторг».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1840 г., 27 апреля. Оставив в Москве дочь Елизавету, М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Ольгой уехала в Васильевку.

«Мы с братом проводили их до конторы дилижансов. Возвращаясь к Погодиным в нашу большую, теперь опустевшую комнату, мне стало еще грустнее...»

Е. В. Гоголь-Быкова. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

1840 г., 9 мая. Праздничный обед в день именин Гоголя в Погодинском саду. Присутствовали: К. С. Аксаков, Е. А. Баратынский, М. Ю. Лермонтов, П. А. Вяземский, М. А. Дмитриев, М. Ф. Орлов, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, М. С. Щепкин, профессора А. О. Армфельд и П. Г. Редкин.

«Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы «Мцыри», и читал, говорят, прекрасно».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1840 г., 10 мая. Гоголь был на вечере у Свербеевых, где еще раз встретился с М. Ю. Лермонтовым.

«Вечер у Сверб(еевой)... Лермонтов и Гоголь до 2 часов».

А. И. Тургенев. «Дневник». 10 мая 1840 г.

1840 г., 18 мая. Гоголь, вместе с В. А. Пановым, выехал за границу. До Перхушкова его провожали С. Т. и К. С. Аксаковы, М. С. Щепкин с сыном Дмитрием и М. П. Погодин.

«На другой день, 18-го числа, после завтрака, в 12 часов, Гоголь, простившись очень дружески и нежно с нами... сел с Пановым в тарантас, я с Константином и Щепкин с сыном Дмитрием поместились в коляске, а Погодин с зятем своим... — на дрожках, и выехали из Москвы...»

...На Поклонной горе мы вышли все из экипажа, полюбовались на Москву, Гоголь и Панов, уезжая на чужбину, простились с ней и низко поклонились. Я, Гоголь, Погодин и Щепкин сели в коляску, а молодежь поместилась в тарантасе и на дрожках. Так доехали мы до Перхушкова, то есть до первой станции. Дорогой был Гоголь весел и разговорчив. Он повторил свое обещание... что через год воротится в Москву и привезет первый том «Мертвых душ», совершенно готовый для печати... В Перхушкове мы обедали... после обеда мы сели, по русскому обычаю... Гоголь прощался с нами нежно, особенно со мной и Константином, был очень растроган, но не хотел этого показать. Он сел в тарантас с нашим добрым Пановым, и мы стояли на улице до тех пор, пока экипаж не пропал из глаз».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

ОПЯТЬ НА ЧУЖБИНЕ

ГЛАЗА МОИ ВСЕГО ЧАЩЕ СМОТРЯТ
ТОЛЬКО В РОССИЮ И НЕТ МЕРЫ
ЛЮБВИ МОЕЙ К НЕЙ...

Гоголь

1840 г., 18 июня. Гоголь приехал в Вену, где прожил до конца августа. Посещал театр, окрестности Вены. Потом тяжело заболел. За ним ухаживал Н. П. Боткин.

«Вена приняла меня царским образом! Только теперь всего два дня, прекратилась опера чудная, невиданная. В продолжении целых двух недель первые певцы Италии мощно возмущали, двигали и производили благодетельные потрясения в моих чувствах».

Гоголь — С. Т. Аксакову. 7 июля 1840 г. Вена.

1840 г., июль—август. Из Венеции Гоголь переслал М. С. Щепкину исправленный им перевод комедии Джованини «Дядька в затруднительном положении».

«Ну, Михаил Семенович, любезнейший моему сердцу!.. комедия готова. В несколько дней русские наши художники перевели. И как я поступил добросовестно! всю от начала до конца выправил, перемарал и переписал собственной рукою. В афишке вы должны выставить два заглавия: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчас после фамилии автора: «первого итальянского комика нашего времени».

Гоголь — М. С. Щепкину. 10 августа 1840 г. Вена.

1840 г., 25 сентября. Вместе с В. А. Пановым и Н. П. Боткиным Гоголь приехал в Рим и поселился на прежней квартире.

«Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие... О, как бы мне в это время хотелось сделать какую-нибудь дальнюю дорогу. Я чувствовал, я знал и знаю, что я бы восстановлен был тогда совершенно... Но мне всего дороги до Рима было три дня только».

Гоголь — М. П. Погодину. 17 октября 1840 г. Рим.

1840 г., октябрь, ноябрь, декабрь. Напряженная работа над поэмой «Мертвые души».

«Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко. О! какая была это радость, если бы ты знал! Сюжет, который в последнее время лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною в величии таком, что всё во мне почувствовало сладкий трепет. И я, позабывши всё, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу...»

Гоголь — М. П. Погодину. 17 октября 1840 г. Рим.

«Я теперь готовлю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе...»

Гоголь — С. Т. Аксакову. 28 декабря 1840 г. Рим.

1841 г., 7 января. Гоголь получил извещение об избрании его членом-корреспондентом Общества поощрения художеств.

«Милостивый государь Василий Иванович.

Я давно уже слышал об избрании меня в члены-корреспонденты общества поощрения художеств... обращаюсь с убедительнейшею просьбой к вам: передать обществу мою искреннейшую благодарность за внимание, мне оказанное, а вместе с тем и сожаление, видя невозможность участвовать в его похвальных занятиях по трем

важным причинам. Во-первых, по причине, что предмет занятий для меня чужд... во-вторых, по причине совершенного расстройтва моего здоровья... и, в-третьих, по причине моего отъезда из Рима — обстоятельство, разрушающее само собою значение корреспондента. И потому прошу вас изгладить мое имя, попавшее незаконно в ряды почтенных поощрителей».

Гоголь — В. И. Григоровичу. 7 января 1841 г. Рим.

1841 г., 28 апреля. Приезд в Рим П. В. Анненкова, который поселился на одной квартире с Гоголем.

«В последнем этаже дома, в просторной передней я наткнулся на сухого краснощекого старичка, почтенного владельца этажа г. Челли, с которым так дружно жил впоследствии, и спросил его о квартире Гоголя. Старичок объявил, что Гоголя нет дома, что он уехал за город, никому неизвестно, когда будет назад... Видно было, что почтенный старичок выговаривал затверженный урок, который ему крепко-накрепко был внушен Гоголем, боявшимся посетителей, как огня. Но покуда я старался убедить его в своих правах на свидание с его жильцом, дверь прямо перед нами отворилась, и из нее высунулась голова самого Гоголя. Он шутивно сказал старичку: «Разве вы не знаете, что это Жюль¹ из Петербурга? Его надо впустить. Здравствуйте. Что же вы не приезжали к карнавалу?» — прибавил он по-русски, вводя меня в свою комнату и затворяя двери».

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г.».

1841 г., 30 апреля. Гоголь показывает П. В. Анненкову Рим.

«Мы... весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинные галереи, где Гоголь почти всегда погружался в немое созерцание, редко прерываемое отрывистым замечанием. Только уже по прошествии некоторого времени развязывался у него язык и можно было услышать его суждение о виденных предметах...»

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г.».

1841 г., вторая половина августа — первая половина сентября. Гоголь во Франкфурте-на-Майне, куда приехал для свидания с В. А. Жуковским.

«Когда Жуковский жил во Франкфурте-на-Майне, Гоголь прогостил у него довольно долго».

П. А. Кулиш. «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя».

1841 г. вторая половина сентября. Гоголь в Ганау, в обществе поэта Н. М. Языкова и его брата Петра Михайловича.

«Мне пришлось еще зиму просидеть в Ганау. Брат Петр Михайлович... отправился отсюда в Дрезден, а потом и далее в Пи-

¹ Жюль — прозвище П. В. Анненкова.

тер и на Русь, вместе с Гоголем, который провел с нами целый месяц... Гоголь сошелся с нами... Он, кажется, написал много нового и едет издавать оное. Он премилый...»

Н. М. Языков — сестре. 19 сентября 1841 г. Ганау.

1841 г., 27 сентября. Вместе с Петром Михайловичем Языковым Гоголь выехал из Дрездена в Россию.

«Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно».

Гоголь — С. Т. Аксакову. 28 декабря 1840 г. Рим.

ОПЯТЬ МОСКВА

...ДЛЯ МЕНЯ ВСЕ, ДО ПОСЛЕДНИХ МЕЛОЧЕЙ, ЧТО НИ ДЕЛАЕТСЯ НА РУСИ, ТЕПЕРЬ СТАЛО НЕОБЫКНОВЕННО ДОРОГО И БЛИЗКО.

Гоголь.

1841 г., первая половина октября. Гоголь из-за границы приехал в Петербург.

«Воскресение 12 октября 1841 г.— У меня обедал Гоголь».

П. А. Плетнев — Я. К. Гроту. 14 октября 1841 г.

1841 г., 17 октября. Приехав в Москву, Гоголь остановился в доме М. П. Погодина. Продолжал работу над поэмой «Мертвые души» и второй редакцией повести «Тарас Бульба».

«Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожки, ни души — словом рай».

Гоголь — Н. М. Языкову. 23 октября 1841 г. Москва.

1841 г., 18 октября. Гоголь у Аксаковых.

«...Последовала новая, сильная перемена в Гоголе, не в отношении к наружности, а в отношении к его нраву и свойствам; впрочем, и по наружности он стал худ, бледен... Иногда, очевидно без намерения, слышался юмор и природный его комизм; но смех слушателей, прежде не противный ему или не замечаемый им, в настоящее время сейчас заставлял его переменить тон разговора».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1841 г., 7 декабря. Гоголь представил цензору И. М. Снегиреву рукопись первого тома поэмы «Мертвые души».

«Как только, занимавший место президента, Голохвастов услышал название: Мертвые души, закричал голосом древнего римлянина:— Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертия».

Гоголь — П. А. Плетневу. 7 января 1842 г. Москва.

1842 г., 1—7 января. Свидание Гоголя с В. Г. Белинским, которому он передал рукопись первого тома поэмы «Мертвые души» и поручил хлопоты в петербургской цензуре.

«Белинский сейчас едет. Времени нет мне перевести дух, я очень болен и в силу двигаюсь. Рукопись моя запрещена. Прodelка и причина запрещения всё смех и комедия. Но у меня вырывают мое последнее имущество. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись государю. Ее вручат тебе при сем письме».

Гоголь — В. Ф. Одоевскому. Между 1 и 7 января 1842 г. Москва.

1842 г., начало февраля. У Аксаковых Гоголь прочел повесть «Рим». Через несколько дней повторил чтение на литературном вечере у генерал-губернатора Москвы Д. В. Голицына.

«...Когда к концу пьесы дело дошло до комических разговоров итальянских женщин между собою и с своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло в неописанный восторг, который и остался надолго в благодарной памяти слушателей».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1842 г., февраль. Знакомство Гоголя с Н. П. Огаревым, вероятно, в доме Т. Н. Грановского.

«...Стремлюсь с ним познакомиться...»

Н. П. Огарев — в письме к А. И. Герцену.

1842 г., конец февраля — начало марта. Гоголь закончил новую редакцию повести «Портрет».

1842 г., 9 марта. Цензурное разрешение первого тома поэмы «Мертвые души» (за исключением «Повести о капитане Копейкине»).

«Я получил ваше уведомление о том, что рукопись пропускается».

Гоголь — П. А. Плетневу. 17 февраля 1842 г. Москва.

1842 г., 5 апреля. Из петербургской цензуры возвращена рукопись «Мертвых душ» с запрещением главы о капитане Копейкине.

«Рукопись получена 5 апреля... Выбросили у меня целый эпи-

зод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они. Я решился не отдавать его никак. Переделал его теперь так, что уж никакая цензура не может придраться».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 9 апреля 1842 г. Москва.

1842 г., 1 мая. Гоголь на гулянье в Сокольниках.

«...Вдруг приехала карета четверкой в ряд, которую из Сокольников прислала Екатерина Александровна Свербеева и приказала убедительно просить Гоголя к ним в палатку».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1842 г., 9 мая. Утром, в день именин Гоголя, для свидания с ним приехала М. И. Гоголь с дочерью Анной.

«9 мая сделал Гоголь такой же обед для своих друзей в саду у Погодина, как и в 1840 году. Погода стояла прекрасная; я был здоров, а потому присутствовал вместе со всеми на этом обеде. На нем были профессора: Григорьев, ...Армафельд, Редкин и Грановский. Был Степан Васильевич Перфильев (особый почитатель Гоголя), Свербеев, Хомяков, Киреевские, Елагины, Нащокин... Загоскин, Павлов, Самарин, Константин, Гриша и многие другие из общих наших знакомых».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1842 г., 11—15 мая. Гоголь получил цензурное разрешение на новый вариант текста «Повести о капитане Копейкине».

«Комитет определил: эпизод сей дозволить к напечатанию в таком виде, как он изложен автором».

Постановление Петербургского цензурного комитета.

1842 г., около 18 мая. Вышел из печати первый том поэмы «Мертвые души».

«...Творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстно, нервистою, кровною любовью к плодovitому зерну русской жизни...»

В. Г. Белинский «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

«Мертвые души» ...потрясли всю Россию».

А. И. Герцен. «Дневник». 10 апреля 1843 г.

«Сегодня я читал какую-то статью о «Мертвых душах» в «Отечественных записках», там приложены отрывки. Между прочим, русский пейзаж (зимняя и летняя дорога), перечитывание этих строк задушило меня какой-то безвыходной грустью... Русь так живо представилась мне, современный вопрос так болезненно вторялся, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжел».

А. И. Герцен. «Дневник». 10 апреля 1843 г.

«...«Мертвые души» преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования».

Гоголь — А. С. Данилевскому. 9 мая 1842 г. Москва.

1842 г., 21 мая. Поступили в продажу первые экземпляры первого тома поэмы «Мертвые души».

Объявление в «Московских ведомостях»: «Похождения Чичикова, или Мертвые души», поэма Н. В. Гоголя, напечатана на веле-невой бумаге, в большую 8-ю долю листа, 475 стр. М.—1842 г. Цена в красивой обертке 10 р. 50 коп.».

«Книга была раскуплена нарасхват. Впечатления были различные. Публику можно было разделить на три части. Первая, в которой заключалась вся образованная молодежь и все люди, способные понять высокое достоинство Гоголя, приняла его с восторгом. Вторая часть состояла из людей, так сказать, озадаченных, которые, привыкнув тешиться сочинениями Гоголя, не могли вдруг понять глубокого и серьезного значения его поэмы, они находили в ней много карикатуры и, основываясь на мелочных промахах, считали многое неверным и неправдоподобным... Третья часть читателей обозлилась на Гоголя: она узнала себя в разных лицах поэмы и с остервенением вступилась за оскорбление целой России».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1842 г., 23 мая. Простившись в доме Аксаковых с матерью и сестрой, Гоголь выехал в Петербург.

До Химок его провожали: С. Т. Аксаков с сыном Константином и М. С. Щепкиным.

«Гоголь, взявши место в дилижансе на 23 мая, сказал, что он едет из нашего дома... Я, Гоголь, Константин и Гриша сели в четвероместную коляску и поехали до первой станции, до Химок, куда еще прежде поехал Щепкин с сыном и где мы расположились отобедать и дожидаться дилижанса, в котором Гоголь отправлялся в Петербург».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1842 г., 26 мая — 5 июня. Проездом за границу Гоголь остановился в Петербурге у П. А. Плетнева. Встречался с В. Г. Белинским и Н. Я. Прокоповичем, которому поручил издание своих сочинений.

У А. О. Смирновой читал комедию «Женитьба» и главы из первого тома поэмы «Мертвые души».

«До сих пор я еще ничего не слышал, что такое мои Мертвые души и какое производят впечатление, кроме кое-каких безотчет-

ных похвал, которые, клянусь, никогда еще не были мне так досадны и несносны, как ныне. Грехов, указанья грехов желает и жаждет теперь душа моя!»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 20 июля 1842 г. Гастейн.

1842 г., 5 июня. Гоголь выехал за границу.

«Пишу к вам из Петербурга за несколько минут пред отъездом. Доехал я благополучно.хлопот мне было много, еще до сих пор всего не могу кончить. Лето и плохое время для всех вообще дел несколько замедлило мои распоряжения...»

Гоголь — матери. 4 июня 1842 г. Петербург.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА ЗА ГРАНИЦУ

...ЧТО-ТО ПОСТОЯННЕЙШЕЕ И ДЕЙ-
СТВИТЕЛЬНЕЙШЕЕ РАССТРАИВАЕТ
ТВОЕ ТЕЛО И ТОМИТ И СОКРУШАЕТ
ДУХ ТВОЙ. ПРИПИСЫВАЮ ЭТО...
ДОЛГОВРЕМЕННОМУ ПРЕБЫВАНИЮ
ТВОЕМУ... СРЕДИ ЧУЖОГО ЯЗЫКА!..
БЕГИ СКОРЕЕ ОТ НИХ, БЕГИ
НЕОГЛЯДКОЙ...

*Н. М. Языков — Н. В. Гоголю,
10 мая 1845 г.*

1842 г., 20 июня. Гоголь приехал в Берлин.

«В силу выбрался я из России...»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 26 июня 1842 г. Берлин.

1842 г., 23 июня. Отзыв А. И. Герцена о поэме «Мертвые души».

«...Удивительная книга, горький упрек современной России, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь туман нечистых навозных испарений, там он увидит удалую, полную силы национальность».

Герцен. «Дневник» 11/23 июня 1842 г.

1842 г., 26 июня. В. А. Жуковскому послан первый том поэмы «Мертвые души».

«Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть. Вы получите ее в одно время с письмом по почте... Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все однако же не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими имеющими последовать ей частями. Она в отношении к ним всё мне кажется похожую на приделанное губернским архитектором наскоро крыльцо к дворцу, который задуман строиться в колоссальных размерах...»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 26 июня, Берлин.

1842 г., 27 июля. Гоголь просит оттиск статьи В. Г. Белинского в «Современнике» о «Мертвых душах».

«...Пожалуйста, попроси Белинского отпечатать для меня особенно листки критики «Мертвых душ», если она будет в «Отечественных записках», на бумаге, если можно, потонее, чтобы можно было прислать мне ее прямо в письме...»

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 27 июля 1842 г. Гастейн.

1842 г., 10 сентября. Из Гастейна, где Гоголь провел время с конца июля до середины сентября вместе с Н. М. Языковым, отправлена в адрес Н. Я. Прокоповича пьеса «Игроки».

«Посылаемую ныне «Игроки» в силу собрал. Черновые листы так были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мне работу страшную разбирать».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 10 сентября 1842 г. Гастейн.

1842 г., 9 сентября. В бенефис режиссера Петербургского Александринского театра Н. И. Куликова поставлена его инсценировка «Комические сцены из новой поэмы «Мертвые души» сочинения Гоголя»,

1842 г., 11 сентября. В бенефис артиста Самарина в Московском Большом театре поставлена инсценировка Н. И. Куликова «Комические сцены из новой поэмы «Мертвые души» сочинения Гоголя».

Спектакль шел с участием артистов М. С. Щепкина и В. И. Живокини.

«До меня дошли слухи, что из Мертвых душ таскают целыми страницами на театр. Я едва мог верить. Ни в одном просвещенном государстве не водится, чтобы кто осмелился, не испрося позволения у автора, перетаскивать его сочинения на сцену. (А я тысячи имею, как нарочно, причин не желать, чтобы из Мертвых душ что-либо было переведено на сцену.)

Гоголь — П. А. Плетневу. 28 ноября 1842 г. Рим.

1842 г., 9 октября. Гоголь вместе с Н. М. Языковым приехал в Рим и поселился на своей прежней квартире.

«...Мой адрес: Roma, Via Felice № 126».

Гоголь — А. В. Никитенко. 30 октября 1842 г. Рим.

1842 г., октябрь — конец года. Занят подготовкой к изданию своих «Сочинений». Интересуется отзывами на первый том поэмы «Мертвые души».

«Я слышал, что в «Современнике» есть очень дельная статья о Мертвых душах. Нельзя ли каким-нибудь образом переслать ее мне? я бы страшно хотел прочесть».

Гоголь — П. А. Плетневу. 28 ноября 1842 г. Рим.

1842 г., 9 декабря. В Петербурге состоялось первое представление комедии Гоголя «Женитьба».

«Я сейчас из театра. «Женитьба» пала и ошикана. Играла была гнусно и подло, Сосницкий не знал даже роли. Превосходно играли Сосницкая (невесту), и очень, очень был недурен Мартынов (Подколесин); остальное все — верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют».

В. Г. Белинский — В. П. Боткину. 9—10 декабря 1842 г. Петербург.

1842 г. Напряженная работа над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«Нам уже почти несомненно известно теперь, что эта вторая часть («Мертвых душ») в первоначальном очерке была у него [Гоголя. — *Ред.*] готова около 1842 года».

П. В. Анненков. «Литературные воспоминания».

1843 г., 26 января. В Петербурге вышло первое издание сочинений Гоголя в четырех томах.

«Пожалуйста, пришли мне экземпляр [«Сочинений». — *Ред.*] чрез Моллера, вместе с листками критики, бывшей в Отечественных записках, как на Мертвые души, так и на Сочинения...»

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 19 апреля 1843 г. Рим.

1843 г., 5 февраля. В Московском Большом театре, в бенефис М. С. Щепкина, впервые поставлены комедии Гоголя — «Женитьба» и «Игроки».

«Благодарю вас за ваши известия: мне они все интересны. Успех на театре и в чтении пьес совершенно таков, как я думал. Тонки о «Женитьбе» и «Игроках» совершенно верны, и публика показала здесь чутье».

Гоголь — С. Т. Аксакову. 18 марта 1843 г. Рим.

1843 г., 26 апреля. В Петербургском Александринском театре состоялось первое представление комедии Гоголя «Игроки».

1843 г., 1 мая. Гоголь начал путешествие по Италии.

1843 г., май. Гоголь приехал в Гастейн повидаться с Н. М. Языковым.

«Я остановился на несколько дней в Гастейне отдохнуть от дороги и погостить у Языкова».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 17 мая 1843 г. Гастейн.

1843 г., июнь. Путешествие по Германии. Встречи с В. А. Жуковским.

1843 г., 21 июля. Декабрист В. К. Кюхельбекер в Сибири прочел поэму «Мертвые души».

«На днях прочел я «Мертвые души» Гоголя. Перо бойкое, картины и портреты вроде Ноздрева, Манилова, Собакевича резки, хороши и довольно верны; в других краски несколько густы, и очерки сбиваются на карикатуру».

В. К. Кюхельбекер. «Дневник». 21 июля 1843 г.

1843 г., июль — первая половина августа. Гоголь — в Баден-Бадене.

«В Бадене я виделся со Смирновой и еще с кое-какими русскими».

Гоголь — А. А. Иванову. 1 сентября 1843 г. Дюссельдорф.

1843 г., 1 сентября — начало ноября. Гоголь гостил у В. А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне. Усиленно работал над вторым томом поэмы «Мертвые души».

1843 г., 6 октября. Гоголь обратился с просьбой к С. П. Шевыреву заняться подготовкой 2-го издания первого тома поэмы «Мертвые души».

«Приступи ко второму изданию Мертвых душ. Поправок не нужно, кроме разве в языке и слоге, что ты можешь сделать лучше моего. Если же я теперь к чему-нибудь прикоснусь, то многое не останется на месте и займет это не мало времени. Поправки могут быть произведены только тогда, когда я буду умней».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 6 октября 1843 г. Франкфурт-на-Майне.

1843 г., первые числа ноября. Гоголь в Ницце.

«Он отправился от меня с большим рвением снова приняться за свою работу».

В. А. Жуковский — Н. Н. Шереметевой. 18 ноября 1843 г.

1843 г., после 19 ноября — декабрь. Гоголь — в Ницце у Вьельгорских. Встречался с писателем В. А. Соллогубом и А. О. Смирновой. Усиленно работал над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«К... последней половине 1843 относим мы первое уничтоженные рукописи «Мертвых душ» из трех, какому она подвергалась».

П. В. Анненков. «Литературные воспоминания».

1844 г., 27 марта. Смерть старшей сестры Гоголя Марии Васильевны Трушковской.

1844 г., апрель — первая половина мая. Гоголь во Франкфурте-на-Майне, в «загородном домике» Жуковского. Продолжение работы над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«Ты спрашиваешь, пишутся ли Мертвые души? И пишутся и не пишутся. Пишутся слишком медленно и совсем не так, как бы хотел... так самый предмет и дело связано с моим собственным внутренним воспитанием, что никак не в силах я писать мимо меня самого, а должен ожидать себя. Я иду вперед — идет и сочинение, я остановился — нейдет и сочинение».

Гоголь — Н. М. Языкову. 14 июля 1844 г. Франкфурт-на-Майне.

1844 г., 30 июля — 15 сентября. В Остенде, куда Гоголь приехал на морские купанья, писатель встретился с Вьельгорскими и А. П. Толстым.

«До Остенде я добрался... благополучно».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 30 июля 1844 г. Остенде.

1844 г., 21 сентября — до конца года. Гоголь гостил у В. А. Жуковского во Франкфурте-на-Майне. Работал над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«На верху у меня гнездится Гоголь: он обрабатывает свои «Мертвые души».

В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу. Октябрь 1844 г. Франкфурт-на-Майне.

1844 г., 27 сентября. В гастрольный бенефис М. С. Щепкина в Петербургском Александринском театре поставлена пьеса Гоголя «Тяжба».

1844 г., первая половина декабря. В письмах к П. А. Плетневу и С. П. Шевыреву Гоголь просит создать из денег, вырученных за его «Сочинения», фонд для помощи талантливым нуждающимся студентам Петербургского и Московского университетов.

«...Как в Москве, так и в Петербурге деньги эти все отдаю в пользу бедных, но достойных студентов».

Гоголь — П. А. Плетневу. 14 декабря 1844 г. Франкфурт-на-Майне.

1845 г., 14 января. Отъезд Гоголя из Франкфурта в Париж. Встречи с Вьельгорскими и А. И. Тургеневым.

«...Я отправился в Париж, единственно затем, что там были лю-

ди, близкие душе моей, надеясь, что просто развлечение и разговор с ними в силах разогнать всё и что это не более, как временная хандра. Но Париж, или, лучше, воздух Парижа, или, лучше, испарения воздуха парижских обывателей, пребывающие здесь вместо воздуха, помогли мне не много и даже вновь расстроили приобретенное переездом и дорогою, которая одна бывает для меня действительнее всяких пользований».

Гоголь — А. О. Смирновой. 24 февраля 1845 г. Париж.

1845 г., 2 февраля. В Москве Гоголь избран почетным членом Московского университета.

«Назначение... [Гоголя.— Ред.] вопреки мнению аристократов, а может быть, правительства».

М. П. Погодин. «Дневник».

1845 г., начало марта. Вернувшись во Франкфурт-на-Майне, Гоголь тяжело заболел. Писателя охватила боязнь смерти. Настроение тяжелой депрессии привело к замыслу книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Здоровье мое стало плоховато; и Копп и Жуковский шлют меня из Франкфурта... Нервическое тревожное беспокойство и разные признаки совершенного расклеения во всем теле пугают меня самого»,

Гоголь — Н. М. Языкову. 15 января 1845 г. Франкфурт-на-Майне.

1845 г., май — июнь. Гоголь на водах в Гамбурге.

«Грустно мне было читать твое письмо от 1 мая. Что это с тобою делается! болезнь и хандра, хандра и болезнь. ...Я было надеялся, что весна отгонит их прочь от тебя, теперь вижу, что не воздух, не слякоть... а что-то постояннейшее и действительнейшее расстраиывает твое тело и томит и сокрушает дух твой. Приписываю это — знаешь ли чему? Долговременному пребыванию твоему между немцами, среди чужого языка!.. Беги скорее от них, беги неоглядкой — хоть куда глаза глядят: — я уверен, что ты скоро поправишься...»

Н. М. Языков — Н. В. Гоголю. 10 мая 1845 г.

1845 г., конец июня — начало июля. Гоголь вторично сжег первоначальную редакцию второго тома поэмы «Мертвые души».

«Сожжение (вторичное) второго тома «Мертвых душ» произошло, вероятно, в конце июня или в начале июля 1845 года».

Н. С. Тихонравов. Вступительная статья к 10-му изданию сочинений Гоголя, 1889 г.

«Зачем сожжен второй том «Мертвых душ», что так было нужно... Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с таким болезненным напряжением, где всякая строка досталась потрясением».

Как только пламя унесло последние листы моей книги, ее содержание вдруг воскреснуло в очищенном и светлом виде, подобно фениксу из костра, и я вдруг увидел, в каком еще беспорядке было то, что я считал уже порядочным и стройным».

Гоголь. «Четыре письма к разным лицам».

1845 г., около 20 июля. Гоголь на водах в Карлсбаде. После лечения почувствовал себя хуже.

1845 г., август. Из Карлсбада, через Прагу, Гоголь проехал в Грефенберг.

В Праге состоялась его встреча с ученым-славистом, антикварием и хранителем Национального музея Вацлавом Ганке.

В книге посетителей Гоголь написал: «Гоголь желает здесь Вячеславу Вячеславовичу еще сорок шесть лет ровно для пополнения 100 лет здравствовать, работать, печатать и издавать во славу славянской земли и с таким же радушием приветствовать всех Русских, к нему заезжающих как ныне». 1845 г., 5/17 августа. Грамотка Вацлаву Ганке».

«Вестник Европы», 1902 г., № 3.

1845 г., октябрь — декабрь. Гоголь в Риме. Встречался с художниками: А. А. Ивановым, Ф. А. Моллером, Ф. И. Иорданом.

«Я вновь в Риме... Вечный Петр, вновь перед мною: Колизей, Монте-Пинчио и все наши старые друзья со мною».

Гоголь — А. О. Смирновой. 24 октября 1845 г. Рим.

1845 г. Переведены на чешский язык К. Гавличком-Боровским повести Гоголя «Старосветские помещики» и «Нос».

С помощью И. С. Тургенева переведены на французский язык Луи Виардо и изданы в Париже повести Гоголя «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики» и «Вий».

1846 г., начало января. Вышли в свет в Лейпциге переведенные на немецкий язык Ф. Лебенштейном «Мертвые души» с предисловием переводчика, назвавшего их «Народною русскою книгою».

«Известие о переводе «Мертвых душ» на немецкий язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников, принявших «Мертвые души» за портрет России».

Гоголь — Н. М. Языкову. 8 января 1846 г. Рим.

1846 г., 27 января. Гоголь просит А. О. Смирнову сообщать ему различные сведения о Калуге и ее жителях, о крестьянах Калужской губернии, намереваясь использовать эти сведения в работе над вторым томом «Мертвых душ».

«Напишите же мне, что такое служащие ваши, что такое помещики и что такое купеческие жены. Сначала их дух вообще, как целого сословия, а потом, какие есть между ними исключения. Узнавайте их понемногу, не спешите еще выводить о них заключения, но сообщайте все по мере того, как узнаете, мне».

«Уведомляйте меня также о всех толках, какие ни занимают город, о всех распоряжениях, какие ни делаются в губерниях, и о всех злоупотреблениях, какие ни открываются... Не пропускайте также извещать меня от времени до времени о крестьянах, находящихся в вашей губернии, как помещичьих, так и казенных, обо всех у них и с ними переменах и вообще обо всем, что ни касается их участи».

Гоголь — А. О. Смирновой. 27 января 1846 г. Рим.

1846 г., 5 мая. Гоголь выехал из Рима.

«Пишу к тебе на выезде из Рима».

Гоголь — Н. М. Языкову. 5 мая 1846 г. Рим.

1846 г., вторая половина мая. Гоголь жил в Париже у А. П. Толстого.

1846 г., 4—6 июля. Из Карлсбада Гоголь послал П. А. Плетневу свою статью «Об Одиссее, переведенной Жуковским».

«Жуковскому нужно, чтобы публика была несколько приготовлена к принятию «Одиссеи». В прошлом году я писал к Языкову о том, чем именно нужна и полезна в наше время «Одиссея» и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания...»

Гоголь — П. А. Плетневу. 4 июля 1846 г. Карлсбад.

1846 г., между 20 и 30 июля. В письме к С. П. Шевыреву Гоголь поручил ему печатать второе издание первого тома поэмы «Мертвые души».

«Теперь приступаю к тебе с просьбой моей, весьма убедительной: напечатать второе издание «Мертвых душ»...»

Гоголь — С. П. Шевыреву. 26 июля 1846 г. Швальбах.

1846 г., 30 июля. П. А. Плетневу послана первая тетрадь книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» вместе с просьбой заняться ее печатанием.

«Наконец моя просьба! Ее ты должен выполнить, как наивернейший друг выполняет просьбу своего друга. Все свои дела в стору, и займись печатаньем этой книги под названием: «Выбранные места из переписки с друзьями». Она нужна, слишком нужна всем — вот что покамест могу сказать: все прочее объяснит тебе сама книга... книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор *моя* единственная дельная книга».

Гоголь — П. А. Плетневу. 30 июля 1846 г. Швальбах.

1846 г., 6 августа. В Москве, в газете «Московские ведомости», опубликована статья Н. В. Гоголя «Об Одиссее, переведенной Жуковским». Перепечатана в журналах «Москвитянин» (№ 7) и «Современник» (№ 43).

1846 г., август — сентябрь. Гоголь в Остенде. Работает над книгой «Выбранные места...» и пишет предисловие ко 2-му изданию первого тома поэмы «Мертвые души».

«Здесь Гоголь, которого мы довольно часто видаем...»

Н. А. Муханов. 20 сентября 1846 г. Остенде.

«Остаюсь я здесь немного долее, то есть от сего числа недели три, по крайней мере,— тем более, что море начинает, кажется, меня освежать, а это особенно необходимо для моей работы, и тем еще более, что на днях я был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего графа А. П. Толстого...»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 25 августа 1846 г. Остенде.

1846 г., 26 сентября. Из Франкфурта-на-Майне Гоголь послал П. А. Плетневу 4-ю тетрадь книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Четвертую тетрадь, высланную на прошлой неделе из Остенде, ты, вероятно, получил. Занят пятою, которая будет готова с небольшим через неделю».

Гоголь — П. А. Плетневу. 3 октября 1846 г. Франкфурт-на-Майне.

1846 г., 5 октября. Гоголь отказывается сотрудничать в органе славянофилов «Московский сборник».

«Не грех ли и тебе склонять меня на писание журнальных статей,— дело, за которое уже со мной поссорились некоторые приятели? Ну, что во мне толку и какое оживление «Московскому сборнику» от статьи моей? Статья все же будет моя, а не их; стало быть, им никакой чести. Признаюсь, я не вижу никакой цели в этом сборнике. Дела мало, а педантства много».

Гоголь — Н. М. Языкову. 5 октября 1846 г. Франкфурт-на-Майне.

1846 г., 16 октября. Послана П. А. Плетневу пятая тетрадь книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Тороплюсь отправить тебе пятую и заключительную тетрадь».

Гоголь — П. А. Плетневу. 16 октября 1846 г. Франкфурт-на-Майне.

1846 г., 2 ноября. Гоголь распорядился об издании в Петербурге «Ревизора с развязкой» в пользу бедных.

«В Петербурге и в Москве будет играть «Ревизор» в новом виде, с присовокуплением его окончания или заключения, в бенефис двух первых наших комических актеров. Ко дню представления будет отпечатана пьеса отдельною книгою с присоединением доселе никому неизвестного ее окончания. Продаваться она будет в пользу бедных...»

Гоголь — А. М. Вельгорской. 2 ноября 1846 г. Ницца.

1846 г., 19 ноября. Через Геную, Флоренцию и Рим Гоголь приехал в Неаполь, чтобы провести там зиму.

1846 г., 21 декабря. Письмо С. Т. Аксакова с суровой критикой «Развязки Ревизора».

Переведены на немецкий язык: «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Старосветские помещики», «Вий». В этом же году на чешский язык переведены: «Записки сумасшедшего», отрывок из повести «Вий» в переводе К. Галичка-Боровского.

1847 г., 12 января. Вышла в свет книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Получена книга Гоголя, и мы пришли в ужас и уныние... слов нет, чтоб выразить всю эту нелепость. Как сделался пошл и вял его язык... Лучше, если б это было просто сумасшествие».

В. С. Аксакова — брату Ивану. Январь 1847 г.

«Появление книги моей разразилось точно в виде какой-то оплеухи: оплеуха публике, оплеуха друзьям моим и, наконец, еще сильнейшая оплеуха мне самому. После нее я очнулся точно как будто после какого-то сна, чувствуя, как провинившийся школьник, что напроказил больше того, чем имел намерение. Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым, что не имею духу заглянуть в нее».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 6 марта 1847 г. Неаполь.

1847 г., январь. Гоголь узнал о смерти поэта Н. М. Языкова (умер 7 января).

«Я получил твое письмо с известием, что Языкова уже не стало... Наши мысли и вкусы были почти сходны... Как он был добр ко мне и как любил меня!»

Гоголь — С. П. Шевыреву. 11 февраля 1847 г. Неаполь.

1847 г., февраль. Вышел журнал «Современник» № 2 со статьей В. Г. Белинского, резко критикующей книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

В. Г. Белинский писал: «...едва ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русском языке».

«Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором № «Современника». Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося... Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги. Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять».

Гоголь — В. Г. Белинскому. Около 20 июня 1847 г. Франкфурт-на-Майне.

1847 г., 28 февраля. В письме к П. А. Вяземскому Гоголь просит его вместе с М. Ю. Вьельгорским рассмотреть книгу «Выбранные места...» для 2-го издания.

«Вы уже, вероятно, получили, мой добрый князь, мое письмо и в нем просьбу мою, усердную и убедительную просьбу о восставлении моей книги в ее настоящем виде. По клочку, обгрызанному цензурой, о ней нельзя судить. Во глубине ее лежит правда, и правда ее может обнаружиться только тогда, когда вся книга будет прочитана, вся сплошь, в той именно связи и в том размещении статей, какое составлено у меня. А потому я просил Плетнева включить сызнова все выброшенное цензурой и приказать переписать все статьи непропущенные... У меня одно желание, чтобы она была прочитана прежде вами, взвешена, разобрана строго и выправлена. Мне бы желалось, чтобы ее прочел так же внимательно граф М. Ю. Вьельгорский, потом В. А. Перовский и сказали бы оба свои замечания...»

Гоголь — П. А. Вяземскому. 28 февраля 1847 г. Неаполь.

1847 г., февраль — март. Гоголь узнаёт о критике его книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

«...Я бы охотно прислала вам выписки из многочисленных критик, которые появились в разных наших журналах, но не смею решиться на такое дело. Критики столь язвительны, разбор ваших писем так немилосердно строг и насмешлив и выведенные заключения из собственных ваших слов и суждений так странны и преувеличены, что я считаю лишним упоминать о них здесь...»

С. М. Соллогуб — Гоголю. 3 февраля 1847 г.

1847 г., 6 марта. В газете «Московские ведомости» (№ 28) напечатано 1-е письмо писателя Н. Ф. Павлова к Гоголю с резкой критикой книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

1847 г., 29 марта. В газете «Московские ведомости» опубликовано 2-е письмо писателя Н. Ф. Павлова к Гоголю на ту же тему.

1847 г., 17 апреля. В газете «Московские ведомости» появилось 4-е письмо писателя Н. Ф. Павлова к Гоголю о том же.

1847 г., 11 мая. Гоголь выехал из Неаполя.

1847 г., 25 мая. Гоголь в Марселе. Письмо его Н. Ф. Павлову.

«Статья Павлова говорит тоже в полъзу Павлова и вместе с тем в пользу моеї книги. Я бы очень желал видеть продолжение этих писем: любопытствую чрезмерно знать, к какому результату приводят Павлова его последние письма».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 25 мая 1847 г. Марсель.

1847 г., 27 мая. Гоголь — в Париже. Ежедневно встречается с А. П. Толстым.

«Отсюда в воскресенье уехал Гоголь, который провел здесь неделю в одной гостинице с нами. Мы почти каждый день обедали с ним у Толстых...»

В. А. Муханов к родным. 9 июня 1847 г. Париж.

1847 г., 10 июня — 10 июля. Гоголь во Франкфурте-на-Майне у В. А. Жуковского. Работает над «Авторской исповедью».

1847 г., 15 июля. В Зальцбрунне В. Г. Белинский пишет свое знаменитое письмо к Гоголю.

«Передо мною была Ваша книга, а не Ваши намерения. Я читал и перечитывал ее сто раз и все-таки не нашел в ней ничего, кроме того, что в ней есть, а то, что в ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу... И вот мое последнее заключительное слово: если Вы имели несчастье с гордым смирением отречься от Ваших истинно великих произведений, то теперь Вам должно с искренним смирением отречься от последней Вашей книги и тяжкий грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напомнили бы Ваши прежние».

1847 г., 10 августа. Ответ Гоголя В. Г. Белинскому на его письмо от 15 июля 1847 г.

«Покуда мне показалось только то непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все то, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образцов, но даже и двух строк какого бы то ни было писанья, по тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу многого своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками».

«Постараюсь по приезде в Россию получше разглядеть Россию, всюду заглянуть, переговорить со всяким, не пренебрегая никем, как бы ни противоположен был его образ мыслей моему, и словом — *всё пощупать самому*».

Гоголь — П. А. Плетневу. 24 августа 1847 г. Остенде.

1847 г., 10 августа. Плетнев в письме к Гоголю сообщил ему, что его петербургские друзья отказались от исправления книги «Выбранные места из переписки с друзьями» для 2-го издания.

«Ужели забыл ты, как трудно здесь соединить на серьезное общее дело три-четыре должностные лица?.. Я даже не знаю, дождешься ли ты когда-нибудь исправленного нами экземпляра «Переписки».

П. А. Плетнев — Н. В. Гоголю. 10 августа 1847 г. Петербург.

1847 г., 12 августа. В письме к П. В. Анненкову Гоголь признался в своем глубоком огорчении критикой книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

«...Здоровье мое... потряслось от этой для меня сокрушительной истории по поводу моей книги. Многие удары так были чувствительны для всякого рода щекотливых струн, что дивлюсь сам, как я еще остался жив».

Гоголь — П. В. Анненкову. 12 августа 1847 г. Остенде.

1847 г., конец сентября — начало октября. Из Остенде, через Марсель, Ниццу, Геную, Флоренцию и Рим, Гоголь приехал в Неаполь, чтобы провести в нем зиму перед путешествием в Иерусалим.

1847 г. Переведены К. Гавличком-Боровским на чешский язык: повесть «Шинель», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», Хр. Стефана «Портрет», «Невский проспект», отрывок из повести «Вий». В переводе К. В. Запа вышла повесть «Тарас Бульба». В Копенгагене на датском языке выходит повесть «Тарас Бульба». На французском языке напечатана комедия «Ревизор».

1848 г., Вторая половина января. Из Неаполя Гоголь выехал в Иерусалим.

«Путешествие мое... идет куда довольно благополучно».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 30 марта 1848 г. Бейрут.

1848 г., 14 апреля. Гоголь в Константинополе.

«Пишу к вам, добрейший мой Александр Андреевич, из Константинополя, за несколько часов до выезда отсюда в Одессу. Путешествие мое в Иерусалим совершилось...»

Гоголь — А. А. Иванову. 26 апреля 1848 г. Константинополь.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Я ОЧЕНЬ СОСКУЧИЛСЯ ПО РОССИИ
И ЖАЖДУ С НЕТЕРПЕНИЕМ УСЛЫ-
ШАТЬ ВОКРУГ СЕБЯ РУССКУЮ РЕЧЬ.

Гоголь.

1848 г., 16—30 апреля. Гоголь в Одессе. Несколько дней провел в карантине. Виделся с Л. С. Пушкиным.

«Я ступил на русский берег...»

Гоголь — матери. 21 апреля 1848 г. Одесса.

1848 г., 1 мая. Обед в честь Гоголя.

Некоторые школьные товарищи и друзья «...в сообществе многих почитателей знаменитого русского таланта дали обед в честь Гоголя».

«Одесские ведомости», 1848 г. № 40, 19 мая.

1848 г., 9 мая. Гоголь приехал в Васильевку.

«9 мая — именины брата. В четыре часа получаем письмо из Полтавы от С. В. Скалон с нарочным, что брат будет сегодня, или завтра... После человек открыл, что он уже едет и сейчас будет».

Е. В. Гоголь-Быкова. «Дневник».

«Подъехал я вечером. Деревья — одни разрослись и стали рощей, другие вырубались. Я отправился того же вечера один степовой дорогой... ведущей в Яворивщину, по которой любил ходить некогда... Все это было в день моих именин 9 мая...»

Гоголь — А. С. Данилевскому. 16 мая. Васильевка.

1848 г., 25 мая — начало июня. Гоголь гостил в Киеве у Данилевских. Встретился с М. А. Максимовичем. Познакомился с А. М. Марковичем.

«Гоголь у Данилевских в Киеве короткое время. На беду, наступили такие сильные жары, что он был не в духе... Всего неудачнее было то, что по случаю экзаменов в пансионе, где Данилевский был инспектором, его по целым дням не было дома, и Гоголь страшно скучал...»

А. С. Данилевский в записи В. И. Шенрока.

1848 г., 24 августа. Отъезд Гоголя из Васильевки вместе с Данилевскими. До Сорочинцев провожали родные.

«24 августа. Мы встали очень рано. Грустный день: брат уезжает! Я пошла к нему и помогала укладываться... поехали в Со-

рочинцы в двух экипажах: полдороги Аннета с братом, а потом я с ним... В 9 часов мы распрощались... Он уехал с Данилевскими в их деревню и оттуда в Москву».

Е. В. Гоголь-Быкова. «Дневник».

1848 г., 10—12 сентября. После шестилетнего отсутствия Гоголь вернулся в Москву и поселился в Дегтярном переулке у С. П. Шевырева, который приглашал его «...остановиться и расположиться на все время пребывания нашего в Сокольниках. Весь дом к твоим услугам»...

С. П. Шевырев — Гоголю. Сентябрь 1848 г.

1848 г., вторая половина сентября — начало октября. Гоголь снова в Петербурге. Встречи с П. А. Плетневым, А. О. Смирновой, Вьельгорскими и П. В. Анненковым, которого с интересом расспрашивал о событиях в Париже.

«В Петербурге я успел видеть... Анненкова, приехавшего на днях из-за границы. Все, что рассказывает он, как очевидец, о парижских происшествиях, — просто страх...»

Гоголь — А. С. Данилевскому. 24 сентября 1848 г. Петербург.

1848 г., 14 октября. Вернувшись из Петербурга в Москву, Гоголь остановился у М. П. Погодина. Занимался вторым томом поэмы «Мертвые души».

«О себе покуда могу сказать немного: соображаю, думаю и обдумываю второй том «Мертвых душ». Читаю преимущественно то, где слышится сильней присутствие русского духа. Прежде, чем при-мусь сурьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью».

Гоголь — П. А. Плетневу. 20 ноября 1848 г. Москва.

«Гоголь у нас по-прежнему бывает так же часто: он веселее и разговорчивее, чем был прежде, говорит откровенно и о своей книге... Он твердо намерен продолжать «Мертвые души».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1848 г., 11 ноября. Вечер у М. П. Погодина. Не очень удачный, так как отношения между Гоголем и М. П. Погодиным были натянутыми.

«В честь пребывания Гоголя в Москве Погодин торжественно отпраздновал день своего рождения во фраках и белых галстуках».

Н. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина».

1848 г., 20-е числа декабря. От М. П. Погодина, с Девичьего поля, Гоголь переехал к А. П. Толстому, в дом Талызина на Никитском бульваре (теперь Суворовский, 7а).

«Гоголь в Москве жил у меня два месяца, а теперь переехал к графу А. П. Толстому...»

М. П. Погодин — М. А. Максимовичу. 24 декабря 1848 г. Москва.

«Александр Петрович живет так удивенно и таким монастырем, что и я, любящий тоже тишину, переехал к нему...»

Гоголь — М. А. Константиновскому. 28 декабря 1848 г. Москва.

1849 г., 12 марта. Гоголь у Боткиных.

«Гоголь еще в Москве... Послезавтра он придет к нам обедать...»

В. П. Боткин — П. В. Анненкову. 10 марта 1849 г. Москва.

1849 г., 9 мая. День именин Гоголя. Обед в Погодинском саду.

«Гоголь желает сделать обед для своих знакомых в день именин. Чтоб не вышло подозрения...»

М. П. Погодин. «Дневн 6 мая 1849 г.

1849 г., 5 июня. Гоголь вместе с М. П. Погодиным был у П. А. Вяземского в Остафьево.

«К Вяземскому в Остафьево, по Серпуховской знакомой дороге, по которой ездил с таким бьющимся сердцем. С Гоголем о Европе, о России, правительстве».

М. П. Погодин. «Дневн 5 июня 1849 г.

П. А. Вяземский показывал гостям Остафьевский архив. Гоголь написал: «5 июня 1849 г. Рылись здесь Гоголь...», далее подпись М. П. Погодина и П. А. Вяземского.

Е. С. Смирнова-Чикина. «Гоголевские места в Подмосковье».

1849 г., 15 июня. Гоголь у А. С. Хомякова встретился с Ю. Ф. Самариним.

«Вечером была у Хомяковых, где были, кроме любезных дам, Гоголь и Самарин Ю. Ф.».

Е. И. Попова. «Дневн

1849 г., 22 июня. Гоголь у С. П. Шевырева. Встреча с Я. К. Гротом.

1849 г., 25 июня. В Москву приехала А. О. Смирнова. Гоголь повестил ее в гостинице «Дрезден». Здесь он познакомился с ее братом — Л. И. Арнольди.

«...Сестра моя приехала из Калуги и остановилась в гостинице Дрезден. При первом же свидании она объявила мне, что Гоголь здесь и в 6 часов вечера будет к ней. Я, разумеется, остался обедать и ждал Гоголя с нетерпением. Ровно в шесть часов вошел в комнату человек маленького роста с длинными белокурыми волосами... Это был Гоголь!»

Л. И. Арнольди. «Мое знакомство с Гоголем».

1849 г., 5—6 июля. Отъезд Гоголя из Москвы в Калугу к А. О. Смирновой.

«Я сам собираюсь в дорогу. Располагаю посетить губернии в окрестности Москвы... и поглядеть на Русь, сколько ее можно увидеть на большой дороге».

Гоголь — А. С. Данилевскому. 1 июля 1849 г. Москва.

1849 г., вторая половина июля. Гоголь гостит у А. О. Смирновой в Калуге и в ее имении Бегичево. Напряженно работает над вторым томом поэмы «Мертвые души», из которой несколько глав прочел А. О. Смирновой и ее брату Л. И. Арнольди.

«Когда Гоголь окончил чтение, то обратился ко мне с вопросом: «Ну, что вы скажете? Нравится ли вам?» — «Удивительно, бесподобно! — воскликнул я. — В этих главах вы гораздо ближе к действительности, чем в первом томе; тут везде слышится жизнь, как она есть, без всяких преувеличений...»

Л. И. Арнольди. «Мое знакомство с Гоголем».

1849 г., начало августа. Поездка Гоголя к С. П. Шевыреву в Большие Вяземы.

«Николай Васильевич привез с собой рукописи и читал главы из второго тома «Мертвых душ», взяв с Шевырева честное слово никому не рассказывать о содержании прочитанного».

Е. С. Смирнова-Чикина. «Гоголевские места в Подмосковье».

1849 г., 14 августа. Гоголь в гостях у Аксаковых в Абрамцеве.
«...14 августа Гоголь приехал к нам в подмосковную...»

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1849 г., 18 августа. Вечером Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал:

«Да не прочесть ли вам главу «Мертвых душ?»»

Мы были озадачены его словами и подумали, что он говорит о первом томе «Мертвых душ», Константин даже встал, чтоб принести их сверху, из своей библиотеки; но Гоголь удержал его за рукав и сказал: «Нет, уж я вам прочту из второго», — и с этими словами вытащил из своего огромного кармана большую тетрадь.

Я не могу передать, что сделалось со всеми нами. Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смутил меня, что я совсем растерялся. Гоголь был сам сконфужен. Ту же минуту все мы придвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу 2-го тома «Мертвых душ». С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб...»

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1849 г., 21 сентября — 27 сентября. Гоголь — в Абрамцево.

«Гоголь требовал от меня замечаний на прочитанную главу, и я написал к нему письмо, в котором откровенно признался ему во всех моих сомнениях, уничтоженных первой главою 2-го тома «Мертвых душ»... Получив мое письмо, Гоголь был так доволен, что захотел видеть меня немедленно... Он нанял карету, лошадей и в тот же день прискакал к нам в Абрамцево. Он приехал необыкновенно весел, или лучше сказать светел, долго и крепко жал мне руку и сейчас сказал: «Вы заметили мне именно то, что я сам заметил, но не был уверен в справедливости моих замечаний. Теперь же я в них не сомневаюсь, потому что то же заметил другой человек, *пристрастный* ко мне».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1849 г., конец октября. Для свидания с Гоголем в Москву приехал из Киева М. А. Максимович.

«Осенью 1849 года М. А. Максимович, соскучась жить в своем живописном, но пустынном и отдаленном от больших дорог поместье над Днепром, переехал в Москву, к старым своим знакомым и друзьям. Пребывание Гоголя в Москве было для него одною из главных побудительных причин к этой поездке».

П. А. Кулиш. «Опыт биографии Гоголя».

1849 г., 3 декабря. Гоголь слушает чтение А. Н. Островским комедии «Банкрот» («Свои люди сочтемся») в доме М. П. Погодина.

«...Было назначено у Погодина же чтение комедии Островского «Свои люди сочтемся», тогда еще новой, наделавшей значительного шума во всех литературных кружках Москвы и Петербурга, а потому слушающих собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы... Гоголь был зван также, но приехал середи чтения; тихо подошел к двери и стал у притолоки. Так и простоял до конца, слушая, по-видимому, внимательно. После чтения он не проронил ни слова. Графиня [Растопчина Е.— *Ред.*] подошла к нему и спросила: «Что вы скажете, Николай Васильевич?» — «Хоро-

шо, во видна некоторая неопытность в приемах. Вот этот акт нужно бы подлиннее, а этот покороче. Эти законы узнаются после и в непреложность их не сейчас начинаешь верить».

Н. В. Берг. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

1849—1850 гг., зима. Гоголь продолжает работать над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера — но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 14 декабря 1849 г. Москва.

«Встаю рано, с утра принимаюсь за перо, никого к себе не выпускаю, откладывая на сторону все прочие дела, даже письма к людям близким,— и при всем том так немного из меня выходит строк!.. Конец делу еще не скоро, то есть разумею конец «Мертвых душ». Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как набросаны: собственно написанных две-три и только».

Гоголь — П. А. Плетневу. 21 января 1850 г. Москва.

1850 г., 7 января. «...Гоголь прочел нам в другой раз первую главу «Мертвых душ». Мы были поражены удивлением: глава показалась нам еще лучше и как будто написанною вновь».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

1850 г., 19 января. Гоголь прочел Аксаковым 2-ю главу второго тома поэмы «Мертвые души».

«...Он выхватил тетрадь из кармана, которую давно держал в руке, и сказал: «Ну, а теперь я вам прочту».

Что тебе сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой».

С. Т. Аксаков — сыну Ивану. 20 января 1850 г.

1850 г., 19 марта. Свой день рождения Гоголь, вместе с М. А. Максимовичем, провел у Аксаковых.

«...19-го марта... пил за здоровье Гоголя, который был целый день так весел и светел...»

С. Т. Аксаков — сыну Ивану. 21 марта 1850 г.

1850 г., 9 мая. Именинный обед Гоголя в Погодинском саду. Присутствуют: К. С. и Г. С. Аксаковы, Н. В. Берг, А. И. Кошелев, М. А. Максимович, А. Н. Островский, М. П. Погодин.

«Раз в день его (Гоголя) именин, которые справлял он, в бытность свою в Москве, постоянно у Погодина в саду, ехали мы с Островским откуда-то вместе на дрожках и встретили Гоголя, направляющегося к Девичьему полю. Он соскочил со своих дрожек и пригласил нас к себе на именины; мы тут же и повернули за ним. Обед, можно сказать, *в исторической аллее!*.. Гоголь был ни весел, ни скучен!..»

Н. В. Берг. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

1850 г., конец мая. Гоголь прочел Аксаковым 4-ю главу второго тома поэмы «Мертвые души».

«В последнем письме от 2-го июня Вы пишете, милый Отесинька, что Гоголь вам читал новую главу».

И. С. Аксаков — С. Т. Аксакову. 6 июня 1850 г.

1850 г., 13 июня. Гоголь в сопровождении М. А. Максимовича отправился на Украину.

«...В пятом часу пополудни... выехали из дому Аксаковых, у которых они на прощаньи обедали. Первую ночь провели в Подольске... На 15 июня ночевали в Малом Ярославце... На 16-е число ночевали в Калуге, и 16-го обедали у г-жи С-вой (А. О. Смирновой)».

М. А. Максимович по записи П. И. Кулиша.

1850 г., вторая половина июня. Гоголь и Максимович, по пути на Украину, гостят у А. О. Смирновой в Калуге, заезжали на один день в Долбино к И. В. Киреевскому. Были в Оптиной пустыне и с имени А. П. Елагиной Петрищево.

1850 г., 1 июля. Гоголь в Васильевке.

«Я приехал в Сорочинцы благополучно, но в чужом экипаже. Пожалуйста, не сказывая матушке, вели заложить коляску и завтра же, т. е. в субботу, пораньше, прежде чем станет светать, часа в 3, выехать за мною, так чтобы в часов 7 она была здесь».

Гоголь — Е. В. Гоголь. 30 июня 1850 г. Сорочинцы.

«В 1850 году брат приехал в июле с тем, чтобы осенью ехать на зиму в Одессу».

Е. В. Гоголь-Выкова. «Дневн

1850 г., лето. Гоголь в Васильевке. Продолжение работы над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«Я телом не очень здрав, но голова... вся сидит во 2-ом томе».

Гоголь — А. О. Смирновой. 20 августа 1850 г. Васильевка.

1850 г., с 10 до 25 августа. В Васильевке гостит М. А. Максимович.

«Мы переехали через Псёл и ехали в Васильевку ночью, при свете полного месяца. Наслаждением для меня было промчаться вместе с Гоголем по степям, ледеявшим его с детства. И никогда я не видал его таким одушевленным, как в эту Украинскую ночь...»

М. А. Максимович, «Воспоминания».

1850 г., 1 октября. «...Именины матери. Брат вместо подарка читал нам из второго тома «Мертвых душ».

Е. В. Гоголь-Быкова. «Дневник».

1850 г., около 17 октября. Гоголь выехал в Одессу.

«С большим трудом добрался я или, лучше сказать, доплыл до Одессы. Проливной дождь сопровождал меня всю дорогу. ...Ровно неделю я тащился, придерживая одной рукой разбухнувшие дверцы коляски, а другой расстегиваемый ветром плащ...»

Гоголь — матери. 28 октября 1850 г. Одесса.

1850 г., 15 декабря. Гоголь согласился на предложение С. П. Шевырева использовать деньги, пожертвованные писателем в пользу нуждающихся студентов Московского университета, на оплату их труда по подготовке к изданию памятников древней письменности.

«Относительно распоряженья твоего насчет 1000 руб. серебром из благотворительной суммы совершенно согласен, и мне кажется самому, что это будет полезнее прочего».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 15 декабря 1850 г. Одесса.

1850 г., 16 декабря. Гоголь сообщает В. А. Жуковскому, что работа его над поэмой «Мертвые души» близится к концу.

«...Работа идет с прежним постоянством и хоть еще не кончена, но уже близка к окончанию».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 16 декабря 1850 г. Одесса.

1850 г. Издана на сербском языке повесть Гоголя «Страшная месть» в переводе Т. Илича, «Тарас Бульба» — на польском и украинском языках в переводе П. Гловацкого. На шведском языке издано собрание повестей Гоголя в переводе А. Лундаля.

1850—1851 гг., зима. Гоголь в Одессе. Встречался с А. А. Троицким, Репниными и Л. С. Пушкиным.

«В Одессе, где Гоголь прожил довольно времени, он почти ежедневно бывал у моего брата, который отвел ему особенную ком-

нату с высокой конторкой, чтобы ему можно было писать стоя. ...У моего брата жили молодые люди малороссияне, занимавшиеся воспитанием его младших сыновей. Жена моего брата была хорошая музыкантша; Гоголь просил ее аккомпанировать хору всей этой молодежи на фортепьяно, и они под руководством Гоголя пели украинские песни».

В. Н. Репнина. «Воспоминан

1851 г., январь. Гоголь прочел артистам Одесского театра пьесу Мольера «Школа жен» и свою пьесу «Лакейская».

«...Гоголь начал чтение «Школы женщин». По совести могу сказать — такого чтения я до сих пор не слыхивал... Чтение Гоголя резко отличалось от признаваемого при театре за образцовое отсутствием малейшей эффектности, малейшего намека на декламацию. Оно поражало своей простотой, безыскусственностью... Впоследствии, на одном из вечеров у Оттона, Гоголь читал свою «Лакейскую»...»

А. П. Толченов. «Гоголь в Одессе».

1851 г., перед 27 марта. Перед отъездом Гоголя из Одессы в Васильевку в его честь был дан торжественный обед. Среди участников присутствовал Л. С. Пушкин.

1851 г., начало апреля. Гоголь приехал в имение А. А. Троицкого Каторлыско, где в это время находились его мать и сестры.

«Мертвые души» 2-й том, из которых первую главу он читал нам в Каторлыске...»

М. И. Гоголь — М. П. Погодину. 24 марта 1852 г. Васильевка.

1851 г., начало мая. А. С. Данилевский с женой «приехали гостить из Сорочинцев в Васильевку. На другой день хотели уезжать, но Гоголь ни за что не хотел нас отпустить».

А. С. Данилевский в записи В. И. Шенрока.

1851 г., 5 июня. Гоголь вернулся в Москву.

1851 г., июнь — июль. Вместе с Л. И. Арнольди Гоголь ездил к А. О. Смирновой в ее подмосковную усадьбу Спасское.

«Подмосковная деревня, в которой мы поселились на целый месяц, очень понравилась Гоголю. Все время, которое он там прожил, он был необыкновенно бодр, здоров и доволен».

Л. И. Арнольди. «Мое знакомство с Гоголем».

1851 г., конец июля — начало августа. Гоголь гостил на даче у С. П. Шевырева. Прочел ему несколько глав второго тома поэмы «Мертвые души».

«Вдруг ...после обеда, подкатила к крыльцу наемная карета на паре серых лошадей и оттуда вышел Гоголь, в своем испанском плаще и серой шляпе... хозяин просил меня уступить Гоголю флигель... Мне отвели комнату в доме, а Гоголь перебрался ту же минуту во флигель со своими портфелями... Шевырев ходил к нему, и они вместе читали и перечитывали написанное. Это делалось с такой таинственностью, что можно было думать, что во флигеле, под сению старых сосен, сходятся заговорщики...»

Н. В. Берг. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

1851 г., 22 сентября. Гоголь выехал в Васильевку на свадьбу сестры Елизаветы.

«Я, чтоб и вас утешить, решил ехать сам, но вы никак не останавливайтесь с днем свадьбы и меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать. Нервы мои так расколебались от нерешительности, ехать или не ехать, что езда моя будет нескорая...»

Гоголь — матери. 22 сентября 1851 г. Моск

1851 г., 25 сентября. Доехав до Калуги, Гоголь вдруг почувствовал себя больным и возвратился в Москву.

«Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая моя матушка и мои милые сестры, нынешней осенью. Уже было выехал из Москвы, но, добравшись до Калуги, заболел и должен был возвратиться. Нервы мои от всяких тревог и колебаний дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна».

Гоголь — матери. 3 октября 1851 г. Москва,

1851 г., 30 сентября. Гоголь в последний раз был в Абрамцево. На обратном пути в Москву заезжал в Троице-Сергиевскую лавру.

«Я еду к Троице... Дух мой крайне изнемог; нервы расколеблены сильно».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 30 сентября 1851 г. Москва.

1851 г., 13 октября. Гоголь присутствует на представлении комедии «Ревизор» в Малом театре.

«...Я встретил Гоголя у сестры и объявил ему, что иду в театр, где дают «Ревизора», и что Шумский в первый раз играет в его комедии роль Хлестакова. Гоголь поехал с нами, и мы поместились, едва достав ложу, в бенуаре. Театр был полон... Многие в партере заметили Гоголя, и лорнеты стали обращаться на нашу ложу. Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстрации со стороны публики и... вышел из ложи так тихо, что мы и не заметили его отсутствия».

Л. И. Арнольди. «Мое знакомство с Гоголем».

1851 г., 20 октября. Знакомство Гоголя с И. С. Тургеневым.

«Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: «Нам давно следовало быть знакомыми».

И. С. Тургенев. «Гоголь».

1851 г., конец октября. Писатель Г. П. Данилевский впервые у Гоголя в его последней квартире (Суворовский б., 7а).

«Въехав в каменные ворота высокой ограды, направо, к балконной галерее дома Талызина, мы вошли в переднюю нижнего этажа. Старик-слуга графа Толстого приветливо указал нам дверь из передней направо.

«Не опоздали?» — спросил Бодянский, обычно своею ковыляюще походкой проходя в эту дверь.

«Пожалуйте, ждут-с!» — ответил слуга.

Бодянский прошел приемную и остановился перед следующей, затворенною дверью в угольную комнату, два окна которой выходили во двор и два на бульвар. Я догадывался, что это был рабочий кабинет Гоголя. Бодянский постучался в дверь этой комнаты:

«Чи дома, брате Миколо?» — спросил он по-малорусски. — «А дома ж, дома!» — негромко ответил кто-то оттуда.

Сердце у меня сильно забилося. Дверь растворилась. У ее порога стоял Гоголь. Мы вошли в кабинет. Бодянский представил меня Гоголю, сказав ему, что я служу при Норове и что с ним, Бодянским, давно знаком... Мои опасения рассеялись. Передо мной был не только не душевно больной или вообще свихнувшийся человек, а тот же самый Гоголь, тот же могучий и привлекательный художник, каким я привык себе воображать его с юности.

Г. П. Данилевский. «Знакомство с Гоголем».

1851 г., 31 октября. Вечер у Аксакова, «...пение разных малороссийских песен. ...Перед началом Гоголь, пришедший в 8 ч. в., при разговоре, между прочим, заметил, что первую идею к «Ревизору» его подал ему Пушкин...»

О. М. Бодянский. «Дневн 1851 г. 31 октября».

1851 г., 5 ноября. Для артистов Малого театра и узкого круга московской интеллигенции Гоголь прочел свою комедию «Ревизор».

«Стол, вокруг которого на креслах и стульях уселись слушатели, стоял направо от двери, у дивана, против окон во двор. Гоголь читал сидя на диване. В числе слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырев, И. С. Тургенев, Н. В. Берг и другие писатели, а также актеры М. С. Щепкин, П. М. Садовский и Шумский. Никогда не забуду чтения Гоголя. Особенно он неподражаемо прочел монологи Хлестакова и Ляпкина-Тяпкина и сцену между Бобчинским и Добчинским. «У вас зуб со свистом», — произнес серьезно и внушительно Гоголь, грозя кому-то глазами и даже пришепе-

тывая при этом, будто и у него свистел зуб... Когда он дочитал заключительную сцену комедии, с письмом, и поднялся с дивана, очарованные слушатели долго стояли группами, вполголоса передавая друг другу свои впечатления».

Г. П. Данилевский. «Знакомство с Гоголем».

1851 г., осень. Гоголь прочел Д. А. Оболенскому главы из второго тома поэмы «Мертвые души».

«Явился на сцену знакомый мне портфель; из него вытащил Гоголь одну довольно толстую тетрадь, уселся около стола и начал тихим плавным голосом чтение первой главы.

Гоголь мастерски читал; не только всякое слово у него выходило внятно, но, переменяя часто интонацию речи, он разнообразил ее и заставлял слушателя усваивать самые мелочные оттенки мысли».

Д. А. Оболенский. «О первых изданиях посмертных сочинений Гоголя».

1851 г. В Лейпциге в переводе на немецкий язык изданы повести Гоголя: «Шинель», «Старосветские помещики», «Страшная месть» и «Майская ночь».

1852 г., 1 января. Посетившему его Л. И. Арнольди Гоголь сообщил, что второй том поэмы «Мертвые души» закончен.

«Что второй том «Мертвых душ» умнее первого — это могу сказать как человек, имеющий вкус и при том умеющий смотреть на себя, как на чужого человека...»

Н. В. Гоголь. Письмо из Полтавы 6 мая 1851 г.

1852 г., 4 января. В письме И. С. Аксакова — И. С. Тургеневу сообщение об усиленной работе Гоголя.

«...Гоголь постоянно и много работает и печатает второе издание своих сочинений с прибавкою и 5-го, нового тома».

«Русское Обозрение», № 8. 1894 г.

1852 г., 26 января. Смерть Е. М. Хомяковой (жены поэта А. С. Хомякова и сестры поэта Н. М. Языкова), оказавшая на Гоголя чрезвычайно тяжелое впечатление.

«В феврале захворала Хомякова, сестра Языкова, с которым он был дружен. Он знал ее с детства: ее болезнь сильно озабочивала его... больная действительно в скором времени умерла. Смерть ее не столько поразила ее мужа и всех родных, как Гоголя».

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя».

1852 г., последние числа января. Из Ржева в Москву приехал священник Матвей Константиновский. Беседы с ним привели Гоголя в тяжелое, подавленное моральное состояние. Фанатик, ми-

стик, отец Матвей требовал от Гоголя полного отказа от литературной деятельности.

1852 г., 5 февраля. Отъезд М. А. Константиновского в Ржев. Гоголь провожает его на вокзал и с этого дня прекращает литературную деятельность.

1852 г., 6 февраля. В письме к Матвею Константиновскому Гоголь просит простить нанесенное ему оскорбление.

«Уже написал было к вам одно письмо еще вчера, в котором просил извинения в том, что оскорбил вас».

Гоголь — М. А. Константиновскому. 6 февраля 1852 г. Москва.

1852 г., около 10 февраля. Гоголь отправляет матери последнее письмо.

«В здоровье моем все еще чего-то недостает, чтобы ему укрепиться. До сих пор не могу приняться ни за труды, как следует, ни за обычные дела...»

Гоголь — матери. Около 10 февраля 1852 г. Москва.

1852 г., 10 февраля. Гоголь попросил А. П. Толстого взять к себе все его рукописи на сохранение, но получил отказ.

«...Он в ночь, часу во втором-третьем, сжег все свои бумаги дотла. Премного провинились окружавшие его, из коих одному он отдавал весь свой портфель, туго набитый; а тот, разумеется, поцеремонился, как сам потом имел еще дух рассказывать...»

О. М. Бодянский — Г. П. Данилевскому. 28 февраля 1852 г.

1852 г., ночь с 11 на 12 февраля. Гоголь сжег рукопись второго тома поэмы «Мертвые души», после чего смертельно заболел.

«Связка была брошена, но никак не загоралась. Обгорели только углы, а середина была цела. Тогда Гоголь достал связку кочергой и, отделив тетрадь от тетради, бросал одну за другой в печь. Так рукопись, плод стольких тягостных усилий и трудов, где, несомненно, были многие прекрасные страницы, сгорела».

Н. В. Берг. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

1852 г., 21 февраля. Смерть Николая Васильевича Гоголя.

«...Горестью была для меня мысль о Гоголе, как о нашей знаменитости. Осиротели мы совершенно, невозвратно, и последнее наше сокровище отнял у нас Толстой своим ханжеством. Зачем лишил он нас еще одной части Мертвых душ?.. Что это за странная смерть?..»

Мария Карпашевская — С. Т. Аксакову. Март 1852 г. Петербург.

«Гоголь умер! — Какую русскую душу не потрясут эти два слова? — Он умер. Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам

все еще не хочется ей верить. В то самое время, когда мы все могли надеяться, что он нарушит, наконец, свое долгое молчание, что он обрадуется, превзойдет наши нетерпеливые ожидания, — пришла эта роковая весть! Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся как одной из слав наших! — Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого дела, подобно благороднейшим из его предшественников...»

И. С. Тургенев. Письмо из Петербурга.

1852 г., с 22-го по 24 февраля. Доступ к телу Н. В. Гоголя был открыт в его последней квартире (Суворовский б., 7а), потом в церкви Московского университета.

«Стечение народа в продолжение двух дней было невероятное. Рихтер (художник), который живет возле университета, — писал мне, — что два дня не было проезда по Никитской улице».

Ф. И. Иордан — А. А. Иванову.

1852 г., 25 февраля. Похороны Н. В. Гоголя состоялись на Даниловском кладбище.

«Погребение Гоголя в Даниловском монастыре. Отпевание покойника в университетской церкви».

Е. И. Попова. «Дневник». 1852 г. 25 февраля.

«...Ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя... Эта страшная смерть — историческое событие, понятное не сразу... Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб!»

И. С. Тургенев — И. С. Аксакову. 3 марта 1852 г. Петербург.

1931 г., 31 мая. Перенесение праха Гоголя с Даниловского кладбища на Новодевичье.

«Творческий путь Гоголя был сложен и противоречив. В последние годы жизни писатель, как известно, испытал влияние идей, чуждых народу. Эти его заблуждения тогда же были осуждены в знаменитом письме Белинского к Гоголю. Но давно умерло и отошло в прошлое то, что было порождено слабостью, заблуждениями писателя. Навсегда вошло в золотой фонд нашей культуры то, что является передовым, составляет честь и славу художника».

«Правда», 4 марта 1952 г.

Окружение
ПИСАТЕЛЯ

оголь любил людей. Многие дружеские связи писатель нерушимо пронес через всю жизнь, и никакие обстоятельства не изменили их. Друзей Гоголь находил везде, в самых различных слоях русского общества, с которыми сталкивала его жизнь. Гоголя не интересовало общественное положение человека, его титулы, чины и звания. Писателя привлекал сам человек, его характер, его личные качества.

Главным связующим звеном между Гоголем и его друзьями была литература. Люди, причастные к ней, интересовавшиеся ею, люди с хорошим вкусом, умеющие быть ценителями ее, глубоко занимали писателя.

Окружающие Гоголя тянулись к нему как к гениальному писателю, создателю «Ревизора» и «Мертвых душ».

Гоголь-человек, благодаря скрытности и замкнутости своего характера, был понятен далеко не всем. В иных случаях это обстоятельство и осложняло взаимоотношения Гоголя с близкими ему людьми, среди которых он жил и творил.

АКСАКОВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

(1823—1886)

И

оэт-славянофил, критик и публицист.

Третий сын писателя С. Т. Аксакова. Получил хорошее домашнее воспитание. Пятнадцати лет поступил в училище правоведения и окончил его в 1842 году с чином 9-го класса.

Служил сначала в Московском уголовном департаменте, затем в Калуге в качестве товарища председателя Уголовной палаты. Вернувшись в Москву в 1848 году, поступил в министерство внутренних дел.

Через год с ним случилась беда.

«В марте 1849 года был по высочайшему повелению арестован и посажен в III отделение собственной его императорского величества канцелярии. Там оставался дней семь или восемь. Причина ареста до сих пор неизвестна...»

И. С. Аксаков. «Автобиография».

После ареста выпущенный на свободу Иван Аксаков был отдан под тайный полицейский надзор.

Вскоре он оставил службу и занялся исключительно литературой. В 1852 году издал «Московский сборник», т. I. Второго тома выпустить не удалось, так как рукопись конфисковал Московский цензурный комитет, а Иван Сергеевич лишился права быть редактором какого бы то ни было издания. В 40-х и последующих годах Иван Аксаков был видным деятелем славянофильства.

Белинский, не терпевший славянофилов, отзывался о нем с большой симпатией: «В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым, славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом».

Гоголь встречался с Иваном Аксаковым в доме его родителей и, хотя принципиально расходился с ним во взглядах, относился к нему благожелательно, как к человеку и как к поэту.

АКСАКОВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ

(1817—1860)

Старший сын С. Т. Аксакова. Видный деятель славянофильства, писатель-публицист.

С Константином Аксаковым, как и со всей семьей Аксаковых, Гоголь познакомился в свой первый приезд в Москву, летом 1832 года. Отношения между ними были близкими и сердечными. Гоголь ценил в молодом Аксакове пылкую привязанность к себе, юношескую чистоту и откровенность, прощая свойственную ему экзальтированность.

«...Любил их сына Константина за его юношеское увлечение, рожденное от чистого источника, несмотря на неумеренное, излишнее выражение его...»

Гоголь — А. О. Смирновой. 20 мая 1847 г. Генуя.

Но с начала 1840-х годов все резко изменилось. Отношение Гоголя к молодым Аксаковым, внешне оставаясь дружественным, внутренне все более и более приобретало характер отчужденности.

В это время уже определилось полное несходство во взглядах, вкусах и стремлениях Гоголя и сыновей Аксакова.

Между тем оба они, особенно Константин, страстно увлеченный славянофильством, всеми силами стремились привлечь на свою сторону Гоголя и тем самым усилить лагерь славянофилов в их идейной борьбе с противниками. Гоголь, не разделявший славянофильских догм, решительно уклонялся от притязаний на него молодых Аксаковых. Даже внешнее, показное проявление славянофильства, выраженное в их одежде, прическе, глубоко претило Гоголю.

«Меня смутило также известие твое о Константине Аксакове. Борода, зипун и проч... Он просто дурачится... Этот человек болен избытком сил физических и нравственных... Он должен был неминуемо сделаться фанатиком, так я думал с самого начала... Я напишу к нему: он от меня иногда выслушивал те горькие истины, которые от других не хотел выслушивать».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 20 ноября 1845 г. Рим.

Вскоре после выхода из печати первой части «Мертвых душ» в московских и петербургских журналах появилась критика поэмы. Среди статей, выражавших различные мнения современников, была и брошюра К. С. Аксакова под названием «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». В ней автор, сравнивая Гоголя с Гомером, утверждал, что достоинство поэмы главным образом в возрождении традиций гомеровского эпоса. По мнению К. С. Аксакова, отход от древнего эпоса привел современную литературу к падению. Такая реакционная, ненауч-

ная концепция автора возмутила В. Г. Белинского, и он, резко раскритиковав брешюру, доказал нелепость утверждений К. С. Аксакова. С мнением Аксакова не был согласен и Гоголь, который откровенно писал об этом в ряде писем.

Фанатизм, прямолинейность в выражении своих идей и взглядов, свойственные К. С. Аксакову, раздражали Гоголя,

«Я не прошу вам того, — писал он в одном из писем к Константину Аксакову, — что вы охладили во мне любовь к Москве. Да, до нынешнего моего приезда в Москву я более любил ее, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспрестанно одно и то же, пристегивая с боку припеку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его. Мне было горько, когда lidось через край ваше излишество и когда смеялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать раз, можно сделать пошлою».

Гоголь — К. С. Аксакову. Около 29 ноября 1842 г. Рим.

Но, не принимая многого в Константине Аксакове, критикуя его сочинения, Гоголь признавал в Константине даровитость литератора и хотел направить его силы и интересы по правильному пути:

«...Страхните пустоту и праздность вашей жизни! Пред вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прляжкой. Пред вами громада — русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его...»

В том же письме.

АКСАКОВ СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ

(1791—1859)

Известный русский писатель. Автор «Записок об уженье рыбы», «Записок ружейного охотника», «Семейной хроники» и «Детства Багрова-внука».

В Москве С. Т. Аксаков провел большую часть своей жизни, горячо разделяя интересы московской дворянской интеллигенции первой половины XIX века. Молодым — страстно увлекался театром, дружил с театрами, сам играл в любительских спектаклях, писал рецензии.

В 1830—1840-х годах дом Аксаковых представлял собою один из известных литературных домов Москвы.

Позднее, в 1840—1850-х годах, этот дом стал центром славянофильства, во главе которого стояли сыновья Аксакова — Константин, а затем и Иван.

Хотя С. Т. Аксаков принадлежал к числу достаточных помещиков, тем не менее доходов с имения не хватало, и он в течение своей жизни несколько раз принимался служить. С 1827 по 1832 год был литературным цензором, позднее занимал должность инспектора, а потом и директора московского Межевого института.

С первой встречи Гоголя с Аксаковыми началось их сближение, очень скоро перешедшее в дружбу, и этой дружбе Аксаковы остались верны всю жизнь.

Сергей Тимофеевич, обладавший хорошим литературным вкусом, и вся его семья высоко ценили Гоголя как гениального писателя и трепетно следили за появлением его произведений. Своё поклонение таланту Гоголя они перенесли на Гоголя-человека, старались окружить писателя нежным вниманием и заботами.

Авторитет Гоголя в семье Аксаковых был так высок, что с его мнением не просто считались, а оно существовало на правах закона.

В делах Гоголя С. Т. Аксаков принимал самое живое участие, в течение всей жизни писателя сделал ему немало добра. Достаточно вспомнить ту материальную помощь, которую Гоголь получал от своих московских друзей в складчину и которая была организована Сергеем Тимофеевичем. Мало того, Аксаков охотно выполнял всевозможные поручения Гоголя. В своих письмах напоминал его с событиями литературной жизни Москвы.

С другой стороны, общение с Гоголем, «поэтом жизни действительной», помогло Сергею Тимофеевичу найти свой правильный путь в литературе.

«Для Аксакова-отца, — свидетельствует И. И. Панаев, — сочинения Гоголя были новым словом. Они вывели его из рутины старой литературной школы».

И. И. Панаев. «Из литературных воспоминаний».

Слушая живые, колоритные рассказы С. Т. Аксакова о прошлом, о любимых занятиях охотой и ужением рыбы, о быте и нравах старого дедовского дома, Гоголь настойчиво советовал все это записать. В конце 40-х годов, когда Аксаков почти ослеп, Гоголь продолжал писать ему о том же.

«Мне кажется, что, если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили... всем соотечественникам лучшее познание русского человека».

Гоголь — С. Т. Аксакову. 28 августа 1847 г. Остенде.

Отношение Гоголя к Аксаковым было сложным. В их доме Гоголь неизменно чувствовал себя легко и приятно. Лишенный домашнего очага, у них он находил уют и тепло родного дома, несомненно ценил горячую к себе привязанность Аксаковых. В одном из писем к Сергею Тимофеевичу он пишет:

«Участие ваше меня тронуло. Приятно думать, что среди многолюдной, неблагоприятной толпы, скрывается тесный кружок избранных,веряющий творения наши верным внутренним чувством; еще более приятно, когда глаза его обращаются на творца их с тою любовью, какая дышит в письме вашем».

Гоголь — С. Т. Аксакову. 15 мая 1836 г. Петербург.

Однако за все время знакомства с Аксаковыми Гоголь претерпел так много внутренних изменений, что во второй половине жизни уже не мог удовлетворяться только лаской, вниманием и поклонением, которыми его щедро дарили Аксаковы. В это время от своих друзей писатель требовал умной критики, в которой так нуждался. Неудивительно поэтому, что отношения Аксаковых могли показаться ему в какой-то мере приторными. В одном из его писем проскользнула фраза: «Аксаковы способны залюбить не на живот, а на смерть...»

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя».

Но старик Аксаков бывал и другим. Когда Гоголь выпустил книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», деликатный, мягкий Сергей Тимофеевич гневно писал:

«Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите сами себе беспрестанно...»

Если бы эту книгу написал обыкновенный писатель — бог бы с ним, но книга написана вами; в ней блещет местами прежний могучий талант ваш, и поэтому книга ваша вредна, она распространяет ложь ваших умствований и заблуждений... Горько убеждаюсь я, что никому не проходит безнаказанно бегство из отечества...»

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

С. Т. Аксаков оставил интересные, содержательные воспоминания о Гоголе.

АННЕНКОВ ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

(1812—1887)

Критик и мемуарист. Сотрудник журнала «Современник». Автор «Литературных мемуаров», занимающих значительное место в литературе XIX века.

Был в дружеских отношениях с И. С. Тургеневым, В. Г. Белинским, А. И. Герценом и другими передовыми писателями.

С Гоголем познакомился в первые годы его жизни в Петербурге, когда вышли в свет «Вечера на хуторе близ Диканьки». Бывал у него и его нежинских друзей. Чаще всего — у Н. Я. Прокоповича.

В 1839 году Гоголь приехал в Петербург, чтобы взять сестер из института. Тогда же он читал у Прокоповича первые главы поэмы «Мертвые души». Павел Васильевич присутствовал на чтении и оставил интересные воспоминания о нем.

«Гоголь... сел мрачно на диван и тотчас же начал читать при всеобщем молчании. Он читал без перерыва до тех пор, пока истощился весь его голос и зарябило в глазах. Мы узнали таким образом первые четыре главы «Мертвых душ»... Общий смех мало поразил Гоголя, но изъявление нелицемерного восторга, которое видимо было на всех лицах под конец чтения, его тронуло... Он был доволен».

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

Летом 1841 года П. В. Анненков встретился с Гоголем в Риме, поселился с ним в одном доме и помогал переписывать поэму «Мертвые души».

«Поселившись рядом с Гоголем, в комнате, двери которой почти всегда были отворены, я связан был с Николаем Васильевичем только одним часом дня, когда занимался перепиской «Мертвых душ».

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

В 1847 году П. В. Анненков, сопровождавший В. Г. Белинского в его путешествии за границу перед смертью, был свидетелем страстной работы великого критика над письмом к Гоголю после выхода в свет книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

«На круглом столе явилась чернильница, бумага, и Белинский принялся за письмо к Гоголю, как за работу, и с тем же пылом, с каким производил свои срочные журнальные статьи в Петербурге».

П. В. Анненков. «Из замечательного десятилетия».

БАЗИЛИ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ

(1809—1884)

Дипломат и историк.

Грек по происхождению, Базили ребенком вместе с родителями бежал из-под власти турок в Россию.

Товарищ Гоголя по Нежинской гимназии. В 1827 году Базили переехал в Одессу, где окончил Ришельевский лицей. В 30-х годах

служил в Петербурге по дипломатической части. Встречался с Гоголем в петербургском кружке «нежинцев».

Друзья вспоминали Нежинскую гимназию, их общее увлечение литературой, издание рукописных журналов и альманахов, а главное — театр. В «Недоросле» Гоголь неподражаемо играл Простакону, а Базили исполнял роль Стародума.

С 1839 года Базили — русский консул в Сирии. Когда в 1848 году Гоголь ездил в Палестину, вместе с ним путешествовал и К. М. Базили, покровительство которого облегчило писателю дорожные затруднения.

«Путешествие мое... идет покуда довольно благополучно. С помощью генерального нашего консула в Сирии Базили, моего старшего товарища по школе, путь в Иерусалим... совершил».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 30 марта 1848 г. Бейрут.

Позднее Гоголь встречался с К. М. Базили в Москве и постоянно с ним переписывался.

К. М. Базили оставил ряд печатных трудов, посвященных Греции и Востоку.

БАРАТЫНСКИЙ ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ

(1800—1844)

Выдающийся русский поэт пушкинской плеяды.

Знакомство Гоголя с Баратынским состоялось, вероятно, в 1832 году, когда он, по дороге в Васильевку, останавливался ненадолго в Москве. Уже в 1833 году, перечисляя в письме к М. П. Погодину ближайших московских знакомых, Гоголь включил и имя Е. А. Баратынского: «Что делают наши москвичи? Что Максимович?.. А Киреевский?.. Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?»

Гоголь — М. П. Погодину. 8 мая 1833 г. Петербург.

Баратынского встречаем и среди гостей Гоголя на именинном обеде в 1840 году.

В 1842 году, когда Гоголь жил в Москве, Баратынского не было в городе. А когда Гоголь вернулся из-за границы в 1848 году, Баратынского уже не стало.

По воспоминаниям С. Т. Аксакова известно, что Е. А. Баратынский был в числе друзей Гоголя, оказавших помощь ему в складчину.

«Мы решились ему помочь, но под большим секретом. Я, Погодин, Баратынский и Павлов сложились по двести пятьдесят рублей, и тысячу рублей предложил сам, по сердцу весьма добрый человек, И. Е. Великопольский».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

Великий литературный критик и публицист. Основоположник русской научной критики. Вместе с А. И. Герценом представлял самую передовую политическую мысль в России своего времени. Горячо боролся против самодержавия и крепостничества, разоблачая славянофилов, а также лагерь дворянских либералов, уверявших, что добиться социальных преобразований можно и «без насильственных переворотов, без крови».

В. Г. Белинский первым сумел дать правильную характеристику творчества Гоголя.

Когда Гоголь был известен только как автор веселых и поэтичных «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Белинский в своей замечательной статье «Литературные мечтания» (1834) высоко оценил дарование молодого писателя, отметив, что он «...принадлежит к числу необыкновенных талантов».

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя», появившейся в сентябре 1835 года, то есть до комедии «Ревизор» и поэмы «Мертвые души», Белинский охарактеризовал Гоголя как «главу литературы, главу поэтов», с которого начинается новый период русской литературы, русской поэзии. Отличительными чертами творчества Гоголя молодой критик считал простоту сюжета, всегда взятого из подлинной жизни, и умение показать жизнь во всей ее сложности. Он называл Гоголя поэтом жизни действительной. Демократизм творчества Гоголя проявился в выборе тем из обычного и даже пошлого круга жизни. Писатель в своем творчестве касался самых острых вопросов современности и давал возможность демократическому лагерю обсуждать их легально. Своим реалистическим искусством, силой художественного обобщения Гоголь подводил читателя к очень важным социальным выводам самого прогрессивного характера. И тем самым, хотя в своих теоретических умозаключениях и был далек от революционных идей В. Г. Белинского, стал союзником великого критика и всей «молодой России» в их борьбе с самодержавием и крепостничеством.

Личное знакомство, состоявшееся в Москве в 1835 году, сблизило писателей. Между ними установились отношения, полные приязни и уважения. Взаимная симпатия крепла с годами. Бывая в Петербурге, Гоголь непременно искал случая побеседовать с Белинским. И пусть встреч было немного, но они оставляли глубокий след в сознании обоих.

«Скажи от меня Гоголю, что я так люблю его, и как поэта, и как человека, что те немногие минуты, в которые я встречался с ним в Питере, были для меня отрадою и отдыхом».

В. Г. Белинский — К. С. Аксакову. 10 января 1840 г. Петербург.

Гоголь, со своей стороны, писал Н. Я. Прокоповичу: «Я получил письмо от *Белинского*. Поблагодари его. Я не пишу к нему, потому что, как он сам знает, обо всем этом нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сделаем в нынешний проезд мой через Петербург».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 11 мая 1842 г. Москва.

Комедию «Ревизор», а позднее «Мертвые души» Белинский встретил восторженно, увидев в этих произведениях гениальное отображение современной русской действительности. Опять он выступил тем первым критиком, который правильно раскрыл сущность произведений Гоголя, их социальный и национальный характер. Белинский страстно боролся за Гоголя, за его «натуральную школу», и с лагерем консерваторов и с лагерем дворянских либералов.

Но не меньше великий критик боролся за Гоголя с самим Гоголем. Когда вышла книга «Выбранные места из переписки с друзьями», Белинский открыто выразил свое негодование, свое осуждение автору. Известно его знаменитое письмо к Гоголю по поводу этой книги, один из программных документов русской революционной демократии, по выражению Герцена — политическое завещание Белинского.

В. И. Ленин назвал письмо к Гоголю итогом деятельности Белинского и «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

В. И. Ленин. Статья «Из прошлого рабочей печати в России».

В этом письме Белинский не только высмеял нелепый проповеднический тон «странной» книги, в которой обличение уступило место христианскому смирению, но и раскрыл реакционное существо этого произведения.

Белинский упрекал Гоголя в отступничестве от своих благородных позиций и требовал искупить грех перед родиной созданием произведений, написанных в прежнем духе. Гоголь был потрясен письмом Белинского. Пытался отвечать и не мог. Первый вариант ответа не был им послан критику. А во втором, уже отосланном, письме Гоголь, несмотря на жестокую обиду, все же был вынужден признать «часть правды» слов Белинского, заключающуюся, по его мнению, в том, что он совсем не знает России и что ему следует «...сызнова узнавать все то, что ни есть в ней теперь».

Гоголь — В. Г. Белинскому. 10 августа 1847 г. Остенде.

БЕЛОУСОВ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(1799—1854)

Младший профессор политических наук в Нежинской гимназии. Читал также курс естественного права. Любимый преподаватель Гоголя.

«Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступает за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня не достало бы терпения здесь окончить курс...»

Гоголь — Г. И. Высоцкому. 19 марта 1827 г. Нежин.

Белюсов относился к Гоголю очень тепло. «...Перед окончанием курса его заметил и стал отличать профессор... Белюсов...» — свидетельствует А. С. Данилевский.

В. И. Шенрок. «Материалы к биографии Гоголя».

По воспоминаниям другого современника, Гоголь запросто бывал в его доме и свободно пользовался его библиотекой.

В 1826 году Белюсов получил новое назначение: должность инспектора Нежинской гимназии высших наук. Об этом с восторгом пишет Гоголь своему приятелю Г. И. Высоцкому в Петербург: «Писать тебе про пансион? он у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белюсову».

Гоголь — Г. И. Высоцкому. 17 января 1827 г. Нежин.

Человек передовых убеждений, Н. Г. Белюсов отличался умом, широкими, разнообразными интересами и серьезным образованием. В своих лекциях он увлекательно говорил о праве человека на личную свободу, о великой пользе просвещения, развивая прогрессивные идеи и пробуждая в умах своих юных слушателей острую критическую мысль.

Гуманность и демократизм в обращении Белюсова с воспитанниками гимназии вызывали одновременно горячие к нему симпатии с их стороны и ненависть большинства профессоров.

Весной 1827 года Билевич, бездарный и не любимый учениками профессор, учинил на Белюсова донос, послуживший основанием для возникновения «Дела о вольнодумстве в Нежинской гимназии».

После длительного следствия Белюсов и еще три профессора были отстранены от должности «с запрещением... служить по учебному ведомству».

Гоголь не забывал Белюсова всю жизнь. Постоянно интересовался его судьбой. «Я слышал, что Белюсова дела довольно по-

правились, я этому очень рад», — писал он В. В. Тарповскому 7 августа 1834 года.

Постоянно передавал приветы:

«Поклонись от меня Белоусову, ежели увидишь его, скажи ему, что мне очень жаль, что не удалось с ним увидаться в Петербурге».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу, 15 апреля 1838 г. Рим.

Имя Белоусова неоднократно упоминается в письмах Гоголя.

БОДЯНСКИЙ ОСИП МАКСИМОВИЧ

(1808—1877)

Профессор Московского университета, известный славист, автор многих работ по истории и культуре славянских народов. С 1845 года был секретарем «Общества истории и древностей российских» и редактором печатного органа этого общества — «Чтения».

Гоголь познакомился с О. М. Бодянским, тогда еще студентом Московского университета, в свой первый приезд в Москву, летом 1832 года. Встречались они у их общего земляка и друга М. А. Максимовича, в доме которого О. М. Бодянский в то время жил. Гоголь заинтересовался работами талантливого студента. Между ними завязалась переписка, и вскоре создались теплые дружеские отношения, особенно окрепшие в последние годы жизни Гоголя в Москве.

В 1849 году у О. М. Бодянского были серьезные неприятности по службе. В очередном номере «Чтений» он поместил перевод сочинений Флетчера «О государстве русском» и за это подвергся преследованиям. Его отстранили от чтения лекций и освободили от секретарских обязанностей в обществе. Только через год О. М. Бодянского восстановили на кафедре. Гоголь принимал близко к сердцу неприятности друга.

«Часа в три пополудни навестил меня Николай Васильевич Гоголь, пришедший с поздравлением о победе над супостатом. — «Максимович был у меня сейчас, — сказал Гоголь, — и сообщил мне новость о вас и я немедленно же очутился у вас, чтобы вас обнять и поздравить с победою».

О. М. Бодянский. «Дневник». 21 декабря 1849 г.

С О. М. Бодянским Гоголя сближал еще их общий интерес к народной украинской песне. Бывая у Аксаковых, они оба с любовью слушали песни в исполнении дочери хозяев Надежды Сергеевны, сами подпевали ей, а иной раз для домашних концертов Аксаковых приглашали и других исполнителей.

Писатель Г. П. Данилевский, познакомившийся с Гоголем в последний год его жизни, рассказывает об одном таком вечере у Аксаковых.

«Вторично я увидел Гоголя вскоре после первого с ним свидания, а именно 31 октября. Повод к этому подала новая моя встреча у Бодянского с украинским певцом и полученное мною вслед за тем от Бодянского нижеследующее письмо:

«30 октября 1851 года, вторник.

Извещаю вас, что земляк, с которым вы на днях виделись у меня, поет и теперь, и охотно споет нам у Гоголя. Я писал этому последнему; только пение он назначил не у себя, а у Аксаковых... Если вам угодно, пожалуйста ко мне завтра часов в 6 вечера; мы отправимся вместе. Ваш О. Б.».

...В назначенный вечер, 31 октября, Бодянский, получив приглашение Аксаковых, привез меня в их семейство, на Поварскую...

Подъехал наконец Гоголь. Любезно поздоровавшись и пошутив насчет нового запоздания певца, он после первого стакана чаю сказал Надежде Сергеевне Аксаковой: «Не будем терять дорогого времени», и просил ее спеть. Она очень мило и совершенно просто согласилась. Все подошли к роялю. Н. С. Аксакова развернула тетрадь малорусских песен... «Что спеть?» — спросила она. — «Чоботы», — ответил Гоголь. Н. С. Аксакова спела «Чоботы», потом «Могилу», «Солнце низенько» и другие песни.

Гоголь остался очень доволен пением молодой хозяйки, просил повторять почти каждую песню и был вообще в отличном расположении духа».

Г. П. Данилевский. «Знакомство с Гоголем».

БРЮЛЛОВ КАРЛ ПАВЛОВИЧ

(1799—1852)

Крупнейший русский художник. Друг композитора М. И. Глинки, А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Автор знаменитой картины «Последний день Помпеи».

Личное знакомство Гоголя с Брюлловым, вероятно, состоялось в последних числах мая или первых числах июня 1836 года.

Художник только что возвратился из-за границы, откуда привез и свою шумевшую картину.

В Петербург он приехал 20 мая 1836 года, а 6 июня того же года Гоголь выехал за границу.

«Последний день Помпеи» потряс Гоголя, тонкого ценителя произведений изобразительного искусства. Он посвятил картине целую статью, в которой горячо говорил о даровании автора. «...Главный признак и что выше всего в Брюллове — так это необыкновенная многосторонность и обширность гения. Он ничем не пренебрегает; все у него, начиная от общей мысли и главных фи-

гур до последнего камня на мостовой, живо и свежо. Он силится обхватить все предметы и на всех разлить могучую печать своего таланта».

Гоголь. «Последний день Помпеи».

К. П. Брюллов поселился в здании Академии Художеств на Васильевском острове. Здесь, приезжая в Петербург, бывал и Гоголь.

БУЛГАРИН ФАДДЕЙ ВЕНЕДИКТОВИЧ

(1789—1859)

Реакционный журналист и критик. Очень плодовитый, писавший на потребу мещанской публики беллетрист. Тайный агент Третьего отделения.

Издавал журналы: «Северный архив» (1822—1828), «Литературные листки» и альманах «Русская Талия» (1823—1828). С 1825 по 1857, вместе с Н. И. Гречем, — газету «Северная пчела», имевшую право помещать политические новости, чего другие газеты были лишены.

К началу 1830-х годов «Северная пчела» завоевала репутацию самого реакционного органа русской печати. Все прогрессивное и талантливое вызывало со стороны Булгарина злую, несправедливую критику.

Передовые литераторы, начиная с А. С. Пушкина, относились к Ф. В. Булгарину с заслуженным презрением и постоянно вели с ним ожесточенную полемику, упрекая его в беспринципности, реакционности.

Гоголь также находился в числе противников Булгарина, за что последний платил ему тем же и помещал в своей газете грубые выпады против него.

Когда вышли «Вечера на хуторе близ Диканьки», Булгарин напечатал рецензию, в которой упрекал молодого автора в недостатке творческой фантазии, в вульгарности языка, в отсутствии настоящих характеров.

Подобная «критика» Булгарина затронула и последующие произведения Гоголя. Даже книга «Выбранные места из переписки с друзьями», вызвавшая положительную реакцию консервативного лагеря, была встречена Булгаринным злой иронией.

ВЬЕЛЬГОРСКИЙ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

(1788—1856)

Русский музыкальный деятель, композитор, один из просвещенных людей своего времени.

Он «...был один из первых и самых любимых русских меценатов; все этому в нем способствовало: большое состояние, огромные

связи, высокое... положение, которое занимал он при дворе, тонкое понимание искусства, наконец его блестящее и вместе с тем серьезное образование и самый добрый и простой нрав».

В. А. Соллогуб. «Воспом

Дом М. Ю. Вьельгорского представлял один из культурнейших центров столичной музыкальной жизни.

У Вьельгорских «...редко танцевали, но почти каждую неделю на половине самого графа... устраивались концерты, в которых принимали участие все находившиеся в то время в Петербурге знаменитости».

В. А. Соллогуб. «Воспоминан

М. Ю. Вьельгорский был близок со многими литераторами: Карамзиным, Жуковским, Пушкиным и другими.

Его привлекало общество петербургской интеллигенции больше, чем «высший свет».

С М. Ю. Вьельгорским и его семьей Гоголь встречался в Петербурге и особенно близко сошелся за границей, когда ухаживал за больным сыном Вьельгорских, Иосифом.

М. Ю. Вьельгорский относился к Гоголю благожелательно и много сделал для него, когда нужно было хлопотать разрешение постановки «Ревизора», а позднее преодолеть цензурные затруднения при печатании первого тома поэмы «Мертвые души».

ВЬЕЛЬГОРСКАЯ АННА МИХАЙЛОВНА

(1823—1861)

В замужестве — княгиня Шаховская.

Третья дочь Михаила Юрьевича и Луизы Карловны Вьельгорских.

Привязавшись ко всей семье, Гоголь больше, чем с другими, дружил именно с Анной Михайловной. Писал ей длинные письма-трактаты, главной темой которых было самовоспитание и самоусовершенствование человека.

Гоголь ставил Анну Михайловну очень высоко.

«Я тебе особенно советую с ней познакомиться. У ней есть то, чего я не знаю ни у одной из женщин: не ум, а разум; но ее не скоро узнаешь: она вся *внутри*».

Гоголь — П. А. Плетневу. 15 января 1847 г. Неаполь.

Некоторые близкие Гоголю люди считают, что весной 1850 года писатель предложил Анне Михайловне выйти за него замуж и получил отказ. Высокопоставленная семья крупного сановника не могла допустить и мысли о таком неравном браке. «...Анна Ми-

хайловна,— пишет в своих воспоминаниях писатель В. А. Соллогуб, муж другой дочери Вьельгорских — Софии,— кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь...»

В. А. Соллогуб. «Воспоминания».

ВЕРСТОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

(1799—1862)

Известный русский композитор и театральный деятель первой половины XIX века. Автор популярных опер на сюжеты произведений Загоскина: «Аскольдова могила» и «Пан Твардовский», автор романсов на стихи русских поэтов, особенно Пушкина.

А. Н. Верстовский прославился не только как композитор, но и как превосходный исполнитель собственных произведений.

В музыкальном и театральном мире занимал видное положение. С 1825 года состоял в должности инспектора музыки при московских театрах, а с 1830 года получил назначение заведовать репертуарной частью московских казенных театров.

Гоголь встречался с А. Н. Верстовским в свои наезды в Москву. Судя по дневнику Н. А. Маркевича, между писателем и композитором даже шла речь о создании оперы «Страшная месть».

«Знакомство с Верстовским... Разговор с Гоголем... Собирались с Верстовским писать оперу «Страшная месть».

«Генварь 24... Толкование о будущей опере «Страшная месть»... Я пишу либретто, Верстовский — партитуру».

Н. А. Маркевич. «Дневн

ВОЛКОНСКАЯ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА

(1792—1862)

Образованная, даровитая женщина, создавшая в Москве 20-х годов XIX века знаменитый литературный салон на Тверской, где собирался цвет московской интеллигенции, устраивались концерты и литературные вечера, читал стихи Пушкин и импровизировал А. Мицкевич. В ее доме состоялись проводы Марии Николаевны Волконской в Сибирь. Несмотря на высокое положение в обществе и близость ко двору, З. А. Волконская не пользовалась доверием правительства. Ее салон считали «средоточием всех недовольных». В 1829 году Волконская уехала за границу. Дольше всего она жила в Италии. В Риме у нее была великолепная вилла, где она принимала всех русских и покровительствовала русским писателям и художникам.

Гоголь познакомился с З. А. Волконской в свой первый приезд в Рим, часто бывал у нее и, по отзыву современников, любил оди-

нокие прогулки в огромном парке ее виллы, особенно в той ее части, где сохранились остатки древнего римского водопровода. Здесь он любил лечь на землю и подолгу, в одиночестве, глядел на любимое им итальянское небо.

В одном из писем к матери Гоголь отзывается о З. А. Волконской очень тепло: «...Зинаида Волконская, к которой я всегда питал дружбу и уважение и которая услаждала мое время пребывания в Риме, уехала...»

Гоголь — матери. 16 мая 1838 г. Рим.

Зинаида Волконская принадлежала к тому ряду «друзей» Гоголя, которые дурно влияли на него, поддерживая религиозно-мистические настроения писателя. Княгиня восторженно встретила выход его книги «Выбранные места из переписки с друзьями». О людях, составлявших этот круг Гоголя — о Плетневе, Жуковском, Смирновой-Россет и З. А. Волконской, — П. Я. Чаадаев писал: «Бог знает, куда заведут его друзья, как вынесет он бремя их гордых ожиданий, неразумных внушений и неумеренных похвал!»

П. Я. Чаадаев — П. А. Вяземскому. 29 апреля 1847 г.

ВЫСОЦКИЙ ГЕРАСИМ ИВАНОВИЧ

Товарищ Гоголя по Нежинской гимназии высших наук. Старше Гоголя на два класса. Окончив гимназию в 1826 году, он уехал в Петербург, откуда писал Гоголю, подробно рассказывая о столице.

Гоголь был очень привязан к Герасиму Ивановичу, находя с ним много общего во взглядах, в оценке людей и событий.

«...Позволь сказать, что ни к кому сердце мое так не привязывалось, как к тебе. С первоначального нашего здесь пребывания, уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас: вместе мы осмеивали их и вместе обдумывали план будущей нашей жизни».

Гоголь — Г. И. Высоцкому. 17 января 1827 г. Нежин.

ВЯЗЕМСКИЙ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ

(1792—1878)

Известный литератор — поэт и критик XIX века, друг Пушкина. Получил образование в петербургском пансионе иезуитов. В доме своего отца, князя Андрея Ивановича, одного из просвещенных людей конца XVIII века, любителя и знатока искусств и литературы, еще юношей встречался с лучшими поэтами и писателями своего времени. Одним из близких дому Вяземских литераторов был писатель и историк Н. М. Карамзин.

С 1808 года П. А. Вяземский начал печататься, помещая свои стихи в журнале «Вестник Европы».

1812 год встретил с оружием в руках. Вступив в московское ополчение, он принял участие в сражениях, в том числе и в Бородинской битве. Был активным членом литературного общества «Арзамас», полемизировавшего с реакционной «Беседой любителей русского слова».

Параллельно с литературной деятельностью Вяземского развивалась его служебная карьера. С 1817 по 1821 год служил чиновником особых поручений в Варшаве при Н. Н. Новосильцеве. В 1830-х годах — чиновником особых поручений при министре финансов Канкрине.

П. А. Вяземский был умным, тонким человеком, с хорошим литературным вкусом, остроумным собеседником. Талантливый поэт, он глубоко понимал многие явления современной литературы и обладал данными хорошего критика, что подмечал у него и Пушкин, всегда считавшийся с мнением друга, хотя нередко с ним и полемизировавший.

Гоголь познакомился с Вяземским у Жуковского в первые годы своей петербургской жизни.

Отношения между ними были далекие, хотя Вяземский отдавал должное дарованию Гоголя, с удовольствием слушал его чтение и благожелательно отзывался о молодом писателе.

Несколько раз Гоголь читал свои произведения в доме Вяземских. Гоголь относился к Петру Андреевичу с огромным уважением. В одном из немногих, написанных им Вяземскому писем читаем: «Пишу к вам письмо вследствие прочтения нескольких разрозненных листков из биографии Фонвизина, которые вы прислали Языкову. Я весь полон сего чтения. Я читал прежде отрывки, и уже в них видны следы многообъемлемости ума вашего...

...В них меня ни один столько не занял, как сам биограф. Как много сторон его сказало в этом сочинении! Критик, государственный муж, политик, поэт, все соединилось в биографе, и какая строгая многообъемлемость!.. Вы владеете глубоким даром историка...»

Гоголь — П. А. Вяземскому. Июль — сентябрь 1842 г. Гастейн.

Когда вышла книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», П. А. Вяземский написал о ней положительный отзыв. Однако Гоголь не был доволен статьей Вяземского, резко направленной против демократического лагеря, в частности против В. Г. Белинского. «...Мне кажется,— писал Гоголь Петру Андреевичу,— что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападениях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли. Мне кажется вообще, мы судим их слишком неумолимо».

Гоголь — П. А. Вяземскому. 11 июня 1847 г. Франкфурт-на-Майне.

ГАЛАХОВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

(1807—1892)

Историк литературы, критик и педагог, автор ряда учебных пособий по русской словесности. В 40-е годы сотрудничал в отделе критики журнала «Отечественные записки», не разделяя, однако, революционно-демократических воззрений В. Г. Белинского, возглавлявшего отдел. Позднее открыто боролся против «Современника» и революционных демократов.

Гоголь встретил А. Д. Галахова в один из своих наездов в Москву, в доме профессора судебной медицины и инспектора Николаевского института благородных девиц А. О. Армфельда, где Галахов преподавал русскую словесность.

«...Я был представлен ему, как искренний поклонник его таланта, знакомивший институток с его сочинениями...»

А. Д. Галахов. Из «Сороковых годов».

Последнее свидание состоялось после возвращения Гоголя из-за границы в доме В. П. Боткина, у которого Галахов часто бывал. Эта встреча сильно сконфузила Галахова, напомнив о его письме «...написанном по поводу предисловия его [Гоголя.— *Ред.*] ко второму изданию первого тома «Мертвые души» и напечатанном в «Отечественных записках» 1847 года».

Второе издание поэмы «Мертвые души» вышло в 1846 году со специальным предисловием автора. В ответ на это Галахов выступил на страницах «Отечественных записок» с открытым письмом к Гоголю, написанном в легком фельетонном стиле, откровенно вышучивающим предисловие. Статья была подписана псевдонимом.

ГЕРЦЕН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(1812—1870)

Великий русский писатель-революционер.

Гоголь и Герцен питали друг к другу самый живой интерес и симпатию.

В письме к П. В. Анненкову Гоголь писал: «...вы упоминаете, что в Париже находится Герцен. Я слышал о нем очень много хорошего. О нем люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, а покуда известите меня, что он делает, что его более занимает и что предметом его наблюдений».

Гоголь — П. В. Анненкову. 7 сентября 1847 г. Остенде.

Узнав, что Герцен в Италии, Гоголь спрашивает художника А. А. Иванова, «...что он делает в Риме, что говорит об искусствах и какого мнения о нынешнем политическом и гражданском состоянии Рима...»

Гоголь — А. А. Иванову. 14 декабря 1847 г. Неаполь.

Герцен с университетских лет пристально следил за всем, что выходило из-под пера Гоголя, начиная с его «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

«Повести, которыми дебютировал Гоголь, составляют ряд картин нравов и пейзажей Малороссии, истинно прекрасных, полных веселости, грации, жизни и любви...»

А. И. Герцен «О развитии революционных идей в России».

Появление на сцене комедии «Ревизор» Герцен приветствовал как гениальную сатиру на современность. «У нас своим смехом и рукоплесканиями публика выражала протест против тупой и придирчивой администрации, против грабительской политики всеобщего «дурного правления».

А. И. Герцен. Статья «О романе из народной жизни в России».

Первый том поэмы «Мертвые души» произвел на Герцена огромное впечатление. «Мертвые души» — потрясли всю Россию...» — воскликнул он.

«Мертвые души» Гоголя, — удивительная книга, горький упрек современной Руси... Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз. Грустно в мире Чичикова, так, как грустно нам в самом деле».

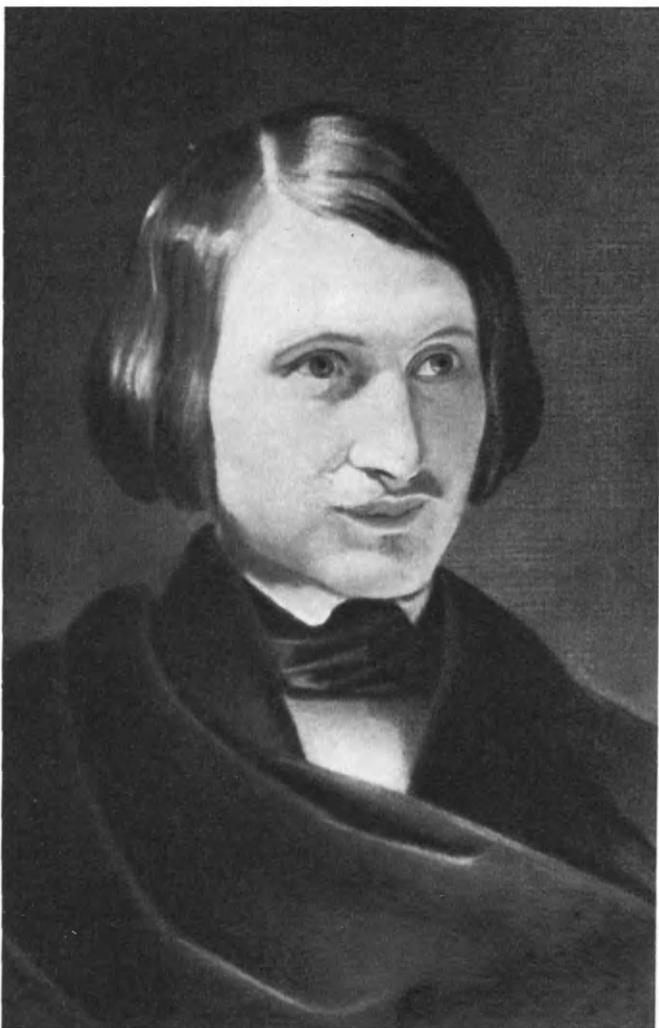
А. И. Герцен. «Дневник». 11 июня 1842 г.

В эту пору Герцен видел в Гоголе идейно близкого себе человека, первого сатирика, горячо борющегося с современной русской действительностью. Смех Гоголя, его юмор Герцен высоко ценил за обличительный, острый характер и видел в нем «...одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится, бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых».

В поэме «Мертвые души» ярко отразилась Русь со всеми недостатками и язвами действительности. «Современный вопрос, — пишет Герцен, подразумевая под ним крепостное право, — так болезненно повторялся, что я готов был рыдать...»

А. И. Герцен. «Дневник». 10 апреля 1843 г.

Живя в 1842—1846 годах в Москве и вращаясь в близком Гоголю круге московской интеллигенции, Герцен несомненно

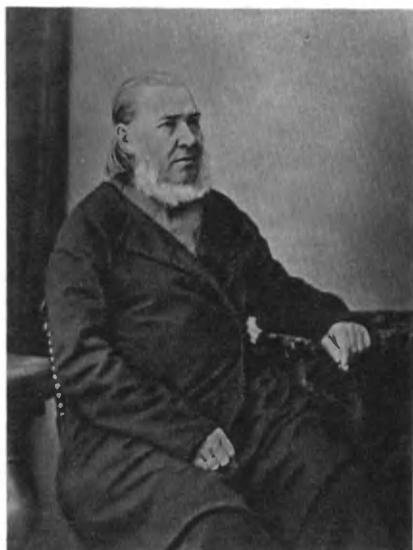
ГОГОЛЬ Н. В.
Портрет работы художника Ф. Моллера.
1840 г.

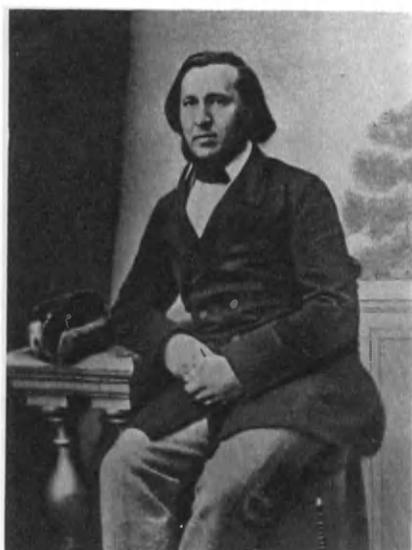
АКСАКОВ И. С.
Рисунок неизвестного художника
1830-х годов

АННЕНКОВ П. В.
Рисунок художника К. Горбунова.
1845 г

АКСАКОВ С. Т
Фотография 1850-х годов.

АКСАКОВ К. С.
Фотография А. Бергнера.
1850 г

БЕЛИНСКИЙ В. Г.
Портрет работы художника
И. А. Астафьева

БАРАТЫНСКИЙ Е. А.
Литография Шевалье.

БАЗИЛИ К. М.
Литография Бореля.

БОДЯНСКИЙ О. М.
Литография Бахмана по фотографии
А. Бергнера

ГЕРЦЕН А. И.
Литография Л. Нозля.
1847 г.

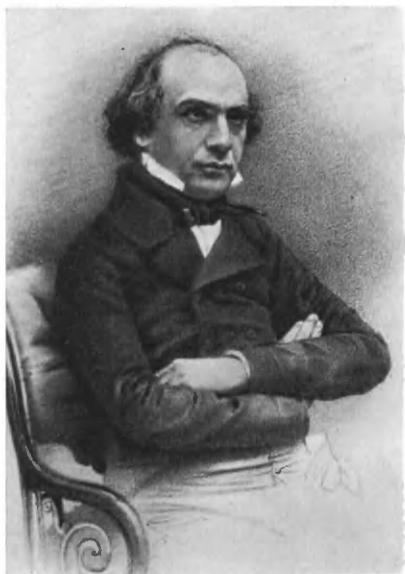
ВЯЗЕМСКИЙ П. А.
Рисунок Т. Райта.
1844 г.

ГОНЧАРОВ И. А.
Литография В. Тимме. 1850-е годы.

ГРИГОРОВИЧ Д. В.
Литография В. Тимме. 1850-е годы.

ГРАНОВСКИЙ Т. Н.
Литография.
1856 г.

ДАНИЛЕВСКИЙ Г. П.
Портрет работы художника И. А. Крамского

ЖУКОВСКИЙ В. А.
Гравюра с портрета работы художника
Крюгера

ДАНИЛЕВСКИЙ А. С.
Фотография середины XIX века

КАПНИСТ В. В.
Гравюра.

ЗАГОСКИН М. Н.
Портрет работы художника
В. А. Тропинина.

КИРЕВСКИЙ П. В.
Фотография 1850-х годов.

КИРЕВСКИЙ И. В.
„Лагерротип“.

КРЫЛОВ И. А.
Гравюра с портрета работы художника К. Брюллова.
1844 г.

ЛЕРМОНТОВ М. Ю.
Рисунок художника Д. Палена.

МАКСИМОВИЧ М. А.
Рисунок художника Э. А. Дмитриева-Мамонова.

МОЛЛЕР Ф. А.
Рисунок цветным карандашом
работы художника О'Коннелл.

НАШОКИНА В. А.
Портрет работы неизвестного художника
1840-х годов.

НАШОКИН П. В.
Рисунок работы художника Мазера.

ОСТРОВСКИЙ А. Н.
Литография А. Мюнстера.

ПОГОДИН М. П.
Литография 1846 г.

ПАВЛОВ Н. Ф.
Литография Брандта. 1848 г

ПАВЛОВА К. К.
Акварель работы художника Л. Плахова. 1854 г

МИШКЕВИЧ АДАМ
Портрет работы неизвестного художника.
1842 г

ПАНАЕВ В. И.
Портрет работы художника А. Тыранова.

ПАНАЕВ И. И.
Акварель работы художника Н. Алексева

ПРОКОПОВИЧ Н. Я.
Литография. 40-е годы XIX в.

НЕКРАСОВ Н. А.
Акварель работы художника И. Захарова.
1843 г

ОДОЕВСКИЙ В. Ф.
Акварель работы художника А. Покровского. 1840-е годы.

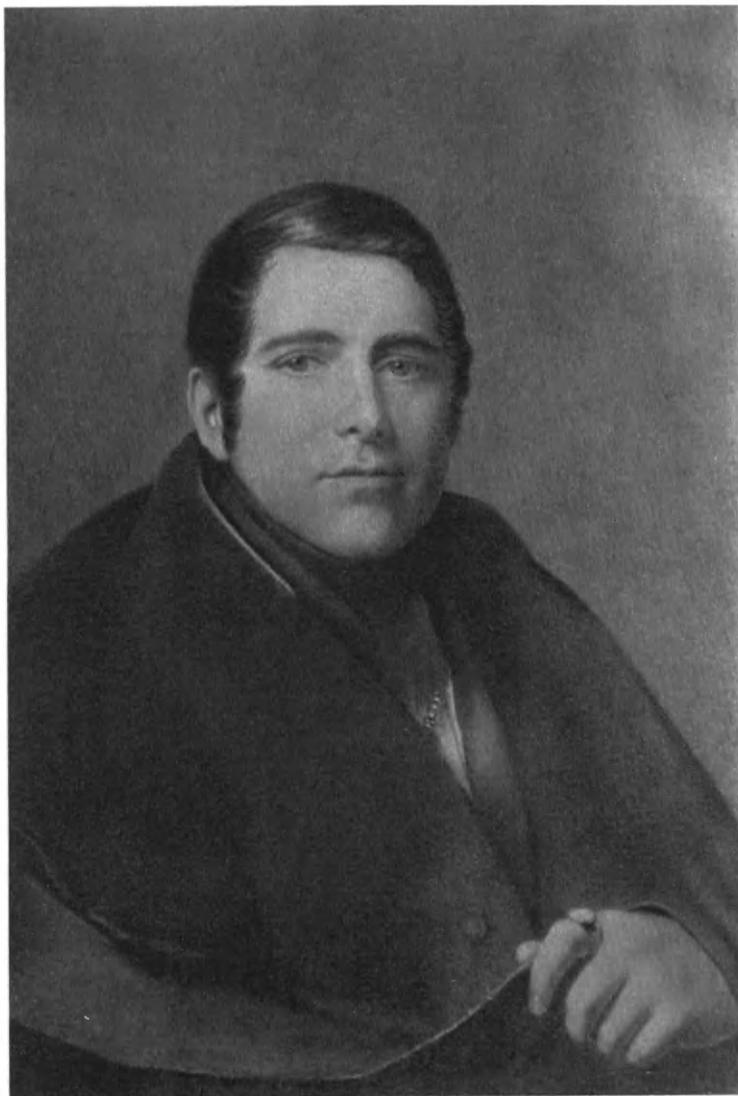
САМАРИН Ю. Ф.
Рисунок работы художника В. А. Тропинина.

ПУШКИН Л. С.
Гравюра на дереве

РОСТОПЧИНА Е. II
Акварель работы художника П. Соколова

ПЛЕТНЕВ П. А.
Портрет работы А. Тыранова. 30-е годы XIX в

СМИРНОВА А. О.
Акварель работы художника Н. Алексеева. 1844 г.

слышал многое о нем от его друзей и с огромным интересом читал его сочинения.

В своих воспоминаниях друг семьи Герценов Мария Каспаровна Рейхель сообщает, что почти каждый вечер Герцен, если он оставался дома, читал вслух что-нибудь интересное. Чаще всего это были произведения Гоголя.

«...Надобно ли говорить, какое наслаждение доставляли его трогательные рассказы или возбуждающие веселый смех приключения Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича».

М. К. Рейхель. «Воспоминан

Появление книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвало возмущение Герцена. «...Я считал эту книгу преступлением...»

Для Герцена, как и для Белинского, сурово осудившего это новое сочинение Гоголя, книга «Выбранные места...» была отречением писателя от прежних взглядов.

Гоголь, дороживший мнением Герцена, был потрясен его оценкой. Спустя несколько лет, встретившись в Москве с И. С. Тургеневым, человеком в то время очень близким Герцену, Гоголь сразу же, с огромным волнением заговорил с ним о книге «Выбранные места из переписки с друзьями», горько сетуя на себя за ее создание.

Герцен до конца своей жизни высоко ценил Гоголя, как «порта жизни действительной», как большого художника слова. Неоднократно возвращался к творчеству писателя. Читал и перечитывал его произведения, делясь с друзьями своим мнением о них. Радовался, встречая переводы их на иностранные языки.

ГОГОЛЬ-ЯНОВСКИЙ ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

(1777—1825)

Отец Н. В. Гоголя. Девятилетним мальчиком, по обычаю того времени, был зачислен в полк. Когда пришло время служить, поступил чиновником в полтавский почтамт. Выйдя в отставку и женившись на Марии Ивановне Косяровской, поселился в своем небольшом поместье Васильевке и занялся хозяйством. Позднее Василий Афанасьевич вел дела богатого родственника жены — Дмитрия Прокофьевича Трошинского, имение которого Кибинцы было неподалеку от Васильевки.

Василий Афанасьевич был хорошим хозяином. Превосходно знал сельское хозяйство, сам входил во все дела, поэтому при небольшом, в сущности, состоянии ему удавалось благополучно сво-

дить концы с концами. После смерти Василия Афанасьевича хозяйство пришло в упадок, и то относительное благосостояние, которого с большими трудностями он добился, расстроилось.

Несмотря на свою занятость хозяйством, Василий Афанасьевич находил время и для творчества. Живой, одаренный и по тому времени образованный человек, он писал стихи и на украинском языке сочинял комедии, которые потом разыгрывались на сцене домашнего театра Д. П. Трошинского. Здесь отец Гоголя часто встречался со своим другом, писателем Василием Васильевичем Капнистом, автором знаменитой «Ябеды».

Комедии В. А. Гоголя и В. В. Капниста на сцене домашнего, кибинского театра играли, по воспоминаниям М. И. Гоголь, «...дворяне люди довольно хорошо, но больше были благородные актеры». Среди «благородных» актеров театра Д. П. Трошинского были и сами авторы пьес и их семейные. Василий Афанасьевич играл вместе со своей женой Марией Ивановной, а В. В. Капнист со своей старшей дочерью.

Из сочинений В. А. Гоголя-Яновского известны комедии: «Роман и Парасья» и «Собака-Бивця», то есть «Собака-Овца». Содержание последней очень несложно. Мужик вел на ярмарку для продажи овцу. Два солдата, пристав к нему, уверили мужика, что это не овца, а собака их майора. Мужик поверил и отдал им не только овцу, но и полтину денег, чтобы отстали.

Когда Гоголь, учась в Нежинской гимназии, увлекался театром и вместе с товарищами разыгрывал пьесы на школьной сцене, он просил отца прислать комедии его сочинения, уверяя, что сыграны они будут хорошо, смешно и весело.

Василий Афанасьевич высоко ставил значение образования. С сыновьями своими, Николаем и Иваном, до того как определил их в полтавское поветовое училище, занимался сам.

Впоследствии Н. В. Гоголь вспоминал, как отец брал их с собою на полевые работы и, возвращаясь домой, задавал им темы для устных сочинений, которые они тут же и исполняли: «Заход сьлнца», «Река Псел», «Вечер».

Гоголь-писатель несомненно унаследовал от своего даровитого отца его литературные и драматические способности, тонкую наблюдательность и интерес к народному творчеству.

ГОГОЛЬ-ЯНОВСКАЯ МАРИЯ ИВАНОВНА

(1791—1868)

Урожденная Косяровская.

Мать Гоголя. Современники отзываются о ней как о доброй, приятной женщине, горячо преданной своей семье, всем сердцем любившей мужа и детей.

Дочь небогатых украинских помещиков, Мария Ивановна воспитывалась у своей тетки, которая души в ней не чаяла, окружила ее детство нежностью и заботой, дала ей приличное образование. Совсем юной, в доме тетки, Машенька Косяровская встретила Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского и вышла за него замуж.

«...Когда мне было четырнадцать лет, нас перевенчали в местечке Яресах».

М. И. Гоголь в записи В. И. Шенрока.

Брак родителей Гоголя оказался очень счастливым. Они хорошо понимали друг друга и горячо любили. Ранняя смерть мужа явилась для Марии Ивановны страшным потрясением, после которого она уже не могла оправиться. Вся жизнь ее сосредоточилась на детях. «Сына любит она больше всего на свете...» — свидетельствует С. Т. Аксаков.

Гоголь платил матери ежечасной любовью. Много раз признавался, что она для него главное в жизни.

«...Маминька, вы составляете жизнь мою...»

Гоголь — матери. 16 ноября 1826 г. Нежин.

Привязанность к матери проявлялась в самом раннем детстве. «Я помню, я ничего сильно не чувствовал, глядел на все, как на вещи, созданные для того, чтобы угодить мне. Никого я особенно не любил, выключая только вас...»

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя».

После смерти отца свою часть наследства Гоголь передал матери: «...а для обеспечения ее состояния отказываюсь от своего наследия и теперь занимаюсь составлением дарственной записи, по которой часть имения, принадлежащего по завещанию мне, с домом, садом, лесом и прудами, оставляется матери моей в вечное владение».

Гоголь — П. П. Косяровскому. 8 сентября 1828 г. Нежин.

Однако с годами отношение Гоголя к Марии Ивановне изменилось. Любовь и уважение к ней, как к матери, разумеется, остались прежними, но Гоголь уже не мог делиться с ней тем, чем жил, тем, что его глубоко занимало.

Мария Ивановна обожала своего сына и видела в нем гения, о чем говорила всем. Его перу она приписывала все произведения, которые нравились ей самой, а так как в литературе она понимала мало, то ее суждения откровенно раздражали Гоголя. В письмах его к матери появился оттенок досады. «Вы слишком предаетесь вашим мечтаниям,— писал он Марии Ивановне.— Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением... Меня, доброго, про-

стого человека, может быть, не совсем глупого, имеющего здравый смысл, называть гением! Нет, маминька, этих качеств мало, чтобы составить его, иначе у нас столько гениев, что и не протолпиться. Итак я вас прошу, маминька, не называйте меня никогда таким образом, а тем более еще в разговоре с кем-нибудь. Не изъявляйте никакого мнения о моих сочинениях и не распространяйтесь о моих качествах. Скажите только просто, что он добрый сын, и больше ничего не прибавляйте... Это для меня будет лучшая похвала».

Гоголь — матери, 12 апреля 1835 г. Петербург.

Вряд ли Мария Ивановна слушала сына. В разговорах с друзьями она продолжала восхищаться им и его сочинениями. Но чтобы он не рассердился, она задавала вопросы не ему, а кому-либо из его окружения. Очень много и подробно о сыне писали ей Ольга Семеновна Аксакова и ее дочери. Так что Мария Ивановна всегда знала обо всех важнейших событиях писательской жизни Гоголя. Письма ее к друзьям сына, к тем же Аксаковым или к Надежде Николаевне Шереметевой, полны заботами о сыне. Она тревожится о нем, о его слабом здоровье, о его настроении, интересуется его новыми сочинениями, спрашивает, как были приняты публикой «Ревизор» и «Женитьба», «Игроки», что говорят о «Мертвых душах».

Смерть Николая Васильевича своей неожиданностью и скоростыжностью нанесла его матери сокрушительный удар. Всю свою остальную жизнь она, отойдя от хозяйства и управления имением, жила только воспоминаниями о нем, переписывалась с его друзьями, принимала их у себя.

«Взглянув на Марию Ивановну... и поговоря с ней несколько минут... можно было понять, что у такой женщины мог родиться такой сын».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

ГОГОЛЬ АННА ВАСИЛЬЕВНА

(1821—1893)

Вторая сестра Гоголя.

Как и Елизавета, была взята братом из Васильевки и отдана учиться в петербургский Патриотический институт, где в то время Гоголь преподавал всеобщую историю. Обе девочки были плохо подготовлены, учиться им было трудно, и учились они плохо.

Уехав в 1836 году за границу, Гоголь и издали не переставал заботиться о сестрах. Просил своего друга Н. Я. Прокоповича и других своих знакомых навещать девочек в институте, по возможности выяснять их нужды и выполнять просьбы.

Осенью 1839 года Гоголь вернулся в Россию только потому, что

наступил срок окончания института его сестрами. Денег у писателя было в обрез, а расходы намечались большие.

Сестры Гоголя впоследствии вспоминали, какой заботой и вниманием брат их окружал. Сам покупал белье и платье. Устроил жить в доме своей бывшей ученицы М. П. Балабиной, где им было хорошо и уютно по-семейному.

В декабре 1839 года Гоголь привез сестер в Москву. Старался всячески их развлекать. Возил в театр и в семейные дома своих московских знакомых, где все их ласкали и баловали.

Весной 1840 года приехавшая из Васильевки за дочерьми Мария Ивановна увезла домой только Анну, так как Елизавета была устроена братом к П. А. Раевской.

Анна Васильевна прожила всю свою долгую жизнь в Васильевке, а потом в Полтаве. Своими рассказами и воспоминаниями о Гоголе она много помогла его биографам.

ГОГОЛЬ ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬВНА

(1823—1864)

В замужестве Быкова.

Третья сестра Н. В. Гоголя.

«Меньшая Лиза, веселая и живая, была любимицей брата; может быть и сам Гоголь этого не знал, но мы заметили».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

Как и сестра Анна, училась в петербургском Патриотическом институте, но, окончив его, не поехала с матерью в Васильевку, а, по желанию брата, прожила два года в Москве у П. А. Раевской.

Гоголь, считавший институтское воспитание недостаточным, предполагал устроить у кого-либо из своих московских знакомых обеих сестер, но матери трудно было согласиться на новую разлуку с обеими дочерьми, а потому оставили Елизавету, характер которой, по мнению брата, больше требовал этого.

Раздумывая о будущем своих сестер, не имевших достаточного приданого, Гоголь хотел приучить их к труду, заставить любить этот труд и ту независимость, которую он дает человеку.

В письме к П. А. Раевской, у которой жила Лиза, Гоголь четко выразил пожелание о занятиях сестры.

«Мое всегдашнее желание было, чтобы у нее был один какой-нибудь труд постоянный, который бы занимал у ней часа полтора, но решительно всякий день и в одно и то же время. Это — переводить, занятие, которое в будущем ей может очень прислужиться и даже дать средства жить, если других не найдется... Нет нужды, что она теперь переводит еще плохо; нужно, чтобы переводила и переводила решительно всякий день».

Гоголь — П. А. Раевской. 25 июня 1840 г. Вена.

В 1841 году Елизавета Васильевна уехала в Васильевку и через 10 лет вышла замуж за саперного поручика В. И. Быкова, о котором соседка Гоголей по имению — дочь писателя В. В. Капниста — Софья Васильевна Скалон писала Гоголю: «Узнав хорошо Владимира Ивановича, я твердо убеждена, что счастье Лизы вашей несомненно и будет зависеть совершенно от нее самой. Он прекрасный, благородный и самой строгой нравственности человек».

С. В. Скалон — Гоголю. 10 октября 1851 г.

Впоследствии сын Быковых — Николай женился на внучке Пушкина, Марии Александровне Пушкиной.

ГОГОЛЬ МАРИЯ ВАСИЛЬВЕНА

(1811—1844)

В замужестве Трушковская.

Старшая сестра Гоголя. Воспитывалась сначала в полтавском пансионе, который содержала мать лейб-медика Н. Ф. Арендта, а потом в Институте для благородных девиц.

Всю жизнь прожила в Васильевке, не разлучаясь с матерью и после своего замужества.

Вышла замуж за поляка Павла Осиповича Трушковского, человека без состояния и определенных занятий, но большого фантазера. По его совету Мария Ивановна завела в Васильевке кожемятный завод, однако дело доходов не приносило и материальные обстоятельства семьи Гоголей значительно расстроились.

Мария Васильевна горячо любила брата и в 1831—1832 годах по его просьбе много собирала для него народных песен и сказок, записывала обряды, поговорки и поверья, разыскивала старинные костюмы.

Николай Васильевич платил ей нежной привязанностью, входил во все ее дела, включая воспитание детей, посылал подарки, делился средствами.

Впоследствии сын Марии Васильевны — Николай Трушковский стал первым биографом Н. В. Гоголя.

ГОГОЛЬ ОЛЬГА ВАСИЛЬВЕНА

(1825—1907)

В замужестве Головня.

Младшая сестра Гоголя. Получила незатейливое домашнее воспитание, так как из-за врожденного недостатка слуха не могла хорошо учиться.

В последние годы жизни Гоголь с ней был ближе, чем с другими сестрами. Отличал ее, писал ей отдельно и с большой симпатией. Ольга Васильевна обладала чертами характера, которые очень ценил ее брат. Она была проста, скромна в желаниях и вкусах, очень деятельна. Домашнее хозяйство, после того как она взялась за него, лежало на ней одной, и она отлично справлялась со своим делом.

Кроме того, интересуясь медициной, Ольга Васильевна с любовью отдавалась лечению крестьян, которые охотно к ней шли. Гоголь поощрял в этом сестру. Присылал ей лечебники и деньги на лекарства.

Впоследствии со слов Ольги Васильевны были записаны ее воспоминания о Гоголе.

ГРАНОВСКИЙ ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

(1813—1855)

Профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории. Принадлежал к прогрессивной русской интеллигенции, был очень популярен среди современников как талантливый лектор. На его публичные лекции, читанные им весной 1844 года, собиралась вся образованная Москва.

Гоголь познакомился с Грановским в 1840 году. Возможно, через М. П. Погодина или С. П. Шевырева, тоже профессорэв Московского университета.

«Гоголь здесь давно; я его вижу раза два в неделю; он был у меня...» — писал Т. Н. Грановский Н. В. Станкевичу в январе 1840 года.

В следующие свои приезды в Москву Гоголь несомненно неоднократно встречался с Т. Н. Грановским.

ДАЛЬ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

(1801—1872)

Фольклорист. Военный врач и писатель. Широко известен как составитель книги «Толковый словарь живого великорусского языка» и сборника «Пословицы русского народа». Автор очерков, повестей и рассказов из народного быта, напечатанных под псевдонимом «Казак Луганский».

Гоголь очень ценил Даля как писателя, отражавшего в своих произведениях народную жизнь России. Живя за границей, просил друзей прислать ему журналы, где были напечатаны произведения В. И. Даля.

«В книге этой есть повести *Даля*, которые мне очень нужны.

Этого писателя я уважаю потому, что от него всегда заберешь какие-нибудь сведения положительные о разных проделках в России»,

Гоголь — А. О. Россет, 11 февраля 1847 г. Неаполь.

ДАНИЛЕВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ

(1809—1888)

Один из ближайших друзей Гоголя, пользовавшийся особенно сильной привязанностью писателя. «Ты мне родней родного брата», — писал ему Гоголь.

Дружба началась очень рано и продолжалась всю жизнь.

«Я с ним познакомился в детстве, — рассказывал В. И. Шенроку Данилевский. — ...Мы приехали с отцом к ним в деревню. Мы жили от них верстах в 30-ти, в Сеременках. Это было около рождения. Тут я увидел в первый раз маленького Никошу... Он был нездоров и лежал в постели. Мы играли с его младшим братом Иваном».

А. С. Данилевский в записи В. И. Шенрока.

В 1818 году Гоголь встретился с А. С. Данилевским в Полтавском училище. «Тут после нескольких разговоров, мы вспомнили друг друга».

А. С. Данилевский в записи В. И. Шенрока.

Дружба мальчиков окрепла в гимназические годы. Вместе увлекались театром и литературой. В складчину выписывали книги. Вместе ездили на каникулы домой.

Окончив Нежинскую гимназию, Гоголь и Данилевский в декабре 1828 года выехали в Петербург, где продолжали встречаться. В 1836 году вместе отправились за границу, путешествовали. В разлуке постоянно переписывались. Гоголь делился с А. С. Данилевским своими мыслями, планами, творческими замыслами.

С 1841 года отношения изменились. Письма Гоголя, часто полные советов и наставлений, стали раздражать Данилевского. Между друзьями произошло охлаждение. Переписка резко сократилась и изменила характер, что, однако, не мешало Гоголю всегда причислять Данилевского к своим близким друзьям.

В конце 1843 года Данилевский получил место инспектора при Киевской 1-й гимназии и служил там до 1848 года.

Снова Гоголь и Данилевский встретились лишь в августе 1848 года в Васильевке, а затем в Дубровном у дяди жены Данилевского — А. М. Марковича.

Последний раз друзья виделись летом 1851 года, когда Данилевские долго гостили у Марии Ивановны.

В 1856 году Данилевский получил место директора училищ Полтавской губернии. В 1874 году вышел в отставку. А. С. Данилевский прожил долгую жизнь, всегда с нежностью и любовью вспоминая Гоголя и рассказывая о нем. Часть этих интересных рассказов попала в работу о Гоголе одного из первых биографов писателя — В. И. Шенрока, посетившего А. С. Данилевского в 1884 году и заставшего его хотя слепым, но еще очень бодрым и жизнерадостным стариком.

ДАНИЛЕВСКИЙ ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ
(1829—1890)

Известный во второй половине XIX века беллетрист, автор исторических романов «Сожженная Москва», «Черный год» и др.

Молодым человеком был арестован по делу петрашевцев, но вскоре выпущен на свободу. В пятидесятых годах ревностно служил в министерстве просвещения, а позднее занимал пост редактора «Правительственного вестника», всей своей деятельностью стараясь загладить мимолетные «увлечения молодости».

С Гоголем Г. П. Данилевский познакомился за полгода до смерти великого писателя. Виделся с ним всего несколько раз, но оставленные им воспоминания об этих встречах имеют большое значение, так как освещают ряд существенных эпизодов биографии писателя.

ДМИТРИЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ
(1760—1837)

Поэт и баснописец. Друг и последователь Н. М. Карамзина. Литературная деятельность И. И. Дмитриева, принесшая ему известность, относится к концу XVIII и началу XIX веков. В эту пору его авторитет был очень высок. В 20-х, 30-х годах XIX века резко изменилось отношение к поэтической школе сентиментализма и, в соответствии с этим, и к творчеству И. И. Дмитриева.

При Павле I Дмитриев был обер-прокурором Синода, при Александре I занимал пост министра юстиции. Выйдя в отставку, он поселился в Москве и прожил здесь до конца своей жизни.

Московские литераторы постоянно бывали в его прекрасном доме на Спиридоновке, почитая хозяина как «патриарха русской поэзии».

Гоголь познакомился с И. И. Дмитриевым во время своей первой поездки в Москву, летом 1832 года. Очевидно, кто-то из его московских друзей нашел нужным привести к старому поэту молодого, начинающего писателя. Прием был самый радушный, и Гоголь его оценил. Из Васильевки он писал И. И. Дмитриеву:

«Приехавши на место, я почел долгом писать к вам. Ваш ласковый прием и ваша доброта напечатлелись неизгладимо в моей памяти. Мне кажется, я вижу вас, нашего патриарха поэзии, в ту самую минуту, когда вы радушно протянули руку еще безызвестному и не доверяющему себе автору».

Гоголь — И. И. Дмитриеву. 20 июля 1832 г. Васильевка.

Дмитриев был также доволен новым знакомством.

«О-о! Да он так и смотрит Гоголем,— сказал он, проводивши почти до дверей автора «Мертвых душ», проездом в свою Украину, обедавшего у него.— Завтра же пошлю за его сочинениями, и перечту их снова. У него и теперь много авторского запаса... Я благодарен, что меня ознакомили с этим молодым человеком. Я очень доволен, что его узвал: в нем будет прок».

П. А. Вяземский. «Домашний быт И. И. Дмитриева».

ДОСТОЕВСКИЙ ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ

(1821—1881)

Великий русский писатель.

Гоголь никогда не встречался с Достоевским, но очень интересовался творчеством начинающего литератора. Когда вышел роман Достоевского «Бедные люди», Гоголь, живший в то время за границей, усиленно просил друзей прислать ему книгу. Получив роман, он тотчас же принялся за чтение и уже с первых страниц почувствовал и высокие художественные достоинства произведения, и талант автора.

«Бедные люди» я только начал, прочел страницы три и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя... В авторе «Бедных людей» виден талант, выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он еще молод. Много еще говорливости и мало сосредоточенности в себе: всё бы оказалось гораздо живей и сильнее, если бы было более сжато».

Гоголь — А. М. Вельгорской. 14 мая 1846 г. Генуя.

ЕЛАГИНА АВДОТЯ ПЕТРОВНА

(1789—1877)

Урожденная Юшкова, по первому браку — Киреевская.

Авдотья Петровна Елагина принадлежала к лучшей части московской дворянской интеллигенции второй четверти XIX века. Племянница В. А. Жуковского и мать известных литераторов-славянофилов Ивана и Петра Киреевских, она живо интересовалась литературой.

Поселившись в начале 20-х годов в Москве, Авдотья Петровна стала хозяйкой литературного салона, сыгравшего немалую роль в истории русской общественной жизни.

«В последние годы царствования Александра I и в продолжении всего царствования императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного».

К. Д. Кавелин. «А. П. Елагина».

В салоне А. П. Елагиной бывали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев, К. и И. Аксаковы, Н. П. Огарев, Д. Н. Свербеев, И. и П. Киреевские, Т. Н. Грановский, А. С. Хомяков, Н. В. Гоголь и А. И. Герцен.

«Ум, обширная начитанность и очаровательная приветливость хозяйки привлекали сюда избранное общество... А. П. Елагина необыкновенно умела оживлять общество своим неподдельным участием ко всему живому и даровитому...»

В доме у Красных ворот устраивались чтения, сочинялись и разыгрывались драматические произведения...»

П. И. Баргнев. «А. П. Елагина».

Салон Елагиной славился тем, что в нем могли встречаться представители враждующих литературных направлений и свободно обмениваться мнениями. Славянофилы и западники одинаково находили здесь радушный прием и внимание хозяйки. Не случайно литературный салон Авдотьи Петровны современники называли «привольной республикой у Красных ворот».

Гоголь, приезжая в Москву, также бывал у Елагиной, посещая и ее литературные собрания и навещая Авдотью Петровну одну в ее «тихие» дни. Их связывали общие вкусы и взгляды. Всегда было о чем поговорить, а в разлуке о чем написать.

Авдотья Петровна внимательно и сердечно относилась к Гоголю, старалась помочь писателю в его всегда сложных житейских обстоятельствах. Когда в 1839 году Гоголь взял из института своих сестер и привез их в Москву, Елагина была одной из тех знакомых писателя, которые заботливо отнеслись к молодым девушкам и много для них сделали.

ЖУКОВСКИЙ ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

(1783—1852)

Крупнейший русский поэт-романтик. Прославился переводами иностранных поэтов. «...Переводный слог его останется всегда образцовым...» — писал Пушкин Рылееву 25 января 1825 года.

Под конец жизни перевел «Одиссею» Гомера.

Занимал видное положение при дворе и оказывал покровительство многим русским литераторам. В том числе и Гоголю.

Знакомство Гоголя с Жуковским состоялось в Петербурге, в начале 1831 года.

«Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему подорожи на этом поприще... Ты подад мне руку и так исполнился желанием помочь... Как был благосклонно-любовен твой взор!»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 10 января 1848 г. Неаполь.

Познакомившись с Гоголем, тогда еще ничего не написавшим, Жуковский в поисках для него заработка рекомендовал его П. А. Плетневу, устроившему юноше сперва частные уроки, а затем преподавание истории в Патриотическом институте. Своим отношением к Гоголю Жуковский способствовал и сближению его с Пушкиным и знакомству с другими литераторами, бывавшими на «субботах» Василия Андреевича.

«Я постоянно посещал вечера В. А. Жуковского, — вспоминает М. И. Глинка. — Он жил в Зимнем дворце, и у него ежедневно собиралось избранное общество, состоявшее из поэтов, литераторов и вообще людей, доступных изящному. Назову здесь некоторых: А. С. Пушкин, князь Вяземский, Гоголь, Плетнев, были постоянными посетителями. Гоголь при мне читал свою «Женитьбу».

М. И. Глинка. «Записки».

Живя долгое время за границей, Гоголь постоянно переписывался с Жуковским. Письма его к Василию Андреевичу теплые, сердечные, откровенные. Гоголь делился с Жуковским, как с близким другом, и своими настроениями, и своими трудностями, и даже творческими замыслами. Жуковский, со своей стороны, был заботлив и внимателен. Несколько раз ему удавалось выхлопотать для Гоголя денежные пособия. Несколько раз сам из своих средств давал ему в долг. Постоянно помогал во всяких затруднениях с цензурой, с печатанием и постановкой в театре сочинений Гоголя.

Дружба Гоголя с Жуковским очень окрепла в 1838—1839 годах, когда они встречались в Риме. В 1840-е годы Жуковский уже постоянно жил за границей, и Гоголь часто и подолгу гостил у него. Общность взглядов привела к особенной близости друзей. Они перешли на «ты». Письма их стали еще более откровенными.

Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» писалась при прямой поддержке Жуковского, который был так восхищен ею, что сам хотел писать такую же.

ЗАГОСКИН МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

(1789—1852)

Писатель. Автор исторических романов, популярных повестей и комедий. С 1831 по 1842 год директор московских театров.

Гоголя привел к М. Н. Загоскину в первый его приезд в Москву С. Т. Аксаков. Увлеченный мыслью писать для театра, Гоголь, вероятно, поэтому спешил встретиться с Загоскиным.

Первое свидание было коротким. Гоголь больше молчал.

Позднее, когда предстояла в Москве постановка комедии Гоголя «Ревизор», Гоголь писал М. П. Погодину: «Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании».

Гоголь — М. П. Погодину. 6 декабря 1835 г. Петербург.

ИВАНОВ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ

(1806—1858)

Знаменитый русский художник, автор известной картины «Явление Христа народу».

По окончании в Петербурге Академии Художеств А. Иванов был командирован Обществом поощрения художеств за границу на три года, но прожил в Италии всю жизнь и вернулся на родину только за два месяца до смерти.

Гоголь познакомился с Ивановым в первую свою поездку за границу (1836—1839) и очень подружился с ним. А. Иванов ввел писателя в круг русских художников, живших в Риме, и Гоголь постоянно общался с ними.

«Грусть и скука нам без вас в Риме,— писал Гоголю Иванов.— Мы привыкли в часы досуга или слышать подкрепительные для духа ваши суждения, или просто забавляться вашим остроумием и весельем. Теперь ничего этого нет: вечерние сходки в натуральном классе, состоящем из Моллера, Иордана, Шаповалова и меня, не стоят и десятой доли беседы вашей».

А. А. Иванов — Гоголю. Декабрь 1844 г. Рим.

Гоголь серьезно интересовался творчеством А. Иванова. Создание большой картины, монументального творения было близко самому Гоголю, работавшему в это время над поэмой «Мертвые души».

Талант Иванова писатель ставил очень высоко, характеризуя художника как «...знаменитого нашего и решительно первого живописца...»

Гоголь много сделал для А. Иванова: ссужал его деньгами, подерживал в трудные минуты морально, через Жуковского хлопотал об отсрочке для художника возвращения в Петербург.

«Напишите какой-нибудь ответ Иванову об его деле. Он в затруднительном положении. Клянусь, он боле, чем кто другой, достоин помощи!»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 10 мая 1842 г. Москва.

Благодарный Гоголю художник постоянно проявлял внимание и заботу по отношению к другу. Имя Гоголя не сходит со страниц писем Иванова.

«Это человек необыкновенный, — пишет Александр Андреевич отцу, — имеющий высокий ум и верный взгляд на искусство. Как поэт, он проникает глубоко, чувства человеческие он изучил, и наблюдал их, словом — человек самый интереснейший... Ко всему ему он имеет доброе сердце».

А. А. Иванов — отцу. Лето 1841 г. Рим.

А. А. Иванов написал портрет Гоголя.

В последние годы жизни Гоголя отношения его с А. Ивановым стали более прохладными. Художника раздражал тон проповедника, с некоторых пор усвоенный Гоголем. А. Иванов в это время долго и сильно болел глазами. Болезнь была настолько серьезна, что он не мог работать. Все это приводило его к мрачному настроению, и советы Гоголя терпеть и покоряться не приносили художнику утешения. Письма друзей стали краткими и редкими.

КАПНИСТ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

(1757—1823)

Поэт и драматург, автор стихотворения «Ода на рабство» и широкоизвестной в свое время комедии «Ябеда», которая была поставлена в 1798 году в Петербурге и после четвертого представления запрещена.

Владелец имения Обуховка Миргородского уезда, он был соседом и другом родителей Гоголя, с которыми часто встречался в поместье Д. П. Трошинского Кибинцы, увлеченный, как и они, домашним театром вельможи. Гоголи-Яновские дружили со всей семьей Капнистов.

Однажды в разговоре о них Гоголь сказал, что дети В. В. Капниста «...воспитывались дома и более из разговоров отца учились всему».

Неизвестная. «Дневник».

По родству и дружбе Капнисты были связаны с декабристами: Бсстужевым-Рюминым, Лорером, Луниным и братьями Муравье-

вами. Один из сыновей В. В. Капниста — Алексей — был членом Союза благоденствия.

Гоголь в детстве бывал у Капнистов в Обуховке, любил их как близких друзей родителей. Узнав о смерти В. В. Капниста 28 октября 1823 года, он отозвался об этом событии в письме домой с большим огорчением

«...К величайшему моему сожалению узнал я о смерти Василия Васильевича Капниста».

Гоголь — родителям. 22 января 1824 г. Нежин.

С одной из дочерей В. В. Капниста — Софьей Васильевной, в замужестве Скалон, и сыном его — Иваном Васильевичем Гоголь встречался в течение всей своей жизни.

КИРЕЕВСКИЙ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

(1806—1856)

Критик и публицист. Один из видных славянофилов.

Как и его младший брат Петр, получил серьезное домашнее образование по программам, составленным В. А. Жуковским. К моменту поступления в Московский университет братья Киреевские не только владели несколькими иностранными языками и широкими литературными познаниями, но имели и значительную философскую подготовку.

В юные годы братья были близки к кружку московских любителей¹ и тогда уже увлеклись проблемами народности и самобытности.

Киреевские принадлежали к тому поколению русской дворянской интеллигенции, которое вышло на общественное поприще после 14 декабря 1825 года.

«Им раннее совершеннолетие пробил колокол, возвестивший России казнь Пестеля и коронацию Николая; они были слишком молоды, чтобы участвовать в заговоре, и не настолько дети, чтоб быть в школе после него. Их встретили те десять лет, которые окончились мрачным «Письмом» Чаадаева».

А. И. Герцен. «Дневн

¹ Любоумдрам и назывались члены философского кружка, организованного в Москве В. Ф. Одоевским, А. И. Кошелевым и поэтом Д. В. Веневитиновым.

КИРЕЕВСКИЙ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1808—1856)

Известный знаток и собиратель произведений народно-поэтического творчества. Издал обширный труд «Собрание народных песен». Интерес к фольклору возник у П. В. Киреевского очень рано. В какой-то мере он был воспитан еще в литературном салоне матери, Авдотьи Петровны Елагиной, среди посетителей которого можно было встретить многих писателей, серьезно интересовавшихся народным творчеством, начиная с Пушкина и Жуковского.

В 1831—1833 годах, живя под Москвой в деревне Воронки, возле Архангельского, Петр Киреевский начал систематически записывать песни и собрал до 300 текстов.

В 1834 году он совершил свою первую экспедицию в Новгородскую губернию, из которой вернулся с богатым запасом записей. Любопытно, что П. В. Киреевский не только сам собирал фольклор, но оказался великолепным организатором этого дела как коллективного труда. Известно, что Петру Васильевичу посылали свои записи братья Языковы, поэт А. Кольцов и многие другие. Ему же отдал собранные в Михайловском песни Пушкин. Какие-то записи Киреевский получил от Гоголя.

«Н. В. Гоголь сообщил мне тетрадь песен, собранных в разных местах России».

П. Киреевский. «Русские народные песни».

Гоголю, который сам страстно увлекался собиранием народных украинских песен, был близок и понятен энтузиазм молодого Петра Киреевского. Его работа занимала Гоголя. «А Киреевский, неужели он до сих пор на ложе лени?»

Гоголь — М. П. Погодину. 8 мая 1833 г. Петербург.

Общение с Гоголем пробудило у Петра Киреевского интерес к украинскому фольклору. В его архиве, уже после смерти писателя, были найдены тетради с записями украинских песен.

Фольклору была отдана вся жизнь П. В. Киреевского.

В 40-е годы он примкнул к славянофильству, но не был им увлечен так, как его брат Иван Васильевич.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ МАТВЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(ОТЕЦ МАТВЕЙ)

(1792—1857)

Священник в г. Ржеве. Проповедник-фанатик, рекомендованный Гоголю в качестве духовника графом А. П. Толстым. Знакомство с ним писателя состоялось заочно в начале 1847 года, когда Гоголь послал Константиновскому свою книгу «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Я прошу вас убедительно прочитать мою книгу и сказать мне хотя два словечка о ней, первые, какие придутся вам, какие скажет вам душа ваша. Не скройте от меня ничего и не думайте, чтобы ваше замечание или упрек был для меня огорчителен. Упреки мне сладки, а от вас еще будет слаще. Не затрудняйтесь тем, что меня не знаете; говорите мне так, как бы меня век знали».

Гоголь — Матвею Константиновскому.
Январь — февраль 1847 г. Неаполь.

Личное знакомство Гоголя с Константиновским состоялось очень скоро по приезде писателя в Москву, осенью 1848 года. Первые два месяца Гоголь прожил у М. П. Погодина в его доме на Девичьем поле. И тут уже его навещал Константиновский.

«Под конец последнего пребывания Гоголя у нас, — вспоминает сын М. П. Погодина Дмитрий, — я помню сановитую фигуру священника, приходившего к нему наверх и долго беседовавшего с ним. То был отец Матвей, ржевский знаменитый проповедник».

Д. М. Погодин. «Воспоминания».

Уже в этот первый момент знакомства Гоголя с Константиновским отношения их сразу вполне определились.

Гоголь питал к отцу Матвею бесконечное уважение, серьезно считался с его советами и был высокого мнения о своем духовнике.

«Что вам сказать о нем? По-моему, это умнейший человек из всех, каких я доселе знал...»

Гоголь — А. П. Толстому. 19 апреля 1848 г. Константинополь.

Матвей Константиновский считал себя обязанным обличать своего «духовного сына», обвинять в необъективности его произведений, якобы односторонне, предвзято изображающих русскую действительность. Используя развившиеся с годами религиозность и склонность к мистицизму писателя, он грозил ему гибелью, «анафемой», «геенной огненной», требуя полного отречения от творчества.

КРЫЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

(1769—1844)

Великий русский писатель-баснописец.

Гоголь встречался с ним в литературных салонах Петербурга. Ввиду разницы в годах и положении в литературе близких отношений между ними не создалось.

Как писателя-баснописца, как народного поэта Гоголь ставил И. А. Крылова очень высоко. «Этот ум... который обнаружился в Крылове, есть наш истинный русский ум. Только в Крылове отразился тот верный такт русского ума, который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что ни-

кого не оскорбит выражением и не восстановит ни против себя, ни против мысли своей... в ком из нас действительно образовался этот сосредоточенный, верный, истинно русский такт ума — он у нас пользуется уважением всех; ему все позволят сказать то, чего никому другому не позволят; на него никто уже не сердится. У всех наших писателей бывали враги, даже у самых незлобнейших и прекрасных душою (стоит вспомнить Карамзина и Жуковского); но у Крылова не было ни одного врага».

Гоголь. Статья «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенности?»

КУКОЛЬНИК НЕСТОР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1809—1868)

Соученик Гоголя по Нежинской гимназии высших наук. Писатель реакционно-романтического направления.

В 1830—1840-х годах пользовался широкой известностью как драматург и исторический беллетрист. Его драмы, особенно «Рука всевышнего отечество спасла», были популярны в правительственных кругах.

В Петербург Кукольник приехал позднее Гоголя. В марте 1832 года Гоголь писал А. С. Данилевскому:

«Хочешь ли ты знать, что делается у нас, в этом водяном городе? Приехал Возвышенный...»

«Возвышенным» Гоголь стал называть Кукольника еще в Нежине за его выпрепный тон.

О том, каким стал Кукольник в Петербурге, Гоголь писал: «Кстати о Возвышенном: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда или душит трагедией, или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты и не могу заметить никакого направления в нем».

Гоголь — А. С. Данилевскому. 8 февраля 1833 г. Петербург.

Позднее Гоголь окончательно разошелся с Кукольником, который примкнул к презираемому передовым обществом литературно-му кругу Булгарина, Сенковского и Греча.

Но больше всего возмущало Гоголя отношение Кукольника к Пушкину.

«Пушкина все по-прежнему не любит. Борис Годунов ему не нравится».

Гоголь — А. С. Данилевскому. 30 марта 1832 г. Петербург.

ЛЕРМОНТОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

(1814—1841)

Великий русский поэт.

С Лермонтовым Гоголю пришлось встретиться весной 1840 года. Проездом на Кавказ в свою вторую ссылку Лермонтов остановился на несколько дней в Москве и 9 мая был в числе гостей Н. В. Гоголя на его традиционном именинном обеде в Погодинском саду. (Ныне — Погодинская ул., 12.)

После обеда Лермонтов читал Гоголю и его гостям отрывок из новой своей поэмы «Мцыри».

В своей статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенности?» Гоголь высоко оценил Лермонтова как великого русского писателя. «В нем слышатся признаки таланта первостепенного; поприще великое могло ожидать его... Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубления в действительность жизни — готовился будущий великий живописец русского быта... Но внезапная смерть вдруг его от нас унесла. Слышно страшное в судьбе наших поэтов».

ЛОНГИНОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

(1823—1875)

Сотрудник журнала «Современник» в 1850-е годы, историк русской литературы, автор работ о Н. И. Новикове и Я. П. Княжнине.

Впоследствии занимал пост орловского губернатора, а еще позднее — начальника Главного управления по делам печати.

В 1831 году Гоголь был приглашен домашним учителем к восьмилетнему М. Н. Лонгинову и его двум старшим братьям.

Через два года после смерти Гоголя М. Н. Лонгинов опубликовал свои воспоминания, которые интересно раскрывают Гоголя равных лет и как личность и как педагога.

«Сначала предполагалось, что он будет преподавать нам русский язык. Немало удивились мы, когда в первый же урок Гоголь начал толковать нам о трех царствах природы и разных предметах, касающихся естественной истории. На второй урок он заговорил о географических делениях земного шара, о системах гор, рек и проч. На третий — речь зашла о введении во всеобщую историю... уроки Гоголя нам очень нравились. Это немудрено: они так мало походили на другие классы; в них не боялись мы ненужной взыскательности со стороны учителя, слышали от него много нового, для нас любопытного... Новаторство было одним из отличительных признаков его характера».

М. Н. Лонгинов. «Воспоминания о Гоголе».

ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ

(1805—1888)

Школьный товарищ Гоголя, в ранние годы вместе с ним увлекшийся литературой и театром.

«Шла трагедия «Эдип в Афинах»,— вспоминает он.— Гоголь играл Креона, я Эдипа, остальных действующих лиц не помню. Многочисленные зрители состояли исключительно из товарищей, не уехавших на праздник к родителям, профессоров и их семейств. Спектакль сошел хорошо и Гоголя очень много хвалили».

В. И. Любич-Романович. «Воспоминания».

Окончив Нежинскую гимназию в 1826 году, он тотчас же уехал в Петербург и поступил на службу в один из департаментов министерства юстиции. Позднее служил в министерстве иностранных дел. Занимался переводами с польского, английского, французского и итальянского языков. Ему принадлежат вольные переводы поэм Байрона — «Беппо», «Дон-Жуан» и стихов Адама Мицкевича. Печатался в журнале «Сын Отечества» и «Литературной газете».

С Гоголем встречался в Петербурге и помог ему попасть в число сотрудников ряда журналов. Познакомил с О. М. Сомовым. О Гоголе-гимназисте писал в воспоминаниях: «...Его душа всегда была отзывчива к ближнему... Вообще Гоголь относился к бедности с большим вниманием и когда встречался с нею, переживал тяжелые минуты... Я бы перевел всех нищих... если бы имел на то силу и власть...»

Эти воспоминания рисуют очень симпатичный нравственный облик юноши-Гоголя.

Когда В. И. Любич-Романович покидал Нежинскую гимназию, Гоголь написал в альбом товарища: «Свет скоро холодеет в глазах мечтателя. Он видит надежды, его подстрекавшие, несбыточными, ожидания неисполненными — и жар наслаждения отлетает от сердца... Он находится в каком-то состоянии безжизненности. Но счастлив, когда найдет цену воспоминанию о днях минувших, о днях счастливого детства, где он покинул рождавшиеся мечты будущности, где он покинул друзей, преданных ему сердцем».

МАКСИМОВИЧ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1804—1873)

Профессор Московского, а позднее Киевского университетов. Даровитый, разносторонний ученый. Известный ботаник, этнограф, знаток и собиратель народно-поэтического творчества.

Впервые с Максимовичем Гоголь встретился в 1829 году, у

одного их общего петербургского приятеля, тоже украинца. Осенью 1832 года, возвращаясь из Васильевки в Петербург, Гоголь отыскал в Москве Максимовича, и между ними сразу же создались душевные, дружеские отношения, которые продолжались потом всю жизнь. В интересах и вкусах обоих было много общего, и прежде всего увлечение Малороссией. Гоголь в то время готовился писать историю Украины, а Максимович составлял сборник песен, выпущенный им в 1834 году.

После встречи в Москве началась деятельная переписка, в которой отразился весь характер их взаимоотношений. Гоголь постоянно интересовался занятиями Максимовича, рассказывал о своих работах, делился творческими замыслами. Однако главной темой писем друзей была родная Украина, историей и фольклором которой оба занимались с увлечением. Известно, что Гоголь, собиравший украинские песни, делился ими с М. А. Максимовичем: «Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных».

Гоголь — И. И. Срезневскому. 6 марта 1834 г. Петербург.

Одно время Гоголь усиленно хлопотал о профессорской кафедре в Киевском университете для себя и мечтал жить и работать там вместе с Максимовичем.

МИЦКЕВИЧ АДАМ

(1799—1855)

Великий польский поэт.

Гоголь познакомился с ним в Париже зимой 1836/37 года и виделся в Лозанне, где позднее А. Мицкевич получил в университете кафедру древних литератур.

«Если случится тебе встретиться с Мицкевичем, обними его за меня крепко».

Гоголь — С. П. Шевыреву. Май 1839 г. Рим.

МОЛЛЕР ФЕДОР АНТОНОВИЧ

(1812—1874)

Один из русских художников, с которым Гоголь подружился в Италии.

«Какая прекрасная, скромно благородная душа и какой смелый сильный талант. Это решительно наш первый ныне художник, несмотря на то, что он не художник званием».

Гоголь — В. Н. Рептиной. Июнь 1839. Чивита Веквия.

Федор Антонович Моллер был сыном морского министра, сам офицер, участник польской кампании 1830 года. Выйдя в отставку, увлекся живописью. Работал под руководством К. Брюллова.

«...Бросил все служебные выгоды, Петербург, смотри, парады и балы и променял саблю на кисть...»

Там же.

Моллер, как и другие русские художники, высоко ставил авторитет Гоголя, считаясь с его мнением, а иной раз спрашивая совета.

«Моллер благодарит вас за письмо; он ожидает еще от вас ответа на подтверждение выбранного им сюжета, которым он теперь исключительно занимается».

А. А. Иванов — Гоголю. Декабрь 1844 г. Рим.

По просьбе Гоголя Моллер написал несколько портретов писателя, впоследствии очень популярных.

НАЩОКИН ПАВЕЛ ВОИНОВИЧ

(1800—1854)

Один из московских приятелей Гоголя.

Знакомство Гоголя с Нащокиным состоялось у Аксаковых осенью 1835 года.

«...Гоголь стал своим человеком в нашем доме...»

В. А. Нащокина. «Воспоминания».

Гоголь настолько просто чувствовал себя с четой Нащокиных, что когда весной 1839 года вздумал учить одну из сестер музыке, то без всяких церемоний обратился за помощью к Нащокиным, которые «...пригласили знаменитого тогда Гурилева...»

В. А. Нащокина. «Воспоминания».

Сперва Гоголь ежедневно возил сестру к Нащокиным на уроки музыки, но однажды сказал ей: «Поживи у Нащокина, потому что мне некогда каждый день возить тебя».

Так устроить сестру можно было только у близких людей.

Приезжая в Москву, Гоголь постоянно встречался с Нащокиным. Мы находим Павла Воиновича в числе гостей на именинных обедах Гоголя. Мы находим его и среди тех москвичей, которые охотно соглашались дать займы Гоголю.

Со своей стороны и Гоголь хотел быть полезным. Когда в 1842 году Павел Воинович испытывал серьезные материальные затруднения, Гоголь пытался поправить его дела и предложил ему место воспитателя сына богатого негоцианта Бенардаки. Нащокин отказался.

Гоголь не только любил Нащокина как человека и приятеля, но глубоко был заинтересован его самобытной личностью. По свидетельству М. С. Щепкина, Павел Воинович Нащокин послужил Гоголю прототипом одного из героев второго тома поэмы «Мертвые души» — помещика Хлобуева.

Нащокин был в числе тех немногих, которые слышали в чтении Гоголя тексты второго тома поэмы и, может быть, в образе добродушного, рзсточительного Хлобуева узнавал свои черты.

После смерти А. С. Пушкина, близким другом которого он был, Нащокин особенно тепло стал относиться к Гоголю, видя в нем достойного пресмника великого поэта. В 1844 году он пишет М. П. Погодину: «Часы, которые он [то есть Пушкин.— *Ред.*] носил... я их подарил Гоголю, у которого они еще и теперь находятся...»

Н. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина».

НАЩОКИНА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

(? —1900)

Жена П. В. Нащокина. Вместе с мужем хорошо, сердечно относилась к Гоголю, радушно принимала у себя, была очень внимательна к его матери и сестрам, когда они приезжали в Москву, старалась помочь всем, чем могла.

Вера Александровна очень ценила дружеское отношение к себе А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Рано лишившись мужа и оставшись с семьей без всяких средств, она прожила долгую жизнь, наполненную горем и нуждой, но через все пронесла светлое воспоминание о днях своей молодости, о незабываемых встречах.

В фондах Государственного Литературного музея хранится последняя фотография Веры Александровны, в 89-летнем возрасте. На обороте надпись, сделанная ее рукой: «Неоцененному Михаилу Абрамовичу Морозову в знак искренней благодарности за доброе участие, принятое им в моем положении, от человека, в прежнее, давно прошедшее время пользовавшегося расположением и дружбой А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя

Веры Нащокиной».

НИКИТЕНКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

(1805—1877)

Крепостной графа Д. Н. Шереметева. В 1824 году получил вольную. Кончил Петербургский университет, в котором потом занимал кафедру русской литературы. Журналист и цензор.

Большое историко-литературное значение имеют его воспоминания

вания «Моя повесть о самом себе» и особенно «Дневник», который он вел в продолжение многих лет.

Гоголь, имевший с ним дело как с цензором, писал: «С Никитенком можно ладить, но с ним необходимо нужно иметь дело лично. Письмом и запиской ничего с ним не сделаешь. В нем не то главное, что он ленив, но то, что он не видит и не чувствует сам, что он ленив. Я это испытал: в бытность мою в Петербурге я его заставил в три дня прочесть то, что он не прочел бы сам по себе в два месяца».

Гоголь — П. А. Плетневу. 20 октября 1846 г. Франкфурт-на-Майне.

НЕКРАСОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(1821—1877)

Великий русский поэт-демократ.

Гоголь интересовался Некрасовым как молодым, начинающим писателем, а также издательской его деятельностью. Узнав о выходе изданного под редакцией Некрасова сборника «Физиология Петербурга», он писал А. О. Смирновой:

«...книга совершенно мирская, на днях вышедшая, что-то вроде «Петербургских сцен», Некрасова, которую очень хвалят и которую бы мне хотелось прочесть».

Личное знакомство писателей произошло, по-видимому, осенью 1848 года у А. А. Комарова. Об этом вечере пишет И. И. Панаев в своих воспоминаниях: «Александр Александрович пригласил... Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Я также был в числе приглашенных, хотя был давно уже знаком с Гоголем.

...Гоголь приехал в половине одиннадцатого, отказался от чая, говоря, что он его никогда не пьет, взглянул бегло на всех, подал руку знакомым... говорил мало, вяло, нехотя, распространяя вокруг себя какую-то неловкость, что-то принужденное. Хозяин представил ему Гончарова, Григоровича, Некрасова и Дружинина. Гоголь несколько оживился, говорил с каждым из них об их произведениях...»

И. И. Панаев. Из «Воспоминаний о Белинском».

Некрасов, горячий почитатель Гоголя, в полемике с А. Ф. Писемским, утверждавшим, что Гоголь — писатель исключительно «социально-сатирического значения», решительно заявил: «Ах, г. Писемский! — Да в самом Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче, в мокрых галках, сидящих на заборе, есть поэзия, лиризм. Это-то и есть настоящая, великая сила Гоголя. Все неотразимое влияние его творений заключается в лиризме, имеющем такой простой, родственно слитый с самыми обыкновенными явлениями жизни — с прозой — характер, и притом такой русский характер».

НИМЧЕНКО ЯКИМ

(1803—1885)

Крепостной слуга Гоголя. В 1828 году сопровождал писателя в Петербург и жил у него до отъезда Гоголя за границу летом 1836 года.

«Степенный, всегда серьезный Яким состоял тогда в должности его камердинера. Гоголь обращался с ним совершенно патриархально, говоря ему иногда: «Я тебе рожу побью», что не мешало Якиму постоянно грубить хозяину, а хозяину заботиться о существовании его пользах...»

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме 1841 года».

В письмах к матери Гоголь иногда спрашивал о Якиме:

«Напишите мне слова два о моем Екиме, что он поддельвает, не избаловался ли и помнит ли обо мне. Скажите ему, если будет себя хорошо вести, то я ему привезу гостинец».

Гоголь — матери. 10 декабря 1838 г. Рим.

В те времена такое гуманное отношение к крепостному было необычным явлением.

Перед смертью Гоголь завещал отпустить «...Якима на волю...», что и было исполнено Марией Ивановной.

Личность Якима Нимченко интересовала биографов Гоголя. В № 3 журнала «Русский архив» за 1893 год напечатана запись его рассказов о Гоголе.

ОДОЕВСКИЙ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

(1803—1869)

Писатель, публицист и музыкальный критик. Автор романтических повестей и детских рассказов. Его перу принадлежат и значительные работы о музыке.

Человек всесторонне образованный, с широкими, многогранными интересами, он был равно близок как к литературным, так и музыкальным кругам. Друзьями князя Одоевского были виднейшие русские литераторы и композиторы: Крылов, Пушкин, Жуковский, Глинка, Даргомыжский, Верстовский.

Интересуясь также и философией, В. Ф. Одоевский еще молодым основал вместе с друзьями в Москве кружок «Любомудров», последователей философии Шеллинга.

Переехав в Петербург, Одоевский стал принимать у себя широкий круг интеллигенции. На «субботах» Владимира Федоровича можно было встретить и поэтов, и писателей, и музыкантов, и художников. Хозяин совершенно не считался с общественным поло-

жением своих гостей, выбирая посетителей «суббот» только по их одаренности.

«Одоевский принимал каждого литератора и ученого с искренним радушием и протягивал дружно руку всем вступающим на литературное поприще, без различия сословий и званий...»

И. И. Панаев. «Литературные воспоминания».

«Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже между собою неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они, на нейтральной земле, чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими сузвисьми-миса глазками, толстый путешественник, тяжелый немец — барон Шиллинг, воротившийся из Сибири, и живая миловидная гр. Ростопчина, Глинка и проф. химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но много знающий археолог Сахаров, Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь впервые явился на сцену большого света и Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием».

М. П. Погодин. «Воспоминание о кн. В. Ф. Одоевском».

«На этом диване Пушкин слушал... Жуковского; гр. Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение, Гоголь подслушивал светские речи...» — свидетельствует также и писатель В. А. Соллогуб.

Гоголь бывал у В. Ф. Одоевского в первые годы своей петербургской жизни. Он относился к Владимиру Федоровичу с большим интересом и уважением.

Считая Одоевского одним из своих настоящих друзей, Гоголь не раз обращался к нему за помощью, когда у писателя случались цензурные затруднения. В разлуке неоднократно вспоминал о нем.

«Любит ли меня князь Одоевский так же, как прежде? вспоминает ли он обо мне? Я его люблю и вспоминаю».

Гоголь — В. Ф. Одоевскому. 15 марта 1838 г. Рим.

В. Ф. Одоевский одним из первых оценил талант Гоголя. По поводу «Вечеров на хуторе близ Диканьки» он писал А. И. Кошелеву: «...на сих днях вышли «Вечера на хуторе» — малороссийские народные сказки. Они, говорят, написаны молодым человеком, по имени Гоголем, в котором я предвижу большой талант: ты не можешь себе представить, как его повести гыше и по вымыслу и по рассказу и по слогу всего того, что донныне издавали под названием русских романов».

В. Ф. Одоевский — А. И. Кошелеву. 23 сентября 1831 г. Петербург.

ОРЛАЙ ИВАН СЕМЕНОВИЧ
(1771—1829)

Украинец по происхождению, родился в Венгрии. Переселился в Россию в 1791 году. Окончил медико-хирургическое училище со степенью доктора. Оставил печатные труды по медицине.

В 1821 году назначен директором незадолго до того организованной в Нежине гимназии.

В 1826 году, летом, до начала «Дела о вольнодумстве» в Нежинской гимназии, был переведен директором в Одесский лицей. Но в материалах следствия его имя часто встречается. Вероятно, в нем видели основного виновника «беспорядков». Сообщая об этих «беспорядках» в Нежинской гимназии Бенкендорфу, жандармский майор Матушевич говорил об Орлае, что он имел «сношения с людьми, обличенными в злых умыслах противу правительства».

С. И. Машинский. «Чемодан Адеркаса»

Орлай познакомился с родителями Гоголя в доме Д. П. Трошинского. Будучи соседом по имению, бывал в Васильевке и переписывался с Василием Афанасьевичем по поводу занятий его сына. В одном из писем он дал хорошую характеристику мальчику-Гоголю:

«Милостивый государь, почтеннейший друг Василий Афанасьевич! Я знаю, сколь много любите вы сына своего, а по сему считаю, во-первых, нужным уведомить вас, что он здоров и хорошо учится. Жаль, что ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться, что и доказывает его отличные способности».

И. С. Орлай — В. А. Гоголю. 28 марта 1824 г.

ОСТРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ
(1823—1886)

Крупнейший русский драматург второй половины XIX века.

Впервые как драматург выступил в 1847 году с комедией «Банкрот», позднее названной «Свои люди сочтемся». Островский читал свою комедию, еще ненапечатанную, в литературных домах Москвы и Петербурга.

3 декабря 1850 года на чтении, состоявшемся в доме профессора М. П. Погодина, присутствовал Гоголь.

ПАВЛОВ НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ

(1805—1864)

Беллетрист, поэт и журналист. Сын вольноотпущенника. Учился в Московском театральном училище, потом на юридическом факультете Московского университета.

В 30 — 40-е годы XIX в. был известен своими тремя антикрепостническими повестями: «Ятаган», «Именины» и «Аукцион». Книга была очень популярной и расходилась в списках.

Гоголь, бывая в Москве, посещал дом Павловых и встречался с ними у общих знакомых. В одном из писем к П. А. Плетневу Гоголь дал высокую оценку Н. Ф. Павлову: «...писатель, который первыми тремя повестями своими получил с первого раза право на почетное место между нашими прозаическими писателями...»

В 1847 году, после выхода в свет книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», Н. Ф. Павлов написал критическую статью, помещенную в «Московских ведомостях», в которой резко осудил сочинение Гоголя. Но его критика не коснулась существа книги, ограничиваясь лишь выискиванием отдельных ошибок, противоречий и неточностей, и, таким образом, серьезной роли в разборе произведения не сыграла.

ПАВЛОВА КАРОЛИНА КАРЛОВНА

(1810—1894)

Урожденная Яниш

Поэтесса. Писала стихи на русском, французском, немецком и польском языках. Переводила поэтов: Пушкина, Вяземского, Баратынского и Языкова.

Дочь профессора Московского университета К. Яниша, она получила хорошее домашнее образование. Всегда интересовалась литературой. Став в 1837 году женой писателя Н. Ф. Павлова, вошла в круг современных литераторов и вскоре открыла салон.

В 1840-х годах ее московский дом на Рождественском бульваре (№ 14) стал средоточием представителей русской словесности и искусства.

На литературных вечерах Павловых бывали Лермонтов, Гоголь, Герцен. Салон поэтессы Каролины Павловой сыграл определенную роль в литературной Москве середины века.

ПАНАЕВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

(1792—1859)

Писатель сентиментального направления, автор «Идиллий» и других стихотворений и прозаических повестей.

В 1830 году занимал должность начальника 2-го отделения Департамента Уделов. Гоголь служил под его начальством.

Когда были написаны «Ревизор» и «Мертвые души», В. И. Панаев резко порицал Гоголя, видя в его сочинениях критику современной России.

ПАНАЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ

(1812—1862)

Писатель, автор популярных в свое время повестей из жизни городской бедноты и мелкого чиновничества. В конце жизни Панаев написал «Литературные воспоминания», которые поставили его в ряд лучших русских мемуаристов.

Свидетель крупных событий общественно-литературной борьбы середины XIX века, один из издателей журнала «Современник», ставшего в то время трибуной передовых идей, И. И. Панаев в своих мемуарах сумел рассказать много интересного. Находясь в близком общении с Некрасовым, Белинским, Чернышевским и Добролюбовым, писатель сам искренне сочувствовал идеям революционно-демократического движения, но участником его так и не стал.

Знакомство Гоголя и Панаева состоялось в 1839 году на даче М. С. Щепкина в Вольтском. Тогда-то «...приехал в гости к Михаилу Семеновичу И. И. Панаев, начинающий молодой литератор...»

М. А. Щепкин. «Из воспоминаний о М. С. Щепкине».

Встречались писатели и в домах других литераторов в Москве, чаще всего у Аксаковых. И. И. Панаеву удалось слышать чтение Гоголем своих произведений.

«Гоголь читал неподражаемо... Когда он окончил чтение первой главы и остановился, несколько утомленный, обведя глазами своих слушателей, его авторское самолюбие должно было удовлетвориться вполне... На лицах всех ясно выражалось глубокое впечатление, произведенное его чтением. Все были и потрясены и удивлены. Гоголь открывал для своих слушателей тот мир, который всем нам так знаком и близок, но который до него никто не умел воспроизвести с такою беспощадною наблюдательностью, с такою изумительною верностью и с такою художественною силою... И какой язык-то! язык-то! Какая сила, свежесть, поэзия!.. У нас даже мурашки пробегали по телу от удовольствия».

И. И. Панаев. «Литературные воспоминания».

Панаев принадлежал к ряду горячих поклонников молодого писателя, в творчестве которого видел будущее русской литературы.

«В обществе неопределенно и смутно уже чувствовалась потребность нового слова и обнаруживалось желание, чтобы литература снизошла с своих художественных изолированных высот к действительной жизни и приняла бы хоть какое-нибудь участие в общественных интересах. Художники и герои с риторическими фразами всем страшно прискучили. Нам хотелось видеть человека, а в особенности *русского человека*. И в эту минуту вдруг является Гоголь...»

И. И. Панаев. «Литературные воспоминания».

ПАНОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(1819—1849)

Литератор. Весной 1840 года в доме Аксаковых познакомился с Гоголем и, сделавшись сразу его горячим поклонником, предложил сопровождать писателя за границу. Гоголь, не имея собственного экипажа, был заинтересован в попутчике, поэтому предложение Панова его устроило. По воспоминаниям С. Т. Аксакова, провозжавшего вместе с сыном Константином и М. П. Погодиным отъезжавших, они выехали 18 мая, в экипаже Панова и по Смоленской дороге отправились на запад. В Вене они прожили довольно долго, так как Гоголь очень болел, и Панов заботливо ухаживал за ним.

Позднее они встретились в Риме, жили там в одном доме, и Панов даже помогал Гоголю переписывать главы первого тома поэмы «Мертвые души».

ПЛЕТНЕВ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1792—1865)

Литератор. Преподаватель словесности в петербургских женских институтах.

С 1832 года занял кафедру русской словесности в Петербургском университете. С 1840 по 1861 год — ректор.

Плетневу Гоголь был рекомендован в 1830 году В. А. Жуковским. Вскоре Плетнев достал Гоголю несколько частных уроков, а позднее устроил преподавателем истории в петербургский Патриотический институт благородных девиц, где в то время сам занимал пост инспектора.

Сближение Гоголя с Плетневым началось с 1844 года в связи с изменением политических взглядов обоих. От либеральных настроений юности П. А. Плетнева к этому времени не осталось и сле-

да. Не случайно печатание книги «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь поручил именно Плетневу, видя в нем своего единомышленника.

После выхода книги Гоголь получил множество писем, критикующих его произведение, между тем как Плетнев находил работу прекрасной и однажды даже сказал, что автор ничего лучшего не написал.

«Сообразя все критики, замечания и нападения, как изустные, так и письменные, вижу, что... везде сказана часть какой-нибудь правды, несмотря на то, что главная и важная часть книги моей едва ли, кроме тебя да двух-трех человек, кем-нибудь понята».

Гоголь — П. А. Плетневу. 24 августа 1847 г. Остенде.

ПОГОДИН МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

(1800—1875)

Профессор Московского университета по кафедре русской истории, издатель журнала «Москвитянин», литератор, написавший несколько повестей и исторических драм.

До середины 1830-х годов примыкал к литературному кругу Пушкина. Позднее перешел на реакционные позиции, стал проповедником идей самодержавия, православия и официальной народности. С 1841 года Погодин начал издание журнала «Москвитянин», откровенно борovéhoся против всего передового в литературе.

Гоголь познакомился с М. П. Погодиным летом 1832 года в свой первый приезд в Москву. Покровительствуя молодому автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Погодин ввел его в круг московских литераторов.

«Познакомился с Гоголем и имел случай сделать ему много одолжения».

Н. Барсуков. «Жизнь и труды М. П. Погодина» Кн. 4-я.

Скоро между Гоголем и Погодиным установились отношения тесной дружбы. Гоголь ценил в Погодине знания историка, его необыкновенное трудолюбие. «По всему мы должны быть соединены тесно друг с другом. Однородность занятий — заметьте, и у вас, и у меня. Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее — словом, все меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути».

Гоголь — М. П. Погодину. 10 января 1833 г. Петербург.

Приезжая в Москву, Гоголь неизменно встречался с Погодиным, так же как и во время наездов Погодина в Петербург. Между ними

все время шел оживленный обмен письмами. Гоголь охотно делился с Погодиным творческими замыслами и откровенно высказывал свое мнение о произведениях друга.

Когда у Пушкина в ходе его исторических работ явилась необходимость в помощнике, Гоголь настойчиво предлагал ему Погодина.

Но со второй половины 1830-х годов отношения между Гоголем и Погодиным изменились. Занявшись издательской деятельностью и желая привлечь к сотрудничеству лучших литераторов, Погодин просил у Гоголя материалов. Между тем Гоголь, всецело занятый созданием «Мертвых душ», не мог оторваться от этой работы.

«Не тревожь меня мелочными просьбами о статейках (журнальных). Я не могу и не в силах заняться ими. Никакие толки, ни добрая, ни худая молва не занимает меня. Я мертв для текущего».

Гоголь — М. П. Погодину. 28 ноября 1836 г. Париж.

Отношения осложнились также материальной зависимостью Гоголя от Погодина. Приняв на себя часть дел Гоголя, неоднократно ссужая его деньгами, Погодин считал его настолько себе обязанным, что уже не просил, а требовал нужные для его изданий произведения. Такое отношение к людям, почему-либо чем-то ему обязанным, было свойственно Погодину.

«...Как скоро ему казалось, что одолженный им человек может его отблагодарить, то он уже приступал к нему без всяких церемоний, брал его за ворот и говорил: «Я тебе помог в нужде, а теперь ты на меня работай».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

Попытки Погодина привлечь Гоголя к сотрудничеству в «Москвитянине» и тем самым поднять престиж журнала не удалось и привели к резкому обострению отношений. Об этом узнали, когда в книге «Выбранные места из переписки с друзьями» прочли статью Гоголя «О том, что такое слово». В ней раскрыты подлинные причины отказа Гоголя от участия в «Москвитянине» и высказано откровенное недовольство «приятелем нашим П***, то есть Погодиным, который старался каждую попавшую ему в руки строку известного писателя «тот же час тиснуть в журнале, не взвесив хорошенько, к чести ли это или к бесчестию его».

На экземпляре книги «Выбранные места из переписки с друзьями», подаренном Гоголем Погодину, надпись: «Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примечающему, наносящему на всяком шагу оскорбления другим и того не видящему. Фоме Неверному, близоруким и грубым аршином меряющему людей, дарит сию книгу, в вечное напоминание

грехов его, человек также грешный, как и он, и во многом еще неопытнейший его самого».

В последние годы жизни Гоголя хотя и продолжалось его общение с Погодиным, но их отношения оставались чисто внешними, сохраняя лишь видимость дружбы.

ПРОКОПОВИЧ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ

(1810—1857)

Литератор. Некоторые стихи его, подражательного характера, были напечатаны в современных журналах. Педагог. Преподавал русский язык и словесность в петербургских кадетских корпусах.

Живя всю жизнь в Петербурге, Прокопович вращался в литературных кругах и был особенно близок с В. Г. Белинским.

Школьный товарищ Гоголя по Нежинской гимназии, Прокопович оставался одним из ближайших и преданнейших ему друзей.

Гоголь без церемоний поручал Прокоповичу и редактирование первого издания своих сочинений, и печатание поэмы «Мертвые души», и пересылку необходимых книг, и дела своих сестер, учившихся в Патриотическом институте, и многое другое. Прокопович все это безропотно выполнял и никогда не сердился на друга. Много раз он выручал нуждавшегося материально за границей писателя, организуя ему помощь среди друзей или ссужая личными деньгами.

Переписка Гоголя с Н. Я. Прокоповичем была особенно оживленной в 1842 году, в период печатания поэмы «Мертвые души».

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

(1799—1837)

Великий русский поэт.

В творческой жизни Гоголя сыграл совершенно исключительную роль. Еще учеником Нежинской гимназии, Гоголь зачитывался стихами и поэмами Пушкина, организовывал среди студентов складчину и выписывал выходявший отдельными главами роман «Евгений Онегин». Приехав в 1829 году из Васильевки в Петербург, Гоголь поспешил осуществить свою давнюю мечту увидеться с Пушкиным и в первые же дни отправился к нему. Но Пушкин принять его не мог, а вторично прийти к поэту у Гоголя не хватило решимости.

Знакомство с Пушкиным состоялось лишь в конце мая 1831 года, на вечере у Плетнева. Пушкин сразу оценил одаренность Гоголя, его удивительный мягкий юмор, наблюдательность, совершенно

очевидные артистические способности и мастерство рассказчика. С первых же дней знакомства Пушкин стал пристально следить за развитием писательского таланта Гоголя, всячески ободряя и поощряя его. Когда вышла загадочная для всех книжка «Вечеров на хуторе близ Диканьки», подписанная веселым именем Пасичника Рудого Панька, Пушкин написал на нее великолепную рецензию. Он высоко оценил художественное значение повестей и ту поэзию и веселость, которыми они были проникнуты.

По словам слуги Гоголя — Якима, Пушкин часто запросто заходил к его хозяину и, не застав дома, «...с досадою рылся в его бумагах, желая знать, что он написал нового. Он... все твердил ему: «Пишите, пишите!», а от его повестей хохотал и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе».

Г. П. Данилевский. «Знакомство с Гоголем».

Увлечись театром и мечтая написать комедию, Гоголь просил сюжет у Пушкина. Видимо, в ответ на это Пушкин подарил ему сюжет «Ревизора», который хранил для себя. «Впрочем, — говорил он, — я не написал бы лучше. В Гоголе бездна юмору и наблюдательности, которых в иных нет».

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя».

Когда «Ревизор» был написан, Пушкин продолжал интересоваться его дальнейшей судьбой. Присутствовал на чтении комедии автором. Был на премьере в Александринском театре, уговаривал Гоголя прочесть пьесу артистам Московского Малого театра.

Пушкин отдал Гоголю и замысел поэмы «Мертвые души».

«Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мною прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!» ...привел мне в пример Сервантеса, который хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принял за «Дон Кихота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ».

Гоголь. «Авторская исповедь».

Первые главы поэмы Гоголь успел прочесть Пушкину.

«...Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!»

Гоголь. «Четыре письма к разным лицам».

Отношения между Пушкиным и Гоголем явили удивительный пример творческой дружбы, когда старший, оценив дарования младшего, старался помочь ему найти свой путь в литературе, а младший не только преклонялся перед гением, но и умел тонко понимать его творения.

«Где выберется у нас полугодие,— писал Гоголь Н. Я. Прокоповичу,— в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочь». Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что «Капитанская дочь» произвела всеобщий эффект».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 25 января 1837 г. Париж.

Узнав о трагической гибели Пушкина, Гоголь глубоко переживал это известие.

Гоголь первый увидел в Пушкине национального поэта.

«При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Гоголь. «Несколько слов о Пушкине».

ПУШКИН ЛЕВ СЕРГЕЕВИЧ

(1805—1852)

Брат поэта Пушкина. Учился в Петербургском университетском пансионе. Служил в армии. В 1842 году вышел в отставку с чином майора и поселился в Одессе, где и прожил до конца жизни. Одно время служил в таможне. Одесское общество относилось к Льву Сергеевичу с большой любовью и уважением.

«Соколов и Ильин со многими другими, в числе которых назову Льва Сергеевича Пушкина, пользовались в свое время большим влиянием на общественное мнение Одессы как в деле искусства, так и в вопросах справедливости».

А. П. Толченов. «Гоголь в Одессе».

Гоголь познакомился с Л. С. Пушкиным в апреле 1848 года, когда, возвратившись из-за границы, был задержан на несколько дней в одесском карантине. Здесь одним из первых его навещил Л. С. Пушкин. Зимой 1850/51 года Гоголь жил в Одессе, и они часто встречались.

РОСТОПЧИНА ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

(1811—1858)

Урожденная Сушкова

Светская поэтесса.

Гоголь, встречавшийся с ней и бывавший у нее в Риме, писал: «Графиня Ростопчина... при доброте и уме, пустовата. Это вовсе не *книга*, написанная о каком-нибудь одном и притом дельном предмете, а шитые лоскутки всего: *tutti frutti*. Она, разумеется, всякий день по балам...»

Гоголь — А. О. Смирновой. 27 января 1846 г. Рим.

В 40-х годах Е. П. Ростопчина вернулась в Россию и, поселившись в Москве возле Кудрина в великолепном доме Небольсиных, завела по субботам литературные вечера, «...на которых бывали все молодые московские литераторы того времени, — вспоминает современник. — Из прежних являлся изредка один Погодин. Впрочем, раз я видел там еще Н. Ф. Павлова. Гоголь не заглянул почему-то ни разу, несмотря на старое знакомство с хозяйкой, у которой, по ее словам, очень часто бывал в Риме. Ему *первому* прочла она своего «*Барона*». Гоголь выслушала очень внимательно и просил повторить. После того сказал: «Пошлите без имени в Петербург: не поймают и напечатают». Она так и сделала. ...Стихи были напечатаны и прошли нисколько не замеченные...»

Н. В. Берг. «Воспоминания о Н. В. Гоголе».

САМАРИН ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ

(1819—1876)

Публицист, критик.

Гоголь встречался с ним в Москве у общих знакомых, приглашал на свои именинные обеды в Погодинском саду.

В одном из писем Гоголя существует очень положительная характеристика Ю. Ф. Самарина.

«Самарин человек умный. Ему нужны покамест труд, работа и совершенное отсутствие праздного времени. Он себе пойдет следующим ему путем, на который натолянут его его же собственные способности и силы, которые он узнает и испробует сам на труде же и на занятиях».

Гоголь — А. О. Смирновой. 24 декабря 1844 г. Франкфурт-на-Майне.

В 1847 году в журнале «Москвитянин» Самарин поместил статью, в которой утверждал, что произведения Гоголя не следует понимать как критику действительности, так как они выражают лишь личную потребность автора в душевном очищении и самоусовершенствовании.

Книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» он расценивал как закономерное продолжение творческого развития писателя.

На статью Самарина немедленно откликнулся В. Г. Белинский, напечатав в журнале «Современник» «Ответ «Москвитянину». Со всей присущей ему страстностью и убедительностью он разбил позиции славянофильского критика.

СЕНКОВСКИЙ ОСИП ИВАНОВИЧ

(1800—1858)

Ученый, журналист, критик и беллетрист (псевдоним — «Барон Брамбеус»). Профессор по кафедре восточных языков в Петербургском университете. Беспринципный литератор. Дружил с Ф. В. Булгариным и среди передовой литературной общественности пользовался дурной славой. С 1834 года — редактор журнала «Библиотека для чтения» и единовластный его хозяин.

Журнал, задуманный А. Ф. Смирдиным, привлекавшим к участию в нем лучшие литературные силы, в руках Сенковского получил реакционное направление. «Библиотека для чтения» активно враждовала со всем прогрессивным в литературе. Высоко оценивая сочинения Булгарина, Греча, Кукольника, Загоскина, она жестоко нападала на Пушкина, Лермонтова, Белинского и Гоголя, издевательски критикуя их произведения.

Прогрессивные писатели, уже по первым номерам разгадавшие позиции Сенковского, отказались от сотрудничества в журнале, хотя и дали вначале на то свое согласие. В статье «О движении журнальной критики» Гоголь писал: «С выходом первой книжки публика ясно увидела, что в журнале господствует тон, мнения и мысли *одного*, что имена писателей, которых блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавного листа, взята была только напрокат, для привлечения большего числа подписчиков».

Круг прогрессивных писателей вступил в борьбу с Сенковским. «На Сенковского поднялся страшный шум... — записал в своем дневнике А. В. Никитенко. — У меня сегодня был Гоголь-Яновский в великом на него негодовании».

Принципиальная борьба с «Библиотекой для чтения» развернулась главным образом на страницах пушкинского «Современника». Гоголь принимал в ней самое горячее участие.

Отрицательное отношение к Сенковскому сквозит во многих высказываниях Гоголя. Так, в письме по поводу альманаха «Новоселье», выпущенного А. Ф. Смирдиным, он писал М. П. Погодину:

«Читал ли ты Смирдинское Новоселье? Книжища ужасная: человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тут и подлости, и воня, и всего».

Гоголь — М. П. Погодину. 20 февраля 1833 г. Петербург.

Со своей стороны Сенковский нападал на Гоголя.

Когда появилась его гениальная комедия «Ревизор», Сенковский с Булгариным охарактеризовали ее как «грязное творение», фарс, который отнюдь не отражает русской действительности и никак не может называться художественным произведением. А «...из злоупотреблений, — заявил Сенковский, — никак нельзя писать комедий».

«Русская старина», 1903 г., № 7.

Выход «Мертвых душ» реакционная критика, во главе с Булгариным и Сенковским, встретила в штыки, утверждая, что поэма не что иное, как уродливая карикатура и клевета на Россию. Гоголя обвинили в том, что он изобразил «...какой-то особый мир негодяев, который никогда не существовал и не мог существовать».

«Северная пчела», 1842 г. № 137.

Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвала со стороны Булгарина и Сенковского поток насмешек над «раскаившимся» писателем, наконец-таки нашедшим свою подлинную дорогу.

СКАЛОН СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

(1797—1887)

Урожденная Капнист

Дочь писателя В. В. Капниста.

Гоголь мальчиком встречался с ней в поместье ее родителей Обуховке и родной Васильевке, где она часто гостила.

«...Николая Васильевича Гоголя, которого я знала мальчиком десяти лет, всегда серьезным и задумчивым... Я помню его и молодым человеком, только что вышедшим из Нежинского лицея. Он и тогда был также серьезен, но с более наблюдательным взглядом».

С. В. Скалон-Капнист. «Воспоминания».

Перед отъездом в Петербург Гоголь заехал к Капнистам проститься.

«Ехавши в Петербург, он заехал к нам и, прощаясь со мною, он удивил меня следующими словами: «Прощайте, Софья Васильевна! Вы или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь очень хорошее».

С. В. Скалон-Капнист. «Воспог»

Семья Гоголя никогда не теряла связи с семьей Капнистов. В письмах к матери Гоголь неоднократно спрашивает о них и передает приветы.

«Сделайте милость,— пишет он 3 мая 1840 года,— передайте мой поклон и самое искреннее рукопожатие Софье Васильевне и Ивану Васильевичу Капнистам. Скажите Софье Васильевне, что я очень часто думаю о ней и очень жалею, что мне не удалось видеться с ней лично».

Известно письмо С. В. Скалон к Гоголю от 1851 года, которое она писала за несколько месяцев до смерти писателя по поводу свадьбы его сестры Елизаветы¹.

СМИРДИН АЛЕКСАНДР ФИЛИППОВИЧ

(1795—1857)

Издатель и книгопродавец. В юности приказчик в книжной лавке В. А. Плавильщикова, после смерти которого, в 1823 году, принял все его дело. С юных лет влюбленный в книгу, Смирдин, несмотря на собственное небольшое образование, сумел хорошо поставить дело книгопечатания, привлекая в число авторов лучшие литературные силы.

В 1831 году Смирдин «...захотел дать приличный приют русскому уму и основал книжный магазин, какого еще не бывало в России... на Невском проспекте в прекрасном новом здании... в нижнем жилье находится торговля г. Смирдина. В верхнем жилье над магазином, в обширных залах, устраивается библиотека для чтения...»

19 февраля 1831 года на торжественном открытии библиотеки Смирдина присутствовали русские писатели, художники, артисты, собиратели и любители книг. В обществе Крылова, Жуковского, Вяземского и Пушкина и других литераторов впервые появился Гоголь.

В ознаменование открытия смирдинской библиотеки был выпущен альманах «Новоселье» в двух томах. На обложке первого тома, вышедшего в 1833 году, художником А. Брюлловым была вы-

¹ Текст письма см. выше, в статье «Гоголь Елизавета Васильевна».

полнена виньетка с изображением всех писателей, присутствовавших на обеде Смирдина.

В альманахе «Новоселье» напечатана повесть Гоголя «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

СМИРНОВА АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА

(1809—1882)

Урожденная Россет

Близкий друг Гоголя.

Отец Александры Осиповны, француз le chevalier Joseph de Rosset, мать Надежда Ивановна, урожденная Лорер (сестра декабриста Николая Ивановича Лорера).

А. О. Смирнова родилась и провела все свое детство на Украине, которую очень любила.

«Я родилась в Малороссии, — вспоминала она впоследствии, — воспитывалась на галушках и варениках, и как мне ни мила Россия, а все же я не могу забыть ни степей, ни тех звездных ночей, ни крика перепелов, ни журавлей на крышах, ни песен малороссийских...»

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя».

Окончив Смольный институт, Александра Осиповна была назначена фрейлиной к императрице. Во дворце она познакомилась с В. А. Жуковским, а через него с А. С. Пушкиным и другими литераторами, которые стали у нее бывать. Так созданал небольшой литературный салон фрейлины Россет. Живая, веселая, очень остроумная и образованная, интересовавшаяся искусством, она сумела привлечь в свою гостиную лучшие литературные силы того времени.

В 1834 году А. О. Россет вышла замуж за крупного чиновника Н. М. Смирнова, получившего впоследствии место губернатора в Калуге.

С Гоголем Александра Осиповна познакомилась в первые же годы его петербургской жизни. Встречалась летом в Царском Селе с Пушкиным, Жуковским и Гоголем, который читал в ее салоне «Вечера на хуторе близ Диканьки», а впоследствии — «Ревизора» и «Мертвые души».

Гоголь считал А. О. Смирнову очень близким себе человеком по взглядам и религиозной настроенности.

«Это перл всех русских женщин, каких мне случалось... из них знать... прекрасных по душе... как ни уважал ее всегда и как ни был дружен с ней, но только в одни истинно страждущие минуты... мои, узнал ее. Она являлась истинным моим утешителем, тогда как вряд ли чье-либо слово могло меня утешить».

Гоголь — Н. М. Языкову. 5 июня 1845 г. Гамбург.

В течение всей жизни Гоголь постоянно переписывался со Смирновой, письма его всегда носили теплый, сердечный, дружеский характер. Во время своих заграничных путешествий Гоголь встречался с А. О. Смирновой на водах. Проводя последние годы жизни в Москве, ездил гостить к ней в Калугу и в подмосковную усадьбу. А когда она сама приезжала по делам в Москву, виделся с ней ежедневно.

А. О. Смирнова была в числе тех немногих современников Гоголя, которым он успел прочесть главы второго тома поэмы «Мертвые души».

Особенно близко со Смирновой Гоголь сошелся после выхода в свет его книги «Выбранные места из переписки с друзьями».

В письме к С. Т. Аксакову он восторженно пишет об отношении А. О. Смирновой к его книге: «...многое в моей книге она почувствовала полней и не перетолковала в такую превратную сторону, как перетолковали вы».

Гоголь — С. Т. Аксакову. 28 августа 1847 г. Остенде.

А. О. Смирнова была одним из тех реакционных друзей Гоголя, которые поддерживали и развивали в нем религиозно-мистические настроения, в конце концов приведшие писателя к гибели.

СОЛЛОГУБ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(1814—1882)

Писатель. Автор популярной в 1840-х годах повести «Тарантас», о которой Гоголь отзывался очень хорошо.

«Я прочел ваш «Тарантас» еще с бóльшим удовольствием в печати, чем прежде в рукописи. У вас всё зреет вместе: и ум, и слог, и наблюдательность, и мысли. Вам нужно только не останавливаться и писать».

Гоголь — В. А. Соллогубу. 3 января 1846 г. Рим.

Знакомство Гоголя с В. А. Соллогубом состоялось в 1830 году, когда будущий автор «Мертвых душ» еще никому не был известен как писатель. Некоторое время Гоголь жил в доме князей Васильчиковых в качестве домашнего учителя и тогда-то познакомился с их племянником В. А. Соллогубом.

«...Я шел однажды по коридору, — пишет Соллогуб, — и услышал, что кто-то читает в ближайшей комнате. Я вошел из любопытства и нашел Гоголя посреди дамского домашнего ареопага... Перед ними сидел Гоголь и читал про украинскую ночь: «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!» Кто не слышал читавшего Гоголя, тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма...

Признаюсь откровенно, я был поражен, уничтожен; мне хотелось взять его на руки, вынести его на свежий воздух, на настоящее его место. *Майская ночь* осталась для меня любимым гоголевским творением, быть может, оттого, что я ей обязан тем, что из первых в России мог узнать и оценить этого гениального человека».

В. А. Соллогуб. «Воспоминан

Впоследствии, близко познакомившись с гр. Вельгорскими, на дочери которых, Софье Михайловне, был женат В. А. Соллогуб, Гоголь встречался с ним в их доме и в литературных кругах Петербурга. Гоголь отличал дарование В. А. Соллогуба, его наблюдательность, остроту взгляда на вещи, своеобразие языка, по тем не менее считал его творчество далеким от совершенства, потому что душа автора «не набралась еще... содержания более строгого...»

СРЕЗНЕВСКИЙ ИЗМАИЛ ИВАНОВИЧ

(1812—1880)

Крупный русский ученый. Профессор Харьковского, а потом Петербургского университетов. Впоследствии академик. Автор многочисленных работ по изучению памятников древнерусского и славянских языков.

Занимался собиранием и публикацией материалов по истории, фольклору и литературе Украины. Выпустил «Украинский альманах» и шесть сборников «Запорожская старина».

Публикации Срезневского привлекли особое внимание Гоголя и вызвали желание лично познакомиться с ним. Встретились они в Москве, может быть, у М. П. Погодина или Чертковых. Общий интерес к народным песням и истории Запорожья сблизил их. Завязалась переписка.

«Вы... сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины. Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все — новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать... И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи...»

Гоголь — И. И. Срезневскому. 6 марта 1834 г.

ТАРАСЕНКОВ АЛЕКСЕЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ

(1816—1873)

Крупный медик, главный врач Шереметевского странноприимного дома. Интересовался психиатрией, написал ряд научных работ в этой области.

Гоголь познакомился с доктором Тарасенковым в последние месяцы жизни.

«До 1852 года я знал Гоголя только по его сочинениям и по рассказам о нем. Давно мне хотелось короче узнать этого художника, творения которого имели огромное на меня влияние. Только в этот год я достиг случая с ним познакомиться, видаться, беседовать. Описанный день, в который мы с ним обедали, особенно мне памятен: он был пред его болезнью последний, в который мне пришлось провести довольно долгое время вместе».

А. Т. Тарасенков. «Последние дни жизни Н. В. Гоголя».

Через месяц после этого свидания Тарасенков был приглашен уже к больному Гоголю.

«Увидев его, я ужаснулся. Не прошло месяца, как я с ним вместе обедал; он казался мне человеком цветущего здоровья, бодрым, свежим, крепким, а теперь передо мною был человек как бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный каким-либо продолжительным истощением до необыкновенного изнеможения. Все тело его до чрезвычайности похудело; глаза сделались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голос ослаб, язык с трудом шевелился, выражение лица стало неопределенное, необъяснимое. Мне он показался мертвецом с первого взгляда».

А. Т. Тарасенков. «Последние дни жизни Н. В. Гоголя».

А. Т. Тарасенков принимал участие в последнем консилиуме. Оставил очень ценные, подробные и правдивые воспоминания о последних днях жизни Гоголя.

Мемуары доктора Тарасенкова высоко оценил Н. Г. Чернышевский, назвав их документом «драгоценным для истории нашей литературы».

ТОЛСТОЙ АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ

(1801—1873)

Граф. Видный царский сановник. Был губернатором в Одессе, потом в Твери. Впоследствии — обер-прокурор Святейшего Синода. Ярый реакционер и консерватор, религиозный до ханжества, он принадлежал к тому ряду друзей Гоголя, которые, по существу, стали его врагами.

Гоголь познакомился с А. П. Толстым в начале 1840-х годов за границей и очень привязался к нему. В графе Толстом писатель находил поддержку своей растущей религиозности и мистицизму. Именно Александр Петрович познакомил Гоголя с священником-фанатиком Матвеем Константиновским, взявшим на себя «труд» отвратить писателя от литературы, обличая его за сочинения. Всему этому сочувствовал и покровительствовал граф А. П. Тол-

стой. Книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» была в какой-то мере спровоцирована реакционным окружением писателя, в том числе и графом А. П. Толстым, который считал ее единственным достойным сочинением Николая Васильевича.

Последние годы жизни в Москве Гоголь провел в непосредственной близости к А. П. Толстому, живя у него в доме.

Неясна роль А. П. Толстого и в дни предсмертной болезни Гоголя, о которой он сообщил друзьям писателя с большим опозданием и всеми мерами старался никого не допускать к постели больного. Рукописи Гоголя, оставшиеся после его смерти, оказались в руках А. П. Толстого.

ТУРГЕНЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(1784—1845)

А. И. Тургенев получил образование в Московском благородном пансионе одновременно с поэтом В. А. Жуковским. Вместе с ним и несколькими образованными молодыми людьми основал литературное общество, чаще всего собиравшееся в доме А. Воейкова близ Новодевичьего монастыря. Позднее стал членом «Арзамаса» и получил кличку «Эолова арфа». Вращался в литературных кругах Петербурга. Со многими современными поэтами и писателями был в коротких, дружеских отношениях. Знал и любил молодого Пушкина. Был в числе друзей, хлопотавших о судьбе поэта весной 1820 года, когда за вольнолюбивые стихи Александр I грозился сослать Пушкина в Сибирь.

Увлечение литературой не мешало служебной карьере А. И. Тургенева. Двадцати пяти лет он уже занимал пост директора департамента. В тридцать четыре года получил придворный чин камергера. При дворе его знали и ценили как способного и образованного молодого человека. Когда при Александре I была создана комиссия по составлению законов, А. И. Тургенев был включен в число ее членов.

Но блестящая карьера А. И. Тургенева, так удачно начавшаяся, сразу оборвалась после событий 14 декабря 1825 года. Дело декабристов близко коснулось А. И. Тургенева. Его младший брат Николай был одним из ведущих членов тайного Северного общества. В момент восстания Николай Иванович находился за границей, но тем не менее он заочно был приговорен к смертной казни, и это заставило его навсегда остаться в чужих краях.

А. И. Тургенев, вынужденный выйти в отставку и свободный от всяких дел, тоже много времени проводил за границей.

Путешествуя по Европе, он завязал знакомства с многими интересными людьми: учеными, писателями, выдающимися политическими деятелями.

Живо интересуясь политикой и историей, работал в архивах и книгохранилищах, собирал интереснейший материал о России. Его дневники и обширная переписка, сохранившиеся до нашего времени, представляют огромную ценность как документ эпохи.

С Гоголем А. И. Тургенев встречался и в свои наезды в Россию у московских и петербургских друзей и за границей в домах общих знакомых.

Выезжая за границу на длительный срок, А. И. Тургенев не терял своих русских связей, а потому всегда был в курсе всех политических и литературных новостей.

П. В. Анненков рассказывает, что, когда «Мертвые души» вышли из печати, «...Александр Иванович Тургенев, получивший это известие из России, распространил его в Париже, и легко понять, с каким восторгом принято было оно всеми, которые отчасти ознакомились с содержанием и направлением романа».

П. В. Анненков. «Литературные воспоминания».

ТУРГЕНЕВ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

(1818—1883)

Выдающийся русский писатель.

Гоголь мог читать только самые ранние его произведения, но уже в них почувствовал незаурядное дарование и дал лестный отзыв о молодом писателе. В письме к П. В. Анненкову он писал:

«Изобразите мне также портрет молодого Тургенева, чтобы я получил о нем понятие как о человеке; как писателя, я отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочел, талант в нем *замечательный* и обещает большую деятельность в будущем».

Гоголь — П. В. Анненкову. 7 сентября 1847 г. Остенде.

Слова Гоголя оказались пророческими для автора романов «Рудин», «Накануне», «Отцы и дети».

Студентом Петербургского университета И. С. Тургенев слушал лекции адъюнкт-профессора Гоголя по всеобщей истории, но личное знакомство писателей состоялось лишь осенью 1851 года.

В эту первую встречу самой важной темой беседы был разговор о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».

«Гоголь, вероятно, знал мои отношения к Белинскому, к Искандеру, — пишет позже в своих воспоминаниях И. С. Тургенев, — о первом из них, об его письме к нему — он не заикнулся: это имя обожгло бы ему губы. Но в то время только что появилась — в од-

ном заграничном издании — статья Искандера, в которой он, по поводу пресловутой «Переписки», упрекал Гоголя в отступничестве от прежних убеждений. Гоголь сам заговорил об этой статье».

И. С. Тургенев. «Гоголь».

Гоголь старался доказать, что направление книги «Выбранные места...» ничуть не противоречит его прежним взглядам, и даже прочел несколько отрывков из «Арабесок». Тургенев и Щепкин промолчали. И Гоголь, по словам Щепкина, сказал: «Правда, и я во многом виноват, виноват тем, что послушался друзей, окружавших меня, и если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою «Переписку с друзьями». Я бы сжег ее».

М. А. Щепкин. Из «Воспоминаний об М. С. Щепк»

И. С. Тургенев присутствовал на чтении Гоголем комедии «Ревизор» для артистов Малого театра, состоявшемся 5 ноября 1851 года, и оставил об этом чтении интересные воспоминания.

Многие произведения Гоголя были переведены Тургеневым на французский язык.

ХОМЯКОВ АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ

(1804—1860)

Видный деятель славянофилов, поэт и публицист.

Дом Хомякова был местом ожесточенных литературных и общественно-политических споров. Здесь встречались Герцен, Грановский, Чаадаев, Аксаковы, Киреевские, Кошелев, Погодин, Н. Языков.

Гоголь бывал у А. С. Хомякова, считал его в числе своих друзей и с особенной привязанностью относился к его жене, Екатерине Михайловне, урожденной Языковой, родной сестре поэта. Известно, что ее смерть в январе 1852 года произвела необыкновенно тяжелое впечатление на Гоголя.

ЧААДАЕВ ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ

(1794—1856)

Философ. Писатель-публицист. Автор знаменитых «Философических писем», в которых дана резкая критика современной России. Некоторое время была членом Союза благоденствия, но потом отошел от тайного общества. Близкий друг Пушкина.

Чаадаев получил блестящее домашнее воспитание. Потом учился в Московском университете и уже в эти ранние годы серьезно увлекался философией.

В 1811 году поступил в Семеновский полк. Сражался в войну 1812 года и дошел до Парижа. В 1816 году перешел в лейб-гусарский полк, расквартированный в Царском Селе.

Недовольный современной ему русской действительностью, Чаадаев уже в 1821 году вышел в отставку, пропутешествовал за границей пять лет и, вернувшись на родину, поселился в Москве. Здесь, на Басманной улице в доме Левашовых, он и прожил до конца жизни.

Московское общество шутивно величало Петра Яковлевича «басманным мудрецом» и очень считалось с ним и его мнением. Каждый понедельник (приемный день Чаадаева) его скромный кабинет, куда допускались посетители лишь по тщательному отбору, был переполнен гостями, и многие, не попавшие в их число, продолжали страстно желать этого. Сам писатель, редко бывая в домах московского общества и почти ежедневно в английском клубе, держался замкнуто, несколько даже отчужденно, что не вредило, однако, его высокому авторитету.

По свидетельству современника, Чаадаев «...налагал своим присутствием каждому какое-то к себе уважение. Всё перед ним как будто преклонялось и как бы сговаривалось извинять в нем странности его обращения...».

Д. Н. Свербеев. «Записки».

В 1836 году в сентябрьской книжке журнала «Телескоп» было напечатано первое «Философическое письмо» Чаадаева, за которое он был объявлен сумасшедшим и отдан под тайный надзор. Гоголь был знаком с Чаадаевым и бывал у него.

Когда вышла книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», Чаадаев резко осудил это произведение за его откровенно реакционный характер.

ШЕВЫРЕВ СТЕПАН ПЕТРОВИЧ

(1806—1864)

Профессор Московского университета, литературный критик, поэт. С 1841 года сотрудник и помощник М. П. Погодина по изданию журнала «Москвитянин». Человек консервативных взглядов. Пропагандировал формулу: «Самодержавие, православие и народность».

Гоголь познакомился с Шевыревым в 1839 году за границей, через М. П. Погодина, и до конца своей жизни был связан с ним личной дружбой. Приезжая в Москву, часто встречался, в разлуке оживленно переписывался. Начиная с 1843 года С. П. Шевырев вел дела Гоголя по изданию его сочинений. В письме к А. О. Смирновой, рекомендуя ей Шевырева, Гоголь высоко его оценивает:

«...Человек этот стоит на точке разума несравненно выс-

шей, чем все другие в Москве, и в нем зреет много добра для России».

Когда вышла из печати книга «Выбранные места из переписки с друзьями», Шевырев был среди тех немногих, которые приняли ее восторженно.

ЩЕПКИН МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ

(1788—1863)

Великий русский актер. Создатель реалистического русского театра.

Крепостной графов Вилькенштейнов, он рано проявил актерское дарование. С детских лет играл в крепостном театре своих хозяев, позднее стал актером провинциальной сцены. Переехав в 1822 году в Москву, Щепкин был принят в труппу Московского драматического театра и вместе с ней перешел на сцену только что (в 1824 г.) построенного архитектором Бове Малого театра, где прослужил всю жизнь.

В доме Щепкина бывали и Белинский, и Герцен, и Станкевич, и Гоголь, и передовая студенческая молодежь.

Гоголь познакомился с Щепкиным в свой первый приезд в Москву летом 1832 года.

Однажды, в воскресенье, неузнанный никем, Гоголь вошел в залу, где за обеденным столом собралась семья Щепкина во главе с самим артистом и их гости. Весело, с лукавинкой Гоголь произнес скороговоркой:

«Ходит гарбу́з по горóду,
Пытается своего роду:
Ой, чи живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы».

С этой первой встречи между Гоголем и Щепкиным установились отношения крепкой дружбы, продолжавшейся до конца жизни писателя. Кроме личных приятельских отношений, их связывали и общий взгляд на искусство, и горячая любовь к родине, и одинаковые принципы творчества. Если Гоголь, по меткому определению В. Г. Белинского, был «поэтом жизни действительной», то Щепкин воплощал эту жизнь на сцене. Понятно поэтому то огромное сочувствие, с которым Щепкин встречал выход в свет каждого произведения Гоголя, особенно его пьес. Щепкин был лучшим исполнителем ролей, созданных Гоголем. Известно, что роль городского стада одной из наиболее блестящих ролей его репертуара.

Гоголь глубоко ценил неизменное расположение к себе Щепкина, его постоянную дружескую заботу и внимание и сам был

сердечно привязан к артисту. Приезжая в Москву, а в последние годы живя в ней, Гоголю часто встречался с Щепкиным, бывал у него в доме и принимал у себя. Современники вспоминают, как писатель и актер любили уединиться где-нибудь в укромном уголке и вести долгие беседы о русском театре, о русской комедии, о русской литературе.

Но вот что важно. Любя Гоголя, преклоняясь перед его талантом, Щепкин, когда было нужно, смело боролся за писателя с самим писателем. Известно, что когда в 1847 году появилась книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», Щепкин увидел в ней преступный уход автора от той «жизни действительной», которую он так выпукло и ярко показал в своих произведениях. И Щепкин энергично протестовал. Когда же ознакомился с «Развязкой Ревизора», написанной в 1846 г., и заключавшей в себе попытку нового толкования великой комедии в духе идей «Выбранных мест...», он написал Гоголю негодующее письмо: «...Прочтя Ваше окончание «Ревизора», я бесился на самого себя, за свой близорукий взгляд, потому что до сих пор я изучал всех героев «Ревизора», как живых людей; я так видел много знакомого, так родного, я так свылся с городничим, Добчинским и Бобчинским в течение десяти лет нашего сближения, что отнять их у меня и всех вообще — это было бы действие бессовестное. Чем вы их мне замените? Оставьте мне их, как они есть. Я их люблю, люблю со всеми слабостями... Не давайте мне никаких напевов, что это де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди, между которыми я вырос и почти состарился... Нет, я их вам не дам! не дам, пока существую. После меня переделайте хоть в козлов; а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог».

М. С. Щепкин — Гоголю. 22 мая 1847 г.

ЯЗЫКОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
(1803—1846)

Известный поэт пушкинской поры.

Близкий друг Гоголя. Взаимная привязанность их никогда не была омрачена сколько-нибудь серьезной размолвкой или недоразумением. «Из всех моих друзей,— писал Гоголь уже после смерти Н. М. Языкова,— у него больше других было тех *некоторых особенностей*, какие были и в моей природе... и которые были причиной, что между нами было тесное дружество. Наши мысли и вкусы были почти сходны».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 11 февраля 1847 г. Неаполь.

Личное знакомство Гоголя с Языковым относится к концу 30-х годов. Но стихи Языкова восхищали Гоголя и много раньше.

В 1841 году больной Н. М. Языков в сопровождении брата поехал лечиться за границу и довольно долго прожил в Ганау. Сюда к нему на месяц приехал Гоголь, и за это время друзья особенно близко сошлись. В разлуке постоянно переписывались. Как поэта Гоголь ставил Языкова очень высоко.

«...Получил пару твоих стихотворений, чудных стихотворений,— писал Гоголь,— которые дунули на всех свежестью и силою: все были восхищены ими... Я скажу только, что кроме всего прочего сила языка в них чудная».

Гоголь — Н. М. Языкову. 10 февраля 1842 г. Москва.

*Места,
где жил и бывал*
ПИСАТЕЛЬ

НА РОДИНЕ

ДОРОГА ВСЕГДА ДЕЙСТВОВАЛА НА
МЕНЯ ОСВЕЖИТЕЛЬНО: И НА ТЕЛО
И НА ДУХ...

Гоголь.

Сказать только, что «Гоголь любил путешествовать» — значит ничего не сказать о том значении, которое путешествия имели в его творческой биографии. Гоголь не был путешественником в прямом смысле этого слова. Осмотр достопримечательностей, смена впечатлений, новые знакомства и встречи не были для него основной целью поездки. Ему нужна была та особая атмосфера, которую создавала длительная дорога, атмосфера, как нельзя лучше способствовавшая творческому процессу.

Едучи на лошадях, в телеге ли, в бричке, почтовой карете или дилижансе, Гоголь мог совершенно отрешиться от всего и всецело погрузиться в свой внутренний мир, предаться своим творческим размышлениям.

«Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обделывал в дороге».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 10 сентября 1839 г. Москва.

Вот почему Гоголь в путешествии так упорно старался сохранить свое внутреннее одиночество. На случайные разговоры с попутчиком у него не было ни времени, ни желания. Они отвлекали писателя от самого важного, что давала ему дорога, — от работы, которой он был увлечен.

Известно, что однажды, желая избежать досужих разговоров, он уверил соседа по дилижансу, что он вовсе не Гоголь, знаменитый писатель, а чиновник по фамилии Гогель.

Иногда мысленная обработка сюжета в дороге приобретала

настолько законченную форму, что писателю необходимо было тут же записать все, что созрело в уме. Любопытен один случай, рассказанный самим Гоголем. Как-то при переезде из одного швейцарского городка в другой он вдруг почувствовал такое острое желание писать, что, добравшись до ближайшей таверны, приказал подать себе не ужин, а столик, чернила и перо. Когда все это принесли в общую залу, так как отдельной комнаты не было, Гоголь тотчас же начал работать и, не обращая внимания на шум, крики и разноязычный говор вокруг, написал целую главу «Мертвых душ».

Дорога была необходима писателю и для наблюдений, она давала массу впечатлений. «...Мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно была ли то деревушка, бедный уездный городишко, село ли, слободка, любопытного много открывал в нем... взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, все оставляло меня и поражало. Каменный ли, казенный дом... рынок ли, фронт ли уездный, попавшийся среди города,— ничто не ускользало от... внимания, и, высунувши нос из походной телеги своей, я глядел и на невиданный дотоле покррой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики с гвоздями, с серой... с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей овощной лавки... Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступающие его сады, и он покажется весь с своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по нем старался я угадать, кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него, или целых шестеро дочерей с звонким девическим смехом...»

Гоголь. «Мертвые души».

Ничего достойного внимания не пропускал зоркий глаз Гоголя. Каждая деталь, каждая мелочь находила свое место в творческой памяти писателя. Профессор М. А. Максимович вспоминает интересный дорожный эпизод. Летом 1850 года, сопровождая Гоголя в его путешествии от Москвы до Украины, Максимович был свидетелем любопытной сцены.

Путники остановились в городе Севске, чтобы переночевать на почтовой станции. Рано утром Гоголь разбудил товарища и обратил его внимание на какой-то странный напев, звонко разливавшийся в воздухе. Писатель предположил, что слышит «Купаловы песни»,— дело происходило незадолго до праздника Ивана Купалы. Но оказалось, что в соседней избушке умерла женщина, и ее оплакивают дочери по старому народному обычаю, с причитания-

ми. Гоголь слушал причитания до самого конца и с большим интересом.

В последние годы жизни, уже поселившись после окончательного возвращения из-за границы в Москве, работая над вторым томом поэмы «Мертвые души», Гоголь много путешествовал по России, желая лучше узнать ее.

Творческий подъем, свежесть мысли, жизнерадостность, которыми дарила Гоголя дорога, благотворно действовали и на здоровье писателя. Он признавался, что даже в самые трудные годы дорога неизменно улучшала его физическое состояние. Лечась на модных тогда европейских курортах: Остенде, Баден-Бадене, Карлсбаде, Гоголь почти не чувствовал облегчения. Но стоило ему хоть немного поездить, как здоровье восстанавливалось.

«О, если б я имел возможность всякое лето сделать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня...»

Гоголь — С. Т. Аксакову. 28 декабря 1840 г. Рим.

Понятны поэтому те восторженные строки, которые Гоголь посвящает дороге в поэме «Мертвые души»: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку на уши, тесней и уютней прижмешься к углу!.. Кони мчатся... как соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся: и «Не белы снега», и сап лошадей, и шум колес, и уже хранишь, прижавши к углу своего соседа. Проснулся: пять станций убежало назад, луна, неведомый город, церкви с старинными деревянными куполами... ..Боже! Как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога.

Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько перечувствовалось дивных впечатлений...»

Гоголь. «Мертвые души».

ВАСИЛЬЕВКА

Родовое поместье Гоголей-Яновских. Здесь жил Николай Васильевич Гоголь.

Васильевка, или в просторечье — хутор Яновщина, красиво раскинулась в привольных украинских степях. Возле каменной церкви, окруженной оградой из белых и желтых кирпичей, приютился скромный одноэтажный дом с открытой террасой, обращенной в сад.

Направо от дома — флигель, в нем в свои последние приезды жил Гоголь, налево — служебные строения. За домом начинался

старый, дедовский, запущенный сад с высокими развесистыми кленами, кудрявыми липами и любимыми Гоголем дубами. Извилистые дорожки вели в темную чащу зарослей черемухи и бузины. На краю сада от старых лет сохранился искусственный грот, окруженный душистыми акациями, с огромным серым камнем у входа. По словам матери, Гоголь ребенком любил взбираться на верхушку камня и оттуда глядеть на окрестности. Привязанность к этому месту писатель сохранил навсегда. В свои последние приезды он также любил посидеть вечером на камне, задумчиво любясь великолепным видом.

Влево от балкона начиналась широкая липовая аллея, которая вела к двум искусственным прудам. Рассказывали, что по ней особенно любил гулять Гоголь. На холме, возвышавшемся между прудами, по желанию писателя выстроили небольшую беседку, а на берегу — купальню. Дом, удобный и вместительный, был обставлен, как и другие украинские дворянские особняки, простой мебелью, выполненной своими мастерами. По стенам висели превосходные старые гравюры и фамильные портреты. В зале стояло фортепьяно.

Красота украинской природы и уют патриархальной семейной жизни оставили неизгладимый след в сознании и памяти Гоголя. Неудивительно, что впечатление детства ярко отразилось в творчестве писателя:

«Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи».

Гоголь. «Сорочинская ярмарка».

С какой любовью описывает Гоголь все мелочи быта, знакомые и милые ему с детства, в повести «Старосветские помещики», начиная с «поющих дверей»: «Я знаю, что многим очень не нравится сей звук, но я его очень люблю, и если мне случится иногда здесь услышать скрип дверей, тогда мне вдруг так и запахнет деревнею, низенькой комнаткой, озаренной свечкой в старинном подсвечнике, ужином, уже стоящим на столе, майскою темною ночью, глядящею из сада, сквозь растворенное окно, на стол, уставленный приборами, соловьем, обдающим сад, дом и дальнюю реку своими раскатами; страхом и шорохом ветвей... и, боже, какая длинная навевается мне тогда вереница воспоминаний».

Гоголь. «Старосветские помещики».

Приезжая к матери, Гоголь почти всегда останавливался во флигеле, низком строении с крытой стеклянной галереей и окнами во двор. Ветхие ступени крыльца вели в комнаты: сени, залу, гостиную с выходом на балкон и кабинет, который находился в другом конце флигеля и имел особый выход.

«Эта комната в десять шагов длиною и в четыре шага ширины,— пишет А. С. Данилевский.— Два маленьке окошечка выходят во двор; между ними помещается небольшое зеркальце; окна завешены белыми кисейными занавесками. Влево от двери — печь; вправо — дубовый шкаф для книг. ...Влево от печи простенькая кровать, покрытая ковром... между печью и кроватью помещается рабочий стол Гоголя. Это на высоких ножках конторка с косою доскою из грушевого дерева, покрытого кожей; на верхней платформе ее, с двух сторон, вделаны чернильница и песочница...»

В последний раз Гоголь приехал в Васильевку летом 1850 года вместе со своим другом профессором М. А. Максимовичем.

Память о Гоголе навсегда сохранилась в Васильевке, сначала оберегаемая его родными, а потом всем народом.

НЕЖИН

Древний город, известный еще в XII веке.

Здесь прошли отрочество и ранняя юность Гоголя, здесь он учился в гимназии высших наук. В эти годы определились личность будущего писателя, его интересы, любовь к литературе и театру. Завязались дружеские связи с товарищами. Некоторые из этих связей прошли через всю жизнь Гоголя.

Город Нежин первой четверти XIX века был хорошо знаком будущему писателю, уже тогда проявлявшему свою исключительную наблюдательность.

В свободное от уроков время воспитанники гимназии имели право выходить за пределы своего учебного заведения и бывать в городе. Несомненно, что и Гоголь пользовался этим правом. Навещал своих нежинских знакомых, бывал в домах местных старожилов.

Не вызывает сомнения, что большинство представителей нежинского общества были типичными обывателями захолустного провинциального городка. Вероятно, о них писал Гоголь в письме к своему приятелю по Нежинской гимназии Г. И. Высоцкому: «Ты знаешь всех наших существвателей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека».

Гоголь — Г. И. Высоцкому. 26 июня 1827 г. Нежин

Гораздо сильнее тянуло Гоголя на окраины Нежина, в предместье Магерки, где среди простого люда у него было много друзей. Особенно любил он бывать здесь в праздники, на свадьбах и крестинах, с наслаждением слушал украинские песни в превосходном исполнении: Магерки славились своими песенниками.

«Песни — это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа, — писал он позднее в статье «О малороссийских песнях». — Песни для Малороссии — все, и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем бытe этой цветущей части России».

В наше время г. Нежин — районный центр. В надстроенном здании бывшей Нежинской гимназии высших наук теперь — Педагогический институт имени Гоголя.

ПЕТЕРБУРГ

Петербург представлялся Гоголю великолепным, почти волшебным городом.

«Ежели об чем я теперь думаю, так это все о будущей жизни моей. Во сне и на яву мне грезится Петербург...»

Гоголь — матери. 26 февраля 1827 г. Нежин.

Но первая встреча с столицей не оправдала надежд. Более того, юноша даже испытал чувство, близкое к разочарованию. В письме к матери Гоголь передает удивительно тонкие наблюдения, выражает свое понимание столицы, метко рисует облик Петербурга.

«Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь обиностранились и сделались ни тем, ни другим... все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их».

Гоголь — матери. 30 апреля 1829 г. Петербург.

Самым длительным пребыванием Гоголя в Петербурге было время с декабря 1828 года по весну 1836 года.

Первые годы петербургской жизни были трудными. Гоголь, по его словам, пламенел «...неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства». Каким образом он это сделает, юноша не знал. Он пробовал служить чиновником, стать актером, читать лекции в университете, — но все это не удовлетво-

ряло его. И только выход в свет сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» решил судьбу Гоголя, определив весь его дальнейший путь — путь писателя.

Приехав в столицу безвестным юношей, Гоголь через семь лет покидал ее автором знаменитых «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сборников «Миргород», «Арабески» и бессмертного «Ревизора».

В Петербурге Гоголь нашел друзей, связи с которыми сохранил на всю жизнь: В. А. Жуковского, П. А. Плетнева, семейство Вьельгорских, А. О. Россет. В Петербурге Гоголь встретился с Пушкиным, сыгравшим такую важную роль в формировании и развитии таланта молодого писателя.

«Поэт жизни действительной», Гоголь запечатлел в своих произведениях образ Петербурга, увидев в нем не столько город роскоши и великолепия, сколько город резких социальных контрастов. Писатель горько задумался над судьбой «маленьких» людей, жителей чердаков, подвалов и рассказал о них. Особенно ярко показал Гоголь Петербург как город богатых и город бедных — в повести «Невский проспект».

Жизнь главной улицы Гоголь изображает в ранние часы, когда «...плетется нужный народ, иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью... Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкой, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это время, т. е. до 12 часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы...»

И совсем по-другому выглядит Невский проспект, когда по нему разгуливает «ненужный» народ:

«В это благословенное время от 2-х до 3-х часов пополудни, которое может назваться движущеюся столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая пару хороших глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом...»

И далее:

«...С четырех часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого повытчика, пущенная по миру во фризовой шинели...»

В статье «Петербургские записки 1836 года» Гоголь дал блестящую характеристику Петербурга, сопоставив его с Москвой, ярко показав различие обеих столиц:

«Как раскинулась, как расширилась старая Москва!.. Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург! Перед ним со всех сторон зеркала: там Нева, там Финский залив. Есть ему куда поглядеться. Как только заметит он на себе перышко или пушок, ту же минуту его щелчком. Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не поднимаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европю, раскланивается с заморскими людьми».

Уехав из Петербурга весной 1836 года в свое первое длительное путешествие, Гоголь расстался с северной столицей на долгие годы. А возвратившись в Россию, чаще жил в Москве, бывая в Петербурге лишь на короткое время по делам или проездом.

Последний раз Гоголь посетил Петербург осенью 1848 года (вторая половина сентября — начало октября) и провел в нем около двух недель.

Многих теперь уж не было. Пушкин убит, Жуковский за границей. Много воды утекло, многое изменилось в городе, таком некогда близком писателю.

«Я нахожусь точно в положении иностранца, приехавшего осматривать новую, никогда дотоле не виданную землю: его все дивит, все изумляет и на всяком шагу попадаетея какая-нибудь неожиданность».

Гоголь — М. П. Погодину. Октябрь 1848 г. Петербург.

В ленинградских музеях, архивах и библиотеках сосредоточены рукописи, документы и другие материалы, связанные с творчеством Гоголя в Петербурге. Дома, в которых жил писатель, находятся под охраной государства. В одном из залов Литературного музея Пушкинского дома открыта постоянная экспозиция, посвященная Гоголю.

Бывшая Малая Морская, где была последняя квартира Гоголя (дом № 17), переименована в улицу его имени. Неподалеку от нее в саду Горького (бывший Александровский сад) поставлен бюст Гоголя работы скульптора В. Крейтана.

КИЕВ

О Киеве Гоголь мечтал еще в первые годы своей жизни в Петербурге. Подружившись с ученым-фольклористом, профессором Киевского университета М. А. Максимовичем, Гоголь задумал получить там же и для себя кафедру всеобщей истории.

«Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев!.. славно будет, если мы зайдем с тобой киевские кафедры».

Гоголь — М. А. Максимовичу. В конце 1833 г. Петербург.

Однако хлопоты оказались напрасными, и Гоголь, вынужденный принять предложение Петербургского университета, был утверждён осенью 1834 года в звании адъюнкт-профессора.

Между тем мечта о Киеве не оставляла его. Желая навсегда поселиться в этом городе, Гоголь даже собирался купить там домик.

«Я тебя попрошу, пожалуйста, разведывай, есть ли в Киеве продающиеся места для дома, если можно, с садиком, и если можно, где-нибудь на горе, чтобы хоть кусочек Днепра был виден из него, и если найдется, то уведоми меня; я не замедлю выслать тебе деньги».

Гоголь — М. А. Максимовичу. 14 августа 1834 г. Петербург.

Впервые Гоголь увидел Киев в июле 1835 года.

«Там, прежде всех, гостивших у меня друзей, был Гоголь, нарочно приезжавший ко мне в конце июля... Он пробыл у меня пять дней, или лучше сказать, пять ночей: ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским лицейским знакомцам и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда зачиналась наша беседа...»

М. А. Максимович. «Письма о Киеве».

Вторично Гоголь посетил Киев весной 1848 года, вернувшись в Россию из-за границы. Он провёл в Киеве самые последние числа мая и первые числа июня, в доме своего друга А. С. Данилевского.

3 июня Гоголь уже выехал в Васильевку.

ОДЕССА

В первый раз Гоголь приехал в Одессу весной 1848 года, возвращаясь из-за границы через Палестину и Грецию. Газета «Одесский Вестник» от 17 апреля 1848 года сообщала, что накануне утром, на фрегате «Херсонес», из Константинополя прибыло 37 пассажиров, в числе «...коих К. М. Базили и знаменитый русский писатель Н. В. Гоголь».

А. И. Маркевич. «Гоголь в Одессе».

В письме к матери Гоголь извещал родных, что наконец ступил на русскую землю. Но в город писатель попал не сразу. Пришлось выдержать двухнедельный карантин.

Гоголя навещали знакомые, друзья. На второй день по приезде у него побывал дальний родственник матери, А. А. Трошинский. Позднее — Лев Сергеевич Пушкин, брат порта, служивший в Одесской портовой таможне. Вместе с Л. С. Пушкиным приехал и Н. Г. Тройницкий, описавший в воспоминаниях эту встречу.

Выйдя из карантина, Гоголь прожил в Одессе только семь дней: осматривал город, навещал своих одесских знакомых. Был, видимо, очень занят, писал лишь одному А. С. Данилевскому.

6 мая Гоголь выехал из Одессы в Васильевку.

Зимы 1848—1849 и 1849—1850 годов Гоголь провел в Москве, сильно страдая от ее сурового климата. Писатель не пожелал подвергать риску свое здоровье, и третью зиму он намеревался прожить в теплых краях: Греции, Афинах или на островах Средиземного моря. Но средств для такого путешествия не было, и пришлось поселиться в Одессе, куда его очень звали друзья.

«Если бы Одесса была хоть сколько-нибудь похожа климатом на Неаполь, разумеется, я и не подумал бы о выезде за границу».

Гоголь — А. П. Толстому. 20 августа 1850 г. Васильевка.

К сожалению, Одесса далеко не напоминала климатом Неаполь. Гоголь с трудом добрался до нее по дождливой погоде, «доплыл», как выразился он в письме к матери.

Зима 1850/51 года не была мягкой. Гоголю казалось, что она напоминает московскую стужу. Было холодно и в одесских домах, не рассчитанных на слишком низкую температуру.

В Одессе Гоголь прожил полных пять месяцев. За это время он имел возможность хорошо познакомиться и с городом и с его обитателями. Бывал в доме инспектора Одесского центрального карантина Д. И. Гагарина, у чиновника Н. Г. Тройницкого; был принят как свой в семье князей Репниных; часто бывал у Льва Сергеевича Пушкина.

«Общество у меня весьма приятное... семейство кн. Репниных... из здешних профессоров Павловский... Михневич, Мурзакевич, потом несколько добрых товарищей еще по Нежинскому лицее».

Гоголь — С. П. Шевыреву. 7 ноября 1850 г. Одесса.

Лев Сергеевич Пушкин жил в Одессе открытым домом. Почти всякий день у него обедали. Случалось в обществе гостей Пушкина обедать и Гоголю. Здесь его встретил студент Одесского лицея грек А. Д. Деменитру, который записал в своих воспоминаниях:

«Посещения Гоголя сделали еще более интересными вечера Пушкина. Гоголь всегда был центром всеобщего внимания. Около него группировались кружки. Каждый старался ловить его слова, обращали внимание на малейшее его движение».

А. Д. Деменитру. «Воспоминания».

Но особенно важным событием приезд Гоголя в Одессу оказался для труппы актеров, игравших там зимой 1850/51 года. О встречах с ними писателя интересно рассказывает в своих воспоминаниях молодой актер А. П. Толченев.

Гоголь обещал быть на бенефисе Толченова и сдержал слово. 9 января 1851 года одесское общество видело писателя в театре.

По просьбе актеров Гоголь прочел им пьесу Мольера «Школа жен», которую они готовили к постановке. Через несколько дней приглашенный на репетицию Гоголь «...внимательно выслушал всю пьесу и, по окончании репетиции, каждому из актеров по очереди, отводя их в сторону, высказал несколько замечаний, требуя исключительно естественности, жизненной правды...»

А. П. Толченов. «Гоголь в Одессе».

Позднее Гоголь прочел актерам свою пьесу «Лакейская», она была поставлена одесским театром.

Писатель, видно, хорошо чувствовал себя в окружении молодых, талантливых, преданных искусству актеров.

В свой второй приезд в Одессу, как, вероятно, и в первый, Гоголь останавливался у А. А. Трошинского.

«Поместился я... таким образом, что мне покойно и никто не может мне мешать, в доме родственника моего...»

Гоголь — С. П. Шевыреву. 7 ноября 1850 г. Одесса.

В Одессе Гоголь напряженно работал над вторым томом поэмы «Мертвые души».

«Утро постоянно проходит в занятиях...»

Гоголь — А. О. Смирновой. 23 декабря 1850 г. Одесса.

Занятиям посвящался не только утренний досуг. Княжна В. Н. Репнина свидетельствует, что в доме ее брата, где Гоголь часто бывал, ему отвели комнату для работы.

Из Одессы Гоголь выехал 27 марта 1851 года. За несколько дней до отъезда в ресторане Оттона друзья давали писателю прощальный обед; на нем не произносилось пространных торжественных речей, но обстановка была теплой, задушевной.

Уезжая, Гоголь говорил, что в Одессе ему хорошо, что здесь легко дышится и что он намерен воротиться к следующей зиме. Но желание писателя не осуществилось, и в Одессе он больше не бывал.

КАЛУГА

Старинный русский город на Оке, известный по документам с XIV века. Город прекрасный и своей архитектурой и удивительной природой, с которой он органически связан.

Гоголь приехал в Калугу летом 1849 года погостить у А. О. Смирновой. Выехав из Москвы вместе с братом Александры Осиповны — Л. И. Арнольди 5—6 июля, он провел в Калуге около

двух недель. Первые четыре дня Гоголь прожил в имении Смирновых Бегичево. Много гулял, любовался сенокосом, восхищался национальной одеждой калужских крестьян, разъезжал по окрестным деревням, а вечерами читал вслух «Одиссею» в переводе В. А. Жуковского. На пятый день, всем обществом, переехали в Калугу, в загородный губернаторский дом.

«Мы уже перебрались в загородный дом и назначили помещение Гоголю в домике, где жил Нелединский. Он был очень доволен... Вид прекрасный, под ногами прекрасная речка, а затем этот великолепный бор», — вспоминает А. О. Смирнова.

Гоголь вставал в пять часов утра, пил кофе и сразу же начинал писать. По воспоминаниям окружающих, он писал стоя у конторки, специально для него поставленной. Потом шел гулять, всегда один, делая большие прогулки по окрестностям. Если же бродил по городу, то заходил в книжные лавки, рылся в книгах и отбирал нужное для себя.

К обеду Гоголь появлялся в гостиной и, проведя два-три часа в обществе своих хозяев и их гостей, снова уходил к себе писать.

В Калуге Гоголь усиленно работал над вторым томом поэмы «Мертвые души», из которой прочел Смирновой и ее брату первые главы.

Еще раз Гоголь был в Калуге в сентябре 1851 года, когда, выехав из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры Елизаветы, почувствовал себя плохо и, добравшись до Калуги, решил воротиться.

АБРАМЦЕВО

Подмосковная усадьба Аксаковых, в 57 километрах от Москвы по Северной железной дороге.

Сергей Тимофеевич Аксаков, большой любитель природы, страстный охотник и рыболов, в течение многих лет мечтал о приобретении возле Москвы небольшой усадьбы. Наконец, после долгих поисков, выбор пал на Abramцево, находившееся недалеко от Троице-Сергиевской лавры, в местности, сохранившей древнее название Радонеж. Усадьба сразу полюбилась Аксаковым. Затерянная среди густых лесов и рощ, она давала все для привольной деревенской жизни. Серенький дом в один этаж с мезонином стоял на холме, откуда открывался великолепный вид на живописные окрестности: леса, поля и тихую, богатую рыбой речку Ворю. Можно было заняться охотой, рыбной ловлей, собирать грибы и ягоды. Словом, близко общаться с природой, что так любили Аксаковы. Abramцево они приобрели в начале 1840-х годов, и лето 1844 года семья уже проводила в своей подмосковной, которая все больше и больше им нравилась. В Abramцеве прошли последние годы жизни С. Т. Аксакова. Здесь он создал свои лучшие произведения,

ПУШКИН А. С.
Акварель работы художника П. Соколова.

СОЛЛОГУБ В. А.
Литография Л. Вагнера.
1843 г

ТУРГЕНЕВ А. И.
Портрет работы художника К. Брюллова.
1833 г

ТУРГЕНЕВ И. С.
Акварель работы художника К. Горбунова.
1839 г

ЩЕПКИН М. С.
Гравюра с рисунка художника А. Добровольского.

ХОМЯКОВ А. С.
Портрет работы неизвестного художника.

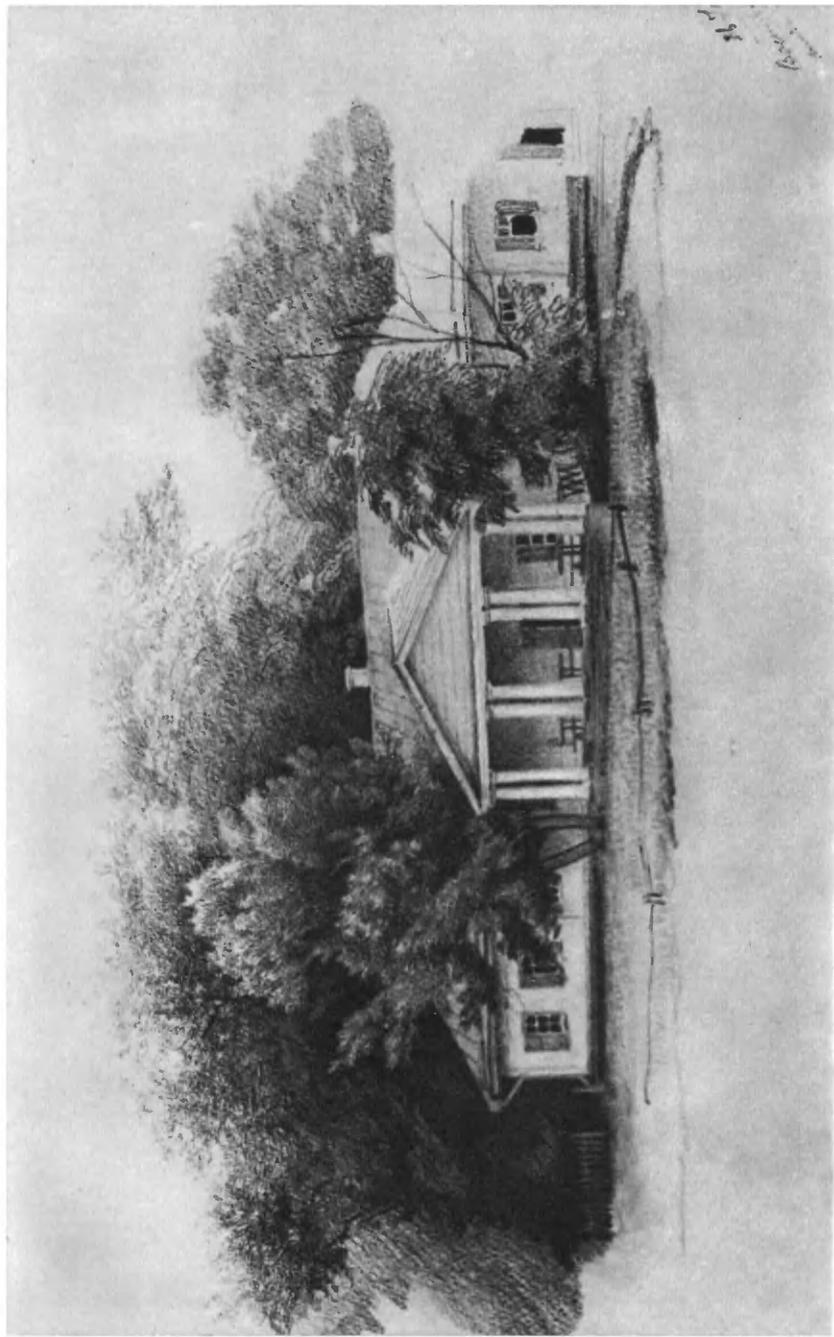
ХОМЯКОВА Е. М.
Дажерротип 1840-х годов.

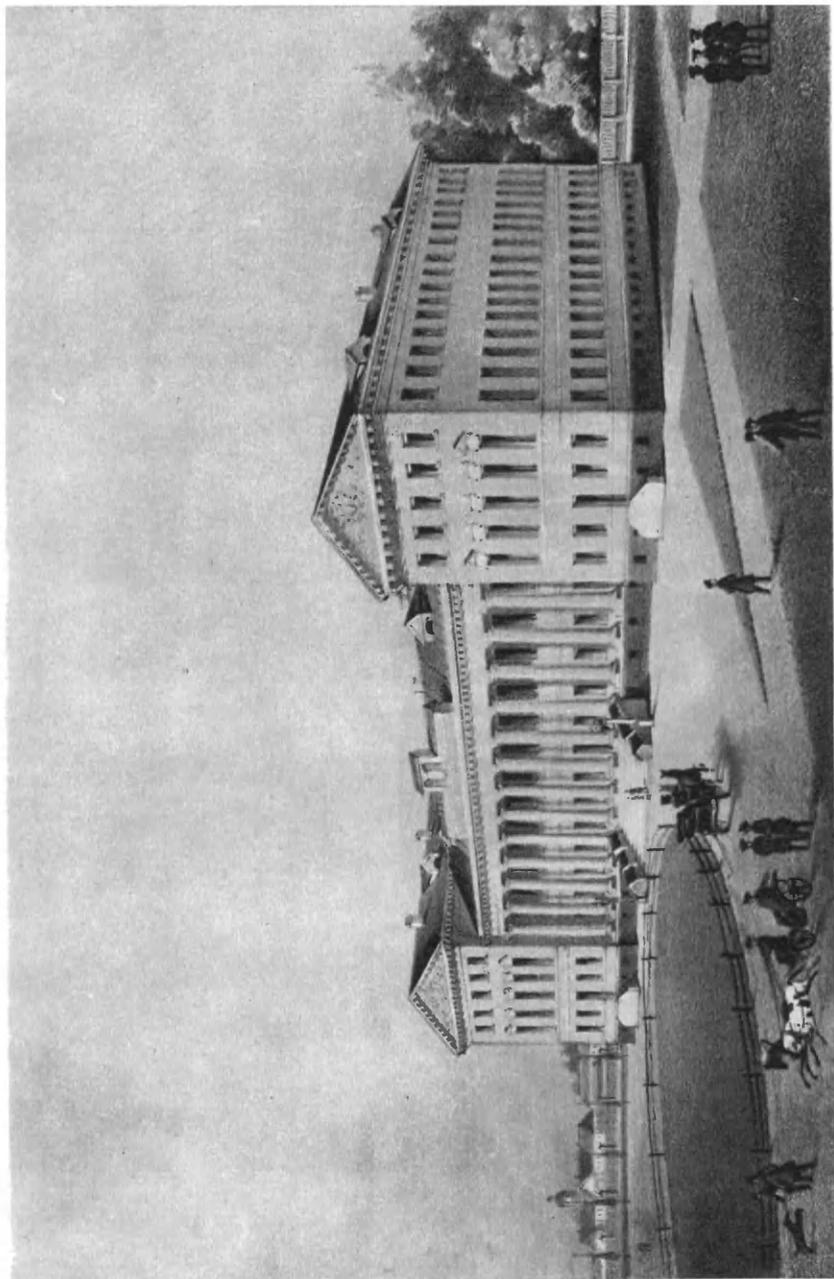
ШЕВЫРЕВ С. П.
Литография Бахмана.

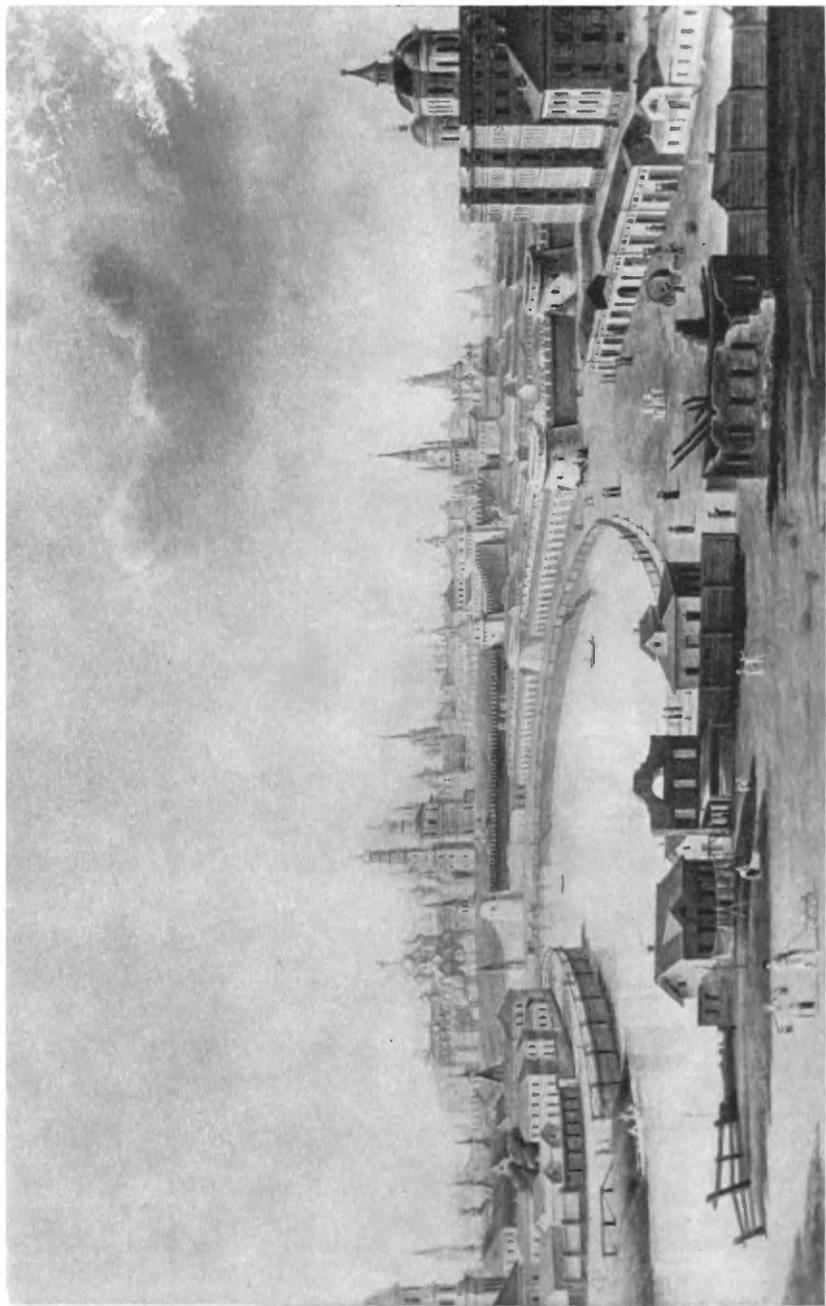
ЯЗЫКОВ Н. М.
Литография К. Эргота.

ВАСИЛЬЕВКА. УСАДЬБА РОДИТЕЛЕЙ ГОГОЛЯ.
Рисунок работы художника Н. Ярошенко.

НЕЖИНСКАЯ ГИМНАЗИЯ ВЪСШІХЪ НАУКЪ, ГДЕ УЧИЛСЯ ГОГОЛЬ.
Литографія 1830-х годов.

МОСКВА. ВИД НА КРЕМЛЬ. КОНЕЦ XVIII в.
Гуашь работы неизвестного художника.

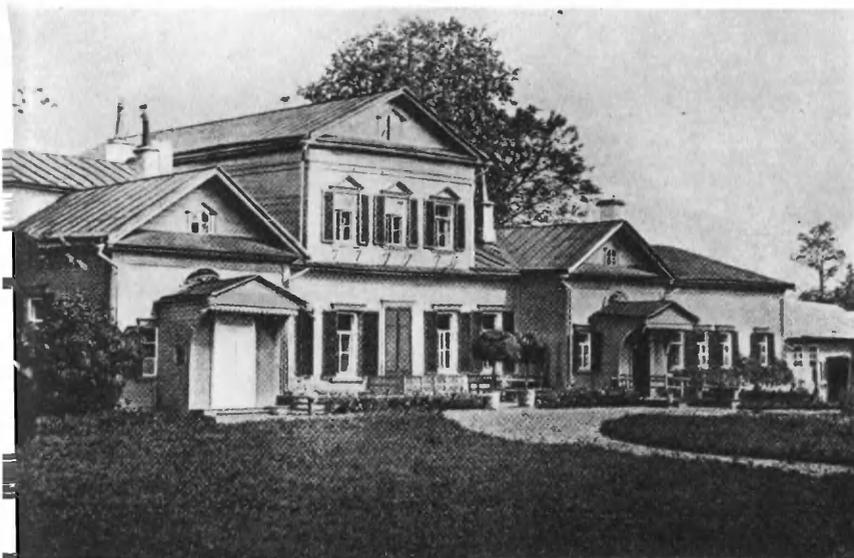
УЛИЦА ГОГОЛЯ В ЛЕНИНГРАДЕ.
Фотография 1952 г.

ГОРОД КАЛУГА, УЛИЦА ГОГОЛЯ.
Фотография 1958 г.

ДОМИК ГОГОЛЯ В КАЛУГЕ.
Фотография 1960 г.

АБРАМЦЕВО. ВИД ДОМА СО СТОРОНЫ ДВОРА.
Фотография 1956 г.

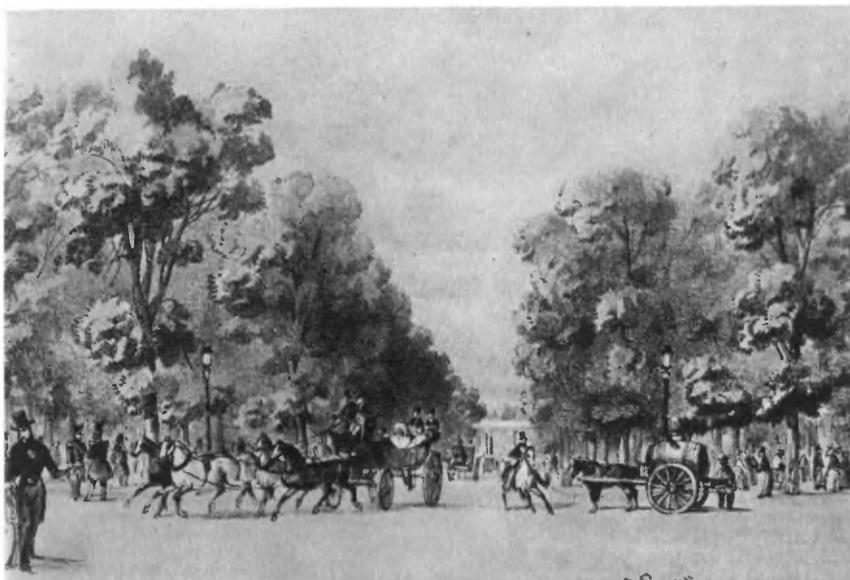
МОСКВА. СОБАЧЬЯ ПЛОЩАДКА. ДОМ ПОЭТА А. С. ХОМЯКОВА.
Фотография 1912 г.

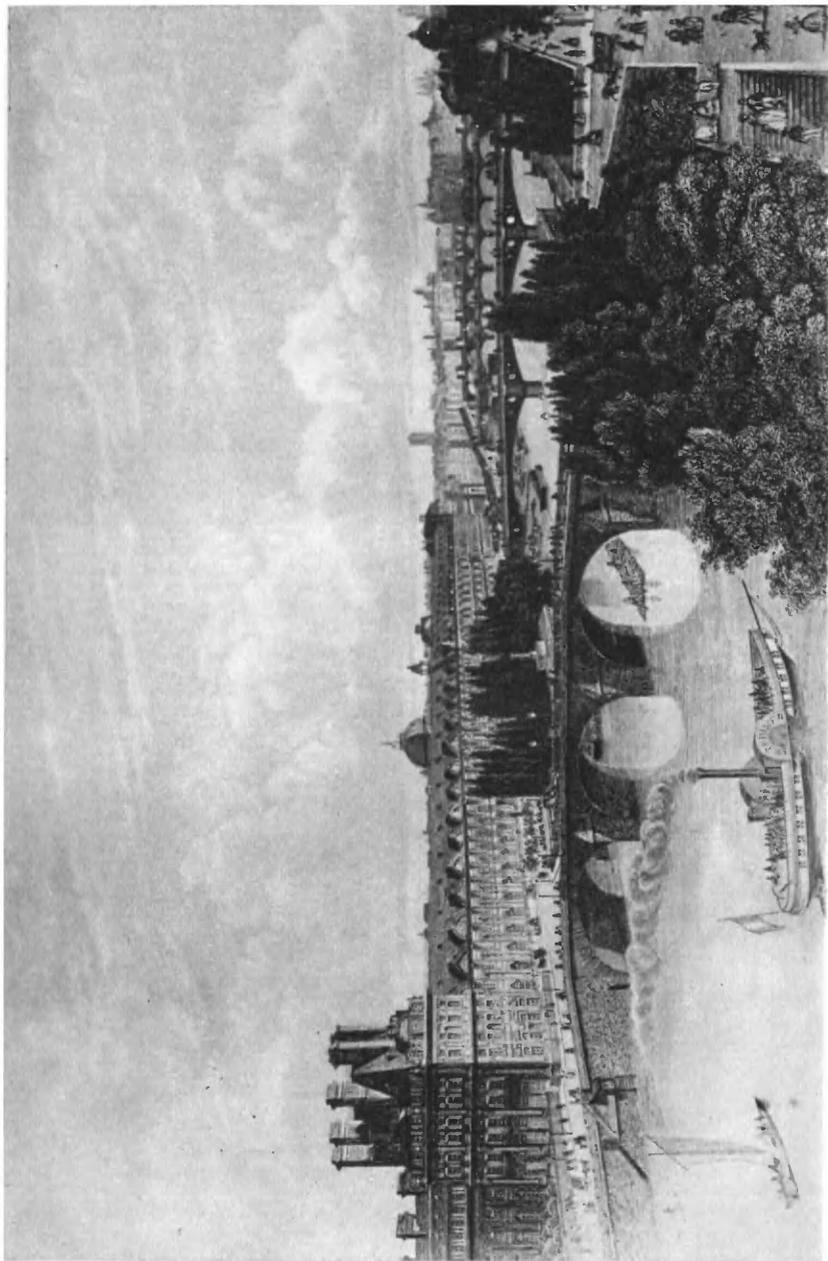
МОСКВА. МАЛЫЙ ТЕАТР.
Акварель работы художника Э. Бернштейна.

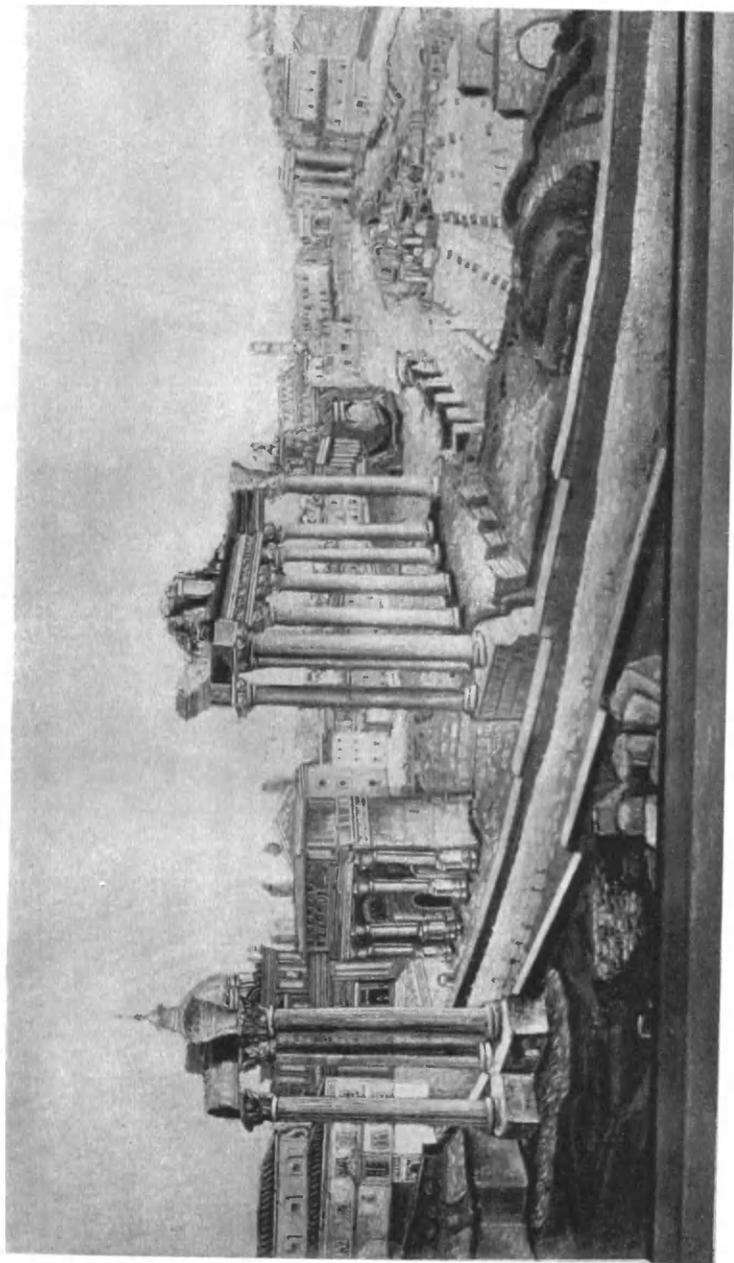
МОСКВА. ДОМ № 7-а ПО СУВОРОВСКОМУ БУЛЬВАРУ, ГДЕ СКОНЧАЛСЯ ГОГОЛЬ.
Акварель работы художника А. Могилевского.

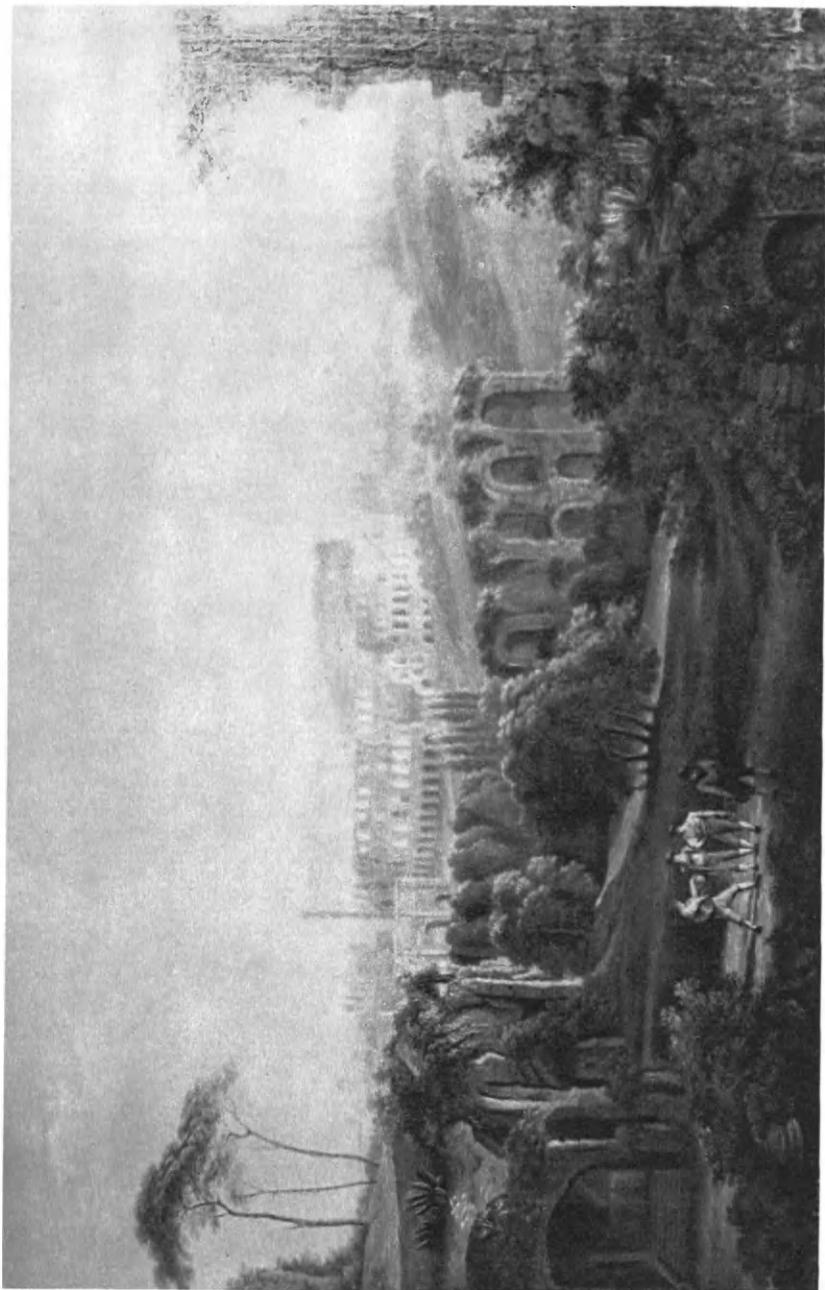
ПАРИЖ. ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ.

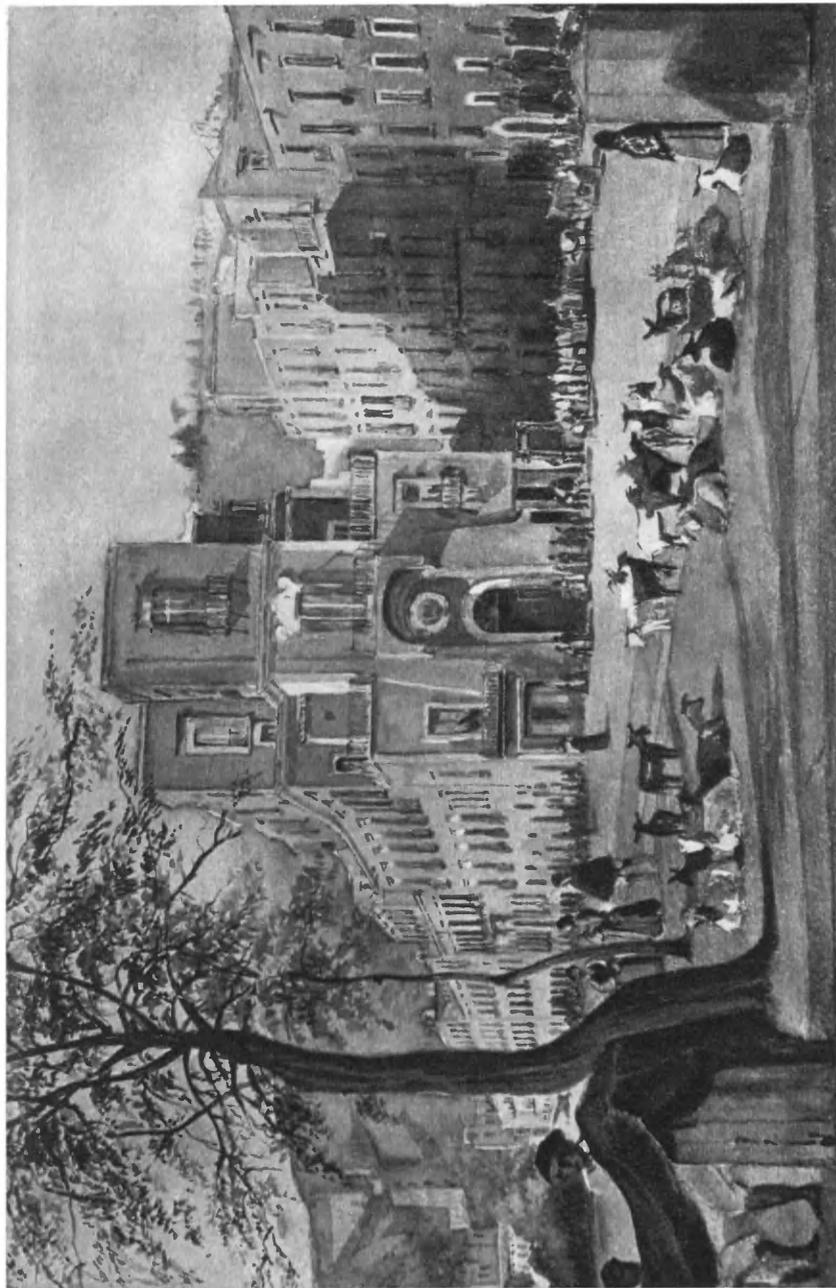

ПАРИЖ. ОБЩИЙ ВИД

РИМ, ФОРУМ.
Мозаика.

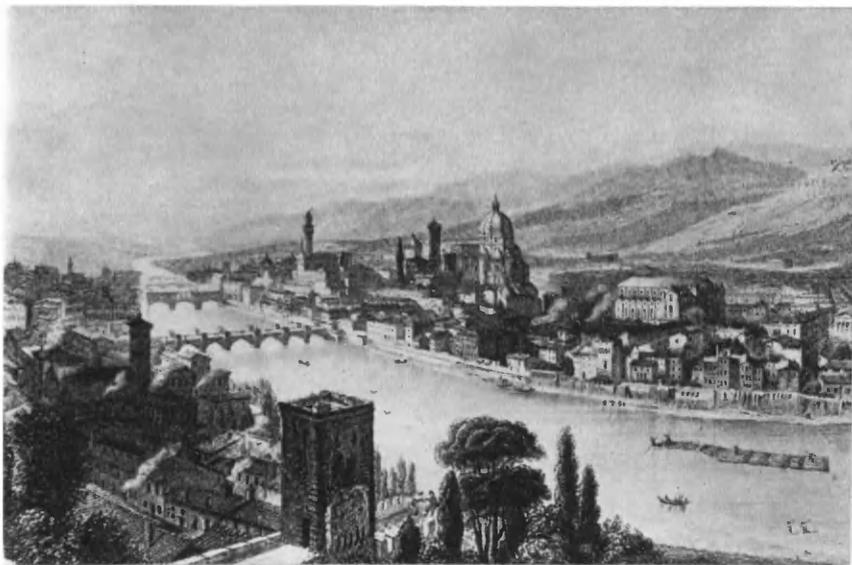

НА УЛИЦАХ НЕАПОЛЯ.
Акварель работы художника Джиганти.

ФЛОРЕНЦИЯ. МОСТ НА р. АРНО.
Акварель из альбома Ю. Ф. Самарина.

ФЛОРЕНЦИЯ.
Акварель работы неизвестного художника.

прославившие его имя как писателя-реалиста, тонкого знатока русского языка, певца русской природы: «Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука».

Очень скоро Абрамцево, в котором у радушных Аксаковых стали бывать писатели, художники, музыканты и ученые, приобрело значение одного из центров культурной жизни русского общества середины XIX века.

Бывал в Абрамцеве и Гоголь.

«В первый раз он приехал в 1849 году, летом 14 августа», — вспоминает С. Т. Аксаков. Простая размеренная жизнь Абрамцева была очень по душе Гоголю. Он рано вставал, все утро работал у себя в комнате наверху, потом гулял. «После же обеда... читали...»

В. С. Аксакова. «Воспоминан

Часто чтения прерывались беседами о литературе. Иногда горячо спорили.

18 августа 1849 года Гоголь прочел Аксаковым первую главу второго тома поэмы «Мертвые души».

Через несколько дней Гоголь уехал из Абрамцева, а Сергей Тимофеевич написал ему письмо, в котором выразил свое впечатление о прочитанном. Письмо вызвало новый приезд Гоголя в Абрамцево. В этот раз Гоголь прожил в Абрамцеве неделю, но уже больше не читал из второго тома «Мертвых душ».

«Мы просили его прочесть следующие главы... Тут он сказал мне, что он прочел уже несколько глав Смирновой и Шевыреву, что сам увидел, как много надо переделывать, и что прочтет мне их непременно, когда они будут готовы...»

С. Т. Акс *«История моего знакомства с Гоголем».*

Вернувшись из Одессы, где он провел зиму 1850/51 года, Гоголь был в Абрамцеве еще три раза: в июне, в половине сентября, когда он собирался на свадьбу сестры своей в Васильевку... и, наконец, в третий раз 30 сентября, когда он уже воротился с дороги...

«За обедом мы пили здоровье его матери и молодых; Гоголь поразвеселился, а вечером сделался очень весел. Наденька пела малороссийские песни, и он сам пел с живостью и очень забавно. Это было последнее посещение Гоголя нашего Абрамцева».

С. Т. Аксаков. «История моего знакомства с Гоголем».

Сейчас в бывшем поместье Аксаковых открыт музей «Абрамцево».

МОСКВА

Гоголь горячо любил Москву. Восторженно отзывался о ней в своих письмах и разговорах с друзьями. На чужбине тосковал о Москве и москвичах и постоянно стремился поскорее возвратиться в древнюю столицу.

«Москва моя родина», — писал он С. Т. Аксакову.

Писателя подкупали патриархальный характер жизни московского общества, радушие хлебосольных москвичей.

Впервые в Москву Гоголь попал уже известным писателем, автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Летом 1832 года, по дороге в Васильевку, он на несколько дней остановился в Москве, но провел здесь около двух недель и тогда же перезнакомился со многими москвичами: профессором М. П. Погодиным, семейством Аксаковых, М. Н. Загоскиным, артистом М. С. Щепкиным и «патриархом поэтов» — И. И. Дмитриевым. Следующие кратковременные наезды Гоголя в Москву, в 1832 и 1835 годах, носили характер радостной встречи с любимым городом и друзьями. Круг московских знакомств расширялся, дружеские связи крепили, и город с его стариной и достопримечательностями все больше и больше становился родным. В эти приезды Гоголь познакомился с В. Г. Белинским. Хорошо был принят он в салоне А. П. Елагиной и других известных домах. Всюду его встречали восторженно, как знаменитого пасичника Рудого Панька, восхищались «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и ожидали от писателя новых сочинений.

Красота Москвы, своеобразный ее характер, обилие древних памятников с первого дня пленили Гоголя. Часами он мог бродить по улицам и переулкам города, любуясь живописными уголками, каждый раз находя в этих прогулках что-то новое и интересное для себя.

Уже после первых четырех приездов в Москву Гоголь, пристально наблюдавший характер ее жизни, мог создать блестящий портрет города в остроумном противопоставлении его с Петербургом.

Осенью 1839 года Гоголь, приехав из-за границы, остановился у М. П. Погодина. Это первый известный адрес писателя. Где он жил в 1832 и 1835 годах, не установлено.

Профессор Московского университета М. П. Погодин жил около Новодевичьего монастыря, в старинном доме, окруженном великолепным тенистым садом. Эта загородная усадьба раньше принадлежала князьям Щербатовым, у которых Погодин в течение нескольких лет занимал место домашнего учителя. Когда обедневшие князья продавали свое владение, он его купил. В воспоминаниях одного из сыновей М. П. Погодина, Дмитрия Михайловича, подробно описана жизнь Гоголя в их доме.

«...Гоголь переселился к нам на Девичье поле прямо из зной-

ной Италии. Он был изнежен южным солнцем, ему нужна была особенная теплота, даже зной, а у нас кстати случилась, над громадной залой с хорами, большая, светлая комната, с двумя окнами и балконом к восходу солнца, царившего над комнатой в летнее время с трех часов утра до трех пополудни... Нечего и говорить, каким почетом и, можно сказать, благоговением был окружен у нас Гоголь. Детей он очень любил и позволял им резвиться и шалить сколько угодно. Бывало мы, т. е. я с сестрою, точно службу служили: каждое утро подойдем к комнате Николая Васильевича и спросим: «Не надо ли чего?» — «Войдите», — откликнется он нам. Несмотря на жар в комнате, мы заставали его еще в шерстяной фуфайке поверх сорочки. «Ну, сидите, да смиренно», — скажет он и продолжает свое дело, состоявшее обыкновенно в... писании чего-то чрезвычайно мелким почерком на чрезвычайно маленьких клочках бумаги. Клочки эти он иногда прочитывал вполголоса, рвал, как бы сердясь, или бросал на пол... До обеда он никогда не сходил вниз в общие комнаты, обедал же всегда со всеми нами, причем был большею частью весел и шутив... После обеда до семи часов вечера он уединялся к себе, и в это время к нему уже никто не ходил, а в семь часов он спускался вниз, широко распахивал двери всей анфилады передних комнат и начиналось хождение, а походить было где: дом был очень большой...»

Д. М. Погодин. «Препровождение Гоголя в доме моего отца».

Все это время Гоголь был поглощен работой над первым томом поэмы «Мертвые души», главы из которой читал в домах своих московских друзей: у Аксаковых, Чертковых, А. П. Елагинной и Киреевских. Бывал в салоне Свербеевых, у А. С. Хомякова. Виделся с приезжавшими из Петербурга П. А. Вяземским и В. А. Жуковским. Познакомился с Т. Н. Грановским.

Друзей, у которых бывал, Гоголь пригласил к себе 9 мая на именины. Праздничный стол сервировали в великолепном саду М. П. Погодина. Современники рассказывают, что среди гостей присутствовал оказавшийся в Москве проездом на Кавказ Лермонтов, который читал Гоголю и его друзьям свою поэму «Мцыри».

Через несколько дней, устроив свои материальные и семейные дела, Гоголь выехал за границу. Прощаясь, он обещал скоро вернуться с готовой уже поэмой «Мертвые души», которую собирался печатать в Москве. И действительно, московские друзья встретили писателя осенью 1841 года. Гоголь, как и в прошлый раз, остановился у Погодина на Девичьем поле.

Всю зиму писатель был занят хлопотами о напечатании поэмы «Мертвые души». Но, к великому его огорчению, московская цензура не пропустила рукописи, и Гоголь вынужден был послать ее в Петербург. После долгих хлопот петербургская цензура разрешила к печати сочинение Гоголя, и книга вышла в свет.

А 23 мая 1842 года Гоголь выехал в свое последнее заграничное путешествие...

Прошло шесть лет, и Гоголь вернулся в Россию.

Осенью 1848 года писатель приехал в Москву и, по старой памяти, поселился у Погодина. Но в конце декабря, приглашенный графом А. П. Толстым, он переехал в нанятый им дом Талызиных у Никитских ворот (теперь Суворовский бульвар, д. 7а).

С этим домом связаны последние годы жизни писателя.

В дневнике О. М. Бодянского находим описание квартиры Гоголя:

«...Жилье Гоголя, внизу, в первом этаже, направо, две комнаты. Первая вся устлана зеленым ковром с двумя диванами по двум стенам... прямо печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты... в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату, кажется спальню, судя по ширмам в ней, на левой руке; в комнате, служащей приемной... от наружной стены поставлен стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате (спальне), а перед первым диваном тоже такой же стол.

На обоих столах несколько книг кучками одна на другой...»

Все свое время Гоголь отдавал работе. Вспоминая свои встречи с ним в доме на Никитском бульваре, современники отмечают, что почти всегда заставляли Гоголя возле конторки.

Когда писатель уставал, он надевал шубу или, если это было в теплое время года, известный всей Москве «испанский» плащ и отправлялся на прогулку, чаще всего по бульвару влево от дома. Но, поглощенный и во время прогулки творчеством, часто возвращался домой с полдороги, желая записать мысль, внезапно пришедшую в голову.

В последние годы жизни настроение Гоголя было тяжелым. Работа над вторым томом поэмы «Мертвые души» не удовлетворяла писателя. Дважды он уже сжигал рукопись. Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвала со стороны передового русского общества, начиная с В. Г. Белинского, резкое осуждение.

Все это не только тревожило и расстраивало писателя, но и ставило его в совершенно особые отношения со старыми друзьями. Появился новый круг близких Гоголю лиц. В основном это были те люди, которые одобряли и «Выбранные места из переписки с друзьями», и усилившееся религиозно-мистическое настроение писателя. В этот круг «друзей» Гоголя входил и будущий прокурор Синода граф А. П. Толстой, и фанатик священник Матвей Константиновский, грозивший писателю муками ада, и наезжавшая из Калуги А. О. Смирнова, и профессор С. П. Шевырев, представитель самого правого, консервативного лагеря московской интеллигенции. Влияние этого реакционного окружения на писателя ста-

новились все сильнее и сильнее и вело к неминуемой катастрофе.

В ночь с 11 на 12 февраля Гоголь сжег приготовленные к печати рукописи второго тома «Мертвых душ» и после этого уже не смог жить. Все следующие дни он находился в состоянии полной прострации. Не хотел ни с кем говорить, отказывался от пищи и медицинской помощи, час от часу слабел. 21 февраля 1852 года Гоголь скончался. Москва была потрясена известием о том, что случилось в доме у Никитских ворот. Желающих проститься с писателем было так много, что уже 22 февраля тело Гоголя перенесли в Университетскую церковь.

Похоронили писателя на Даниловском кладбище.

В 1931 году прах Гоголя перенесен на Новодевичье кладбище, и в 1951 году поставлен бюст работы скульптора Н. Томского.

В дни столетия со дня рождения Гоголя в Москве на бульваре его имени открыт памятник писателю, тоже работы скульптора Н. Томского. Поставлен он на месте монумента работы Н. Андреева, который перенесен во двор дома на Никитском, теперь Суворовском, бульваре, где жил и умер Гоголь.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

Поездки Гоголя за границу тревожили его друзей, считавших, что писатель не должен надолго покидать родину. Многие из них усиленно звали Гоголя домой, упрекая его в том, что он оставил родную землю для «прекрасного далека». Такого рода упреки глубоко обижали Гоголя.

«Я живу около года в чужой земле,— писал он,— вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могучие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимую цепью прикован я к своему, и наш бедный, неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня».

Гоголь — М. П. Погодину. 30 марта 1837 г. Рим.

Каждая поездка Гоголя за границу была продиктована желанием найти укромный уголок, где бы писатель мог жить спокойно и независимо, где ничто его не тревожило, где бы он мог отдаться целиком любимой работе.

Если не считать первой поездки Гоголя в Германию, предпринятой им летом 1829 года, которая носила чисто случайный характер, три остальные были связаны с работой писателя над поэмой «Мертвые души».

Между тем окружавшая писателя обстановка, природа чужих земель, сокровища искусства, древности и, наконец, люди — словом все, с чем встречался, с чем сталкивался Гоголь, не могло не обратить на себя его внимание. В его письмах и произведениях встречаются описания виденного, интересные заметки и выразительные характеристики.

Со страниц сочинений Гоголя поднимается живой образ описываемого, зарисованный опытной рукой большого художника.

В предлагаемых очерках читатель не найдет материала обо всех городах, в которых жил или которые проезжал Гоголь. В некоторых местах он бывал кратковременно, другие его мало заинтересовали или никак не были связаны с его творчеством. Сведения

о пребывании в них Гоголя даны в главе «Даты». Здесь же рассказывается лишь о тех местах, которые имели какое-либо значение в творческой биографии писателя и указаны они в алфавитном порядке.

ААХЕН

Гоголь провел в Аахене около двух недель в июне 1836 года. Из Гамбурга он направился в Аахен через ряд городов. Проезжал старинный город Бремен.

«Из Гамбурга я поехал на Бремен. Это город очень старинный. Если бы вы увидели здешнюю церкву! Такой старины вы еще никогда не видели».

Гоголь — А. В. и Е. В. Гоголь. 17 июля 1836 г. Аахен.

Дальше на пути лежал Дюссельдорф. О нем тоже есть строки в письме Гоголя.

«В Дюссельдорфе только остановился позавтракать. Это город уже не старинный, но совершенно новый и столица нижнерейнских провинций».

Гоголь — матери. 17 июля 1836 г. Аахен.

Наконец писатель добрался до Аахена.

«Аахен, один из самых старинных городов, лежит в долине и виден весь, как на ладони, если взойти на одну из окружающих его гор. Вид его издали очень хорош, но вблизи ничто не поразит сильно... В Аахене находится прекрасный старинный собор в готическом вкусе. Окна идут от земли до самого верха. Вся церковь светла, как оранжерея».

Гоголь — матери. 17 июля 1836 г. Аахен

БАДЕН-БАДЕН

Курорт, очень модный в XIX веке, куда лечиться водами съезжались из всех стран Европы.

Гоголь приехал в Баден-Баден летом 1836 года и провел здесь около трех недель: с 26 июля до середины августа.

«...Живу на знаменитых водах баден-баденских, куда заехал только на три дня и откуда уже три недели не могу выбраться. Встретил довольно знакомых. Больных сурьезно здесь никого нет. Все приезжают только веселиться. Местоположение города чудесно. Он построен на стене горы и сдался со всех сторон горами. Магазины, зала для балов, театр — все в саду. ...Мест для гулянья в окрестности страшное множество...»

Гоголь — матери. 14 августа 1836 г. Баден-Баден.

ГАМБУРГ

В Гамбурге, в первую свою поездку за границу, Гоголь провёл около трех недель сентября. Отсюда же, 22 сентября, он отправился в обратный путь.

Летом 1836 года Гоголь морем выехал из Петербурга в Германию и опять побывал в Гамбурге.

В письмах к родным Гоголь подробно описал Гамбург.

«Гамбург тоже старинный знакомый. Теперь только я рассмотрел лучше, нежели в прежнее время. Это торговый город, один из огромнейших, который, можно сказать, потонул в магазинах...»

«Вид города очень хорош: дома высокие, улицы узенькие, тесные, дворов нет, все выливается на улицу, но при всем том везде почти чистота... Окрестности Гамбурга тоже хороши. Для гуляний места очень довольно. Сад занимает весь городской вал и почти окружает весь город. Из него много видов на город, которого улицы мелькают перспективами. Дома, налепленные на дома, крыши на крыши и куча труб, в самом разнообразном беспорядке, почти беспрестанно перед глазами и видны с разных точек. Кораблей приходит очень много».

Гоголь — матери. 29 июня 1836 г. Гамбург.

ГЕНУЯ

В Генуе Гоголь был пять раз, но всегда на очень короткое время — 2—5 дней.

«Генуя великолепна — множество домов больше похожи на дворцы и украшены картинами лучших италийских художников, но зато улицы есть так узеньки, что двум человекам нельзя пройти в ряд. Впрочем, они выложены мраморными плитами и очень чисты».

Гоголь — матери. 28 марта. 1837 г. Рим.

В повести «Рим», написанной в 1839—1840 годах, Гоголь также дает описание Генуи.

«В двойной красоте вознеслись над ним [героем.— *Ред.*] ее пестрые колокольни, полосатые церкви из белого и черного мрамора и весь многобашенный амфитеатр ее, вдруг обнесший его со всех сторон, когда пароход пришел к пристани. Эта играющая пестрота домов, церквей и дворцов на тонком небесном воздухе, блестящем непостижимой голубизною, была единственна...»

ЖЕНЕВА

В Швейцарии Гоголь жил осенью 1836 года.

«...Проехал лучшие швейцарские города: Берн, Базель, Лозанну и четвертого дня приехал в Женеву».

Гоголь — матери. 23 августа 1836 г. Женева.

«Ничего лучшего я не видывал. Из-за синих гор вдали показываются ледяные и снеговые вершины Альп. Во время захождения солнца снега Альп покрываются тонким розовым и огненным светом. Часто, когда солнце уже совсем скроется и все уже темно, все блестит, горы покрыты темным светом, Альпы одни сияют на небе как будто транспарантные. Передо мной Женевское озеро, которого воды кажутся бирюзового цвета, и Рона, которая здесь сливается с озером. Женева очень хороший город...»

Гоголь — матери. 23 августа 1836 г. Женева.

Первое время Гоголь много гулял, много читал, особенно романы Вальтера Скотта. Позднее принялся за работу над «Мертвыми душами».

«Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 12 ноября 1836 г. Париж.

ИЕРУСАЛИМ

Поездка в Иерусалим заняла февраль и половину марта 1848 года. Возвращаясь, Гоголь прибыл в Бейрут 18 марта и оттуда отправился 6 апреля в Россию. 14 апреля прибыл в Константинополь, затем на пароходе «Херсонес» 16 апреля приехал в Одессу.

Природа Палестины его поразила.

«...Природа там не похожа нисколько на все то, что мы с вами видели, но тем не менее поражает вас своим великолепием, своею шириной. А Мертвое море — что за прелесть! Я ехал с Базили, он был моим путеводителем. Когда мы оставили море, он взял с меня слово, чтоб я не смотрел назад, прежде чем он мне скажет. Четыре часа продолжали мы наше путешествие от самого берега, в степях, и точно шли по ровному месту, а между тем незаметно мы поднимались в гору... Наконец Базили остановился и велел мне посмотреть на пройденное нами пространство. Я так и ахнул от удивления! Вообразите себе, что я увидел! На несколько десятков верст тянулась степь все под гору; ни одного деревца, ни одного кустарника, все ровная, широкая степь!.. внизу виднелось Мертвое море, а за ним и направо, и налево, и прямо, со всех сторон опять то же раздолье, опять та же гладкая степь, поднимающаяся со всех сто-

рон в гору. Не могу вам описать, как хорошо было это море при захождении солнца! Вода в нем была не синяя, не зеленая и не голубая, а фиолетовая... оно было правильно-овальное и имело совершенный вид большой чаши...»

А. О. Арнольди. «Мое знакомство с Гоголем».

ЛЮБЕК

Гоголь прибыл в Любек 1 августа 1829 года и провел в нем 11 дней. Это было самое первое и самое кратковременное путешествие Гоголя за границу. Все было ново, необычно, интересно, и Гоголь в своих письмах стремится как можно ярче и подробнее рассказать о том, что видит.

«Домы здесь небольшие, но чрезвычайно высоки — вышина тем еще разительнее, что они так узки, что на переднем фасаде имеется не более, как четыре окна в ряд на целой стене; но все по большей части этажей в пять, шесть, иногда и того более... все дома сплочены тесно один к другому и не разделяются ни в одном месте забором. Чистота в домах необыкновенная... Из замечательных зданий преимущественно кафедральная церковь, которой считают около тысячи лет...»

Гоголь — матери. 13 августа 1829 г. Любек.

Вторично Гоголь был в Любеке в июне 1836 года.

«Выбравшись из парохода, который мне надоел жестоко, я рехал очень скоро Травемунде, Любек и несколько деревень, не останавливаясь почти нигде до самого Гамбурга. Места эти все мне знакомы».

Гоголь — матери. 29 июня 1836 г. Гамбург.

НЕАПОЛЬ

В Неаполе Гоголь провел июль 1838 года, сюда он приехал, перезимовав в Риме. Огромное впечатление произвел на него Везувий.

«Предо мною Везувий. Он теперь выбрасывает пламя и дым. Спектакль удивительный! Вообразите себе огромнейший фейерверк, который не перестает ни на минуту... Место, где я живу, в сорока верстах от него в расстоянии. Но он совершенно кажется близок, и, кажется, к нему нет и двух верст. Это происходит от воздуха, который так здесь чист и тонок, что все совершенно видно вдали. Небо здесь ясно и светло-голубого цвета, но такого яркого, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Все светло. Свет от солнца необыкновенный. Кажется, здесь совсем нет теней».

Гоголь — матери. 30 июля 1838 г. Неаполь.

Зиму 1846/47 года Гоголь жил в Неаполе. «Неаполь я избрал своим пребыванием потому, что мне здесь покойней, чем в Риме...»

Гоголь — С. П. Шевыреву. 8 декабря 1846 г. Неаполь.

Последний раз Гоголь приехал в Неаполь в конце октября 1847 года. Отсюда 18 января 1848 года направился на Восток.

ПАРИЖ

Первый раз Гоголь попал в Париж осенью 1836 года. Город не то чтобы понравился писателю, а как бы оказался лучше, чем представлялся ему.

С Парижем Гоголя примиряло то, что «Мертвые текут живо, свежее и бодрее, чем в Вене, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наше, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу Мертвых душ в Париже».

Гоголь — В. А. Жуковскому. 12 ноября 1836 г. Париж.

Гоголь бывал в парижских музеях и картинных галереях. Больше всего поразил писателя Лувр.

«Вчера я был в Лувровской картинной галерее во второй уже раз и все насилию мог выйти».

Гоголь — матери. Ноябрь 1836 г. Париж.

«Я в Париже все обсмотрел уже, что есть замечательного. Успел побывать и в Версале... этом великолепном обиталище французских королей... Дворец, сады, парки без всякого сравнения великолепнее нашего Царского Села и построены с большим вкусом».

Гоголь — матери. 15 февраля 1837 г. Париж.

Бывал Гоголь и в театрах.

«...В... жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здесь чудная! Гризи, Тамбурины, Рубини, Лаблаш — это такая четверня, что даже странно, что они собрались вместе».

Гоголь — Н. Я. Прокоповичу. 25 января 1837 г. Париж.

ПРАГА

В Праге Гоголь был дважды, проездом на несколько дней: в августе и октябре 1845 года.

Самым ярким событием было посещение Гоголем Националь-

ного музея, где он познакомился с директором музея, известным чешским историком, знатоком славянских литератур и антикваром Ганкою.

Гоголь заходил в музей несколько раз, с огромным интересом рассматривал хранящиеся в нем сокровища славянской старины и беседовал с Ганкою. Чешский ученый никак не хотел верить, что перед ним тот самый Гоголь, сочинения которого приводили его в восторг, «...наконец спросил у самого поэта, не он ли автор таких-то сочинений.— И, оставьте это! — сказал ему в ответ Гоголь.

— Ваши сочинения,— продолжал Ганка,— составляют украшение славянских литератур...

— Оставьте, оставьте,— повторял Гоголь, махая рукою, и ушел из музея».

П. А. Кулиш. «Опыт биографии Гоголя».

РИМ

Впервые в Рим Гоголь приехал весной 1837 года, вскоре после получения страшного известия о гибели Пушкина. Испытавший глубокое потрясение, Гоголь только в Риме пришел в себя.

«Когда въехал в Рим, я в первый раз не мог дать себе ясного отчета. Он показался маленьким. Но чем далее, он мне кажется большим и большим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше, а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно, понемногу — и уж на всю жизнь».

Гоголь — А. С. Данилевскому. 15 апреля 1837 г. Рим.

Поселился писатель на Via Felice, № 126, на третьем этаже, в квартире итальянца Челли, с которым хорошо ладил. Комната была просторной, скромно обставленной, но с красивым мозаичным полом и решетчатыми ставнями изнутри.

Посредине комнаты стоял большой круглый стол, возле двери кровать, у одной стены диван, у другой высокое бюро, за которым Гоголь работал стоя. Убранство комнаты завершало несколько стульев, на них в беспорядке лежали книги и одежда.

Утро писателя, как везде и всегда, отдавалось работе, прерываемой только прогулками. В полдень Гоголь любил пройти по великолепной аллее, соединяющей Альбано и Капель-Гондольеро.

«Под этими массивами зелени итальянского дуба, платана, пины и проч.,— вспоминает сопровождавший Гоголя в этих прогулках П. В. Анненков,— Гоголь, случалось, воодушевлялся как живописец... Раз он сказал мне: «Если бы я был художник, я бы изобразил особенного рода пейзаж. Какие деревья и ландшафты теперь пишут. Все ясно, разобрано, прочтено мастером, а зритель по скла-

дам за ним идет. Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его, вот какие пейзажи надо писать!»

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

По этой аллее Гоголь любил гулять не только в будни, но и в праздничные дни. Замечательное описание подобной прогулки писатель оставил в своей повести «Рим».

Живя в Риме в первые приезды, Гоголь молодо переживал все, чем дарила его жизнь. Восторгался синим небом Италии, удивительного лазурного оттенка, которым мог любоваться лежа на спине «по полсуткам», как свидетельствует современник. Восторгался солнцем, которое почти всегда сияет в Риме. Любовался древностями, изучал картины итальянских художников. Ходил по церквам и базиликам, созерцая высокое искусство.

Охотно встречался с русскими знакомыми, живущими в Риме: с Репниными, Балабиными, Соллогуб, Вьельгорскими. Вместе с ними делал прогулки по окрестностям. Нередко читал в их гостиных свои произведения. Бывал на знаменитой вилле княгини З. Волконской. Знакомился со многими русскими художниками и особенно сошелся с А. А. Ивановым, автором знаменитой картины «Явление Христа народу», худ. Ф. А. Моллером и гравером Ф. И. Иорданом. Постоянно посещал их мастерские, входил в их интересы, их замыслы и даже давал свои советы.

Гоголь и сам много работал кистью.

«Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день, я думаю, в Колисей. Обед возьму в карман. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом удивишься, как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок».

Гоголь — В. А. Жуковскому. Февраль 1839 г. Рим.

Но несмотря на обилие впечатлений, главное внимание Гоголя было отдано работе над поэмой «Мертвые души». Помогавший ему в переписке П. В. Анненков вспоминал, что самое настроение писателя, настроение каждого дня зависело от того, как сегодня работалось.

«По светлому выражению его лица... видно было, что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа. Это сказалось еще более на дороге. Гоголь взял с собой зонтик... и как только повернули мы налево от дворца Барбарини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком в воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону...»

П. В. Анненков. «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года».

Таким был Гоголь в Риме в свои два путешествия 1836—1839 и 1840—1841 годов. Много восторженных слов посвящено писателем Риму в письмах к родным и друзьям, но особенно яркую характеристику дал он городу в своей одноименной повести.

Во время четвертого путешествия за границу (1842—1848) Гоголь весь ушел в работу над вторым томом поэмы «Мертвые души». Он опять пожелал жить в Риме и провел в Вечном городе две зимы: 1842/43 года и 1845/46 года. Но настроение писателя было уже иным, как было иным и его времяпрепровождение. По свидетельству современников, Гоголь стал отчаянным домоседом. Редко появлялся в обществе, старался уклониться от встреч и приглашений, ограничившись лишь узким кругом близких друзей.

«...Мы встретились с ним в Риме в 1843 году,— вспоминает профессор Петербургского университета Ф. В. Чижов,— и прожили здесь целую зиму в одном доме на Vie Felice, № 126. Во втором этаже жил... Языков, в третьем Гоголь, и в 4-м я. Сходились мы... по вечерам постоянно у Языкова, тогда уже больного — Гоголь, Иванов и я. Наши вечера были очень молчаливы... В обществе, которое он кроме нашего посещал изредка, он был молчалив...»

Ф. В. Чижов. «Встречи с Гоголем».

В 1846 и 1847 годах в Риме Гоголь бывал лишь проездом. Жизнерадостный, солнечный город с веселым, музыкальным, постоянно поющим населением не привлекал более к себе писателя так, как в прежние годы, когда он, по его собственному выражению, «...приезжал всякий раз как бы на родину свою. Но теперь во время проезда моего через Рим уже ничто в нем меня не заняло...»

Гоголь — В. А. Жуковскому. 24 ноября 1846 г. Неаполь.

В Риме в общей сложности Гоголь прожил около 40 месяцев, то есть почти три с половиной года.

На доме, где жил Гоголь, установлена мемориальная доска.

Словарь
к художественным
произведениям
ГОГОЛЯ

В

думчивый читатель, раскрывая любую страницу художественного творчества Гоголя, испытывает истинное наслаждение.

Язык художественных произведений Гоголя — яркий пример самобытности.

Белинский говорил: «Он не пишет, а рисует, его фраза, как живая картина, мечется в глаза читателю, поражая его своею яркою верною природою и действительностию». В самом деле, всмотритесь в картину, нарисованную Гоголем: «Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит...»

Какая величественная, умиротворяющая картина украинской ночи!

А приглядитесь, как Гоголь раскрывает образы своих героев. У каждого свое лицо, свой характер, своя манера поведения. Достигается это и точно выписанным портретом, и изображением окружающей его обстановки, и выразительной речью, и метким словом,

Манилов — помещик из поэмы «Мертвые души». Он «весьма обходительный и ухвативый», «черты лица его были не лишены приятности», «в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства», «он улыбался заманчиво», «глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало довольное выражение», «выражение не только сладкое, но даже приторное» и т. д.

Во всех этих подробностях видна мягкотелость и слащавость характера.

У Собакевича весь облик иной. Он «неуклюжий», и это качество его разнообразно подчеркивается многочисленными подробностями, начиная с того, как природа мудрила над его «отделкою»: «рубил со всего плеча», «хватила», «ковырнула», «не обскобливши пустила на свет». У него «крепкий и на диво стаченный образ», он «неладно скроен, да крепко шит».

Необычайно точно характеризует героев Гоголя их речь. Каждое выведенное им лицо говорит свойственным ему языком.

«Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтob я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду!»

Мы без труда узнаем по этим словам могучего, сурового, непреклонного Тараса Бульбу.

Вот другой образ.

«Ну, кто же спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: келятры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так как вот на ладони все видишь.

Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая.. фу, фу, фу!.. Галантерейное, черт возьми, обхождение!»

Это слова лакея Хлестакова Осипа, про которого современник Гоголя, поэт Вяземский, сказал: «Осип в «Ревизоре» говорит чисто лакейским языком, лакея в нем слышим деревенского, который прожил несколько времени в столице».

А вот речь Чичикова — этого предприимчивого дельца и приобретателя.

Сравните, как Чичиков ведет себя с Маниловым и Коробочкой. С Маниловым он чрезвычайно любезен, старается не уступить ему в вежливости и предупредительности. Когда же дело доходит до

покупки мертвых душ, он пытается изложить свою просьбу непрактичному Манилову официально-казенным языком. «Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые». Или: «Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить, или как вам заблагорассудится лучше?»

Совсем иначе он говорит о своей сделке с Коробочкой, потому что и Коробочка иная. С нею он не церемонится: «Уступите-ка их мне... Или, пожалуйста, продайте. Я вам за них дам деньги. «По рукам, что ли? ...«эх, какие вы! что ж они могут стоить? Рассмотрите: ведь это прах. Понимаете ли? это просто прах!»

А когда Коробочка упрямится, Чичиков теряет равновесие и прибегает к грубым и оскорбительным выражениям: «Да пропади и околей со всей вашей деревней!»

Чувство восхищения кем-нибудь или чем-нибудь Гоголь выражал высоким патетическим стилем: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?

Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земля даль! Русь!»

Если же Гоголь передает боль человеческой души, в его произведениях слышны глубокие лирические интонации. Вот, например, горе матери, у которой отрывают ее сыновей:

«Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчесывала гребнем их молодые, небрежно включенные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она взрастила, возлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами! что ждет вас?» — говорила она, и слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо».

Глубоким лиризмом проникнута у Гоголя и переключка с героическим эпосом прошлого: с былинами, со «Словом о полку Игореве». «И пошла по горам потеха, и запировал пир: гуляют мечи, летают пули, ржут и топчут кони. От крику безумеет голова; от дыму слепнут очи».

Преисполнены лиризма и раздумья автора над жизнью: «Не так ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетает от нас, и напрасно одинокий звук думает выразить веселье? В собственном эхе слышит уже он грусть и пустыню и дико внемлет ему. Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, поодиночке,

один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему».

У Гоголя мастерски соединяется высокий стиль с сатирой: «...один из священнодействующих, тут же находившихся, приносивший с таким усердием жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое время коллежского регистратора, прислужился нашим приятелям, как некогда Virgilius прислужился Данту, и провел их в комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла и в них перед столом, за зеркалом и двумя толстыми книгами сидел один, как солнце, председатель. В этом месте новый Virgilius почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туда ногу и повернулся назад, показав свою спину, вытертую, как рогожка, с прилипнувшим где-то куриным пером».

В этом отрывке и имя античной богини Фемиды, и понятие жертвы, и определение действующего лица «священнодействующим», и упоминание Virgilius, который прислужился Данту,— здесь весь подбор понятий и слов употреблен Гоголем для сатирического разоблачения царских чиновников.

Гоголь — мастер оригинальных, развернутых сравнений; черных фраков на балу у губернатора — с эскадроном мух на белом рафинаде; своры псов во дворе Коробочки — с певческим концертом; Ноздрева, нападающего на Чичикова, — с поручиком под крепостью; Остапа, стремительно налетевшего на врага, — с ястребом, плавающим в небе и бросающим стрелой на свою жертву, и т. д.

Гоголь — чародей слова.

Необыкновенно богат словарный состав его художественного языка. Он часто прибегает к употреблению необычных в литературной речи сложных прилагательных и наречий.

Он следовал совету Пушкина прислушиваться к народному языку. Смело и широко черпал из его сокровищницы просторечье, разговорные слова и выражения:

«Нарежется в буфете таким образом, что только смеется». «Приходили [чиновники.— *Ред.*] даже подчас в присутствие, как горорится, налилавшись». «Иной уже успел съездить своего брата в ухо». «Казалось, не было сил человеческих подбиться к такому человеку». «Вот я по глазам вижу, что подтибрила», и т. д.

Порой Гоголь общеупотребительным словам придает новое, переносное значение и создает яркий образ. Мы говорим: «непробудный сон», а у Гоголя — «непробудный лес». Мы говорим: «нахлобучил шапку на голову», а у Гоголя: «нахлобучиваются на город сумерки».

Гоголь создает новые словосочетания, придавая им широкий, обобщающий смысл: «коптителю неба», «необгонимая тройка», «омедведила тебя захолустная жизнь».

В произведениях Гоголя раскрывается все смысловое многообразие слова. Например, глагол «хватить» употребляется с разными смысловыми оттенками: «Чичиков увидел, что старухахватила далеко», Чичиков «хватил в сердцах стулом об пол», натура «хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы», «Эх, кудахватили — по восьми гривен», «Из брички вылезла девушка, с платком на голове, в телогрейке, ихватила обоими кулаками в ворота», «Нашли, что почтмейстерхватил уже слишком далеко».

Гоголь восторгался народной мудростью и остротой мысли, выраженной в пословицах, и широко вводил их в свои произведения: «Мошенник намошеннике сидит имошенником погоняет», «Как мухи мрут», «Поминай, как звали» и др.

Многие слова самого Гоголя и слова в речи выведенных им действующих лиц, подобно народным пословицам, удивительно метки и выразительны и стали общеизвестными «крылатыми словами»: «Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать», «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях», «С Пушкиным на дружеской ноге», «Легкость необыкновенная в мыслях» и многие другие.

Более ста лет прошло с тех пор, как создавал свои бессмертные произведения Гоголь. Жизнь изменилась, изменился, естественно, и язык, отразивший жизнь гоголевского времени. И когда современный читатель берет художественное произведение Гоголя, он неизбежно наталкивается на многие слова, затрудняющие чтение. Это и те слова, которыми назывались учреждения, должности, предметы общественного и бытового обихода, одежда, угощения, и те слова, которые взяты из разговорной речи, и слова, в которых отразилось мировоззрение людей прошлого века. Объяснению непонятных слов и выражений и служит предлагаемый здесь словарь к художественным произведениям Гоголя.

А

Аббатство — католический монастырь со всеми принадлежащими ему землями и постройками. «И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня («Тарас Бульба»).

Аванта́жный — видный, представительный, выгодный. «Вот беда: урожай плох, мука уж такая неавантажная» («Мертвые души»).

Ауди́тор — см. А у д и т о р. «Аудиторы выслушивали своих учеников» («Вий»). «Аудиторы, слушая урок, смотрели одним глазом под скамью, где из кармана подчиненного бурсака выглядывала булка, или вареник, или семена из тыква» («Вий»).

Аглицкíй сад (английский) — сад, вошедший в моду в XVIII в., имел обширные, ничем не засаженные луга, окаймленные красивыми группами деревьев. «...Пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков» («Мертвые души»).

Агнец — ягненок. «Губитель, губитель!» — сказал Чичиков: «Он мою душу погубит, зарежет, как волк агнца!» («Мертвые души»).

Адмиралтéйский шпиль — длинный, острый вызолоченный шпиль на здании Адмиралтейства в Петербурге. «Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпиля и поднимете ее вверх» («Невский проспект»).

Адрес-календа́рь — в царской России справочник, заключающий в себе списки учреждений и жителей города с обозначением их имен, состояний, профессий, местожительств. «Так чиновник с большим наслаждением читает адрес-календарь по несколько раз в

день, не для каких-нибудь дипломатических затей, но его тешит до крайности печатная роспись имен» («Иван Федорович Шпонька...»). «Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект» («Невский проспект»).

Адъютант — офицер при начальнике военной части для служебных поручений и для выполнения штабной работы. «Пожалуйста, любезнейший,— примолвил он [генерал.— *Ред.*], обращаясь к своему адъютанту, довольно ловкому молодому человеку приятной наружности,— прикажи, чтобы привели сюда гнедую кобылу!» («Коляска») «Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «лошадей!» («Ревизор»)

Акафист — в православной церкви хвалебное славословие Христу, святым, при исполнении которого не позволялось сидеть. «...Чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре» («Пропавшая грамота»).

Аки — будто, якобы. «...Накануне филипповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел зарезать своей беззаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было под тот час сало на каганцы и свечи» («Повесть о том, как поссорился...»).

Алгалантьёрство — искажен.: «адмиралтейство» — морское ведомство. «Да у меня есть на примете такой капитан, что ты ему и под плечо не подойдешь, а говорит-то как труба; в алгалантьёрстве служит» («Женитьба»).

Алебарда — старинное оружие, копьё с топориком на конце. «...Натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табак» («Шинель»). «...Алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными пожицами блестела, казалось, на самой реснице его глаз» («Невский проспект»).

Алжирский бей. — Бей — феодальный титул правителя на Ближнем и Среднем Востоке, в частности алжирский бей — в Алжире (Северная Африка), который был владением Франции и где в настоящее время Алжирская Народная Демократическая Республика. «А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?» («Записки сумасшедшего»)

Аллилуйя (древнееврейск.) — церковный возглас, означает: хвалите господа. «Эх, не доведи господь возглашать мне больше на крылосе аллилуйя» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Алта́рь — главная часть православной церкви, которая находится за высокой перегородкой, называемой иконостасом. «У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился» («Тарас Бульба»). «Грób поставили посередине, против самого алтаря» («Вий»).

Алта́йн — старинная русская монета, равная 3 копейкам. «...Деньги нам теперь так нужны, что мы с радостью готовы платить алтын за всякую копейку» («Игроки»).

Амате́р — любитель. «А сказать правду — мне понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматер со стороны женской полноты» («Женитьба»).

Амбра — смолистое, благовонное вещество, вообще: благовоние, аромат. «...Каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием» («Тарас Бульба»). «Я кинулся со всех ног, поскользнулся на проклятом паркете и чуть-чуть не расклеил носа, однако ж удержался и достал платок. Святые, какой платок! тончайший, батистовый — амбра, совершенная амбра! так и дышит от него генеральством» («Записки сумасшедшего»).

Амбре́ — род духов из амбры; вообще: благовоние. «Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза» («Ревизор»).

Анатольский — прилаг. к «Анатолия» — в древности название Малой Азии, позднее — название азиатской части Турции. «Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем рекам большим и малым, которые впадали в Днепр...» («Тарас Бульба»).

Анахро́низм — ошибка против времени, отнесение события, обычая к другой эпохе, когда его не могло быть. «...Комедия вовсе не картина, а скорее фронтиспис. Вы видите — и сцена, и место действия идеальны. Иначе автор не сделал бы очевидных погрешностей и анахронизмов, не вставил бы даже иным лицам тех речей, которые, по свойству своему и месту, занимаемому лицами, не принадлежат им» («Театральный разъезд»).

Андрóны е́дут — так говорят про того, кто некстати важничает, дуется. «Какая же причина в мертвых душах? даже и причины нет. Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку» («Мертвые души»).

Анекдот.— 1) Неприятное происшествие, неприятность. «Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот» («Нос»). 2) Остроумный короткий рассказ о необычайном или смешном случае. «Я приехал рассказать вам один преинтересный анекдот» («Отрывок»). «...Когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента» («Шинель»).

Аничкин мост (Аничков) — название моста в Петербурге на Невском проспекте через речку Фонтанку. Его украшают скульптурные конные группы. «...Там целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкина моста» («Нос»).

Анна — в царское время название ордена (имел три степени) в виде креста для ношения на шее. «Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну» («Мертвые души»).

Аноним — неизвестный, безымянный; письмо без подписи. «В анониме было так много заманчивого и подстрекающего любопытство, что он [Чичиков.— *Ред.*] перечел и в другой и в третий раз письмо и наконец сказал: «Любопытно бы, однако ж, знать, кто бы такая была писавшая!» («Мертвые души»)

Антик — памятник древней культуры, древность, редкость. «...Да и кому нужны рисунки с антиков» («Портрет»).

Антихрист — буквально: противник Христа. В «Апокалипсисе», одной из книг так называемого Нового завета, имя антихриста было обозначено числом 666 («Звериным числом»). Во время войны с французами в 1812 г. мистически настроенные русские люди, переведя буквы имени Наполеона на цифры (в церковнославянском языке цифры обозначаются буквами), путем различных вычислений получали в итоге число 666 и делали вывод, что Наполеон и есть предсказанный антихрист. «Знаешь ли, что отец твой антихрист?» («Страшная месть») «...Мне говорил игумен Братского монастыря,— он, жена, святой человек,— что антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека» («Страшная месть»). «...Пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе... и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром» («Мертвые души»).

Антраш — прыжок вверх, во время которого танцор успевае т скрестить ноги. «...Надевая подтяжки или повязывая галстук, он [Чичиков.— *Ред.*] расшаркивался и кланялся с особенною ловко-

стию и хотя никогда не танцевал, но сделал антраша» («Мертвые души»). «Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша» («Мертвые души»).

«А ну́те яку-нибу́дь страхо́внну ка́зочку» (укр.) — «а нуте, какую-нибудь страшную сказочку» («Пропавшая грамота»).

Аплике́ — накладное серебро или золото. «Уж новую я вам сошью беспрерменно, в этом извольте положиться, старанье приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застегиваться на серебряные лапки под аплике» («Шинель»).

Апокалипсические циф́ры — число 666 по книге «Нового завета» Апокалипсис, относящееся к антихристу (см. Антихрист). «Многие из чиновников и благородного дворянства... видели в каждой букве, из которых было составлено слово «Наполеон», какое-то особенное значение; многие даже открыли в нем апокалипсические цифры» («Мертвые души»).

Аполéта — искажен.: «эполéта», чаще — «эполéты». «А дворянин-то с аполетой пройдет навстречу, скажет: «Что ты, купчишка? свороти с дороги» («Женитьба»).

Апоплекси́ческий удар — поражение мозга и наступление бессознательного состояния вследствие изливания крови в полость черепа; вообще — изливание крови в ткань какого-нибудь органа. «...Заседатель Дробяжкин был сам причиною, оказывая несправедливые притеснения мужикам Вшивой-спеси и Задирайлова-тож, а умер-де он, возвращаясь в саях, от апоплексического удара» («Мертвые души»).

Апóстол. — 1) Так называли 12 первых учеников Христа (по евангельскому повествованию). 2) Книги деяний и посланий апостолов, которые читаются в церкви во время богослужения. «В праздник отхватает апостола, бывало, так, что теперь и попovich иной спрячется» («Пропавшая грамота»). См. Павел (апостол Павел).

Ара́пник — длинная ременная плеть, кнут для собак во время охоты. «Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить» («Ревизор»).

Арѣнда — наем недвижимости с правом пользования доходами от нее, плата за такой наем. «...Вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотят эти патриоты!» («Записки сумасшедшего»)

Арендатор — лицо, взявшее в аренду какую-нибудь недвижимость (землю, имение). «В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешены бессовестные арендаторы-жиды» («Тарас Бульба»).

Арка главного штаба — арка на Дворцовой площади в Петербурге, украшенная статуей Победы на колеснице. «...Другой имеет рот величиною в арку главного штаба, но, увы! должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля» («Невский проспект»).

Армяк — крестьянская верхняя одежда из толстого сукна в виде кафтана. «Синий армяк серому: «Небось, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» («Театральный разъезд»)

Арнаутка — сорт яровой южно-русской пшеницы. «Прежней вашей комиссии, насчет семян пшеницы, сибирской арнаутки, не мог исполнить: во всей Могилевской губернии нет такой» («Иван Федорович Шпонька...»).

Артишоки — растение южной Европы, цветочные головки и чешуйки его употребляют в пищу. «Хорош также соус с кашкою. А морковь, или репа, или артишоки никогда не будут хороши» («Записки сумасшедшего»).

Архалук — короткий татарский кафтан, застегивающийся на крючки. «Белокурый был в темно-синей венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке» («Мертвые души»).

Архангел — высший ангельский чин, по представлению верующих людей. «...У бога есть длинная лестница от неба до самой земли. Ее stanовят перед светлым воскресением святые архангелы» («Майская ночь»). «...Антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека; а душа гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около божией светлицы» («Страшная месть»).

Архиерей — название высших представителей церкви (епископов, архиепископов, митрополитов). «Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит се-

ло» («Ночь перед рождеством»). «Два портрета было больших, писанных масляными красками. Один представлял какого-то архиерея» («Старосветские помещики»).

Архимандрит — высшее духовное звание монашествующего священника в православной церкви, настоятель мужского монастыря. «Я думаю, архимандрит не давал вам и понюхать горелки», — продолжал Тарас» («Тарас Бульба»). «...Привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорского киевского монастыря» («Тарас Бульба»).

Аршад — прохладительный напиток. «Первое событие было с какими-то сольвычегодскими купцами, приехавшими в город на ярмарку и задавшими после торгов пирушку приятелям своим устьсыольским купцам, пирушку на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч.» («Мертвые души»).

Асикурировать — обеспечить. «Извольте, я стану от вас в пяти шагах и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готов асикурировать, если ошибусь» («Игроки»).

Аспázия — знаменитая древнегреческая красавица V века до нашей эры; одна из выдающихся женщин Древней Греции; дом ее служил местом собрания знатных людей в Афинах. «Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он [Чартков. — *Ред.*] с большой охотой соглашался на все» («Портрет»).

Ассамблея — при Петре I бал, танцевальный вечер у царя и его приближенных по западноевропейскому образцу; устраивалась с целью приобщить русских бояр к более высокой тогда западной культуре. «Городничий давал ассамблею! Где возьму я кистей и красок, чтобы изобразить разнообразие съезда и великолепное пиршество» («Повесть о том, как поссорился...»).

Ассигнация — бумажные деньги, курс которых колебался. В начале XIX в. рубль ассигнациями равнялся 26 коп. серебром. Таким образом, параллельно существовали два счета: на серебро и ассигнации. «...Тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а все синими ассигнациями» («Мертвые души»). «Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки, в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций» («Невский проспект»). «А, да! Берет и рассматривает ассигнации.) Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками» («Ревизор»).

Ассигнованный — причастие от «ассигновать» — назначить, наметить, предназначить. «Это кресло у меня уже ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сесть» («Мертвые души»).

Астрéя — в греческой мифологии богиня справедливости. В ее царствование на земле был золотой век справедливости. «Ну, что если бы у нас в России было побольше таких, которые бы так мудро рассуждали? Господи ты боже мой, что бы это было? Просто, золотой век-с, та же Астрéя» («Игроки»),

Атамáн наказнóй — начальник всего казачьего войска, наместник войскового атамана. «Кошевой по долгу пойдет с одной половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана» («Тарас Бульба»).

Атандé — в азартных играх приглашение остановить игру. «Атанде! Позвольте посмотреть, кажется, еще две тройки должны быть в колоде» («Игроки»),

Аттестовáть — дать отзыв, показать с какой-нибудь стороны. «Это, говорит, молодой человек, чиновник, да-с, едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить» («Ревизор»).

Аудíтор — старший ученик, помогавший учителю, проверявший знания своих товарищей. «Этот страшный учитель, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях, сделал Ивана Федоровича аудитором» («Иван Федорович Шпонька...»).

Аукциóн — продажа с публичного торга какого-нибудь имущества с постепенной надбавкой цены участвующими в торге. Если после трех ударов молотка не последует дальнейшей надбавки, то вещь остается за тем, кто предложил больше. «Аукцион, казалось, был в самом разгаре» («Портрет»).

Аукционíст — тот, кто производит аукционную продажу. «Со всех сторон раздававшиеся слова: «Рубль, рубль, рубль» не давали времени аукционисту повторять надбавляемую цену, которая уже возросла вчетверо больше объявленной» («Портрет»).

Аукциóнный — прил. от «аукцион». «Производилась аукционная продажа вещей одного из богатых любителей искусств» («Портрет»),

Б

Ба́йтся — мешкать. «Ну, вот хоть бы и ты, Петр Иванович! Ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож, ей-богу! Ведь что тебе работы? Всего два-три каких-нибудь подсвечника вычислить. Ну, зачем ты тут баишься» («Лакейская»).

Ба́йрэк — буерак, лесок, роща. «Кто их знает! У нас их раскидано по всему степену: что байрак, то козак [что маленький пригорок, там уже и казак.— *Ред.*]» («Тарас Бульба»).

Бака́н — красная краска различных оттенков. «...Боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все яр да бакан» («Ночь перед рождеством»).

Бакла́га — ведро, бочонок. «В возу были все баклаги и бочонки старого доброго вина, которое долго лежало у Тараса в погребках» («Тарас Бульба»). *Бакла́жка* — уменьш. к «баклага». «Баклажка прокатилась по столу и сделала гостей еще веселее прежнего» («Сорочинская ярмарка»).

Баку́н — сорт очень дешевого табака. «...Конечно, человек простой, выпьет стакан водки или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой большею частию простой народ употребляет» («Лакейская»).

Банк, банчик, банчишка — азартная карточная игра. «Двое из офицеров были страшные игроки в банк и проигрывали мундир, фуражку, шинель, темляк и даже исподнее платье» («Иван Федорович Шпонька...»). «Окружные помещики, о которых существовании никто бы до того времени не догадался, начали приезжать почаще в уездный городок, чтобы видаться с господами офицерами, а иногда поиграть в банчик» («Коляска»). «...Мы соорудим сию минуту банчишку» («Мертвые души»).

Барви́нок — растение с вечнозелеными листьями и светло-голубым венчиком; в украинской народной поэзии — эмблема любви. «Зелененький барвиночку, стелися низенько» («Сорочинская ярмарка»).

Бато́г — плеть, кнут на длинном кнутовище; тонкая палка, служившая для наказания преступников. «Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои» («Пропавшая грамота»). «Посполитство будем угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуют и от батогов» («Страшная месть»).

Беговые дрожки — маленький, легкий экипаж без рессор и без крыльев. «...Глядел... на купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках» («Мертвые души»).

Безбородько — Безбородко Александр Андреевич (1742—1799), князь, первый секретарь Екатерины II, государственный канцлер при Павле I. «А вот в старое время, когда провожал я царицу по Переяславской дороге, еще покойный Безбородько...» («Майская ночь»)

Безе́, безе́шка — поцелуй. «Позволь, душа, я тебе вклею один безе» («Мертвые души»). «Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!» («Мертвые души»)

Бейба́с — балбес. «А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? — говорил он [Тарас.— *Ред.*], обращаясь к младшему» («Тарас Бульба»).

Бекéша — верхняя одежда, вроде сюртука, на вате и с меховым воротником. «Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая!» («Повесть о том, как поссорился...»)

Бéленькая — ассигнация в 25 рублей. «Вот за этих мужичков и за ландшафтик возьму беленькую. Живопись-то какая! Просто глаз прошибет; только что получены с биржи; еще лак не высох» («Портрет»).

Бельведéр — вышка, надстройка над домом (чаще всего круглой формы) или небольшая отдельная постройка на возвышенном месте, откуда открывается далекий и красивый вид. «Оно [здание.— *Ред.*] было в два этажа, и над ним сверху надстроен был в две арки бельведер, где стоял часовой» («Тарас Бульба»). «Потом через эту реку начал строиться у него [Манилова.— *Ред.*] мост, потом огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно отсюда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах» («Мертвые души»).

Бельме́с — татарское слово «не знает». Наши предки часто слышали от татар слово «бильмез» (невежда), когда выяснялось чьенить-нибудь невежество. Это слово встречается только в выражении «ни бельмеса» (не знать, не понимать). «Признаюсь, не зная французского языка, чрезвычайно трудно судить самому, знает ли женщина по-французски или нет. Как хозяйка дома, знает?» — «Ни бельмеса» («Женитьба»).

Бельфам — руссифицированное французское выражение: видная, представительная женщина. «...Юбка вся собирается вокруг, как, бывало, в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бельфам» («Мертвые души»).

Бёстия — плут, пройдоха, ловкий человек. Употреблялось как бранное слово. «Кулак, кулак! — подумал про себя Чичиков, — да еще и бестия в придачу!» («Мертвые души») «Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску» («Ревизор»).

Бешмёт — полукафтан с рукавами. «Потом синий козацкий бешмет, который шил себе Иван Никифорович назад тому лет двадцать, когда готовился было вступить в милицию и отпустил было уже усы» («Повесть о том, как поссорился...»).

Бивák (бивуák) — место расположения войск под открытым небом во время военных действий или для отдыха и ночлега во время похода. «Все минувшее, все, что было заглушено нынешними козацкими биваками, суровой бранною жизнью, — все всплыло разом на поверхность» («Тарас Бульба»).

Бёржа — место стоянки городских извозчиков. «Это были: карaulьная будка, у которой стоял солдат с ружьем, две-три извозчицьи биржи» («Мертвые души»).

Бишь — частица, вставляемая в речь как знак припоминания. «Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал?» («Тарас Бульба»)

Благочíние — приличие, благопристойность. «...Вы нарушили порядок благочиния» («Повесть о том, как поссорился...»).

Блудный сын — евангельская притча о блудном сыне, легкомысленном юноше, который пренебрег своими близкими, покинул отцовский дом, променял свою родину на чужбину. Но потом, растравив свое состояние и испытав множество несчастий, вернулся в родной дом измученный, оборванный, а его отец, уже глубокий старик, ласково встретил его. «Блудный сын!» — сказал Чичиков. — «О таких людях и жалеть нечего» («Мертвые души»).

Бобелíна (Боболíна) — одна из видных деятельниц в борьбе за независимость Греции. «Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех шеголей, которые наполняют нынешние гостиницы» («Мертвые души»).

Бобби, боббичик — опухоль. «...Под горлышком делается бобби, меньше горошинки. Этот боббичик нужно только проколоть иголкой» («Повесть о том, как поссорился...»),

Богадельня — в дореволюционное время богоугодные заведения для призрения лиц, не способных к труду по старости. «...Белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго» («Мертвые души»),

Богослов — семинарист, учившийся в одном из старших классов духовной семинарии. «...Философов и богословов они [торговки.— *Ред.*] боялись задевать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притом целою горстью» («Вий»).

Богословие — учение о догматах христианской религии. «Остап Бульба... начал с большим старанием учить логику и даже богословие» («Тарас Бульба»).

Богословия — то же, что *богословы*. «...Богословия, в ужасных шароварах и с претолстыми шеями» («Вий»).

Богоугодное заведение — так назывались в дореволюционное время благотворительные учреждения, *богадельни*, больницы. «Попечитель богоугодных заведений» («Ревизор»). «...Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения» («Ревизор»),

Бодяк — лопух, репейник, чертополох. «На вершине обрыва видны были остатки плетня, обличавшие когда-то бывший огород. Перед ним — широкие листы лопуха, из-за него торчала лебеда, дикий колючий бодяк и подсолнечник, подымавший выше всех их свою голову» («Тарас Бульба»),

Бонвояж — старинный экипаж. «...За коляской следовали известные всем полковые дрожки, которыми владел на этот раз тучный майор; за дрожками четверместный бонвояж, в котором сидели четыре офицера и пятый на руках» («Коляска»).

Бонмогист — остроумец, остряк. «Тут было множество бонмогистов, в которых между малороссиянами нет недостатка» («Вий»).

Бонтон — хороший тон, хорошие манеры, светская учтивость в словах и в обращении. «Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей» («Ревизор»).

Бордó — сорт легкого французского красного виноградного вина. «...Штаб-ротмистр Поцелуев... такой славный!.. Бордо называет просто бурдашкой. «Принеси-ка, брат, говорит, бурдашки» («Мертвые души»).

Бóртище — дюжина, 12 штук. «Я давно подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он в одной лавочке бортище пуговиц» («Нос»).

Бостóн — старинная карточная игра. «Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами!» («Игроки») «Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть... вообще у всех тех мужей, которые имеют полные, румяные щеки и очень хорошо играют в бостон» («Нос»).

Брабáнтские кружева́ — кружева, которые вырабатывались в Брабанте, области в Бельгии. «...Читатель, без сомнения, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев» («Мертвые души»).

Брамбе́ус — псевдоним Осипа Ивановича Сенковского (1801 — 1858), писателя, востоковеда, профессора Петербургского университета, редактора журнала «Библиотека для чтения». «У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал» («Ревизор»).

Бра́тья (бра́тия) — монашеская община одного монастыря. «Как только минуло мне девять лет, он [отец.— *Ред.*] удалился в одну уединенную обитель, где скоро постригся в монахи. Там строгостью жизни, неусыпным соблюдением всех монастырских правил он изумил всю братью» («Портрет»). «Вся братья поверглась на колена пред новым образом» («Портрет»).

Бри́чка, бри́ка — легкая повозка, иногда с откидным верхом. «С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу» («Мертвые души»). «Взмостившись в брику, они потянулись, погоняя лошадей и напевая песню» («Вий»).

Бровáрник, бровáрь — тот, кто варит пиво. «Эй, вы, пивники, броварники! Полно вам пиво варить, да валяться по запечьям, да кормить своим жирным телом мух! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться» («Тарас Бульба»). «...Бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки» («Тарас Бульба»).

Брудáстая (собака) — породистая. «Ну так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! брудастая, с усами, шерсть стоит вверх, как щетина» («Мертвые души»).

Бúде — если. «...Буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявляющий никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно» («Мертвые души»).

Будуáр — небольшая дамская комната в богатом доме для приема близких знакомых. «Хотелось бы заглянуть туда, на ту половицу, где ее превосходительство,— вот куда хотелось бы мне! В будуар: как там стоят все эти баночки, скляночки, цветы такие, что и дохнуть на них страшно; как лежит там разбросанное ее платье, больше похожее на воздух, чем на платье» («Записки сумасшедшего»).

Будя́к — свекла. «...Ритор Тиберий Горобець сбивал палкою головки с будяков, росших по краям дороги» («Вий»).

Буколи́ческий — прилаг. к «буколика», буколическая поэзия — вид поэзии, изображающей прелести деревенской жизни; идиллический, мирный, простой. «На лицах у них [старосветских помещиков. — *Ред.*] всегда написана такая доброта, такое радушие и чистосердечие, что невольно отказываешься, хотя, по крайней мере, на короткое время, от всех дерзких мечтаний и незаметно переходишь всеми чувствами в низменную буколическую жизнь» («Старосветские помещики»).

Булава́ — жезл с шаром на верхнем конце. «Старый гетьман сидел на вороном коне. Блестела в руке булава» («Страшная месть»).

Бунчу́жный — заведующий бунчуком, войсковым знаменем. «Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ехали вслед за гетьманом» («Тарас Бульба»).

Бунчу́к — короткое древко с привязанным конским хвостом, как знак власти гетмана. Бунчуковый товарищ — почетный войсковой старшина. «Бунчуковые товарищи несли бунчуки» («Тарас Бульба»).

Бурго́ньон — сорт французского красного вина. «Ноздрев велел еще принести какую-то особенную бутылку, которая, по словам его, была и бургоньон и шампаньон вместе» («Мертвые души»).

Бу́рцов — «*Бурцов*, ера, забияка» — начало стихотворения гусара-поэта Дениса Давыдова (1784—1839), посвященного его другу Бурцеву. «Я думаю, господа, что из него просто выйдет Бурцов, ёра, забияка» («Игроки»).

Бусурме́н (*бусурма́н*) — в старину недоброжелательное, бранное название того, кто исповедовал магометанскую веру, позднее — название иноверца вообще. «Дай же боже, чтобы вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы» («Тарас Бульба»).

Быльё — трава. «На вершине ее покачивалось несколько стелебков полевого быльё» («Тарас Бульба»).

В

Ва-ба́нк — возглас игрока в азартной карточной игре, означающий, что он ставит на карту всю сумму денег, которой располагает банкомет (на весь банк). «Ва-банк!» — «...У, браво, гусар! На все пятьдесят тысяч» («Игроки»).

Вазари́ *Георгий* (1511—1574) — итальянский художник, архитектор, историк искусства, автор многотомного жизнеописания знаменитых художников, скульпторов и архитекторов. «Ему пришла вдруг на ум история, слышанная давно им от своего профессора, об одном портрете знаменитого Леонардо да Винчи, над которым великий мастер трудился несколько лет и все еще почитал его неоконченным и который, по словам Вазари, был, однако же, почтен от всех за совершеннейшее и окончательнейшее произведение искусства» («Портрет»).

Вака́нсия. — 1) Свободная должность в штате учреждения. 2) Точнее, вакация — каникулы, время, свободное от занятий в учебных заведениях. «Самое торжественное для семинарии событие было вакансии — время с июня месяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домам» («Вий»).

Вакх — у древних римлян бог плодородия, а также вина и селья; обычно изображался красивым юношей (первоначально могучим бородатым мужчиной в длинной одежде) с гроздьём винограда в руке. «Палатские чиновники... приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества» («Мертвые души»).

Вала́хия — в XIV в. образовалась как самостоятельное государство; затем подпала под власть Турции, позднее — часть Ру-

мынии с главным городом Бухарест. «Идут каменные цепи в Валахию и в Седмиградскую область и громадою стали в виде подковы между галичским и венгерским народом» («Страшная месть»).

Валы́льня — заведение для валяния сукон или шерсти. «Все текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валыльни, работали суконные фабрики» («Мертвые души»).

Валто́рна — духовой инструмент наподобие охотничьего рога. «...Музыканты тузили себя в щеки кулаками, словно в бубны, и свистали носами, как в валторны» («Пропавшая грамота»).

Ванди́к — правильное: Ван-Дейк Антонис (1599—1641) — знаменитый фламандский художник, особенно прославившийся портретами. «Великолепная мастерская художника... уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиков и Тицианов» («Портрет»).

Ванька — в нарицательном значении городской легковой извозчик с бедной упряжкой и плохой лошадей. «...Реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками» («Шинель»).

Варв́ара-великомученица — «святая» мученица, пострадавшая за веру в начале IV в., почитаемая в православной церкви. «...Чтоб мне поперхнулось за акафистом великомученице Варваре» («Пропавшая грамота»).

Варену́ха — водка, отваренная с медом, ягодами и пряностями. «Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами?» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие)

Васили́ск — легендарное животное, полуптица, полужмея, убивавшее одним взглядом. «Желчь проступала у него на лице, когда он видел произведение, носившее печать таланта. Он скрежетал зубами и пожирал его взором василиска» («Портрет»).

Ваше благо́родие — в царской России обращение к чиновникам пяти низших классов. «Иван Яковлевич, зная форму, снял издали еще картуз и, подошедши проворно, сказал: «Желаю здравия вашему благородию!» («Нос») «Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие» («Ревизор»).

Ваше высокоблагородие — в царской России обращение к чиновникам VI—VIII классов. «Ваше высокоблагородие! Зачем вы не берете? Возьмите! В дороге все пригодится. Давай сюда головы и кулек!» («Ревизор») «За что жалуете, ваше высокоблагородие?» («Ревизор»)

Ваше превосходительство — в царской России обращение к чиновникам III—IV классов. «Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство» («Ревизор»).

Ваше сиятельство — в царской России обращение к князьям, графам. «Ваше сиятельство! Скажу всю истину дела. Я виноват; точно, виноват; но не так виноват. Меня обнесли враги» («Мертвые души»).

В гóрку поигрáть — название карточной игры. «Вообрази, брат, у купца Лихачева играли в горку, вот уж где смех был» («Мертвые души»).

Вéдомости — в XIX в. так в быту называлась газета вообще. По старым законам, судебные решения о купчих крепостях печатались в «Сенатских новостях», которые выходили приложением к «Сенатским ведомостям». «...Крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентовых и за припечатку в Ведомостях» («Мертвые души»).

Великатéс — благородство, деликатность. «Мне, говорит, какой бы ни был муж, хоть и собой-то невзрачен, да был бы дворянин. Да, такой великатес!» («Женитьба»)

Великий пост — период времени, когда церковью предписывается особое воздержание; он бывает ежегодно весной перед праздником пасхи, продолжается семь недель. «...Все положили в палате, что в конце февраля перед великим постом будет свадьба» («Мертвые души»).

Венгёрка — короткая куртка с нашитыми поперек груди шнурами; была излюбленным костюмом помещиков. «Белокурый был в темно-синей венгерке» («Мертвые души»).

Венгёрское — крепкое и сладкое виноградное вино. «После шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество» («Мертвые души»).

Венéра — у древних римлян богиня любви, красоты, брака и плодородия; изображалась в виде красивой женщины; постоянной ее принадлежностью был чудесный пояс, в котором была скрыта

тайна ее обаяния. «...Куплю себе отличный манкен, закажу гипсовый торсик, сформирую ножки, поставлю Венеру» («Портрет»).

Вене́ра Медице́йская — одно из замечательных скульптурных изображений Венеры. «Обедали? — закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже — на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани» («Мертвые души»).

Венеце́йский — то же, что *венецианский*, прилаг. к «Венеция» — город в Италии, важнейший порт на Адриатическом море. «На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зеленого и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской» («Тарас Бульба»).

Ве́рвие — веревка. «Белая, как снег, борода и тонкие, почти воздушные волосы такого же серебристого цвета рассыпались картинно по груди и по складкам его черной рясы и падали до самого вервия, которым опоясывалась его убогая монашеская одежда» («Портрет»).

Верте́п — старинный кукольный театр на Украине. Этот кукольный театр имел вид деревянного ящика, с которым на святках мальчики, славившие Христа, и семинаристы ходили по домам, разыгрывая различные так называемые вертепные пьесы, то есть представления, связанные с христианским праздником рождества, а также различные комедии. «В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами» («Вий»). «...Лучи солнца... играя на шпажном шпиге, делали его чем-то необыкновенным, похожим на тот вертеп, который развозят по хуторам кочующие пройдохи» («Повесть о том, как поссорился...»).

Вертопра́х — легкомысленный, ветреный человек. «Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было!» («Ревизор»).

Весь — село. «...Два какие-нибудь колбасника двух городов подерутся между собою за вздор, и ссора объемлет наконец города, потом веси и деревни, а там и целое государство» («Старосветские помещики»).

Ве́ха — шест, который ставится для указания дороги, границы владения, участка. «Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку» («Ревизор»).

Вечёрня — одна из церковных служб у православных христиан. «Но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни» («Ревизор»).

Вéчера — ужин. «Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух» («Тарас Бульба»). *Вечеря́ть (повечеря́ть)* — ужинать. «Вечером, немного, может, раньше теперешнего, уселись вечерять» («Майская ночь»). «Ввечеру, уже повечерявши, дед пошел с заступом прокопать новую грядку для поздних тыкв» («Заколдованное место»).

Взбуктети́вание — от слова «взбуктетить» — вздуть, побить, отколотить. «...В губернию назначен был новый генерал-губернатор — событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут переборки, распеканья, взбуктетивания и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных!» («Мертвые души»)

Вза́ренцы — вареные фрукты. «Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною... другой пирог — с груздями, пряженцы, масляницы, взваренцы» («Мертвые души»).

Взра́чный — привлекательный. «Такой славный вояка! Всех взрачней! Дай бог ему здоровья, меня тотчас узнал» («Тарас Бульба»).

Видло́га — откидная шапка из сукна, пришитая к кобеняку. «Шел ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок — как не зайти к Солохе» («Ночь перед рождеством»).

Вий — создание простонародного воображения. Таким именем назывался у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. «Вся эта повесть есть народное предание...» (*Прим. Гоголя.*) Однако ссылка Гоголя на народную сказку, несмотря на многолетние изыскания специалистов по народной поэзии, не подтверждается. «Подымите мне веки: не вижу! — сказал подземным голосом Вий — и все сонмище кинулось подымать ему веки» («Вий»).

Винни́ца — винокуренный завод, винокурня. «Теперешний пан хочет строить на том месте винницу и прислал нарочно для того сюда винокура» («Майская ночь»). «Это полезный человек; побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла» («Майская ночь»).

Вист — название карточной игры, в которую играют 4 человека. «Скоро все общество разделилось на четверные партии в вист и расселось в разных углах генеральских комнат» («Коляска»). «Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже» («Ревизор»).

Вице-губернатор — помощник губернатора. «Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога» («Мертвые души»).

Вице-губернаторский — прилаг. к «вице-губернатор». «Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места; если удастся, то вице-губернаторского» («Нос»). *Вице-губернаторша* — жена вице-губернатора. «Я слышу, что кто-то подъехал, да думаю себе, кто бы мог так рано. Параша говорит: «Вице-губернаторша» («Мертвые души»).

Вицмундир — форменный фрак гражданских чиновников. «На Невском проспекте вдруг настанет весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах» («Невский проспект»). «Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета» («Шинель»).

Владимир — орден св. князя Владимира, учрежден в 1782 г. по случаю 20-летия царствования Екатерины II. Был четырех степеней. Крест Владимира 4-й степени с надписью «35 лет» был знаком выслуги лет в гражданских чинах. «Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут» («Ревизор»). «За три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени с одобрения со стороны начальства» («Ревизор»).

Власяница — грубая одежда из конского волоса, которую носили для изнурения тела. «Покаюсь: пойду в пещеры, надену на тело жесткую власяницу, день и ночь буду молиться богу» («Страшная месть»).

Во всю ивановскую. — Это выражение идет от колокольного звона в Московском Кремле; когда звонили на колокольне Иван Великий во всю ивановскую колокольную фамилию, во все 30 колоколов, было это внушительно и торжественно; в более широком понимании — это выражение чего-то сильного, стремительного, отчаянного. «Ковалев сел в дрожки и только покрикивал извозчику: «Валяй во всю ивановскую!» («Нос»)

Война с турками.— Эпоха Гоголя характеризуется большими общественно-историческими событиями: в памяти были живы Отечественная война 1812 г., восстание декабристов, война с Турцией 1828/29 гг. за независимость Греции, польское восстание 1831 г. Все это рождало в обывательских кругах различные толки о готовящейся войне, в частности с Турцией. «Ну что? Как вы думаете об этом?..» — «А что я думаю? Война с турками будет» («Ревизор»).

Войт — сельский старшина, сельский староста. «Приказчик, соединившись с войтом, обкрадывали немилосердным образом» («Старосветские помещики»).

Воксал — вокзал; танцевальная зала в увеселительном саду. «...Только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу» («Мертвые души»).

Волтериáнец — вольномыслящий человек, последователь французского писателя и философа Вольтера (1694—1778). «...Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерианцы напрасно против этого говорят» («Ревизор»).

Волхвова́ние — занятие колдовством, гаданием. «Внезапное его [носа.— *Ред.*] отделение с своего места, побег и маскирование, то под видом одного чиновника, то, наконец, в собственном виде, есть больше ничего, кроме следствия волхвований, произведенных вами или теми, которые упражняются в подобных вам благородных занятиях» («Нос»).

Вольте́ровские кресла — широкое и глубокое кресло, получившее название от французского писателя Вольтера, который пользовался вследствие болезни таким креслом. «Усадил обходительного гостя в большие вольтеровские кресла и приготовился слушать его рассказ, без сомнения, об ученых предметах и естественных» («Мертвые души»).

Воспо́ительница — тот, кто вспоил молоком, вскормил, кто воспитывает (о человеке, природе). «Деревня начинала представляться каким-то привольным приютом, воспоительницею дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности» («Мертвые души»).

Восторгнове́ние — восторг. «...Вспомнивши, что он не один, притихнул вдруг, постарался кое-как замять неуверенный порыв восторгновения» («Мертвые души»).

Во́хра — то же, что *охра* — краска желтого или красного цвета. «...Боже ты мой, какие краски! Тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь да бакав» («Ночь перед рождеством»).

Вояжи́ровка — путешествие. «Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною» («Ревизор»).

Враг человеческого рода — дьявол. «Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» («Ночь перед рождеством»).

Враче́бная упра́ва — в царское время судебно-медицинское учреждение, на обязанности которого лежал санитарный и медицинский надзор и судебно-медицинские исследования. «...Он явился даже засвидетельствовать почтение инспектору врачебной управы и городскому архитектору» («Мертвые души»).

Второ́е пришёствие — по представлениям верующих, при конце мира будет второе пришествие Христа, который учинит всем людям, и живым, и умершим, страшный суд. «Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве по втором пришествии» («Повесть о том, как поссорился...»).

Выбойка — сорт грубого ситца или холста, где рисунок отпечатан одной краской. «Вы его тотчас узнаете, потому что ни у кого нет, кроме него, панталон из цветной выбойки и китайчатого желтого сюртука» («Иван Федорович Шпонька...»).

Выбо́ры — дворянские выборы. Так назывались собрания губернских или уездных дворян для выбора из своей среды должностных лиц: предводителей дворянства, судей, исправников и пр. «Из помещиков более всех был замечателен Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, один из главных аристократов Б... уезда, более всех шумевший на выборах и приехавший туда в шегольском экипаже» («Коляска»).

Вы́жиг — серебро или золото, выжигаемое из ткани (в данном случае — из эполет). «Недели три тому назад мы его обыграли на восемьдесят тысяч деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да ковер, да золотые эполеты... одной выжиги дали на 600 рублей» («Игроки»).

Вы́морозки — незамерзающая часть замораживаемого вина; выморозки богаты алкоголем и разными экстрактами. «Большая часть офицеров пила выморозки» («Иван Федорович Шпонька...»).

ВЫ́понтировать — выиграть в карточной игре. «А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей» («Ревизор»).

ВЫ́пушка — кант, обивка по шву, по краям одежды. «...Сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестел сапог со шпорой и краснела выпушка мундира» («Невский проспект»).

ВЫ́ма́ктывание — высасывание, вытягивание из чего-нибудь сока губами и языком. «...Громче всего слышалось высмактывание Григорием Григорьевичем мозгу из бараньей кости» («Иван Федорович Шпонька...»).

ВЫ́смы́кать — выклеивать. «Пусть же хоть и будет орел высмыкать из твоего лба очи, да пусть же степовой наш орел, а не ляшский, не тот, что прилетает из польской земли» («Тарас Бульба»).

ВЫ́требеньки — причуды. «Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела как бешеная» («Тарас Бульба»).

Г

Га́ба — белое турецкое сукно. «Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранств» («Тарас Бульба»).

Га́берсуп — овсянка. «Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос» («Ревизор»).

Гаво́т — старинный французский танец умеренного движения. «Он начал какой-то гавот, зная, что немкам нужна постепенность» («Невский проспект»).

Га́дьяч — древний украинский город на реке Псел. «С этой историей случилась история: нам рассказывал ее приезжавший из Гадьяча Степан Иванович Курочка» («Иван Федорович Шпонька...»).

Га́дьячский — прилаг. к «Гадьяч». «Когда был он [Иван Федорович.— *Ред.*] еще Ванюшею, то обучался в гадьячском поветовом училище» («Иван Федорович Шпонька...»).

Гайворон — грач. «...Черт, — нечего бы и вспоминать его, собачьего сына, — так всхлипывал жалобно в своей конуре, что испуганные гайвороны стаями подымались из ближнего дубового леса и с диким криком металась по небу» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Гайда́ — призыв к какому-нибудь действию, то же, что айда. «Не попрекнет же никто нас обидной речью! А ну, гайда, хлопцы, в гости к католикам» («Тарас Бульба»).

Гайдукі́ — партизанские отряды в Венгрии, Молдавии, у южных славян, которые вели освободительную борьбу с турками. «Кто идет? — закричало несколько голосов; и Тарас увидел порядочное количество гайдуков в полном вооружении» («Тарас Бульба»).

Галантерейный — любезный, вежливый. «Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит «вы» («Ревизор»).

Галдаре́я — искажен.: «галерея». «Он выбежал проворно с салфеткой в руке... встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной галдарее показывать ниспосланный ему богом покой» («Мертвые души»).

Гале́ра — в древнее время военное гребное судно. Гребцы на галерах прикованы были к сиденью и набирались из рабов, пленных и преступников. «...Нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли порошу на своем веку» («Тарас Бульба»).

Галопáд — галоп — танец, отличающийся быстрыми движениями. «Галопад летел во всю пропалую» («Мертвые души»).

Галопи́ровать — скакать галопом. «Черт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца» («Ночь перед рождеством»).

Галу́н — нашивка на одежде из золотой или серебряной тесьмы. «Может быть, долго еще бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других» («Ночь перед рождеством»). «...Дивчата, в нарядном головном уборе из желтых, синих и розовых стричек, на верх которых навязывался золотой галун» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Галушки — клецки, сваренные в воде. «Вздевши на длинные деревянные спички галушки, начали есть» («Майская ночь»). «Готов обед, пан отец, сейчас поставим! Вынимай горшок с галушками! — сказала пани Катерина старой прислужнице, обтиравшей деревянную посуду» («Страшная месть»).

Гальбик — азартная карточная игра. «Это не то, что прокурор и все губернские скряги в нашем городе, которые так и трясутся за каждую копейку. Этот, братец, и в гальбик, и в банчишку, и во все что хочешь» («Мертвые души»).

Гаман — род бумажника, где держат огниво, кремь, губку, а иногда и деньги. «Вот тебе две тысячи сейчас,— Бульба высыпал из кожаного гамана две тысячи червонных» («Тарас Бульба»). «...Старый есаул пришел к колыбели, и дитя, увидевши висевшую на ремне у него в серебряной оправе красную люльку и гаман с блестящим огнивом, протянуло к нему ручонки и засмеялось» («Страшная месть»).

Ганимед — в греческой мифологии прекрасный юноша, похищенный Зевсом, который сделал его своим виночерпием; в переносном смысле (шутливо) — молодой официант. «...Нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавший вчера, как муха, с шоколадом, вылезает, с метлой в руке, без галстука, и швыряет им черствые пироги и объедки» («Невский проспект»).

Гарниз — гарнизонные солдаты. «Да не выпускать солдат на улицу без всего: эта дрянная гарниз наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет» («Ревизор»).

Гарпия — в древнегреческой мифологии крылатое чудовище с лицом женщины, туловищем птицы; божество бури, олицетворение злости и хищничества. «Подобно какой-то гарпии, попался он [Чартков.— *Ред.*] на улице, и все его даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избегнуть такой встречи, говоря, что она достаточна потом отравить весь день» («Портрет»).

Гарус — грубоватая шерстяная пряжа. «Пономарь сделал себе нанковые на лето шаровары и жилет из полосатого гаруса» («Ночь перед рождеством»).

Гатигься — от слова «гать» — дорога в болотистой местности из бревен, хвороста, засыпанных землей, щебнем или песком. «Червовели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козачьих и вражьих тел» («Тарас Бульба»).

Гауптвахта — в царское время караульное помещение для солдат в крепости. «А один раз меня приняли даже за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем» («Ревизор»).

Гвидо — Гвидо Рэни (1575—1642) — знаменитый итальянский художник; главная его работа — фреска «Аврора» во дворце в Риме. «Еще не понимал он всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида» («Портрет»).

Генерал-аншеф — чин полного генерала в царской армии, существовавший до Павла I. «Говорят, есть, в некотором роде, высшая комиссия, правление, понимаете, эдакое, и начальником генерал-аншеф такой-то» («Мертвые души»).

Генералиссимус — высшее военное звание, давалось в редких случаях генералам, назначаемым главнокомандующими всех войск и армий в государстве. В царской России это звание имели Меншиков, Суворов и Шейн. «А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет, а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус» («Ревизор»). «Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный мопс какой-нибудь» («Мертвые души»).

Гензи на кухню (нем.). — Ступайте на кухню. «Гензи на кухню!» — Блондинка удалась» («Невский проспект»).

Геркулес — герой древнегреческой мифологии, отличавшийся необыкновенной физической силой. Гипсовые слепки со знаменитых скульптурных изображений Геркулеса и других мифологических героев и богов (Венера, Зевс и др.) были обычной принадлежностью мастерской художника. «...Он в одно и то же время видит и ваши черты и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса, стоящего в его комнате» («Невский проспект»).

Гетьман (гётман) — начальник украинского казачества, избравшийся самими казаками, был наделен высшей гражданской, военной и судебной властью, фактически был правителем Украины. Эта должность существовала до Екатерины II, которая уничтожила ее в 1764 г. «...Гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа» («Тарас Бульба»). «Один раз задумалось вельможному гетьману послать зачем-то к царице грамоту» («Пропавшая грамота»).

Гетьманский — прилаг. к «гетьман». «Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в желтых сапожках» («Ночь перед рождеством»).

Гётманщина (*гётманщина*) — часть Украины, вошедшая в XVII в. в состав Русского государства под управлением гетмана. «А вы разве ничего не слышали о том, что делается на гётманщине?» («Тарас Бульба»)

Гильдия — в царское время разряд купеческого сословия; в зависимости от капитала купцы делились на три гильдии. «Купца третьей гильдии дочь. Да уж такая, что и генералу обиды не нанесет» («Женитьба»).

Глазу́рь — тонкий, гляцевитый сплав, который наводится на фаянсовые изделия с целью сделать их непроницаемыми для воды. «Облачные перси ее, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем по краям своей белой, эластически-нежной окружности» («Вий»).

Гнедо́й — красновато-рыжая масть лошади. «Пожалуйста, любезнейший, — примолвил он [генерал. — *Ред.*], обращаясь к своему адъютанту, довольно ловкому молодому человеку приятной наружности, — прикажи, чтобы привели сюда гнедую кобылу!» («Колыска»)

Гнуть от трех угло́в — удваивать ставку в игре в банк. «Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно...» («Ревизор»)

Гога и Магога. — Гог и Магог — в Библии имена свирепого князя (Гог) и народа (Магог). В широком понимании Гог и Магог — распространенное определение людей сильных, гневных и хитрых, с которыми трудно справиться. «Дайте ему только нож да выпустите его на большую дорогу — зарежет, за копейку зарежет! Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога» («Мертвые души»).

Гого́ль — птица, похожая на утку, с черно-фиолетовым оперением на голове. «...Блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем» («Тарас Бульба»). Переносное значение: «Прошелся по тротуару гоголем, наводя на всех лорнет» («Портрет»).

Голова́ — в царское время должностное лицо, облеченное известными полномочиями и авторитетом: 1) Сельский голова (на Украине). «Этот голова важное лицо на селе» («Майская ночь»). «От кого же и голова поставлен, как не от царя?» («Майская ночь») 2) Городской голова — выборный руководитель в городе. «Вперед пустить голову, духовенство, купечество» («Ревизор»),

Голодράбец — бедняк, бобыль. «...Хорош должен быть и жених там! Думаю, оборваннейший из всех голодрабцев» («Сорочинская ярмарка»).

Гондóла — легкая плоскодонная лодка красивой формы, на которой плавают в Венеции по каналам, передвигается посредством кормового весла. «Перевозка тоже очень дешева; там все почти вода и везде гондолы... Натурально, сидит эдакая италианочка, такой розанчик, одета: манишечка, платочек» («Женитьба»).

Горáций Флакк Квинт — выдающийся римский поэт I в. до н. э., знаменит своими одами, сатирами и другими произведениями. «...Здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика» («Тарас Бульба»). «Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю: Гораций, что ли?» («Тарас Бульба»)

Горéлка — водка. «...Может быть, набредем на какое-нибудь жилище и хоть чарку горелки удастся вынуть на ночь» («Вий»). «Да горелки побольше, не с выдумками горелки, не с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела как бешеная» («Тарас Бульба»).

Горéлочный — прилаг. к «горелка». «Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелкого духа, прятались в пустых горелочных бочках» («Тарас Бульба»).

Горлáтная шáпка — шапка, сшитая из лоскутков меха, находившегося под горлом пушного зверя, который имел на горле другую шерсть, чем в других местах. «Редко, где видны были бородачи в меховых горлатных шапках. Все были европейского вида с бритыми подбородками» («Мертвые души»).

Гóрлиця — старинный украинский танец. «...Дивчата... в сафьянных сапогах на высоких железных подковах, плавно, словно павы, и с шумом, что вихорь, скакали в горлице» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Городн́чий — в царское время в начале XIX века начальник полиции в уездном городе. Но в его ведении также находились и тюрьмы, и все богоугодные заведения (больницы, дома призрения убогих); на нем лежала ответственность за размещение и содержание местного гарнизона, за сооружение церквей при богоугодном заведении, за чистоту и порядок в городе. «Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах» («Ночь перед рождеством»).

Городовбе рушение — милиция, городское ополчение. «Бегающие толпы монахов, жидов, женщины вдруг многолюдно те города, где какая-нибудь была надежда на гарнизон и городовое рушение» («Тарас Бульба»).

Городовый — то же, что *городской*. «...Никого не видно было возле его бездушного труп, кроме обыкновенной фигуры квартального надзирателя и равнодушной мины городского лекаря» («Невский проспект»). «...Вечеру же надевает бекешу и идет куда-нибудь — или к городовому магазину, куда он поставляет муку, или в поле ловить перепелов» («Повесть о том, как поссорился...»).

Городскóй глава́ (головá) — см. Голова. «Потом был... на закуске после обеда, данной городским главою, которая тоже стоила обеда» («Мертвые души»).

Горóховый — прилаг. к «горох» — цвета гороха, серовато-желтый с зеленым оттенком. «Ничего из этого не будет! — подхватил полтавед, заложивши руку в гороховый кафтан свой» («Вечера на хуторе...»).

Госотёрн — высший сорт белого бордоского вина, сотерна. «Ноздрев налег на вина: еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна» («Мертвые души»).

Гостíный двор — торговые ряды в обособленном городском здании. «Ребята на Гостином дворе сказывали, что продаете шерсть, матушка!» («Женитьба») *Гостинодворец* — купец, торгующий в Гостином дворе. «Стариков, гостинодворец» — действующее лицо в комедии «Женитьба».

Госудáрственная — тысячерублевая ассигнация. «...В мошне, чай, притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в салог» («Мертвые души»).

Госудáрственный совет — высшее законосовещательное учреждение в царской России; состоял из высших чиновников, военных деятелей, крупнейших помещиков и буржуазии, наполовину выборных, наполовину назначенных императором. «Бритые гранды, которых я застал в зале государственного совета великое множество, были народ очень умный» («Записки сумасшедшего»). «Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится» («Ревизор»).

Готический — прилаг. к «готика» — архитектурный стиль XII—XV веков, характеризуется легкими остроконечными сводами, обилием башенок и стрелок, а также стрельчатыми окнами. «И скоро величественное аббатство обхватилося сокрушительным пламенем, и колоссальные готические окна его сурово глядели сквозь разделявшиеся волны огня» («Тарас Бульба»).

Гравированный — причастие от «гравировать» — вырезать по металлу, камню или дереву. «К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах, с кривыми носами» («Портрет»).

Гравюра — отпечаток с вырезанного на металле и дереве изображения. «...Накуплю гравюр с первых картин» («Портрет»). *Гравюра* — то же, что гравюра. «...Длинный, пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам» («Мертвые души»).

Грамматик — семинарист, учившийся в одном из первых двух классов духовной семинарии. «Грамматики были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом» («Вий»).

Гранд — представитель высшего дворянства в Испании. «...Когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами. Я, однако же, догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они бреют головы» («Записки сумасшедшего»).

Грандисон — герой одноименного романа английского писателя Ричардсона (1689—1761). «...Князь Р., благороднейший, лучший из всех молодых людей, прекраснейший и лицом, и рыцарскими, великодушными порывами, высокий идеал романов и женщин, Грандисон во всех отношениях» («Портрет»).

Грации — у древних римлян три мифологические богини: молодости, красоты, радости, являлись олицетворением женской прелести, изображались в виде трех прекрасных девушек. «Вечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями» («Мертвые души»).

Грэбля — насыпь для дороги на топком месте. «Кибитка взехала на греблю, и Иван Федорович увидел тот же самый старинный домик, покрытый очеретом» («Иван Федорович Шпонька...»).

Гречáник — гречневик, хлебное изделие из гречихи. «Экие страшные мешки! Положим, что они набиты гречаниками да коржами, и то добре» («Ночь перед рождеством»),

Гречáныйй — гречневый. «Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречаную половою, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам» («Тарас Бульба»),

Грѣвна — то же, что гривенник. «Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин» («Ночь перед рождеством»).

Гриф.— В XVIII и XIX вв. распространены были формы столов, кресел, диванов с точеными ручками и ножками в виде грифов (грифонов) — легендарных животных, имеющих птичью голову, туловище львицы, орлиные крылья. «Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старые мебели с выгнутыми линиями, с грифами... — все было навалено, и вовсе не в таком порядке, как в магазинах» («Портрет»).

Громáда — в старину мирская сходка на Украине. «В мирской сходке, или громаде... голова всегда берет верх» («Майская ночь»),

Громобóй — герой фантастической баллады Жуковского «Двенадцать спящих дев», продавший свою душу черту. «...А это чей портрет? — продолжал он [квартильный.— *Ред.*], подходя к портрету старика, — уж страшен слишком. Будто он в самом деле был такой страшный; ахти, да он просто глядит, Эх, какой Громобой!» («Портрет»)

Грош — дореволюционная монета, равная $\frac{1}{2}$ копейки. «Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами» («Игроки»),

Губѣрнский секретáрь — в царской России чиновник XII класса. «...Губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтиться по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии» («Невский проспект»).

Губѣйна — все съедобное. «...Кладовые, амбары и сушилы zagrożены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной» («Мертвые души»).

Гу́гля — шишка. «Если как-нибудь, вставая с кровати, ударит кто об угол шкапа или стола и набезжит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить перед обедом — и все как рукой снимет» («Старосветские помещики»).

Гусáры — в царской армии военные из частей легкой кавалерии, они отличались особой формой одежды. «Он [Чартков.— *Ред.*] велел вынести прочь из своей мастерской все последние произведения, все безжизненные модные картинки, все портреты гусаров, дам и статских советников» («Портрет»). «Ну, сами знаете, молодая натура. Ему уж там в гусарах все это блестит, шитье, богатый мундир» («Игроки»).

Густопсо́вые — с густой и длинной шерстью; чистопсовые — с тонкой и мягкой шерстью; муругая — рыже-бурая с черным; черная с подпалинами — с красной мордой; муруго-пегая — по желтому черные пятна. «Вошедши на двор, увидели они всяких собак, и густопсовых, и чистопсовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих» («Мертвые души»).

Гут мórген — доброе утро (немецкое выражение). «...Поручик Пирогов, который знал по-немецки только «гут морген», ничего не мог понять из всей этой истории» («Невский проспект»).

Д

Да́бы — чтобы. «Он [Ковалев.— *Ред.*] решился отнестись прямо в газетную экспедицию и заблаговременно сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший его, мог в ту же минуту его представить к нему или, по крайней мере, дать знать о месте пребывания» («Нос»).

Дава́ть киселя́ — «значит ударить кого-нибудь сзади ног» (*прим. Гоголя*). «...Пьяный жид давал бабе киселя» («Сорочинская ярмарка»).

Да́вича (да́веча) — недавно. «Давича совершенно хотела думать о другом, но чем ни займусь — пробовала сматывать нитки, шила ридикуль, — а Иван Кузьмич все так вот и лезет в руку» («Женитьба»).

Дали́буг (польск.) — ей-богу. «Теперь он [Андрей.— *Ред.*] такой важный рыцарь... Далибуг, я не узнал! И наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и зеркало в золоте, и шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и все золото» («Тарас Бульба»).

Дамáский — прилаг. к «Дамаск» — город в Сирии. Здесь издавна изготовлялась сталь, получившая всесветную известность за свою необыкновенную твердость и упругость. «Как птица, мелькает он [пан Данила.— *Ред.*] там и там; покрикивает и машет дамасской саблей, и рубит с правого и левого плеча» («Страшная мечь»). «Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул» («Страшная мечь»). Переносное значение: «...То месяц показался из-за горы. Будто дамасскою дорогою и белою, как снег, кисеею покрыл он гористый берег Днепра» («Страшная мечь»).

Дант — Данте Алигьери (1265—1321), великий поэт Италии, принимал участие в общественной жизни своей родины Флоренции, был осужден на изгнание и смертную казнь, покинул Флоренцию и скитался по разным местам; обессмертил себя «Божественной комедией», состоящей из трех частей: Ад, Чистилище и Рай. «Дант не мог найти угла в своей республиканской родине» («Портрет»). «...Один из священнодействующих, тут же находившихся... прислужился нашим приятелям, как некогда Вергилий прислужился Данту, и провел их в комнату присутствия» («Мертвые души»).

Данти́ст — зубной врач. «А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трехаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков,— словом, дантист эдакой» («Мертвые души»).

Да́рственная за́пись — документ, закрепляющий то имущество, которое кто-нибудь дарит. «Степан Кузьмич сделал тебе дарственную запись на то самое имение, об котором я тебе говорила» («Иван Федорович Шпонька...»).

Два́дцать инопле́менных язы́ков — так говорили о нашествии Наполеона в 1812 г., вторгшегося в пределы России с армией, составленной из войск разных европейских национальностей. «Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих» («Мертвые души»).

Двор — лица, приближенные к царю. «...Вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотят эти патриоты!» («Записки сумасшедшего»)

Дебёлый — полный, толстый, упитанный. «Эх, старость, старость!» — сказал он [Тарас Бульба.— *Ред.*] и заплакал дебелый старый козак» («Тарас Бульба»).

Дегатирóванный (декатирóванный) — ткань, обработанная водяным паром или кипячением для предохранения ее от сырости. «Теперь плащи носят с длинными воротниками, а на мне были коротенькие, один на другом; да и сукно совсем не дегатированное» («Записки сумасшедшего»).

Дегтярь — человек, занимающийся выгонкой дегтя. «Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги» («Ночь перед рождеством»).

Действительный стáтский советник — в царской России чин чиновника IV класса. «Сов, точно, не замедлил к нему [Пискареву.— *Ред.*] явиться, но представлял ему вовсе не то, что бы желал он видеть: то поручик Пирогов являлся с трубкою, то академический сторож, то действительный статский советник» («Невский проспект»).

Declaration — заявление, в данном случае предложение выйти замуж. «...Ты одним только можешь оправдать себя, когда без всякого упорства сделаешь княжне declaration сегодня же» («Отрывок»).

Декларáция — официальное или торжественное заявление. «Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери?» («Ревизор»)

Декóхт (декóкт) — густой отвар из лекарственных растений. «Бог знает, что вы говорите, Пульхерия Ивановна! Вы, верно, вместо декохта, что часто пьете, выпили персиковой» («Старосветские помещики»).

Демикотóн — плотная бумажная материя. «Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года... как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем» («Шинель»).

Денщýк — в царское время солдат, по наряду состоящий при офицере для личных услуг. «...Сегодня катался в них [дрожек.— *Ред.*] майор, завтра они появлялись в поручиковой конюшне, а через неделю, смотри, опять майорский денщик подмазывал их салом» («Коляска»).

Департамент — в дореволюционное время отделение министерства или одного из главных управлений. «Иногда сонный чиновник пролетается с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент» («Портрет»). «Я не понимаю выгод служить в департаменте. Никаких совершенно ресурсов» («Записки сумасшедшего»).

Дерёвий — тысячелистник, трава, средство от желудочных заболеваний. «Вот это,— говорила она [Пульхерия Ивановна.— *Ред.*], снимая пробку с графина,— водка, настоенная на деревий и шалфей» («Старосветские помещики»).

Десть — мера писчей бумаги до введения метрической системы — равна 24 листам. «...Оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги...» («Шивель»)

Десятский — выборное лицо от крестьян, исполнявшее полицейские обязанности. «На конце стола курил люльку один из сельских десятских, составлявших команду головы» («Майская ночь»).

Деяния Иоанна Масона. — «Иоанн Масон А. М. Познание самого себя» — мистическая книга, переведенная на русский язык И. Тургеневым и изданная в 80-х годах XVIII в. «Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона...» («Ревизор»)

Диадёма — дамский головной убор из жемчуга или других драгоценных камней. «...Дочь воеводы смело подошла к нему [Андрею.— *Ред.*], надела ему на голову свою блистательную диадему...» («Тарас Бульба»).

Дива (дйво) — чудо, невидаль. «...Бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчаные дерзкими дивами искусства» («Мертвые души»).

Дидько — домовый, демон. «А ты будто Охримов сын?» — «А кто же? Разве один только лысый дидько, если не он» («Сорочинская ярмарка»).

«*Дидько б угыся его батькови*» (укр.) — «черт бы явился его отцу» («Майская ночь»).

Дилижанс — многоместная карета для перевозки пассажиров. «...Его [нос.— *Ред.*] перехватили почти на дороге. Он уже садился в дилижанс и хотел уехать в Ригу» («Нос»).

«*Димитрий Донской*» — трагедия в стихах русского писателя Владислава Александровича Озерова (1770—1816), отвечавшая патристическим чувствам русских зрителей во время борьбы с Наполеоном. «Он [Пирогов.— *Ред.*] превосходно декламировал стихи из «Димитрия Донского» («Невский проспект»).

Диоген — древнегреческий философ (IV век до н. э.), живший суровым аскетом. «...Он [Чичиков.— *Ред.*] рассказывал ей кое-какие в разные времена случившиеся историйки, и даже коснулся было греческого философа Диогена» («Мертвые души»).

Дирёкция — управление. «...Есть и такие кучера, которые, хотя и кучера, однако ж, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность или, так выразиться, дирекция состоит в том, чтобы отпустить овес или укорить в чем, если провинился форейтор или кучер» («Лакейская»). Переносное значение: «...Городничий сделал дирекцию слишком в сторону, потому что он никак не мог управиться с своевольною пехотою, не слушавшею на тот раз никакой команды» («Повесть о том, как поссорился...»).

Дискант — высокий женский (или детский) голос. «Грамматки были еще очень малы; идя, толкали друг друга и бранились между собою самым тоненьким дискантом» («Вий»). Переносное значение: «...Дверь, ведущая в спальню, пела самым тоненьким дискантом» («Старосветские помещики»).

Добридень отдают — желают доброго дня. «...Девушки, самые молоденькие, отдают добридень» («Майская ночь»).

Добродий, добродейство, добродийство — благодетель, благодетель. «По здравому рассуждению, конечно, была мать; но кто она, и откуда, и когда жила — ей-богу, добродию, не знаю» («Вий»). «Уже, добродейство, будьте ласковы... чтобы, примерно сказать, и себя не забыть, да и вас не обидеть» («Пропавшая грамота»). «Вот в рассуждении того теперь идет речь, панове добродийство,— да вы, может быть, и сами лучше это знаете,— что многие запорожцы позадолжались в шинки жидам и своим братьям столько, что ни один черт теперь и веры неймет» («Тарас Бульба»).

Довбиш — служитель в запорожском войске, в ведении которого находились литавры. «Не нашедши палок, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полену в руки и начали колотить в них» («Тарас Бульба»).

Доезжачий — охотник, заведовавший стаей гончих собак, старший псарь. «Вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц» («Мертвые души»).

Дока — знаток, мастер, ловкач. «Попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат, славящийся даром побеждать чужие мнения, попробовал бы он состязаться здесь, — увидел бы он, что значит внутреннее убеждение» («Мертвые души»).

До́лу — книзу, вниз. «...Степная трава поникла бы от жалости долу» («Тарас Бульба»).

Dóminus (лат.) — господин. «Послушай, dominus Хома, — сказал ректор (он в некоторых случаях объяснялся очень вежливо с своими подчиненными), — тебя никакой черт и не спрашивает о том, хочешь ли ты ехать или не хочешь» («Вий»).

Домови́на — гроб. «Тебя бы нужно в домовину» («Майская ночь»).

До́нна — правильнее: до́нья — титул испанских дам королевского дома и дворянок. «Говорят, какая-то донна должна взойти на престол. Никак не может. На престоле должен быть король» («Записки сумасшедшего»).

Драгу́нский — прилаг. к «драгун» — в дореволюционное время солдат конного драгунского полка, в случае необходимости он мог спешиться и действовать как пехотинец. «...Ей [тетушке. — *Ред.*] более всего шли бы драгунские усы и длинные ботфорты» («Иван Федорович Шпонька...»).

Дре́вле — в давнее время, встарь. «Черный лес, увизанный спящими воронами, и древле разломанные горы, свесясь, сияются закрыть его хотя длиною тенью своей, — напрасно!» («Страшная месть»)

Дреко́лья — палки, колья, дубины, употребляемые в качестве оружия. «Ему казалось, что весь двор Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иван Никифорович, мальчик в бесконечном сюртуке, — все с дреколями» («Повесть о том, как поссорился...»).

Дре́мствовать — то же, что *дремать*. «Но и над Чичиковым не дремствовала чья-то всеспасающая рука» («Мертвые души»).

Дрибушкí — мелкие косы. «Волосы ее, черные как крылья ворона, и мягкие, как молодой лен (тогда еще девушки наши не заплетали их в дрибушки)» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Дрѡжки — легкий открытый четырехколесный экипаж. «Один только раз Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать свои леса. Для этого были запряжены дрожки с огромными кожаными фартуками» («Старосветские помещики»).

Дрѹжка (дрѹжко) — лицо, приглашавшееся женихом для участия в свадебном обряде в качестве распорядителя; он обычно знал обряд, являлся затейником и инициатором разных увеселений на свадебном пиру; весельчак, говорун. «...Спасибо куму: бывши дружкой, уже надоумил» («Сорочинская ярмарка»).

Дуб — лодка. «Посреди Днепра плыл дуб» («Страшная месть»). «Пан их Данило призадумался, рукав кармазинного жупана опустился из дуба и черпает воду» («Страшная месть»).

Дублѣтом.— Играть дублетом — «не отделять от выигрыша и пускать вдвое» (*из записной книжки Гоголя*). «...Вот попробуй он играть дублетом, так вот тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой он игрок!» («Мертвые души»)

Дукáт — денежная единица или род медали, медный кружок для мониста. «Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты» («Сорочинская ярмарка»). «Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь себе работу» («Тарас Бульба»).

Дух тьмы — злой дух, дьявол. «...На картине нужно было поместить духа тьмы. Долго думал он над тем, какой дать ему образ; ему хотелось осуществить в лице его все тяжелое, гнетущее человека» («Портрет»).

Духѡвная особá — представитель духовенства. «...Вдруг один из присутствующих членов, если не ошибаюсь, духовная особа, сделал замечание, поразившее всех. «В картине художника, точно, есть много таланта,— сказал он,— но нет святости в лицах; есть даже, напротив того, что-то демонское в глазах, как будто бы рукою художника водило нечистое чувство» («Портрет»).

Духѡвное завещáние — документ, в котором человек выражает свою волю на случай своей смерти, это касается главным образом имущества. «...Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «Э, э, э». А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что все распоряжение по этой части находится в духовном завещании»

(«Тяжба»). *Духóвная* — то же, что *духовное завещание*. «...Лучше я оставлю их ему после моей смерти, в духовной, чтобы вспоминал обо мне» («Мертвые души»).

Духóвное зва́ние — духовенство, служители церкви. «Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянин посягнул при том на мою родовую, полученную мною после родителя моего, состоявшего в духовном звании, блаженной памяти Ивана, Онисиева сына, Перерепенка, собственность» («Повесть о том, как поссо-рился...»).

«Дывби́сь, дывби́сь, матби́, мов дурна, ска́че!» (укр.) — «Смотри, мать, как сумасшедшая, скачет» («Пропавшая грамота»).

Дья́бл — черт, дьявол. «Пропустите, сто дьяблов чертовой матке! И больше никого не пускайте» («Тарас Бульба»).

Дья́к — то же, что *дьячок* — низший служитель в православной церкви, церковнослужитель, не имеющий степени священства: то же, что псаломщик. «...Знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Фому Григорьевича?» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие) «...Один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие). *Дья́чиха* — жена дьячка. «...К ней [матери Вакулы.— *Ред.*] хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома))» («Ночь перед рождеством»).

Дья́кон (диакон) — священнослужитель в православной (и католической) церкви, совершающий богослужение не самостоятельно, а совместно со священником. «...Оно, конечно, всякий человек, вразумленный Святому писанию, может по соразмерности... только сюда приличнее бы требовалось дьякона или, по крайней мере, дьяка» («Вий»).

Е

Еви́н — прилаг. к «Ева» — по Библии, жена первого человека — Адама. «Бьюсь об заклад, если это [утощение.— *Ред.*] сделано не хитрейшими руками из всего Евина рода» («Сорочинская ярмарка»).

Еге́рский — прилаг. к «егерь» — в дореволюционное время солдат из особого стрелкового полка. «...Его сестра была известная всему свету потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею назад тому пять лет в Миргороде» («Повесть о том, как поссо-рился...»).

Единоро́г — старинное артиллерийское орудие. «...Умел очень приятно рассказать анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе» («Невский проспект»).

Ежовые рукави́цы.— Выражение «держат в ежовых рукавицах» — значит обходиться строго, сурово. «Нужно разве, чтобы они вечно были перед глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах» («Мертвые души»).

Езжа́лый — много ездивший, привычный к езде. «Все были хожалые, езжалые: ходили по анатолийским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр...» («Тарас Бульба»).

Екатери́нго́фский — прилаг. к «Екатерингоф» — парк с загородным дворцом в окрестностях Петербурга на берегу Невы, у самого Финского залива, где устраивались гулянья. «Вот скоро будет екатерингофское гулянье» («Женитьба»).

Екиво́ки (экиво́ки) — двусмысленные намеки, увертки. «А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку» («Ревизор»).

Елистрáтишка — искажен.: «регистратор». «Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой!» («Ревизор»)

Елга́ж — искажен.: «этаж». «А приданое: каменный дом в Московской части, о двух елтажах, уж такой прибыточный, что истинно удовольствиие» («Женитьба»).

Епанча́ — старинный длинный и широкий плащ. «И тут-то более всего пробовали себя наши молодые козаки... горевшие желанием показать себя перед старыми, померяться один на один с бойким и хвастливым ляхом, красовавшимся на горделивом коне, с летавшими по ветру откидными рукавами епанчи» («Тарас Бульба»).

Епи́скоп — в православной церкви лицо, имеющее третью, так называемую степень священства, высшую после диакона и священника. «Скажи епископу от меня и от всех запорожцев,— сказал кошевой,— чтобы он ничего не боялся» («Тарас Бульба»).

Ерегíческий — прилаг. к «еретик» — последователь ереси, то есть вероучения или вообще мнения, расходящегося с положениями господствующей церкви. «Как ты смеешь говорить, что нашу

веру не уважают? Это вашу еретическую веру не уважают!» («Тарас Бульба»)

Ермóла — мужская шапочка, плотно прилегающая к голове. «Надзиратель над богоугодными заведениями Земляника — совершенная свинья в ермолке» («Ревизор»).

Ерусла́н Ла́заревич — герой широко распространенной русской сказки, популярных лубочных картинок, богатырь необычайной силы. «Что русский народ заглядывается на Ерусланов Лазаревичей, на обедал и обпивал, на Фому и Ерему, это не казалось ему удивительным: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу» («Портрет»).

Есау́л — казачий капитан. «Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старший его товарищ, он им тот же час представил сыновей» («Тарас Бульба»).

Ж

Жа́ба — то же, что *ангина* (болезнь горла). «Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель» («Шинель»).

Же́ра́рдо — Герард Горнгорст (1592—1662) — голландский художник, любивший изображать ночь, предметы, освещенные свечами и факелами, потому и прозванный *della notte* (ночной). «Свет усилился, и они, идя вместе, то освещаясь сильно огнем, то набрасываясь темною, как уголь, тенью, напоминали собою картины Жерардо *della notte*» («Тарас Бульба»).

Живóт — жизнь. «Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь, носящий его, и непременно рассердится не на живот, а на смерть, станет говорить, что автор нарочно приезжал секретно, с тем чтобы выведать все, что он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне навевывается, и что любит покушать» («Мертвые души»).

Жити́я святы́х — произведения духовной литературы, содержащие описание жизни святых, почитаемых в православной церкви. «Он [отец. — Ред.] удалился с благословенья настоятеля в пустынь, чтоб быть совершенно одному. Там из древесных ветвей вы-

строил он себе келью, питался одними сырыми кореньями, таскал на себе камни с места на место, стоял от восхода до заката солнечного на одном и том же месте с поднятыми к небу руками, читая непрерывно молитвы. Словом, изыскивая, казалось, все возможные степени терпенья и того непостижимого самоотверженья, которому примеры можно разве найти в одних житиях святых» («Портрет»).

Жито — хлеб в зернах, или на корню: рожь, ячмень. «Я только что приехал с хутора. Прекрасные жита по дороге! восхитительные!» («Повесть о том, как поссорился...»)

Жрец — у древних нехристианских народов служитель божества, совершавший жертвоприношение; он имел привилегированное положение. «Из окон второго и третьего этажа высывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту же минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник» («Мертвые души»).

Жуировать — вести беззаботно-веселую жизнь. «...Я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой» («Ревизор»).

Жупан — на Украине теплая верхняя одежда вроде кафтана. «На нем был синий козацкий жупан» («Майская ночь»). «...Если бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом... то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних» («Вечер накануне Ивана Купала»).

З

Забайбачиться — сделаться байбаком, лежебокой, неповоротливым, ленивым человеком. «Вот пропадает даром козацкая сила: нет войны! Вот старшины забайбачились наповал, позаплыли жиром очи!» («Тарас Бульба»)

Забранки — первоначально: начало брани, почин брани; вообще — брань, бранные слова. «Ах, какие ты забранки пригинеешь! — сказала старуха, глядя на него [Чичикова. — *Ред.*] со страхом» («Мертвые души»).

Забубенный — разгульный, беззаботный, отчаянный. «...Одним словом, человек в отставке, которому после всей забубенной жизни и тряски на перекладных остаются одни пошлые привычки» («Портрет»).

Завгодно — угодно. «Как милости вашей будет завгодно,— отвечал на все согласный Селифан» («Мертвые души»).

Заклёкнуть — завянуть, засохнуть. «Теперь можно бы заключить, что после таких бурь, испытаний, превратностей судьбы и жизненного горя он [Чичиков.— *Ред.*] удалится с оставшимися кровными десятью тысячками в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишка и там заклеет навеки в ситцевом халате у окна низенького домика» («Мертвые души»).

Законы осуждают — слова из песни в повести Николая Михайловича Карамзина (1766—1826) знаменитого писателя и историко-графа:

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце! может
Противиться тебе?

«Остров Борнгольм».

«Для любви нет различия; и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй» («Ревизор»).

Заломить угол — термин карточной игры в банк; у карты, которой идут против банкмета, загибался угол. «...Шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке» («Мертвые души»).

Запáска — род шерстяного передника у украинских женщин. «Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте, то поразогнала бы всех своих девок» («Ночь перед рождеством»).

Запоро́жец — запорожский казак, представитель казацкой вольности, Запорожской Сечи. «Но первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги» («Тарас Бульба»).

Запоро́жье — то же, что Запорожская Сечь. «...Она [бедная мать.— *Ред.*] была какое-то странное существо в этом сборище безженных рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой» («Тарас Бульба»).

Запáтки — место для слуги позади экипажа. «Запятки были заняты лицом лакейского происхождения, в куртке из домашней

пеструшки» («Мертвые души»). «Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом» («Мертвые души»).

Зарука́вье — обшивка рукавов, повязка по рукавам. «Я тебя богато и роскошно наряжу! У меня есть зарукавья, шитые шелком, кораллы, ожерелья» («Майская ночь»).

Заседа́тель — выборное лицо, представитель от населения или от сословия в каком-нибудь учреждении, ведомстве, например в уездном суде. «...Будет еще тебе от заседателя за то, чтобы не пугал чертовщиною людей» («Сорочинская ярмарка»).

Засе́ка — линия укреплений и заграждений из поваленного леса, которая устраивалась в древнее время на нижней окраине Московского государства для защиты от набегов половцев, крымских татар; чтобы эти завалы (засеки) из леса были непроходимыми для вражеской конницы, деревья рубили не понизу, а повыше, на высоте примерно 30 сажен, а протяженность их местами исчислялась десятками верст. «Небольшой вал и засека, не хранимые решительно никем, показывали страшную беспечность» («Тарас Бульба»).

Затопоте́ть (затопота́ть) — затопать при ходьбе, беге, пойти, двинуться. «Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте» («Тарас Бульба»).

Зау́треня — одна из церковных служб у православных христиан. «Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он [черт.— *Ред.*] без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу» («Ночь перед рождеством»). «Тетка покойного деда немного изумилась, увидевши Петруся в шинке, да еще в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Зако́д — залив. «Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам» («Тарас Бульба»).

Звезда́ — орден Станислава 1-й степени, дававший генеральский чин. «Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову, был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну, и поговаривали даже, что был представлен к звезде» («Мертвые души»).

Звонские, Линские, Лидины, Грѣмины — «красивые» фамилии герсев большого света, которые были обычны в повестях и романах 20-х годов XIX в. «Герой наш поворотился в ту минуту к губернаторше и уже готов был отпустить ей ответ, вероятно ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Грѣмины и всякие ловкие военные люди» («Мертвые души»).

Зевѣс — в древнегреческой мифологии верховный бог, царь и отец богов и людей, всемогущий властитель; изображался восседающим на троне, со скипетром в одной руке, молнией в другой и орлом подле трона. «...Председатель был человек знакомый и мог продлить и укоротить по его желанию присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средства додраться» («Мертвые души»).

Зѣмская полиція — в дореволюционное время полиция, ведавшая делами и управой в уездах, в провинции. «...Казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию в лице заседателя, какого-то Дробяжкина» («Мертвые души»).

Зеница — глаз. «Непреодолимый сон быстро стал смыкать его зеницы» («Майская ночь»).

Зерцáло. — 1) Треугольная призма, на которой наклеивались указы Петра I о хранении прав гражданских, о поступках в судебных местах, о государственных уставах. По старинным законам, зеркало должно быть в каждом учреждении. «...Провел их в комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла и в них перед столом, за зеркалом и двумя толстыми книгами, сидел один, как солнце, председатель» («Мертвые души»). «В той половине, где присутствие, находятся две комнаты чистые, выбеленные: одна — передняя для просителей; в другой — стол, убранный чернильными пятнами, на нем зеркало» («Повесть о том, как поссорился...»). 2) Два скрепленных между собою щита, которыми в старину воины предохраняли спину и грудь. «Теперь он [Андрий.— *Ред.*] такой важный рыцарь... Далибуг, я не узнал! И наплечники в золоте, и нарукавники в золоте, и зеркало в золоте, и шапка в золоте, и по поясу золото, и везде золото, и все золото» («Тарас Бульба»).

Зефиры и Амуры — выражение из комедии «Горе от ума» (II акт).

«Сам погружен в зефирах и амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и зефиры все распроданы поодиночке».

Здесь Чацкий говорит о крепостнике, который был занят обучением крепостных актеров, изображавших в балете зефиров (это образ легкого, прохладного ветерка, которого древние греки представляли в виде красивого юноши с крыльями бабочки) и амуров (бог любви у древних греков, изображавшийся в виде мальчика с луком и стрелами). «...Производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амурсы» («Портрет»).

Зипун — крестьянский кафтан из самодельного сукна с короткой спинкой, надевался как мужиками, так и бабами. «...Русский человек до тех пор только хорош, и расторопен, и красив, и развязен, и много работает, покуда он ходит в рубашке и зипуне» («Мертвые души»).

Злѳтый — польская монета, равная 37½ копейкам. «...Если бы дед не полез в карман за пятью злотыми, то простоял бы перед ним [шинкарем.— Ред.] даром» («Пропавшая грамота»).

Золѳвка — сестра мужа. «Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случилось ему произносить в подобных случаях в разных местах: именно в Симбирской губернии у Софрона Ивановича Беспечного, где были тогда дочь его Аделаида Софроновна с тремя золовками» («Мертвые души»).

Золототысячник — растение, употребляемое в медицине как домашнее средство от перемежающейся лихорадки. «Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки» («Старосветские помещики»). *Золототысячниковый* — прилаг. к «золототысячник». «Прошу, золототысячниковой или трохимовской сивушки, какой вы лучше любите?» («Иван Федорович Шпонька...»)

И

Ива́н Купа́ла — народный праздник в ночь с 23 на 24 июня (ст. ст.). Обычаи и поверья, связанные с этим праздником, очень древнего происхождения. По народным поверьям, в эту ночь папоротник цветет огненным цветком, сорвать который чрезвычайно трудно, так как этому препятствует нечистая сила. Зато сорванный цветок может овладеть кладом, кроме того, он получает способность понимать язык растений и животных. «Смотри, Петро, ты поспел как раз в пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь и цветет папоротник. Не прозевай!» («Вечер накануне Ивана Купала»)

Игу́мен — настоятель монастыря. «...Мне говорил игумен Братского монастыря, — он, жена, святой человек, — что антихрист имеет власть вызывать душу каждого человека» («Страшная месть»).

Иере́й — священник в православной церкви. Жил тогда при ней [при церкви. — *Ред.*] иерей, блаженной памяти отец Афанасий» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Иже херувимы — церковное песнопение. «...Правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве» («Ночь перед рождеством»).

Ижица — последняя буква русского алфавита, уничтоженная в связи с реформой русской орфографии в 1918 г. «У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву ижицу» («Повесть о том, как поссорился...»).

Иконостáс — в православном храме перегородка, украшенная иконами, между алтарем и остальной частью храма. «Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами» («Вий»).

Инвали́дный капита́л — так назывался капитал, образованный после войны 1812 года из частных пожертвований для выдачи пенсий и пособий раненым воинам; в 1814 г. он поступил в ведение вновь созданного учреждения — Комитета для призрения заслуженных воинов. «...Этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде гораздо после» («Мертвые души»).

Инда — так что, так что даже. «Ну не олух ли я, не глуп ли я? Из чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло?» («Женитьба»)

Инде — кое-где. «Верба разделившимися ветвями преклонялась инде почти до самой земли» («Вий»).

Инквизиция — учрежденное римским папою в начале XII века духовное судилище, имевшее целью разыскивать и наказывать еретиков, всех тех, кто выступал против духовной власти; судимых инквизиторы подвергали жестоким пыткам и казни. Великий инквизитор — старший член инквизиции. «Судя по всем вероятностям, догадываюсь: не попался ли я в руки инквизиции, и тот, которого я принял за канцлера, не есть ли сам великий инквизитор» («Записки сумасшедшего»).

Инокognito — тайно; чаще всего говорится, когда знатная или владетельная особа путешествует под чужим именем во избежание почестей. «Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием» («Ревизор»). «...Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турысы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек?» («Ревизор»)

Инкомодитё — неудобство, затруднение. «Одна очень любезная дама, которая приехала вовсе не с тем чтобы танцевать, по причине приключившегося, как сама выразилась, небольшого инкомодите в виде горошинки на правой ноге» («Мертвые души»).

Иноходец — так называется лошадь, которая бежит иноходью, то есть при беге сразу заносит обе ноги одной стороны. «Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покорибились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец» («Заколдованное место»).

Инспектор врачебной управы — в царское время должностное лицо, осуществлявшее надзор за выполнением законов и постановлений этой управы среди других учреждений и отдельных граждан. «Инспектор врачебной управы, он также человек праздный, и, верно, дома, если не поехал куда-нибудь играть в карты» («Мертвые души»).

Интендант — лицо, на обязанности которого доставать всей армии или ее части продовольствие, одежду и пр. «Да разве я не могу быть сию же минуту пожалован генерал-губернатором, или интендантом, или там другим каким-нибудь» («Записки сумасшедшего»).

Интереса́н (интереса́нка) — человек, во всем руководствующий своекорыстными расчетами. «...Дамы были вовсе не интересанки» («Мертвые души»).

Инфанте́рия — пехота. «Всякий человек должен знать долг. Коли слуга, так слуга; дворянин, так дворянин; архиерей, так архиерей. А то бы, пожалуй, всякий зачал... Я бы сейчас сказал: «Нет, я не дворецкий, а губернатор, или там какой-нибудь от инфантерии» («Лакейская»).

Ибра́ — беспутный. «Так русский барин, собачей и иора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, превращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг» («Мертвые души»).

Иохи́м — известный в 30-х годах XIX века петербургский каретный мастер. «Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею» («Ревизор»). «А я сделаю вот как: скоро будет гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну, да ее всякий уже видел и знает, а есть, говорят, у Иохима только что еще вышла последней моды, еще он даже никому не показывает ее. Если прибавлю эти две тысячи к моей коляске, так я могу ее и весьма выменять. Так я, знаете, какого задам тогда эффекту!» («Отрывок»)

Ипохо́ндрия — болезненное состояние, выражающееся в напряженном внимании больного к своим переживаниям, сопровождающееся мрачным, угнетенным настроением. «Этот рассказ произвел сильное впечатление на моего отца. Он задумался не в шутку, впал в ипохондрию и наконец совершенно уверился в том, что кисть его послужила дьявольским орудием» («Портрет»). «...Вижу, что нужно вам [Тентетникову. — *Ред.*] жениться: впадете в ипохондрию» («Мертвые души»).

Иро́д (царь) — царь иудейский (I в. до н. э. — I в. н. э.) известен своей жестокостью, истребил в городе Вифлееме всех младенцев до 2-летнего возраста, умертвил многих родственников и знатных граждан. «...Толпа народа, тесно сдвинувшись, глядит на царя Ирода в золотой короне» («Повесть о том, как поссорился...»). *Иродово (племя)* — прилаг. к «Ирод» — мерзкий, негодный. «Что вы, Иродово племя, задумали смеяться, что ли, надо мною?» («Пропавшая грамота»)

Ироди́да — жена галилейского царя Ирода Антипы, бывшая ранее женой его брата. Ее дочь Саломея потребовала, как расска-

зывается в Евангелии, отрубить голову Иоанну Крестителю — про-року, выступавшему с обличением Иродиады в беспутной жизни. «Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду» («Вий»).

Исповѣдаться — покаяться на исповеди священнику, то есть рассказать о своих грехах. «...Благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату» («Ночь перед рождеством»).

Исподка — нижняя часть чего-нибудь (хлеба, кулебяки). «Гостям поднесли варенуху с изюмом и сливами и на немалом блюде каравай. Музыканты принялись за исподку его, спеченную вместе с деньгами» («Страшная месть»).

Исподнее — нижнее, находящееся под чем-нибудь (платье). «Наконец достал он свое исподнее платье и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увещаниями Праксодки Осиповны, завернул нос в тряпку и вышел на улицу» («Нос»).

Исподница — нижняя рубашка (обычно женская). «Дивились гости белому лицу пани Катерины, черным, как немецкий бархат, бровям, нарядной сукне и исподнице из голубого полутабенку» («Страшная месть»).

Иуда Искарйотский — один из 12 апостолов (ближайших учеников) Христа, из корыстных целей предал Христа за 30 серебряников; обобщенно: предатель, изменник. «Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда, и лишил меня честного моего рода и потомства на земле» («Страшная месть»).

К

Кабриолѣт — двухколесный одноконный экипаж, управляемый самим седоком. «...Многие из них, преподавая в казенных заведениях или приготовляя к казенным заведениям, заводятся наконец кабриолетом и парю лошадей» («Невский проспект»).

Кавалёр — здесь: солдат, офицер, имеющий орден. «Там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь» («Ревизор»). «Перед ним уже, верно, стоит в шинели солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика» («Портрет»).

Кавалёрия — в царское время орденская через плечо лента для орденов: голубая для высшего ордена Андрея Первозванного, красная — для ордена Александра Невского. «А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?» («Ревизор»)

Каганёц — светильник, состоящий из черенка, наполненного салом. «Каганец, дрожа и вспыхивая, как бы пугаясь чего, светил нам в хате» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Кадíло — металлическая чашка на цепочках, в которой при богослужении в церкви курится ладан на раскаленных углях. «Около него [священника.— *Ред.*] с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях, с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках» («Тарас Бульба»). *Кадильный* — прилаг. к «кадило». «...Кадильный дым остановился на воздухе радужно освещенным облаком» («Тарас Бульба»).

Кадь — чан, посудина, схваченная обручем. «...Шаровары, которые носил он [Пацюк.— *Ред.*] были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно незаметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице» («Ночь перед рождеством»).

Казакíи — военный полукафтан, застегивающийся на крючки. «Иван Никифорович в нанковом желто-коричневом казакине» («Повесть о том, как поссорился...»). «Казакии алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом» («Тарас Бульба»).

Козаковáть — быть казаком, заниматься казацким делом. «...Тогда козаковал почти всякий и набирал в чужих землях немало добра» («Вечер накануне Ивана Купала»). «Эх вы, бабы, бабы!.. Вам ли козаковать и быть мужьями! Вам бы веретено в руки, да посадить за гребень!» («Сорочинская ярмарка»)

Казáи — котел, чугуи. «Кашевары варили в каждом курене кашу в огромных медных казанах» («Тарас Бульба»).

Казáнский собор — собор в Петербурге (Ленинграде), построенный по плану академика Воронихина; окончен в 1811 году. «...Неделю назад тому был в Казанском соборе» («Женитьба»).

Казённая палáта — учреждение в царской России, ведавшее финансовыми делами в губернии. «Трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, он [Чичиков.— *Ред.*] показал, что ему небезызвестны и судейские проделки» («Мертвые души»).

Казимíровый — прилаг. к «казимир» — полушерстяная материя тоньше сукна. «...Белые казимировые панталоны с пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы» («Повесть о том, как поссорился...»).

Кáзусный — прилаг. к «казус» — выдающийся случай, в особенности судебный; сложное, запутанное дело. «Работали перья писцов, и, поноживая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючковой строкой» («Мертвые души»).

Кайдáны — кандалы, оковы. «...Он [Мосий Шило.— *Ред.*] принес все шестьдесят четыре ключа и роздал невольникам, чтобы отмыкали себя, бросали бы цепи и кайданы в море» («Тарас Бульба»).

Камéйка — уменьшительная форма к «камея» — драгоценный полированный камень с каким-либо рельефным художественным изображением. На древних камнях помещались главным образом изображения мифологических богов, древних героев. «Такого чистого, благородного очертания лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках» («Мертвые души»).

Камергёр — почетное звание при царском дворе, которое давалось в виде награды гражданским чиновникам; получивший это звание носил особый мундир с ключом на фалде. «...В это время подошел камергер с острыми и приятными замечаниями, с прекрасным завитым на голове хохлом» («Невский проспект»).

Камердýнер — слуга в дворянском доме. «В доме все совершенно спало; кучер едва мог сыскать камердинера, который проводил господина чрез гостиную, сдал горничной девушке, за которую кое-как Чертокуцкий добрался до спальни» («Коляска»).

Камер-юнкер — почетное придворное звание степенью ниже камергера. «Он [Пискарев.— *Ред.*] покраснел до ушей и, потупив

голову, хотел провалиться, но провалиться решительно было некуда: камер-юнкеры в блестящем костюме сдвинулись позади его совершенною стеною» («Невский проспект»).

Камлёт — суровая шерстяная ткань. «Афанасий Иванович был высокого роста, ходил всегда в бараньем тулупчике, покрытом камлотом» («Старосветские помещики»).

Камрад — товарищ, приятель. «...Был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец, говоря с женой или с камрадом» («Мертвые души»).

Канифáсовый — прилаг. к «канифас» — легкая бумажная белая с продольными полосами ткань, вроде парусины. «...Когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких» («Мертвые души»).

Кант — стихи духовного содержания. «...Приблизившись к хате, выстроенной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь рот начинали петь кант» («Вий»).

Кантонíсты — так назывались в царское время сыновья солдат, обреченные сызмала на военную службу; кантовисты обучались грамоте, ремеслам и военному делу в особых кантовистских школах, основанных Петром I. Эта кастовая повинность была уничтожена Александром II в 1856 г. «...Чиновники были отставлены от должности; дома гражданской архитектуры поступили в казну и обращены были на разные богоугодные заведения и школы для кантовистов» («Мертвые души»).

Канúпер — душистая трава, употребляется как пряность. «Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером?» («Вечера на хуторе...», ч. II. Предисловие)

Кáнцлер — в царское время высший гражданский чин, дававшийся за особые заслуги. «Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера, который вел меня за руку; он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: «Сиди тут, и если ты будешь называть себя королем Фердинандом, то я из тебя выблю эту охоту» («Записки сумасшедшего»).

Канчúк — нагайка, плеть. «...Им [богословам.— *Ред.*], по выражению профессора богословия, отсыпалось по мерке крупного гороху, что состояло в коротеньких кожаных канчуках» («Вий»).

Капельдинер — служитель в театре, проверяющий билеты, указывающий места зрителям; обобщенно: лакей. «...Какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и открывали ее всякому приходившему» («Шинель»).

Капелюхи — шапки с ушами. «Чуб уже изъяснил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощал побранками себя, черта и кума» («Ночь перед рождеством»).

Каперсы — цветочные почки каперсового кустарника, употребляются как приправа к разным блюдам. «...Пообедал, судырь мой, в «Лондоне», приказал подать себе котлетку с каперсами» («Мертвые души»).

Капитэль — верхняя часть колонны. «...Косой остроконечный излом его [ствола березы.— *Ред.*], которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица» («Мертвые души»).

Каплун — выхолощенный петух, откармливаемый на жаркое. «Дамы, которые до того времени были заняты довольно интересным разговором о том, каким образом делают каплуны, вдруг прервали разговор» («Повесть о том, как поссорился...»).

Капуцин — католический монах; это название связано с откидным остроконечным головным покрывом, составляющим одно целое с воротником. «...Мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия и инвалидный солдат, одетый каким-то капуцином, нюхает левою рукою табак, потому что правая занята факелом» («Невский проспект»).

Карабинеры — так назывались в России в XVIII—XIX вв. оборные стрелки в пехоте и кавалерии, вооруженные карабинами — боевыми винтовками с укороченными стволами. «За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь поворотить в карабинеры; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско?» («Ночь перед рождеством»). *Карабинерский полк* — то же, что карабинеры. «...Лицо ваше как будто знакомо: у нас в карабинерском полку был поручик, вот, как две капли воды, похож на вас! Пьяница страшнейший, то есть я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита» («Тяжба»).

Карбóванец — на Украине старинное название серебряного рубля. «Заветный сундук был отперт, из сундука были вынуты — что же? карбованцы! ...И эти карбованцы перешли в запачканные руки чернильных дельцов» («Повесть о том, как поссорился...»).

Карётник — экипажный мастер. «Послушай, Миша, у меня в комнате дожидается каретник; пожалуйста, переговори с ним. Спроси, возьмется ли он переделать карету к первому числу» («Отрывок»).

Кармази́нный — прилаг. к «кармазин» — тонкое сукно ярко-красного цвета. «...Пан их Данило призадумался, и рукав кармазинного жупана опустился из дуба и черпает воду» («Страшная месть»).

Карпéтка — носок, полчулок. «Посылаю тебе белье: пять пар нитяных карпеток и четыре рубашки тонкого холста» («Иван Федорович Шпонька...»).

Картезиáнский мона́х — член монашеского ордена, основанного в конце XI века во Франции, служил опорой реакционной деятельности папства. «Там обгорелый черный монастырь, как суровый картезианский монах, стоял грозно, выказывая при каждом отблеске мрачное свое величие» («Тарас Бульба»).

Карту́з — плотный бумажный мешок. «Он [табак.— *Ред.*] был в разных видах: в картузах и в табашнице, и наконец насыпан был просто кучею на столе» («Мертвые души»).

Ка́ста — замкнутая корпорация людей. «Я неспособен к взяткам — себе помешаю и другим поврежу. Там уж у них и касты свои образовались» («Мертвые души»).

Катехи́зис — учение христианской религии, излагаемое обычно в форме вопросов и ответов. «...Вместо сокращенного катехизиса и четырех правил арифметики принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби» («Иван Федорович Шпонька...»).

Католици́зм — вероучение христианской римско-католической церкви, постоянно враждовавшей с христианской православной церковью из-за толкования отдельных догматов и обрядов. «...Мысли не о том, что делается в ее доме и в ее поместьях... а о том, какое направление принял модный католицизм» («Мертвые души»). Гоголь имеет в виду усиленную пропаганду в светском обществе католицизма иезуитами, которым удалось обратить в католическую веру многих представительниц дворянского круга. *Като́лик* — по-

следователь католицизма. «Отец Афанасий объявил только, что всякого, кто спознается с Басаврюком, станет считать за католика, врага Христовой церкви и всего человеческого рода» («Вечер накануне Ивана Купала»). *Католический* — прилаг. к «католицизм», «католик». «Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки» («Тарас Бульба»). «Андрий невольно остановился при виде католического монаха, возбуждавшего такое ненавистное презрение в козаках» («Тарас Бульба»).

Каурый — светло-каштановый (о масти лошадей). «...Коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем... трудились от всего сердца» («Мертвые души»),

Кацап — прозвище, данное на Украине русским; представляет собой испорченное «Як цап», то есть как козел — намек на бороду, которую украинцы обычно брили. «Проклятые кацапы, как я после узнал, едят даже щи с тараканами» («Иван Федорович Шпонька...»).

Качка — утка. «Вы, сколько я знаю и другие запомнят, ни одной еще качки не убили» («Повесть о том, как поссорился...»).

Квартальный надзиратель — в царское время полицейский чиновник, в ведении которого находился определенный участок (квартал) города. «Да, уж если порядились, так извольте платить, — сказал квартальный надзиратель с небольшим потряхиванием головы и заложив палец за пуговицу своего мундира» («Портрет»). «...Никого не видно было возле его бездушного трупа, кроме обыкновенной фигуры квартального надзирателя» («Невский проспект»).

Квартермйстр (*квартирмейстер*) — офицер, заведовавший распределением войск по квартирам. «Да ведь сыр, почтеннейший, когда хорош? Хорош он тогда, когда сверх одного обеда наворотишь другой — вот где есть настоящее значение. Он все равно, что добрый квартирмейстер, говорит: «Добро пожаловать, господа, есть еще место» («Игроки»).

Квинтильяновский — прилаг. к «Квинтилиан Марк Фабий» (I век н. э.) — знаменитый древнеримский писатель, автор нескольких трудов по теории красноречия. «Он прямо написал письмо к министру. Да ведь как написал! — Квинтильяновским манером» («Театральный разъезд»).

Кенкёт — масляная лампа. «Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старые мебели с выгнутыми линиями, с грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и без позолоты, люстры, кенкеты — все было навалено, и вовсе не в таком порядке, как в магазинах» («Портрет»).

Кивер — высокий и круглый старинный военный головной убор с плоским верхом, часто с султаном. «И вот уже глядит он [Чичиков.— *Ред.*] растерянно и смутно на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на кивера и ружья проходящего полка, на вывеску — и ничего хорошего не видит» («Мертвые души»).

Киндяк — бумажная ткань, чаще красная. «Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранств» («Тарас Бульба»).

Кирчѣный — гладко вытесанный. «Деревенские избы мужиков тоже срублены были на диво: не было кирпичных стен, резных узоров и прочих затей, но все было пригнано плотно и как следует» («Мертвые души»).

Китáйка — плотная разного цвета ткань, первоначально шелковая, ввозившаяся из Китая; позднее — вообще хлопчатобумажная, производившаяся в России. «Весь пол был устлан красною китайкой» («Вий»). «Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин» («Ночь перед рождеством»). *Китáйчатый* — прилаг. к «китайка». «Вы его тотчас узнаете, потому что ни у кого нет, кроме него, панталон из цветной выбойки и китайчатого желтого сюртука» («Иван Федорович Шпонька...»).

Кичка — деревенский женский головной убор (с рогами). «Сороки, кички, повойники, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его [Тентетникова.— *Ред.*] кругом» («Мертвые души»).

Клейтúх — пых, затычка. «Видно, вам татарин заткнул клейтухом уши, что вы ничего не слышали» («Тарас Бульба»).

Клѣпки — выпуклые дощечки, из которых составлена бочка. «У кривого головы в голове расселись клѣпки» («Майская ночь»).

Кликó — сорт шампанского; двойное — высший сорт. «Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура, это значит двойное клико» («Мертвые души»).

Клирошанин — лицо, принадлежащее к духовенству какой-нибудь церкви. «У одного из алтарей... стоял на коленях священник и тихо молился. Около него с обеих сторон стояли также на коленях два молодые клирошанина в лиловых мантиях, с белыми кружевными шемизетками сверх их и с кадилами в руках» («Тарас Бульба»).

Клок — дамское верхнее платье, род салопы. «...Из дверей оранжевого деревянного дома с мезонином и голубыми колоннами выпорхнула дама в клетчатом щегольском клоке» («Мертвые души»).

Ключ к тайнствам нату́ры — сочинение Экартегаузена (1752 — 1803), немецкого писателя-мистика, пользовавшегося большим авторитетом в начале XIX века. «Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к тайнствам натуры» Экартегаузена» («Мертвые души»).

Ключник, ключница — тот, кто заведовал продовольственными запасами дома или семьи и имел при себе ключи от мест их хранения. «...Тут увидел он [Чичиков. — *Ред.*], что это был скорее ключник, чем ключница: ключница, по крайней мере, не бреет бороды, а этот, напротив того, брил, и, казалось, довольно редко» («Мертвые души»). «Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимает ключница» («Старосветские помещики»).

Кляча — деревянные шесты, за которые тянут бредень. «Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва» («Мертвые души»).

Книш — булка из пшеничной муки, с завернутыми внутрь краями, помазанными маслом. «...Старуха моя догадалась поставить на стол горячий книш с маслом» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие).

Кнур — боров. «Спичка тебе в язык, проклятый кнур!» — подумал философ и, встав на ноги, сказал: «Пойдем» («Вий»).

Княжбóй — то же, что *княжеский*. «...Бал будет на всю руку. По целковому жертвуют и больше. Княжой повар дал пять рублей и сам берется стол готовить» («Лакейская»).

Кобеня́к — род суконного плаща с пришитою сзади видлогою. «Шел ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или,

если дурная погода, в шинок,— как не зайти к Солохе» («Ночь перед рождеством»).

Кобза́ — бандура, музыкальный инструмент с 12 (или больше) струнами. «...Не будет музыки на нашей свадьбе: будут дьяки петь вместо кобз и сопилок» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Ковза́ться — скользить по льду, кататься на ногах. «Дивчата помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду» («Ночь перед рождеством»).

Кожэвник — продавец кож. «Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычьи кожи» («Тарас Бульба»).

Козачо́к — пляска, заимствованная у казаков. «...Все отдирало танец самый вольный, самый бешеный, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван козачком» («Тарас Бульба»).

Кокурки — сдобные ватрушки. «Арбуз был наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками...» («Мертвые души»)

Коленко́р — тонкая бумажная материя, обычно белая. «На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцевитей» («Шинель»). Переносное значение: «А есть одна родственница, Бикусова, сестры его дочь, так вот уже девушка! можно сказать: чудо коленкор!» («Мертвые души»)

Колле́гия — название некоторых средних учебных заведений в дореволюционное время. «...Вот вам, Лука Лукич, так, как смотрят учебные заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием!» («Ревизор»)

Колле́жский асе́ссор — в царской России чин чиновника VIII класса. «...Он [Иван Яковлевич.— *Ред.*] узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского асессора Ковалева, которого он брил каждую среду и воскресенье» («Нос»).

Колле́жский регистра́тор — в царской России чин чиновников самого низшего, XIV, класса. «Молодые коллежские регистраторы...

спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии» («Невский проспект»).

Коллѣжский секретарь — в царской России чин чиновника X класса. «...Коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтись по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели шесть часов в присутствии» («Невский проспект»).

Коллѣжский советник — в царской России чин чиновника VI класса. «На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков» («Мертвые души»).

Колѣдник — арестант, узник в колодцах. «...Муж твой и не знает, какие это стены. Их строил святой схимник, и никакая нечистая сила не может отсюда вывести колодника, не отомкнув тем самым ключом, которым замыкал святой свою келью» («Страшная месть»).

Колокотро́ни — один из участников борьбы Греции с турками за независимость в 20-х годах XIX века. «А в плечищах у него была такая сила, какой нет у лошади; хотел бы я знать, где бы вы в другом месте нашли такую мечту!» Последние слова он уже сказал, обратившись к висевшим на стене портретам Багратиона и Колокотрони» («Мертвые души»).

Колонисты — так назывались в царское время переселенцы из другой местности или государства, в частности немцы, переселившиеся в Россию при Екатерине II по вызову правительства. «...Посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темно-серыми или, лучше, дикими стенами,— дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов» («Мертвые души»).

Колорит — выбор и способ расположения красок на предмете (например, на картине). «У них [художников.— *Ред.*] всегда почти на всем серенький мутный колорит — неизгладимая печать севера» («Невский проспект»).

Кольчужник — воин, одетый в кольчугу, старинную русскую одежду из железных колец, в виде рубахи, доходившей до колен. «Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копыями» («Тарас Бульба»).

Колядовать, колядки. — «...Колядовать у нас называется петь под окнами накануне рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома, колбасу или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто от того пошли колядки. Кто его знает? Не нам, простым, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про коляду. Поют часто про рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. Замечание пасичника» (*Прим. Гоголя.*). «Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа» («Ночь перед рождеством»). «Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами» («Ночь перед рождеством»).

Коляска — четырехместный рессорный экипаж с откидным верхом. «...Укачивает вас коляска, ныряющая между зелеными кустарниками» («Старосветские помещики»).

Комерáжи — сплетни. «Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражамми» («Мертвые души»).

Комиссáр — земский комиссар, должностное лицо, которое вело сбором податей, поставкой рекрутов, путями сообщения, полицией. «...Комиссару тогдашнему Ледачему дан был приказ выбрать из козаков такого, который бы посмысленнее всех» («Майская ночь»). *Комиссáров* — прилаг. к «комиссар». «Постой, пан голова, — сказал писарь, развернув записку, — комиссарова рука!» («Майская ночь»)

Комиссионёр — лицо, занимающееся исполнением торговых поручений за условленную плату. «Я вам отряжу комиссионера, который вас проводит по всем местам» («Мертвые души»).

Комиссия — трудное поручение, ответственное дело. «Прежней вашей комиссии, насчет семян пшеницы, сибирской арнаутки, не мог исполнить: во всей Могилевской губернии нет такой» («Иван Федорович Шпонька...»). «Я задумал жениться, но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбиционные люди. Такая, право, комиссия: не рад что связался, хотят непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трехсот душ» («Мертвые души»).

Кóмми — продавцы. «...Плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку и пьют кофий» («Невский проспект»).

Коммуника́ция — сообщение; средство связи. «Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга» («Невский проспект»).

Комо́ра — кладовая, чулан. «...Пистолы его давно уже заржавели и лежат в коморе» («Старосветские помещики»). «Карпо, отвори́й комору! — сказал голова десятскому. — Мы его в темную комору!» («Майская ночь»)

Компане́йцы — солдаты и офицеры украинских кавалерийских полков, формировавшихся из добровольцев; находились в распоряжении гетмана. «Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах» («Старосветские помещики»).

Компатрио́тка — соотечественница. «На антресолях жила также его компатриотка, наставница двух девиц» («Мертвые души»).

Конаше́вич Петр (по прозвищу Сагайдачный) — запорожский гетман XVII века, удачно боролся с Турцией, крымским ханом, способствовал организации запорожского войска. «Ох, помню, помню я годы; им, верно, не воротиться! Он был еще жив, честь и слава нашего войска, старый Конашевич! Как будто перед очами моими проходят теперь козацкие полки!» («Страшная месть»)

Конди́ции — временное место домашнего учителя, репетитора. «...Философы и богословы отправлялись на кондиции, т. е. брались учить или готовить детей людей зажиточных, и получали за то в год новые сапоги, а иногда и на сюртук» («Вий»).

Ко́нсул — агент, который назначался правительством для охраны и защиты подведомственных ему граждан. «Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки» («Тарас Бульба»).

Контрвизи́т — ответный визит. «...Две дамы, большие приятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контрвизитом» («Мертвые души»).

Контура — то же, что *контур* — наружный очерк (человека, предмета). «Какие глаза! Все положение, и контура, и оклад лица — чудеса!» («Невский проспект»)

Конфэктный билет — бумажка, в которую завертывалась конфета, на ней часто печатались стишки, изречения. «Губернатор, который в это время стоял возле дам и держал в одной руке конфэктный билет, а в другой болонку, увидя его, бросил на пол и билет и болонку» («Мертвые души»).

Копá — копна (сена, хлеба). «А позвольте узнать, сколько коп вы получаете с десятины?» («Иван Федорович Шпонька...»)

Копийст — тот, кто делает снимок с картины, список с рукописи. «Везде уловлена была эта плывучая округлость линий, заключенная в природе, которую видит только один глаз художника-создателя и которая выходит углами у копииста» («Портрет»).

Кóра — героиня драмы немецкого драматурга Коцебу (1761—1819). «Гишпанцы в Перу, или смерть Роллы»; драмы Коцебу в начале XIX века имели большой успех. См. Коцебу. «...Давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова» («Мертвые души»).

Корáблик — женский головной убор, у которого перед и зад вздернуты носами вверх. «...Молодицы, с корабликом на голове, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Корáмора. — «...Большой, длинный, вялый комар; иногда залетает он в комнату и торчит где-нибудь одиночкой на стене, к нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, в ответ на что он только топырится или корячится, как говорит народ». (*Прим. Гоголя.*) «Пришпандорь кнутом вон того, того, солового, что он корячится, как корамора?» («Мертвые души»)

Корíнна — героиня одноименного романа французской писательницы мадам де Сталь (1766—1817). «Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он [Чартков.— *Ред.*] с большой охотой соглашался на все» («Портрет»).

Корíнфская колóнна (с капителью) — колонна, верхняя часть которой (капитель) украшена скульптурами, орнаментами в виде листьев. «...Аллея лип... уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво-великолепный резной фронтон генеральского дома, ониравшийся на восемь колонн с коринфскими капителями» («Мертвые души»).

Коронный гетман — правительственный, государственный, главный, назначался польским королем. «Как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленной своею армиею против этой непреодолимой силы» («Тарас Бульба»).

Корредж (Корреджо Антонио Аллегри; 1494—1534) — знаменитый итальянский живописец эпохи Возрождения, отличался искусством светотени. «Но какая работа! Это Корредж!» («Портрет»)

Корсет — нижняя женская одежда (корсаж без рукавов) для стягивания талии, из плотной материи с пластинками из китового уса. «Баб, несмотря на все усилия, он [Кошкарев.— *Ред.*] до сих пор не мог заставить надеть корсет, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-ом году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано» («Мертвые души»).

Корчик — глиняный горшок. «Дома,— сказала жидовка и поспешила тот же час выйти с пшеницей в корчике для коня и стопой пива для рыцаря» («Тарас Бульба»).

Корчма — кабак, харчевня. «На пограничной дороге, в корчме, собрались ляхи и пируют уже два дни» («Страшная месть»). *Корчмарь* — содержатель корчмы. «Того же самого вечера видели философа в корчме: он лежал на лавке, покуривая, по обыкновению своему, люльку...» («Вий»)

Костёл — католический храм. «Он [Андрий.— *Ред.*] встретил ее [дочь воеводы.— *Ред.*] еще раз в костеле: она заметила его и очень приятно усмехнулась, как давнему знакомому» («Тарас Бульба»).

Котильён — французский танец времен Людовика XIV: сначала танцует одна пара, потом другие повторяют то же самое; исполнялся обычно в конце бала. «Посреди котильона он [Ноздрев.— *Ред.*] сел на пол и стал хватать за полы танцующих» («Мертвые души»).

Коханка — название возлюбленной на Украине. «Он [шляхтич.— *Ред.*] стоял с коханкою своею, Юзысею, и беспрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замарал ее шелкового платья» («Тарас Бульба»).

Коцебу Август (1761—1819) — немецкий драматург, автор более 200 пьес, имевших в свое время большой успех. «...Пьеса, просто, недостойна даже быть названа комедиею. Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный. Последняя пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею — Монблан перед Пулковскою горою» («Театральный разъезд»).

Кошевой — атаман запорожских казаков, обладавший полной власти, чинивший суд и расправу. «Что, кошевой, пора бы погулять запорожцам?» — «Негде погулять, — отвечал кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнув на сторону» («Тарас Бульба»).

Кошт — иждивение, содержание, расход. «...Конь любит овес. Это его продовольство: что, примером, нам кошт, то для него овес, он его продовольство» («Мертвые души»).

Крамарь — торговец в палатке мелочными товарами. «Крамарь под ятками сидели с кучами кремней, огнивами и порохом» («Тарас Бульба»).

Крал. — Карточные шулера прибегали, в целях верного выигрыша, к разнообразным плутням: делали различные знаки, пятна на оборотной стороне карт; эти знаки, незаметные для постороннего глаза, или наносились краской, или делались тонкой иглой. «Легко сказать, до сих пор рябит в глазах проклятый крал. Но ведь зато, ведь это целый капитал» («Игроки»).

Красная (бумажка) — 10 рублей. «Прежде было знаешь, по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе» («Мертвые души»). «Вот тебе еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь» («Игроки»).

Красная горка — неделя после пасхальной недели у православных христиан, так называемая Фомина; в это время принято было устраивать свадьбы. «Слышал ты, какую без тебя сыграл с нами штуку Леницын? Захватил пустошь, где у нас празднуют красную горку» («Мертвые души»).

Красный (гроб) — сосновый. «...Досада моя смешивается с грустью, когда я вижу, как ломовой извозчик тащит красный, ничем не покрытый гроб бедняка» («Невский проспект»).

Красуля — красенькая, 10 рублей. «Вот тебе красуля. (Дает ему бумажку.) Рассказывай все!» («Игроки»)

Крашенйна — грубое крашеное крестьянское полотно. «Эй, Пелагея! — сказала помещица стоявшей около крыльца девчонке лет одиннадцати, в платье из домашней крашенины и с босыми ногами» («Мертвые души»).

Крепость (купчая) — документ о праве на владение чем-нибудь. «...Я принимаю на себя все повинности. Я совершу даже крепость на свои деньги, понимаете ли вы это?» («Мертвые души»)

Кре́пость чёрных мясов — мускулов на задних ногах. *Щито́к* (правильнее: *щипок* или *щипец*) — острая морда борзой собаки. «Я тебе, Чичиков, — сказал Ноздрев, — покажу отличнейшую пару собак: крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла!» («Мертвые души»)

Крестіны — обряд крещения ребенка у православных христиан; угощение, пирушка, устраиваемая родителями по случаю крещения новорожденного ребенка. «...Перед козаками показался щипок, повалившийся на одну сторону, словно баба на пути с веселых крестин» («Пропавшая грамота»).

Крестіть — быть крестным отцом или крестной матерью чьих-нибудь детей, то есть присутствовать при обряде крещения в церкви. «Не стыдно ли вам? Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!» («Ревизор»)

Кре́стное зна́мение — у христиан знак креста, изображаемый перекрестным движением правой руки. «Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него [черта. — *Ред.*] верхом и поднял руку для крестного знамения» («Ночь перед рождеством»).

Креще́ние — христианский обряд, совершаемый над младенцем (реже над взрослым) для включения его в число членов церкви, во время этого обряда обычно давалось и имя младенцу. «Деревню можно назвать Чичикова слободка или по имени, данному при крещении: сельцо Павловское» («Мертвые души»).

Крива́н — вершина в Карпатских горах. «Уже проехал много он [всадник. — *Ред.*] гор и взъехал на Криван. Горы этой нет выше между Карпатом; как царь подымается она над другими» («Страшная месть»).

Кропи́ло — пучок волокон с ручкой, при помощи которого в церкви священник окропляет так называемой освященной водой молящихся. «...Отец Афанасий ходил по всему селу со святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Круг (очертить). — Суеверие приписывает кругу магическую силу: нечистая сила не может переступить за черту круга. «В страхе очертил он [философ. — *Ред.*] около себя круг» («Вий»).

Кры́лос (клирос). — «Иван Иванович, раскланявшись на все стороны, обыкновенно помещается на крылосе и очень хорошо подтягивает басом» («Повесть о том, как поссорился...»).

Ксандрёйка — правильно: александрейка — красная бумажная ткань. «Ухватливый и ловкий детина лет семнадцать, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с водой и разноцветными квасами всех сортов» («Мертвые души»).

Ксендз — польский католический священник. «...Ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках» («Тарас Бульба»). «...Уже ходят по Украине ксендзы и перекрещивают козацкий народ в католиков» («Страшная месть»).

Кузовок — уменьш.-ласкат. к «кузов» — короб, чаще плетеный из лыка дерева. «Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: клаваемся тебе сахаром и кузовком вина» («Ревизор»).

Кули́кнуть — пьянствовать. «Это курица, милостивый государь,— продолжал толстый Григорий Григорьевич, разрезывая ее ножом в деревянном ящике.— Надобно вам сказать, что повариха моя Явдоха иногда любит куликнуть и от того часто пересушивает» («Иван Федорович Шпонька...»).

Кули́ш — каша, похлебка с солониной, с салом. «Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котел, в котором варили себе кулиш» («Тарас Бульба»).

Кумáться, куми́ться — буквально: становиться кумовьями; вообще: вступить в приятельские отношения. «Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься, да крадешь в ботфорты серебряные ложечки,— смотри, у меня ухо остро!» («Ревизор») «...Сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче» («Мертвые души»).

Кунту́ш — верхнее старинное платье у украинцев вроде кафтана с разрезными рукавами. «...Падали [волосы.— *Ред.*] курчавыми кудрями на шитый золотом кунтуш» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Купидо́н — у древних римлян бог любви, изображался в виде крылатого мальчика с колчаном стрел. «Барин уже ехал возле него, одетый, на дрожках — травяно-зеленый нанковый сюртук, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона!» («Мертвые души»)

Кўприк — у птиц крайний задок, в котором торчат хвостовые перья; у любителей поесть считался лакомым кусочком. «Вы напрасно взяли куприк, Иван Федорович! Это индейка! — сказала старушка» («Иван Федорович Шпонька...»).

Кўпчая крѣпость — см. Крепость. «Итак, если нет препятствий, то с богом можно бы приступить к совершению купчей крепости», — сказал Чичиков» («Мертвые души»).

Кураж — намеренно нелепое поведение, ломанье перед окружающими, чаще в пьяном состоянии; отсюда — сам опьяняющий хмельной напиток. «Ноздрев, захлебнув куражу в двух чашках чаю, конечно не без рома, врал немилосердно» («Мертвые души»). *Под куражем* (быть) — быть хмельным, навеселе. «...Он [Акакий Акакиевич.— *Ред.*] любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его, «осадила сивухой, одноглазый черт» («Шинель»).

Курень — у запорожцев селение, состоявшее из нескольких домов и управлявшееся куренным атаманом. «Возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников» («Тарас Бульба»).

Курительная свѣчка — свечка из угольного порошка и пахучей смолы; зажигалась в комнатах для благоволия, дезинфекции воздуха. «Он [Ноздрев.— *Ред.*] покупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных свечек, платков для няньки» («Мертвые души»).

Курник — пирог с курицей. «Пирог-курник и пирог-рассольник выглядывали даже наверх» («Мертвые души»).

Куртизан — ухаживатель, волокита, поклонник. «Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне, рассматриваю их. Ах, если бы ты знала, какие между ними есть уроды» («Записки сумасшедшего»).

Курухтан — птица из семейства бекасовых. «...Много куликов, краснозобых курухтанов и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях» («Тарас Бульба»).

Кутья — кушанье из крупы с медом, которое едят на Украине в рождественский сочельник (накануне праздника рождества). «...Богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутью» («Ночь перед рождеством»). «...Ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники,

вареники скоромные!» («Ночь перед рождеством»), то есть сегодня рождественский сочельник, когда православные христиане до звезды постятся.

Кúхва — род кадки, похожей на опрокинутую дном кверху бочку. «...Видит [мать.— *Ред.*], идет прямо к ней навстречу кúхва» («Заколдованное место»).

Кухмíстр — точнее: кухмíстер — квалифицированный повар. «...Надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он [черт.— *Ред.*] грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на рождество колбасу» («Ночь перед рождеством»).

Кúхоль — глиняная кружка. «...Потребовал он [Петрусь.— *Ред.*] кúхоль сивухи мало не с полведра» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Л

Лабáзник — торговец мукой, крупой, владелец лабаза, то есть торгового помещения преимущественно на базаре. «...Поп — отец Сидор... перевенчал лабазника Михаила на куме» («Мертвые души»).

Лабардáн — свежепросольная треска без хребтовой кости. «Как называлась эта рыба?» — «Лабардан-с!» («Ревизор»)

Лавальёр — герцогиня, любовница французского короля Людовика XIV; имеется в виду французский роман сочинения Жанлис «Герцогиня де Лавальёр». «Желая чем-нибудь занять время, он [Чичиков.— *Ред.*] сделал несколько новых и подробных списков всем накупленным крестьянам, прочитал даже какой-то том герцогини Лавальёр, отыскавшийся в чемодане» («Мертвые души»).

Лáвра — название некоторых привилегированных монастырей православной церкви, например, Киево-Печерская лавра в Киеве. «...Приехавший из Киева козак рассказал, что видел в лавре монахию, всю высохшую, как скелет» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Лагúн — ведро с крышкой. «...Горами белеет всякое дерево — шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересеки, ушаты, лагуны...» («Мертвые души»)

Ла́дунка (ла́данка) — сумочка, куда клали какой-нибудь талисман, которому придавали магическое значение; обычно ее носили на груди. «В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной избы и плавно поднялся по небу» («Ночь перед рождеством»).

Ла́мпáда — небольшой сосуд в виде стаканчика; его наполняют маслом, опускают в него фитиль, зажигают, и он горит перед иконами. «В это время лампада вспыхнула живее пред иконою, и свет прямо ударился в лицо моего соседа» («Повесть о том, как поссорился...»). «Все, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, — все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах» («Невский проспект»).

Ла́ни́ты — щеки. «...Тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах» («Ночь перед рождеством»).

Ла́нка́стерова (ла́нка́стерская) шко́ла — школа взаимного обучения, созданная английским священником Беллем в Индии в 1790 году и усовершенствованная английским педагогом Джозефом Ланкастером (1771—1836); основана на том, что учитель обучает только лучших учеников, а те занимаются со слабыми, эта система была модной в России в 1-й половине XIX века. «Почтмейстер... отозвался с большою похвалою об Ланкастеровой школе взаимного обучения» («Мертвые души»).

Ласу́н — лакомка. «Там все лакомки, ласуны: шляхтич будет бежать верст пять за бочкой...» («Тарас Бульба»)

Ла́тник — воин, одетый в латы. См. *Ла́ты*. «Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями» («Тарас Бульба»).

Ла́ты — железная броня, прикрывавшая туловище, руки и ноги воина; вывелась из употребления с введением огнестрельного оружия. «Блещут чеканные латы; на плече пика; гремит при седле сабля; шолом надвинут; усы чернеют; очи закрыты; ресницы опущены — он спит» («Страшная месть»).

Ла́тáи́цы (ла́тáи́нцы) — римляне. «А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка» («Тарас Бульба»).

Латвіньщик (латвінець) — человек, хорошо знающий латинский язык. «...Школьник... стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие).

Лафайёт Марі Жозеф (1757—1834) — маркиз, знаменитый французский генерал и политический деятель; сражался за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов и принял участие в революционном движении во Франции, но, либерал-дворянин, он мечтал лишь об обновлении монархического порядка, отсюда быстрый переход его на сторону реакции в эпоху Великой французской революции; в 1830 году командовал национальной гвардией, пользовался в Париже большой популярностью среди умеренных республиканцев, которую утратил, высказавшись против республики, за избрание Луи Филиппа. «Вы думаете, что этот энтузиаст, размахивающий руками, говорит о том, как жена его бросила из окна шариком в незнакомого ему вовсе офицера? Совсем нет, он говорит о Лафайете» («Невский проспект»).

Лафит — красное французское вино. «Бездна бутылок, длинных с лафитом, короткошейных с мадерою, прекрасный летний день, окна, открытые напролет, тарелки со льдом на столе... все отвечало одно другому» («Коляска»).

Левада — усадьба. «Ты знаешь тот лесок, что за нашею левадою, и, верно, знаешь за тем же лесом широкий луг» («Иван Федорович Шпонька...»).

Левентарь — начальник охраны; смотритель. «А если пан хочет видеться, то завтра нужно рано, так чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и один левентарь обещался» («Тарас Бульба»).

Лежанка — низкая продолговатая печка, служащая не только для тепла, но и для лежания на ней. «Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами» («Ночь перед рождеством»).

Лемберг — город Львов в бывшей Галиции, в настоящее время областной центр в УССР. «Далеко от Украинского края, проехавши Польшу, минуя и многолюдный город Лемберг, идут рядами высоковерхие горы» («Страшная месть»).

Лембик — сосуд для перегонки и очистки водки. «Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на перси-

ковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки» («Старосветские помещики»).

Лемйшка — жидкое тесто из гречневой муки, вскипяченное в масле. «Только одну лемишку с молоком и ел старый отец и потянул вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе, какую-то черную воду» («Страшная месть»).

Лесина — часть дерева от корня до ветвей, идущая на стройку. «Сквозь прямые, как стрелы, лесины дерев белелись кухни, кладовые и погреб» («Мертвые души»).

Лета — в древнегреческой мифологии река забвения в царстве мертвых; глоток воды из нее заставлял забыть землю, все прошлое, а также вычеркивал умершего из памяти живых. «Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь едакую Лету, как называют поэты» («Мертвые души»).

Летний сад — парк в Петербурге, украшенный множеством мраморных статуй и памятником баснописцу Крылову. «Захожу поехать в Петербург — поеду и в Петербург: посмотрю театр, монетный двор, пройду мимо дворца, по аглицкой набережной, в Летнем саду» («Игроки»).

Ливр'я — одежда лакея, определенного покроя и цвета, с пушками, галунами, иногда галунами с гербами. «Дверь отворилась, и вошел лакей в богатой ливрее» («Невский проспект»). *Ливр'яный* — прилаг. к «ливрея». «Вошла дама, предводимая лакеем в ливрейной шинели на меху» («Портрет»).

Ликтор — студент бурсы, на обязанности которого лежало наказывать розгами провинившихся товарищей. «...Ректор и профессора-монахи не жалели лоз и плетей, и часто ликторы по их приказанию поролли своих консулов так жестоко, что те несколько недель почесывали свои шаровары» («Тарас Бульба»).

Лилейный — напоминающий белизной, нежностью лилею, то есть лилию. «Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку» («Ревизор»).

Липец — белый душистый липовый мед; напиток, сваренный на этом меду. «Чичиков налил стакан из первого графина — точно липец, который он некогда пивал в Польше» («Мертвые души»).

Ли́ра — древний музыкальный струнный инструмент, на нем играли специальной палочкой или пальцами; обобщенно: символ возвышенной поэзии, вдохновения. «Счастлив писатель... который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям» («Мертвые души»).

Лист (у швейцара). — В старину существовал обычай, особенно в чиновничьей среде, ездить в праздничные дни с поздравлением к начальнику. Поздравляющие обычно не беспокоили начальника, но расписывались на листах у швейцара, который потом передавал эти списки начальнику. «Имел он [Леницын. — *Ред.*] все замашки мелких начальников, как-то: брать на замечание тех, которые не являлись к нему с поздравленьем в праздники, даже мстил всем тем, которых имена не находились у швейцара на листе» («Мертвые души»).

Литáеры — парные барабаны, обычно в больших оркестрах. «А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы» («Тарас Бульба»).

Литви́нство — литовцы. «Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, яхи, литвинство» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Литографиро́ванный — отпечатанный с оригинала, воспроизведенного на камне. «К большому негодованию своему [полковник. — *Ред.*], увидел в окне магазина вместо носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку с изображением девушки, поправлявшей чулок, и глядевшего на нее из-за дерева франта с откидным жилетом и небольшою бородюкою» («Нос»).

Лиха́ч — так назывался извозчик щегольского экипажа на резвой хорошей лошади. «Все попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами» («Шинель»).

Ломово́й изво́зчик — извозчик, занимавшийся перевозкой тяжестей. «...Досада моя смешивается с грустью, когда я вижу, как ломовой извозчик тащит красный, ничем не покрытый гроб бедняка» («Невский проспект»).

«Лондо́н» — популярный в Петербурге трактир. «Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в «Лондоне» («Мертвые души»).

Лорнёт — очки в оправе с ручкой; держа ее в руке, лорнет приставлял к глазам. «Прошелся [Чартков.— *Ред.*] по тротуару гоголем, наводя на всех лорнет» («Портрет»). «Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездою? Совсем нет, она глядит на черта, что у него стоит за спиною» («Записки сумасшедшего»).

Лосиный — прилаг. к «лосина» — выделанная шкура лося. «Ведь, как, думаю, вам известно, имею обыкновение носить лосиную фуфайку. Она гораздо лучше фланелевой, и притом не горит» («Утро чиновника»).

Лоскутный продавец — торговец лоскутами, остатками и обрезками разных тканей. «Уже накричался он [хозяин.— *Ред.*] вдоволь и большею частью бесплодно, наговорился досыта с лоскутным продавцом, стоявшим насупротив его также у дверей своей лавочки» («Портрет»).

Лошак — помесь жеребца и ослицы, похож на осла. «...Тебя женить пора, а ты дурешь, как молодой лошак» («Заколдованное место»).

Лубок — аляповато исполненные картинки, печатавшиеся с гравированных липовых лубков, то есть пластов свежего слоя древесной коры. «...Двери такой лавочки обыкновенно бываю увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарованье русского человека» («Портрет»).

Лунатик — человек, страдающий лунатизмом, то есть болезнью, которая выражается в том, что больной во сне встает, ходит, действует как бы в полном сознании; было предположение, что эта нервная болезнь зависит от влияния луны. «Если бы его [Пискарева.— *Ред.*] кто-нибудь видел сидящим безмолвно перед пустым столом или шедшим по улице, то, верно бы, принял его за лунатика или разрушенного крепкими напитками» («Невский проспект»).

Льзя — можно ли. «Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мне, я сказал. Должно быть, Пушкина сочинение» («Записки сумасшедшего»). Именем Пушкина в рукописной литературе подписывались многие стихи, ему не принадлежавшие. Эти стихи не Пушкина, а второстепенного поэта Николаева (1758—1815).

Любисток — растение, иначе называемое «заря». «Захвативши не малую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес [рассказчик.— *Ред.*] ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие).

Людская — помещение для прислуги на барском дворе. «Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших,— наполняла двор» («Мертвые души»).

Люлька — трубка для курения. «...Наш парубок отправился по рядам с красными товарами... выглядывать получшую деревянную люльку в медной щегольской оправе» («Сорочинская ярмарка»). «Стой! Выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам» («Тарас Бульба»).

Лях — поляк, по имени родоначальника поляков князя Ляха (или Леха), который, по преданию, выселился из Хорватии, основал первый польский город. «Дай же боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурменов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били» («Тарас Бульба»).

Ляшский — прилаг. к «лях». «Летели бешеные кони по бороздам, буграм, через рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахом ляшские трупы» («Тарас Бульба»).

М

Маврокордато Александр, Миаули, Константин Канари — греческие революционные деятели 20-х годов XIX века, участники борьбы против турок за независимость Греции. «На картинах все были молодцы, все греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари» («Мертвые души»).

Магистрат — в царское время выборное городское учреждение, ведавшее административно-судебными и податными делами города. «На одной стороне, почти близ церкви, выше других возносились совершенно отличное от прочих здание, вероятно, городской магистрат или какое-нибудь правительственное место» («Тарас Бульба»).

Магический — волшебный. «...В стороне послышалось слово: «пшеница». Это магическое слово заставило его [мужика.— *Ред.*]

в ту же минуту присоединиться к двум громко разговаривавшим негоциантам» («Сорочинская ярмарка»). «...Все это предстало в такой согласной силе и могуществе красоты, что впечатленье было магическое» («Портрет»).

Магнат — высшее государственное должностное лицо в Польше, член аристократической фамилии. «Милость чужого короля, да и не короля, а покусудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства» («Тарас Бульба»).

Магнетизм — свойство некоторых тел (железа, стали, чугуна и др.) притягивать к себе другие тела, быть магнитами. «Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты действия магнетизма» («Нос»). Переносное значение: «...он [Манилов. — *Ред.*], точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души» («Мертвые души»). *Магнетический* — прилаг. к «магнетизм»; переносное значение: притягательный, привлекательный. «Верите ли, — сказал доктор ни громким, ни тихим голосом, но чрезвычайно уветливым и магнетическим, — что я никогда из корысти не лечу» («Нос»).

Магомёт — искаженная европейцами форма имени Мухаммеда — араба, происходившего из города Мекки (VI—VII вв.), основателя мусульманской религии. Для верующих Магомет — пророк, посланник мусульманского бога Аллаха.

Магометанство — религия, распространенная преимущественно среди тюркских народностей; то же, что *мусульманство*. «...Он [ди-рюльчик. — *Ред.*], вместе с одною повивальной бабкою, хочет по всему свету распространить магометанство, и оттого уже, говорят, во Франции большая часть народа признает веру Магомета» («Записки сумасшедшего»).

Магометанский — прилаг. к «магометанство». «Малая Азия... видела чалмы своих магометанских обитателей раскиданными» («Тарас Бульба»).

Мадонна — богоматерь в католической церкви; в живописи и скульптуре изображалась молодой, красивой женщиной. «К стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола, и над ним виден был почти совершенно изгладившийся, полинявший образ католической мадонны» («Тарас Бульба»). «...Она [губернаторша. — *Ред.*] держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девушку, свеженькую блондинку с тоненькими и стройными чертами лица ..какое художник взял бы в образец для мадонны» («Мертвые души»).

Маз — прибавка к ставке в карточной игре. «Черт побери, пароле!.. И пять рублей мазу!» («Игроки»)

Мазни́ца — деревянная или глиняная посуда для дегтя. «Поле далеко было занято раскидаемыми по нем возами с висячими мазницами, облитыми дегтем, со всяким добром и провиантом, набранном у врага» («Тарас Бульба»).

Мазу́нчик — маменькин сынок. «Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает» («Тарас Бульба»).

Мазу́рка — живой польский танец, очень популярный в XIX веке в Европе и России. «Там [Пирогов. — *Ред.*] с удовольствием провел вечер и так отличился в мазурке, что привел в восторг не только дам, но даже и кавалеров» («Невский проспект»).

Майо́р — офицерский чин в царской армии в 1-й половине XIX века, между капитаном и подполковником, упраздненный в 1884 г. «...Чтобы более придать себе благородства и веса, он [Ковалев. — *Ред.*] никогда не называл себя коллежским ассессором, но всегда майором» («Нос»).

Маки́тра — глиняный горшок, в котором обычно на Украине трут мак; обычно он расписывался яркими цветными узорами. «...Местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонников роскоши» («Сорочинская ярмарка»).

Мако́вник — пирог с маком или пряник из меда с маком. «Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меда сорокалетние» («Тарас Бульба»).

Мако́би — пест, то есть закругленная внизу палка для растирания мака. «Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его [Коржа. — *Ред.*] совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона об стену» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Малаха́й — плеть. «...Если бы одеть его [работника Петра. — *Ред.*] в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку туредскую саблю, дать в одну руку малахай, в другую люльку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних» («Вечер накануне Ивана Купала»).

«Мальбруг в похóд поёхал» — старинная французская песня, переведенная в конце XVIII в. на многие языки, в том числе и на русский, очень популярная в начале XIX в. «Шарманка играла не без приятности, но в середине ее, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась песнею: «Мальбруг в поход поехал», а «Мальбруг в поход поехал» неожиданно завершился каким-то давно знакомым вальсом» («Мертвые души»).

Мани́шка — нагрудник, преимущественно из белой ткани, пришитый или пристегнутый к мужской сорочке. «Воротничок его манишки был всегда чрезвычайно чист и накрахмален» («Нос»). «...Видна была манишка, застегнутая тульской булавкою с бронзовым пистолетом» («Мертвые души»).

Манкён (манекён) — фигура из дерева или папье-маше в форме человеческого туловища для примерки платьев. «...Куплю себе отличный манкен, закажу гипсовый торсик, сформирую ножки, поставлю Вевру, накуплю гравюр с первых картин» («Портрет»).

Мановёние — движение рукой, головой, выражающее приказание, чью-то волю, желание. «Он [Чичиков. — Ред.] увидел свою бричку, которая стояла совсем готовая, а Селифан ожидал, казалось, мановения, чтобы подкатить под крыльцо» («Мертвые души»).

Мантия — широкий плащ без рукавов, постепенно расширяющийся книзу и ниспадающий до земли. «...Я до сих пор не имею королевского костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию» («Записки сумасшедшего»).

Мараковáть — немного понимать, кое-что смыслить. «Врешь, ты снесла пономаренку: он маракует, так ты ему и снесла» («Мертвые души»).

Ма́рка — фишка, значок для временной расплаты. «...За ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки» («Старосветские помещики»).

Марс — в древнеримской мифологии бог войны; изображался в виде прекрасного мужчины в полном вооружении. «Гвардейский поручик требовал непременно, чтобы в глазах виден был Марс» («Портрет»). *Питóмец Ма́рса* — военный. «...Тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный... Сюда можно причислить... отставных питомцев Марса с выколотым глазом и раздутою губою» («Портрет»). *Ма́рсовское* — прилаг. к «Марс». «Дамы были очень довольны и не только отыскиали в нем [Чичикове. — Ред.] кучу приятностей и любезностей, но даже стали находить ве-

личественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится женщинам» («Мертвые души»).

Мартын — птица из породы чаек. «Он [Тентетников.— *Ред.*] глядел... на какой-нибудь в стороне извив реки, по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын — разумеется, птица, а не человек» («Мертвые души»).

Марш — шествие, выход, движение, манера поведения. «...Можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиков только что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете» («Мертвые души»).

Масляницы — клецки из теста, опущенные в растопленное масло. «Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, ...другой пирог — с груздями, пряженцы, масляницы...» («Мертвые души»)

Масон — член религиозно-мистического общества, цель которого была ниспровергать феодальные нравы. Это дало основание реакционерам рассматривать масонов как революционную организацию, хотя таковыми они никогда не были. В России масонство было распространено в конце XVIII — начале XIX вв. «О, это большой честолюбец! это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и эдаким, но я тогда заметил, что он масон: он если дает кому руку, то высовывает только два пальца» («Записки сумасшедшего»).

Материалистка — женск. р. к «материалист» — человек, заботящийся о выгодах, поглощенный материальными интересами. «Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонна к отрицанию и сомнению и отвергала весьма многое в жизни» («Мертвые души»).

Машина (машина) — огромный предмет. «Этот дом я знаю,— сказал я сам себе,— это дом Зверкова». Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих» («Записки сумасшедшего»).

Медовик — медовый пряник. «Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меду сорокалетние» («Тарас Бульба»).

Мезонин — этаж, надстроенный над нижней частью дома. «Дома были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень

красивым, по мнению губернских архитекторов» («Мертвые души»).

Мейн фрау (нем.) — моя жена. «Мейн фрау!» — закричал он [Шиллер.— *Ред.*] («Невский проспект»).

Мелас — артистка итальянской оперной труппы, игравшей в Петербурге в 1829—1831 гг. «...Очень хорошо поет Мелас...: «Мелас! О, да! с большим чувством!» («Утро чиновника»)

Мельники — карточная игра. «Антон Прокофьевич любит хорошо поест, играет изрядно в «дураки» и «мельники» («Повесть о том, как поссорился...»).

Меопатия — гомеопатия. (См. О м е о п а т и ч е с к и й.) «Чудно право, как подумаешь, до чего не доходит просвещение. Вот ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Недавно был я в представлении. Что ж бы вы думали? Мальчишка, расту, как бы вам сказать, вот этакого (показывает рукою), лет трех, не больше: посмотрели бы вы, как он пляшет на тончайшем канате. Я вас уверяю сурьезно, что дух занимается от страха» («Утро чиновника»).

Меринбсовый — прилаг. к «меринос» — ткань из тонкой овечьей шерсти «...Она [Феодулия Ивановна.— *Ред.*] уселась на диване, накрылась своим меринбсовым платком и уже не двинула более ни глазом, ни бровью» («Мертвые души»).

Меркантильный — торговый, купеческий, промышленный. «Здесь [на Невском проспекте.— *Ред.*] единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их необходимость и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург» («Невский проспект»). «Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось в городе с коробкою в руках» («Тарас Бульба»).

Мерлушка — выделанная овечья шкура. «...Отец, больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах, надетых на босую ногу» («Мертвые души»).

Метать (банк) — в карточной игре (банк) сдавать карты партнерам. «...Ну, мальчик, просто ребенок, мне по плечо не будет, и в глазах ничего нет особенного. Начал он метать — я просто потерялся. Это превосходит всякое описание» («Игроки»).

Метрическая книга — книга записей рождения, брака и смерти, она велась в каждой церкви. «...В метрической книге, находящейся в церкви Трех Святителей, записан как день моего рождения, так равномерно и полученное мною крещение» («Повесть о том, как поссорился...»).

Меценат — покровитель искусств и наук. «...Производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами» («Портрет»).

Мечеть — магометанский храм. «Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу» («Тарас Бульба»).

Мещанка — женск. р. к «мещанин» — в дореволюционное время представитель низшего сословия городского общества (мещане). «Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошлепкина, отец мой» («Ревизор»).

Мещанская улица — улица в Петербурге, где жили преимущественно мелкие чиновники и ремесленники. «Они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу, улицу табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских вимф» («Невский проспект»).

Микель-Анжел — Микеланджело Буонарроти (1475—1564) — великий итальянский художник эпохи Возрождения. «О художниках и об искусстве он [Чартков.— *Ред.*] изъяснялся теперь резко: утверждал ...что Микель-Анжел хвастун, потому что хотел только похвастать знанием анатомии, что грациозности в нем нет никакой» («Портрет»).

Микитки; под микитки — под ребра. «Сольвычегодские уходили насмерть устьсьюсольских, хотя и от них попесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочельник» («Мертвые души»).

Милиция — здесь имеется в виду ополчение 1806 г. «...Синий козацкий бешмет, который шил себе Иван Никифорович назад тому лет двадцать, когда готовился было вступить в милицию» («Повесть о том, как поссорился...»).

Мирза — в Иране почетное обозначение высших чинов. «Один только козак, Максим Голодуха, вырвался дорогою из татарских рук, заколол мирзу, отвязал у него мешок с цехинами и на татар-

ском коне, в татарской одежде полтора дни и две ночи уходил от погони» («Тарас Бульба»).

Мистицизм — склонность к мистике, то есть вере в потусторонний мир, стремление к восприятию непостижимых для человеческого разума тайн жизни и природы. «Многие из чиновников и благородного дворянства... зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было составлено слово «Наполеон», какое-то особенное значение; многие даже открыли в нем апокалипсические цифры» («Мертвые души»).

Митра — головной убор епископов (реже — священников) в православной церкви, который они надевают во время богослужения. «...Вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастьерской митре» («Тарас Бульба»).

Ми́чман — высшее звание старшинного состава в Военно-Морских Силах СССР, в дореволюционное время — первый офицерский чин в русском флоте. «Сукойцо-то аглицкое! Ведь каково носится! В девяносто пятом году, когда была эскадра наша в Сицилии, купил я его еще мичманом и сшил с него мундир» («Женитьба»).

Мишу́рный — прилаг. к «мишура» — медная тонкая посеребренная или позолоченная проволока; употреблялась на парчовые ткани, эполеты, галуны; обобщенно: что-нибудь роскошное внешне, но не имеющее большой внутренней ценности. «...Картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темно-зеленым лаком, в темно-желтых мишурных рамах» («Портрет»).

Мни́шки — мучное кушанье с творогом, род сырников. «Вот это то кушанье,— сказал Афанасий Иванович, когда подали нам мнишки со сметаной» («Старосветские помещики»).

Моветон — человек дурного тона. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон... Должно быть, французское слово» («Ревизор»).

Молвь — то же, что и *молва*. «...В поле становилось, чем далее, тем сумрачнее; и вместе с тем становилась несвязнее и молодецкая молвь» («Пропавшая грамота»).

Молебен — краткое богослужение в православной церкви с молитвенным обращением к богу или святым. «В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою» («Тарас Бульба»).

Молитвенник — книга-сборник молитв. «...Ему [Петрушке.— *Ред.*] было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он все читал с равным вниманием!» («Мертвые души») «На верху лестницы они нашли богато убранного, всего с ног до головы вооруженного воина, державшего в руке молитвенник» («Тарас Бульба»).

Мольбёрт — деревянный станок на трех ножках у живописцев для установки картин во время работы. «Невозможно было описать того бешенства, с которым он [отец.— *Ред.*] возвратился домой. Он чуть не прибил мать мою, разогнал детей, переломал кисти и мольберт» («Портрет»).

Монётный двор — в царское время название государственного учреждения, которое чеканило монеты. «Захочу поехать в Петербург — поеду и в Петербург: посмотрю театр, монетный двор, пройду мимо дворца, по аглицкой набережной, в Летнем саду» («Игроки»).

Монисто — на Украине украшение, которое носится на шее; состоит из шнура, на котором нанизаны бусы. «Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист — девать некуда!» («Вечер накануне Ивана Купала») «...На другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Монополия — исключительное право на какое-нибудь дело (торговлю, промысел). Переносно-иронический смысл: «Под носом торчали у него коротенькие и густые усы; но они так неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокур поймал и держал во рту своем, подрывая монополию амбарного кота» («Майская ночь»).

Морда — рыболовецкий снаряд из прутьев; рыбе, вошедшей в морду, мешают выйти острые прутья. «Длинноногий, босой Фома Большой, как был, в одной рубашке, побежал вперед коляски, через всю деревню, где у всякой избы развешены были бредни, сети, морды» («Мертвые души»).

Мордаш — собака особой породы, малорослая и головастая, она закусывает, что схватит, и виснет, как пиявка. «Настоящий мордаш,— продолжал Ноздрев,— я признаюсь, давно острил зубы на мордаша» («Мертвые души»).

Москáль — старинное название русских на Украине, обычно с оттенком пренебрежения. «...Если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля» («Сорочинская ярмарка»). «Да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли» («Сорочинская ярмарка»).

«*Москóвские вéдомости*» — газета (1756—1894); выходила сначала два раза в неделю, позднее — ежедневно. «Иное письмо с наслаждением прочтешь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях!» («Ревизор»)

«*Москóвский телеграф*» — двухнедельный журнал, издававшийся в Москве с 1825 года Николаем Полевым — критиком, беллетристом, драматургом. Журнал был закрыт в 1834 году за распространение либеральных идей. «У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал» («Ревизор»).

Мóчка — вычесанные пучки льна, приготовленные для пряжи. «...Горами белеет всякое дерево — шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, перeseки, ушаты ...мыкальники, куда бабы кладут свои мочки и прочий дряг...» («Мертвые души»)

Мошнá — кошелек. «...В мошне, чай, притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог» («Мертвые души»).

Муслín — легкая, тонкая ткань, кисея, зефир. «В нарядах их [дам.— *Ред.*] вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать» («Мертвые души»).

Мухóртая (лошадь) — гнедая с желтоватым пятном. «...Отец, взявши сына, выехал с ним на тележке, которую потащила мухортая пегая лошадка, известная у лошадиных барышников под именем сороки» («Мертвые души»).

Мушкét — старинное огнестрельное оружие у пехотинцев. «Ниже висят дорогие мушкеты, сабли, пицали, копыя» («Страшная месть»).

Мóйкальник — деревянный короб, куда клали веретено, пучки льна для пряжи и т. д. «...Горами белеет всякое дерево — шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, перeseки, ушаты... мыкальники» («Мертвые души»).

Мы́кнуть — подвергнуться невзгодам, терпеть нужду. «Много набрали они тогда цехинов, дорогой турецкой габы, киндяков и всяких убранств, но мыкнули горе на обратном пути» («Тарас Бульба»).

Мыслéте — буквально: название буквы «М» в церковнославянской азбуке; переносно: движение пьяного человека, напоминающее эту букву («писать мыслете»). «Смотрите, смотрите: на ногах не держится. Эдакое мыслете он всякий день пишет» («Женитьба»).

Мы́чка — сверток льна или пеньки. «Смотри же, сена повыше накладывай под подушку! да выдерни у бабы из мычки клочок пеньки, заткнуть мне уши на ночь!» («Иван Федорович Шпонька...»)

Мясое́д — буквально: дни, когда по церковному уставу разрешается мясная пища; после мясоеда наступает пост, когда церковь не только не разрешает принимать мясную пищу, но и венчаться. «Вот опять пропустил мясоед» («Женитьба»).

Н

На больш́их медвѣдях — на медвежьем меху. «...Надевши фрак брусничного цвета с искрой и потом шинель на больших медведях, он (Чичиков.— Ред.) сошел с лестницы» («Мертвые души»).

Наваринский — прилаг. к «Наварин» — греческий портовый город, прославленный Наваринской битвой в 1827 г. и победой русско-англо-французского флота над египетско-турецким. В 30-е годы XIX века была мода на материи темно-красноватого цвета (который в Париже назывался «темным барканским»). «Вот-с, сукно цвету наваринского дыму с пламенем» («Мертвые души»).

Напереймы́ — наперерез, вперебивку. «Тарас в это время, врывавшись из засады с своим полком, с криком бросился напереймы» («Тарас Бульба»).

На вы́вод. — Крестьяне, покупаемые без земли, на вывод, переселялись в другие губернии. «...Как желаете купить вы крестьян: с землею или просто на вывод, то есть без земли?» («Мертвые души»)

Нага́йка — короткая и тяжелая плеть из ремней. «...Я женю, только наперед попробуешь ты нагайки!» («Майская ночь»)

Нагидочка — поготок (растение), полевой цветок. «Но горе мне, моя полевая нагидочка, моя перепеличка, моя ясочка, что проживу я остальной век свой без потехи, утирая только дробные слезы, текущие из старых очей моих» («Вий»).

Нагольный тулуп — верхнее платье из овечьих шкур, не покрытое сверху никакою материей. «Дверь в одной хате закрипела, и минуту спустя бурсаки увидели перед собою старуху в нагольном тулупе» («Вий»).

Нагрунтованный — покрытый первым слоем краски, подготовленный для окончательной окраски. «В комнате было тускло; неприятная мокрота сеялась в воздухе и проходила сквозь щели его окон, заставленные картинами и нагрунтованным холстом» («Портрет»).

Надворный советник — в царское время чин чиновника VII класса. «Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход» («Невский проспект»). «Велика важность, надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей — да черт его побери!» («Записки сумасшедшего»)

Надворный суд — в царское время высшая судебная инстанция по гражданским и уголовным делам, учрежденная Петром I; занималась преимущественно делами дворян и разночинцев. «Поприше службы моей, — сказал Чичиков, —...началось в казенной палате, ваше превосходительство; дальнейшее же течение оной продолжал в разных местах: был и в надворном суде, и в комиссии построения, и в таможене» («Мертвые души»).

Наймыт, наймычка — нанятые работник, работница. «Вечером, немного, может, раньше теперешнего, уселись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймыт, да наймычка, да детей штук с пятеро» («Майская ночь»).

Налой — аналой, столик с покатою доскою, употребляемый в церкви при богослужении. «Сотник оборотился и указал ему [Философу. — *Ред.*] место в головах умершей, перед небольшим налоем, на котором лежали книги» («Вий»).

Намедни — совсем недавно. «...У нас тоже есть Герасим лакей, опять Иван лакей, Иван псарь, Иван музыкант, Дементий кучер, да намедни из деревни одного взяли» («Игроки»).

Намитка — белое покрывало из жидкого полотна, которое носят женщины на голове, с откидными назад концами. «Пожилые

женщины в белых намитках, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного» («Ночь перед рождеством»).

На́нковый — прилаг. к «нанка» — сорт грубой ткани из толстой пряжи, обычно желтого цвета (по имени города Нанкин в Китае). «Редко, очень редко какой-нибудь помещик, имеющий одиннадцать душ крестьян, в нанковом сюртуке, тарабанит по мостовой в какой-то полубричке и полутележке» («Коляска»).

Напечатлева́ть — укрепить, сделать что-нибудь. «...Они [Маниловы.— *Ред.*] напечатлевали друг другу такой томный и длинный поделуй, что в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку» («Мертвые души»).

Наряжа́ть — назначить в наряд, то есть поручить выполнить какие-нибудь важные поручения. «...Позвал [полковой писарь.— *Ред.*] к себе деда и сказал ему, что, вот, наряжает его сам гетьман гонцом с грамотою к царице» («Пропавшая грамота»).

Насто́ятель — глава монастыря. «Настоятель монастыря, узнавши об искусстве его [отца.— *Ред.*] кисти, требовал от него написать главный образ в церковь» («Портрет»).

Нато́лия (Анато́лия) — в древности название Малой Азии, в настоящее время название азиатской части Турции. «...Вот что я думаю: пустить с челнами одних молодых, пусть немного пошарпают берега Натоллии» («Тарас Бульба»).

Нату́ра — природа. «Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть» («Нос»). «О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем» («Ревизор»). «Чичиков заметил ...что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума» («Мертвые души»). Переносный смысл: «Извините, что я перед вами в натуре». — Иван Никифорович лежал без всего, даже без рубашки» («Повесть о том, как поссорился...») *В натуре* (шутливо) — без одежды, обнаженный.

На юру́ — на открытом возвышенном месте. «Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть» («Мертвые души»).

Небо́га, небо́го, небо́же — бедняга, бедная. «Здорово, небо-го!» — обыкновенно говорил он [Иван Иванович.— *Ред.*], отыскавши самую искалеченную бабу, в изодранном, шитом из заплат платье. «Откуда ты, бедная?» («Повесть о том, как поссорился...»). «Здравствуй, небоже,— произнес он [сотник.— *Ред.*], увидев Хому, остановившегося с шапкою в руках у дверей.— Что, как идет у тебя? Все благополучно?» («Вий»)

Небре́чь — пренебрегать. «...Я до сих пор не имею испанского королевского костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию. Я хотел было заказать портному, но это совершенные ослы, при-том же они совсем небрегут своею работою» («Записки сумасшедшего»). *Небрегу́щий* — пренебрегающий. «...Это большею частью добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий тихо свое искусство, пьющий часто с двумя приятелями своими в маленькой комнате, скромно толкующий о любимом предмете и вовсе небрегу́щий об излишнем» («Невский проспект»).

Неглижé — в небрежном виде, полуодетый. «Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей» («Мертвые души»).

Него́ция — торговая сделка. «...Не будет ли это предприятие или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция,— так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?» («Мертвые души») *Негоциант* — купец. Это магическое слово [пшеница.— *Ред.*] заставило его [мужика.— *Ред.*] в ту же минуту присоединиться к двум разговаривающим негоциантам» («Сорочинская ярмарка»).

Недовéрок — человек, нетвердо верующий, в ком мало веры. «Или, может быть, хотите воротиться домой, да оборотиться в недоверков, да возить на своих спинах польских ксендзов?» («Тарас Бульба»)

Недо́ймка — платеж в пользу государства или общественного учреждения, не внесенный плательщиком к сроку. «Дошло до нас, что ты, старый дурак, вместо того чтобы собрать прежние недоимки и вести на селе порядок, одурел и строишь пакости» («Майская ночь»).

Не́жба — неженство, нежность, ласка. «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба!» («Тарас Бульба»)

Нектáр — в древнегреческой мифологии напиток богов, дававший им бессмертие. «Игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным крючком изо рта в нос. «Нектар!» — сказал он [Чичиков. — *Ред.*]» («Мертвые души»).

Нетопы́рь — крупная летучая мышь. «Под потолком взад и вперед мелькают нетопыри, и тень от них мелькает по стенам, по дверям, по помосту» («Страшная месть»).

Нехри́сть — буквально: не христианин; обобщенно: человек бессовестный. «Много опечалились оттого бедные невольники, ибо знали, что если свой продаст веру и пристанет к угнетателям, то тяжелей и горше быть под его рукой, чем под всяким другим нехристом» («Тарас Бульба»).

Не́ча — нечего. «А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились» («Ревизор»).

Нечу́й-вѣтер — название травы. «...Слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали канупером? Правда, кладут смородинный лист, нечуй-ветер, трилистник, но чтобы клали канупер... нет, я не слыхивал об этом» («Вечера на хуторе...», ч. II. Предисловие).

Ниже́ — даже, даже не. «...Не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной раз во взорах девы, ниже́ того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы» («Тарас Бульба»).

Нижегородская ярмарка — в дореволюционное время место все-русской торговли у Нижнего Новгорода (ныне г. Горький). «Теперь же все, что куплено на Нижегородской ярмарке краснопродавцами панских товаров, привезено сюда» («Мертвые души»).

Нимфа.— В древнегреческой мифологии нимфами назывались богини, слицетворяющие различные силы природы; они подразделялись на морских, речных, лесных, изображались в виде прекрасных девушек. «...На одной картинке изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал» («Мертвые души»).

Ноев ковчѣг.— Согласно библейскому сказанию, во время всемирного потопа погибло все человечество, кроме Ноя и его семьи, спавшихся в ковчеге, легендарном корабле; отсюда выражение: Ноев ковчег. «Долгом почитаю предупредить читателей, что это была именно та самая бричка, в которой еще ездил Адам... Совер-

шенно неизвестно, каким образом спаслась она от потопа. Должно думать, что в Ноевом ковчеге был особенный для нее сарай» («Иван Федорович Шпоныка...»).

«Норма» — опера итальянского композитора Винченцо Беллини (1801—1835). «Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт Дьявол», «Норма» («Ревизор»).

Ноти́ция — известие. «Чиновник-та, о котором изволили получить нотицию, ревизор» («Ревизор»).

Ночёвка — корыто. «Девки, толкала одна другую, то вносили, то выносили кучу всякого дрягу в деревянных ящиках, решетях, почевках и в прочих фруктохранилищах» («Старосветские помещики»).

0

Обёдня — церковная служба у православных христиан, которая совершается в начале дня. «Потом был... на закуске после обедни, данной городским главою, которая тоже стоила обеда» («Мертвые души»).

Обер-офицёр — офицер в царской армии не старше капитана. «Что? — сказал генерал, имевший обыкновение всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорил с обер-офицером» («Коляска»).

Обер-полицеймейстер — главный начальник полиции в Петербурге, Москве и некоторых крупных городах. «Он [Акакий Акакиевич.— *Ред.*] обращается к нему [значительному лицу.— *Ред.*], чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицеймейстером или другим кем и отыскал шинель» («Шинель»).

Обер-секретарь — искажен.: «секлетарь» — старший секретарь. «Пролетов, сенатский обер-секретарь (один, сидит в креслах и поминутно икает)» («Тяжба»). «...Вот тебе прямо в глаза и будет деревянный дом, где живет швея, что жила прежде с сенатским обер-секлетарем» («Женитьба»).

Обитель — монастырь. «Как только минуло мне девять лет, он [отец.— *Ред.*] поместил меня в Академию художеств и, расплатясь с своими должниками, удалился в одну уединенную обитель, где скоро постригся в монахи» («Портрет»).

Облога — целина, земля, которую еще не пахали, заросшая, запущенная пашня. «Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто торчащими их [казаков.— *Ред.*] белыми костями» («Тарас Бульба»).

Облучок — передок экипажа, на котором сидел обычно кучер; иначе он назывался «козлы». «Да, соразмерный экипаж! — сказал один из казаков, садясь на облучок сам-друг с кучером» («Вий»).

Обольнувший — причастие от «обольнуть» — плотно обхватить, облечь. «И если бы перенести ее [Улиньку.— *Ред.*] со всеми этими складками ее обольнувшего платья на мрамор, назвали бы его копию гениальных» («Мертвые души»).

Оборотень — по представлению суеверных людей, нечистый дух, обернувшийся животным или человеком; человек, обладающий способностью обращаться с помощью волшебства в какого-нибудь зверя или в какой-нибудь предмет. «Только огонь из люльки может зажечь оборотня» («Майская ночь»).

Образ (образá) — икона. «Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых» («Ночь перед рождеством»). «Свечи были зажжены почти перед каждым образом» («Вий»).

Обревизировать (ревизировать) — произвести ревизию, подвергнуть осмотру. «Один только раз Пульхерия Ивановна пожелала обревизировать свои леса» («Старосветские помещики»). «...Она ревизировала свой огород и возвращалась с нарванными своею рукою зелеными свежими огурцами для Афанасия Ивановича» («Старосветские помещики»).

Обремизиваться (обремизиться) — в некоторых карточных играх проигрывать вследствие ремиза, то есть штрафа за недобор установленного числа взяток. «Вон и Ярыгин, столоначальник в сенате, большой приятель, который вечно в бостоне обремизивался, когда играл восемь» («Нос»).

Объемлется — от глагола «обнять», «объять» — заключить в объятья, обхватить, окутать. «...Не властны выразить ни резец, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной раз во взорах девы, ниже того умиленного чувства, которым объемлется глядящий в такие взоры девы» («Тарас Бульба»).

Обывательские (лошади) — лошади, нанятые у частного лица, у обывателя. «Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал!» («Мертвые души»)

Овидий Публий Назон (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) — древнеримский поэт. Здесь имеется в виду его книга «Метаморфозы» («Превращения»), где дан авторский пересказ древнегреческих и римских мифов. «В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем делается такое превращение, какого и Овидий не выдумает» («Мертвые души»).

Овин — строение для сушки хлеба в снопах перед молотьюбой. «Он [философ.— *Ред.*] сшел вниз и увидел кибитку, которую принял было сначала за хлебный овин на колесах» («Вий»).

Овражки — то же, что *суслик*. «Пестрые овражки выползали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом» («Тарас Бульба»).

Одесную — по правую руку. «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему [Кукубенке.— *Ред.*] там. «Садись, Кукубенко, одесную меня, — скажет ему Христос.— Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал» («Тарас Бульба»).

Однокорытник — буквально: выкормленный вместе с другими из одного корыта; обобщенно: товарищ, приятель. «Ведь знаком сам председатель, ездил даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили» («Мертвые души»).

Оказия — удобный, благоприятный случай. «...Отправимтесь-ка все, так как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного рада или погребца, так мы, знаете ли, так закусим! да при этой okazji и в вистишку» («Мертвые души»).

Оклад.— 1) Металлическое покрытие на иконе. «...Пришла она [Пидорка.— *Ред.*] пешком и принесла оклад к иконе божьей матери, исцвеченный такими яркими камнями, что все зажмурились, на него глядя» («Вечер накануне Ивана Купала»). 2) Очертание лица. «Все положение, и контура, и оклад лица — чудеса!» («Невский проспект»)

Околоток — окрестность, соседние места. «В досужее от дела время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околотке» («Ночь перед рождеством»).

Окóльность — окружающая местность, окрестные места. «Тихо померкала вокруг окольность, и далече за рекой отдавался верный отголосок неизменно грустного напева» («Мертвые души»).

Окóнница — оконная рама. «Стекла наваленных кучами оконниц горели» («Сорочинская ярмарка»).

Окрóп — кипящая жидкость. «Твои кости станут танцевать в гробе с веселья, когда услышат, как нечестивые звери ляжи кинут в пламя твоего сына, когда сын твой будет кричать под ножами и окропом» («Страшная месть»).

Окропíть — обрызгать, обдать брызгами. «В деревянной небольшой церкви служил священник молебен, окропил всех святою водою» («Тарас Бульба»).

Оксами́т — дорогая бархатная ткань. «Я знаю, есть между вас такие, что чуть бог пошлет какую корысть,— пошли тот же час драить китайку и дорогие оксамиты себе на онучи» («Тарас Бульба»).

Омеопати́ческий — прилаг. к «омеопáтия» «гомеопáтия») — лечение в малых дозах лекарствами, которые в больших дозах вызывают в организме здорового человека сходные заболевания. «Вы бы попробовали омеопатического средства» («Утро чиновника»).

Опéка — наблюдение за недееспособными гражданами (малолетними и душевнобольными); лица, на которых возложен надзор. «...Имение через шесть месяцев взято было в опеку. Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время все куры и яйца... Сам же настоящий владелец, который, впрочем, жил довольно мирно с своею опекою и пил вместе с нею пунш, приезжал очень редко в свою деревню и проживал недолго» («Старосветские помещики»).

Опеку́нский сове́т — учреждение, ведавшее воспитательными домами; оно занималось разного рода и ссудо-сберегательными операциями. «Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уже двести тысяч капиталу!» («Мертвые души»)

Опиум — сок из головок мака, употребляемый как наркотическое средство. «Он [Пискарев.—*Ред.*] слышал, что есть средство восстановить сон — для этого нужно принять только опиум» («Невский проспект»).

Опочить. — 1) Уснуть. «...Ему бы [сыну. — *Ред.*] теперь нужно опочить и поест чего-нибудь, а он [Тарас Бульба. — *Ред.*] заставлял его биться» («Тарас Бульба»). 2) Умереть. «...А тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью» («Тарас Бульба»).

Опрічь — кроме. «Ей-богу, барин, не видывала, oprичь небольшого доскутка, которым изволили прикрыть рюмку» («Мертвые души»).

Орань — пашня, вспаханное поле. «...Отправлялся в поля на первые весенние работы глядеть, как свежая орань черной полосой проходила по зелени» («Мертвые души»).

Оригина́л. — 1) Подлинник; тот, кого рисуют или с кого списывают. «Без всякой церемонии, одним движением кисти заставлял он [Чартков. — *Ред.*] оригинал поднимать голову, который, наконец, начал сильно вертеться и выражать совершенную усталость» («Портрет»). 2) Чужак, странный человек. «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...» Большой оригинал» («Ревизор»).

Орло́в Александр Анфи́мович (1791—1840) — писатель 1-й половины XIX в., автор множества лубочных книжек. Произведения Орлова в 30-х годах служили мишенью для насмешек литературных критиков. «Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове» («Невский проспект»).

Орре́р (франц.) — ужас. «...Вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричат, никто никого не понимает, ну просто орре́р, орре́р, орре́р» («Мертвые души»).

Осе́дец — длинный клоч волос на голове, заматывавшийся на ухо. В старину мужчины на Украине брили головы, оставляя только оселедец. «Дед объявил напрямик, что скорее даст он отрезать оселедец с собственной головы, чем допустит черта понюхать собачьей мордой своей христианской души» («Пропавшая грамота»).

Осла́бить — улыбаясь, широко открыть рот. «Там теперь будет добрая попойка!» — продолжал Чуб, ослабив при этом свое лицо» («Ночь перед рождеством»).

Осоко́рь — серебристый тополь. «Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры» («Сорочин-

ская ярмарка»). «А что мне отец, товарищи и отчизна?» — сказал Андрий, встряхнув быстро головой и выпрямив весь прямой, как падречная осокорь, стан свой» («Тарас Бульба»).

Ось — вот. «Ось бублики, маковники, вертычки, буханци хороши! ей-богу, хороши! на меду! сама пекла!» («Вий»)

Отбо́яриться — отделаться, уклониться от чего-нибудь. «...Чтоб поздравление было... понимаешь? Не то, чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару» («Ревизор»).

Откупщи́к — лицо, державшее что-либо на откупе, например, получавшее от казны право на винокурение, на продажу вина. Винные откупа давали почти неограниченную возможность наживы, это был лучший способ сделаться миллионером, поэтому «откупщик» и «миллионер» были тогда синонимами. «Вон откупщик Муразов,— легко сказать,— десять миллионов. Экой куш!» («Мертвые души»)

Отпа́дший а́нгел — падший ангел, изгнанный из рая. «Пот усилил проступил на его [Чарткова.— *Ред.*] лице; весь обратился он в одно желание и загорелся одною мыслию: ему хотелось изобразить отпадного ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души» («Портрет»).

Отпева́ть — совершать над покойником церковный обряд отпевания. Обобщенно: произнести окончательный, безнадежный приговор чему-нибудь. «...Погребальный голос аукциониста, постукивающего молотком и отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь искусствам» («Портрет»).

Отпо́тчевать — угостить, отблагодарить угощением за угощение; переносное значение: угостить бранью, побоями. «...Черт улетел снова в трубу, в твердой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпочтует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры» («Ночь перед рождеством»).

Отпуски́я — вольная, документ о воле, который получал крепостной, отпускаемый на волю. «Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам» («Шинель»).

Отрапортова́ть — донести устно или письменно по начальству; переносное значение: отделать, проучить. «Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отпраповали: два дня сидеть не могла» («Ревизор»).

Отто́панный — отогнанный в поле. «...Вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц» («Мертвые души»).

Отхо́дная — молитва, которую читают над умирающим. «...Дочь одного из богатейших сотников... находится при смерти и перед смертным часом изъявила желание, чтобы отходную по ней и молитвы в продолжение трех дней после смерти читал один из киевских семинаристов: Хома Брут» («Вий»).

Отче наш — одна из самых важных молитв православной церкви; в старину ее учили наизусть с детских лет. «Еще мальчишка, «Отче наш» не знаешь, а уж обмериваешь» («Ревизор»).

Отше́льник — монах, поселившийся в монастыре, отказавшийся от общения с людьми. «Я уже несколько слышался о суровой святости его жизни и заранее воображал встретить черствую наружность отшельника, чуждого всему в мире, кроме своей кельи и молитвы, изнуренного, высохшего от вечного поста и бденья» («Портрет»).

«О ты, что в гóрести напрáсно на бóга ропщешь, человек!» — слова из оды Михаила Васильевича Ломоносова, великого ученого и поэта, «Подражание Иову». «Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек!» («Ревизор»)

Охочекóмонные — конные добровольцы из казаков. «Было между ними [казаками.— *Ред.*] немало и охочекомонных, которые сами поднялись, своею волею, без всякого призыва, как только услышали, в чем дело» («Тарас Бульба»).

Охта — название пригорода Петербурга, расположенного на берегу Невы от устья реки Охты, впадающей в Неву. «Гроб его [Пискарева.— *Ред.*] тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту» («Невский проспект»).

Оху́ление — осуждение, порицание. «Это был художник, каких мало ...одно из тех самородных чуд, которых часто современники честят обидным словом: «невежи» и которые не охлаждаются от охулений и собственных неудач» («Портрет»).

Очерёт — тростник, камыш. «Крыши все крыты очеретом» («Повесть о том, как поссорился...»). *Очерётяный* — прилаг. к «очерет». «Солнечный луч, проходя в дыру, сделанную в ставне, принял радужный цвет и, ударяясь в противостоящую стену, рисовал на ней пестрый ландшафт из очеретяных крыш, дерев и развешанного на дворе платья, все только в обращенном виде» («Повесть о том, как поссорился...»).

Очи́нить перо́ (гусиное).— До изобретения металлических перьев писали гусиными. Очинка перьев в департаментах лежала на обязанности самых мелких чиновников, которые иногда делали карьеру умением очинивать перья «по руке» (по вкусу) своего начальника. «Проклятая цапля! он, верно, завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его превосходительства» («Записки сумасшедшего»).

Очи́пок — род чепца, головной убор замужней женщины. «Она [неугомонная супруга.— *Ред.*] тут же сидела... в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу» («Сорочинская ярмарка»).

Очку́р — шнурок, которым затягивали шаровары. «...Шаровары шириною в Черное море, с тысячею складок и со сборами, претянулись золотым очкуром; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками, для трубки» («Тарас Бульба»).

Ошельмовавши́сь — от «ошельмоваться» — осрамиться, опозориться. «Оный же вышеупомянутый разбойник и дворянин Иван, Иванов сын, Перерепенко в приточении ошельмовавшись состоялсь» («Повесть о том, как поссорился...»).

II

Па́вел (апосто́л) — один из апостолов Христа (I в. н. э.); вначале принадлежал к секте фарисеев и был гонителем христиан, потом принял христианство и был ревностным его распространителем, за что преследовался, подвергался заточению и принял мученическую смерть при римском императоре Нероне. «Слышала ли ты про апостола Павла, какой был он грешный человек, но после покаялся и стал святым» («Страшная месть»).

Па́вел Петро́вич — русский император Павел I (1754—1801); отличался крайней подозрительностью и жестокостью; в ночь на 11 марта 1801 г. был задушен в своем замке заговорщиками. «В восемьсот первом, при Павле Петровиче, я был сделан лейтенантом» («Женитьба»). «Окинувши взглядом комнату, он [Чичиков.— *Ред.*] теперь заметил, что на картинах не все были птицы: между ними висел портрет Кутузова и писанный масляными красками какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче» («Мертвые души»).

Пáволока — название в Древней Руси привозной ткани. «Не раз драли на нучи дорогие паволоки и оксамиты» («Тарас Бульба»).

Па́даль — высыпавшиеся зерна колосьев. «А вон смотрите — по кособору рожь поднялась; ведь это все падаль» («Мертвые души»).

Пала́та.— 1) В царское время многие учреждения имели название «палата»; были палаты: казенная, судебная, гражданская и др. «Чичиков... взял в руки теплый картуз и бумаги под мышку и отправился в гражданскую палату совершать купчую» («Мертвые души»). «Увы! с того времени палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет!» («Повесть о том, как поссорился...») 2) Большое, роскошно отделанное помещение в царском дворце. «Повели его [деда.— *Ред.*] в палаты, такие высокие, что если бы хат десять поставить одна на другую, и тогда, может быть, не достало бы» («Пропавшая грамота»).

Пала́ш — старинное холодное оружие, прямая сабля. «Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему [ляху.— *Ред.*] в самые поблдевшие уста» («Тарас Бульба»). «Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдтегер с усами в аршин» («Мертвые души»).

Пáлевый — бледно-желтый, соломенный (цвет). «Подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и с нею тоненькая, в белом платье, очень мило рисовавшемся на ее стройной талии, в палевой шляпке, легкой, как пирожное» («Нос»). «...Я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое» («Ревизор»).

Па́ли — по выражению семинаристов, удары линейкой по руке. «...Один [воробьенок.— *Ред.*], вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали» («Вий»).

Па́лица — дубина, оканчивающаяся внизу шишкой. «...После третьего боя показались наконец старшины: кошевой с палицей в руке — знаком своего достоинства, судья с войсковою печатью, писарь с чернильницею и есаул с жезлом» («Тарас Бульба»).

Па́лкинский трактир — популярный в Петербурге трактир. «Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в «Лондоне» («Мертвые души»).

Паля́ница — небольшой плоский хлеб. «Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хватались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки» («Ночь перед рождеством»).

Пампушка — кушанье из теста. «Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, меда сорокалетние» («Тарас Бульба»).

Пан — польский помещик; обобщенно: барин, господин. «Почесал себе пейсики, да и содрал с какого-то проезжего пана мало не пять червонцев» («Сорочинская ярмарка»). *Пани* — госпожа. «...Возле самых мельниц было слышно, как пани выезжала со двора» («Старосветские помещики»). *Панич* — барчонок. «...Тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие). *Панючка* — уменьш. к «панна» — дочь пана, барышня. «У сотника была дочка, ясная панючка, белая, как снег, как твое личико» («Майская ночь»). *Панянка* — польская дама. «Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему [Остапу.— *Ред.*] на руках и ногах кости ...когда панянки отворотили глаза свои» («Тарас Бульба»). *Панский* — прилаг. к «пан». «На четвертый день приказал сотник своей дочке носить воду, мести хату, как простой мужичке, и не показываться в панские покои» («Майская ночь»). *Панство* — собират.: паны, господа. «Боже ты мой! сколько тут панства! — подумал кузнец» («Ночь перед рождеством»). *Пановать* — барствовать, жить по-барски. «Думаете, купили спокойствие и мир; думаете, пановать станете? Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречаною половой, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам!» («Тарас Бульба»)

Паникадiло — большая люстра, висящая под сводами в храме. «Эдакого человека не худо, на всякий случай, и при виннице держать; а еще лучше повесить на верхушке дуба вместо паникадiла» («Майская ночь»).

Панихида — богослужение по умершем. «Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе» («Ночь перед рождеством»). Уереносное значение: «...Погребальный голос аукциониста, постукивающего молотком и отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь искусствам» («Портрет»).

Пансион — в дореволюционное время частное учебное заведение, в котором воспитанники, за определенную плату, были на полном содержании. «...В пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый для счастья семейственной жизни; фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов» («Мертвые души»).

Паперть — площадка перед главным входом в церковь. «Частный пристав, находившийся тут же, дал приказание подвинуться народу подальше, то есть поближе к паперти, чтоб как-нибудь не измяла туалет ее высокоблагородия» («Мертвые души»).

Паролé — при игре в банк ставка, увеличенная вдвое против первоначальной. *Утка* — прибавка к ставке. «Не сделай я сам глупость, право, не просадила бы. Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк» («Мертвые души»).

Паролé пе — в карточной игре (банк) увеличение ставки вчетверо. «Черт побери! Пароле пе! да вон еще девятка на столе, идет и она, и пятьсот рублей мазу» («Игроки»).

Партикулярное (платье) — штатское, в противоположность форменному, военному. «Недурной наружности, в партикулярном платье» («Ревизор»).

Пáртия — законченная часть в карточной игре. «Сыгравши два роберта, Чертокуцкий опять нашел под рукою стакан с пуншем, который тоже, позабывшись, выпил, сказавши наперед: «Пора, господа, мне домой, право, пора». Но опять присел и на вторую партию» («Коляска»).

Пáрубок — парень. «Оглянулась — и парубок в белой свитке с яркими очами стоял перед нею» («Сорочинская ярмарка»).

Пáсичник (*пáсечник*) — пчеловод. «...Пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму» («Вечера на хуторе...»), ч. I. Предисловие).

Пáсквиль — клевета. «...Все объявление состояло в том, что сбежал пудель черной шерсти. Кажется, что бы тут такое? А вышел пасквиль: пудель-то этот был казначей, не помню какого-то заведения» («Нос»). «Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль» («Театральный разъезд»). *Пáсквильный* — прилаг. к «пасквиль»; обобщенно: гнусный, презренный. «Он [Ковалев. — *Ред.*] потихоньку приблизился к зеркалу и сначала зажмурил глаза с тою мыслию, что авось-либо нос покажется на своем месте; но в ту же минуту отскочил назад, сказавши: «Экой пасквильный вид!» («Нос»)

Пáсквильность — обобщенно: гнусность, безобразие. «...Как же мне оставаться без носа? — сказал Ковалев. — Уж хуже не может быть, как теперь. Это просто черт знает что! Куда же я с такою пасквильностью покажуся?» («Нос»)

Пассаж.— 1) Неожиданное происшествие. «Иное письмо с наслаждением прочтешь — так описываются разные пассажи» («Ревизор»). 2) Странный оборот дела. «Ах, какой пассаж!» («Ревизор») «...Как Чичиков, будучи человек заезжий, мог решиться на такой отважный пассаж?» («Мертвые души»)

Па́стырский — прилаг. к «пастырь» — руководитель паствы, священник. «...Вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты, и впереди сам архиерей с крестом в руке и в пастырской митре» («Тарас Бульба»).

Патрѐн — покровитель, благодетель, хозяин. «Прошлый год, так как-то около лета, да чуть ли не на самый день моего патрона, приехали ко мне в гости...» («Вечера на хуторе...», ч. II. Предисловие) «...Один [воробьенок.— *Ред.*], вдруг чиликнув среди необыкновенной тишины в классе, доставлял своему патрону порядочные пали в обе руки, а иногда и вишневые розги» («Вий»).

Паша́ — титул высших чиновников в Турции и Египте. «Не вытерпел атамац Мосий Шило, истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвинил грешную голову, вошел в доверенность к паше, стал ключником на корабле и старшим над всеми невольниками» («Тарас Бульба»). «А у турчица был паша такой, что сам с десятью янычарами мог порубить целый полк» («Страшная месть»).

Пѐгий — пестрый, пятнистый. «Глина на них [домиках.— *Ред.*] обвалилась от дождя, и стены вместо белых сделались пегими» («Коляска»).

Педант — формалист, слепо следующий мелочным правилам, установившимся формам жизни, поведения. «Моя нога!» — вскрикнул городничий, бросив па Ивана Ивановича один из тех взглядов, какие бросает великан на пигмея, ученый педант на танцевального учителя» («Повесть о том, как поссорился...»). «Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин — удобства» («Мертвые души»).

Пѐкло — ад. «Дед заключил, что, верно, черт приходил пешком, а как до пекла не близко, то и стянул его коня» («Пропавшая грамота»). «Тут дед принялся угощать черта такими прозвищами, что, думаю, ему не один раз чихалось тогда в пекле» («Пропавшая грамота»). *Пѐкельный* — прилаг. к «пекло». «У него [отца.— *Ред.*] сердце из железа выковано. Ему выковала одна ведьма на пекельном огне» («Страшная месть»).

Пѐнная — водка. «Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебе достал! Смотри, смотри, как он молодецки тляет пенную!» («Сорочинская ярмарка»)

Пённый — водка, сивуха. «Фруктов же можно засушить и продать в город множество или, еще лучше, выкурить из них водку; потому что водка из фруктов ни с каким пенником не сравнится» («Вий»).

Пентефрий — важный сановник египетского фараона. «Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду, или Пентефрию, супругу египетского царедворца» («Вий»).

Пентюх — неуклюжий, неотесанный, грубый человек, увальень. «А лакей входит (вытягиваясь и представляя лакея): «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять» («Ревизор»).

Перевязь — ремень, лента через плечо (преимущественно у военных). «Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромный палаш привешен к боку» («Мертвые души»).

Передержка — способ сплутовать в игре в карты: передернуть, поменять карту. «В картишки... играл он [Ноздрев.— *Ред.*] не совсем безгрешно и чисто, зная много разных передержек и других тонкостей» («Мертвые души»).

Перекладная (перекладные) — до проведения железных дорог почтовый экипаж с лошадьми, менявшимися на почтовых станциях. «Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?» — «Да, я привык уж так» («Ревизор»). «...Одним словом, человек в отставке, которому после всей забубенной жизни и тряски на перекладных остаются одни пошлые привычки» («Портрет»).

Перекупка — торговка. «...Поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками» («Сорочинская ярмарка»).

Переполюх (вылить) — лечить от испуга. «...Выливают переполюх у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он: бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит» (*прим. Гоголя*). «Долго ли до греха, пан голова, перепугают доброго человека так, что после ни одна баба не возьмется вылить переполюху» («Майская ночь»).

Пересёк — кадка из распиленной пополам бочки. «...Горами белеет всякое дерево — шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересеки, ушаты, лагуны» («Мертвые души»).

Перетóржка — вторичный торг, назначаемый через известный срок после первого. «...Там же находился вызов желающих купить старые подошвы с приглашением явиться к переторжке каждый день от восьми до трех часов утра» («Нос»).

Пёрси — грудь. «...И вот она [русалка. — *Ред.*] опрокинулась на спину, и облачные перси ее, матовые, как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали пред солнцем по краям своей белой, эластически-нежной окружности» («Вий»).

Перст — палец. «Побасенки! О, да пребудут же вечно святы в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам: чудный перст провидения был неотлучно над главами творцов их» («Театральный разъезд»).

Перуджйнова — прилаг. к «Перуджйно Пьётро Ваннучи» (1446—1524) — знаменитый итальянский художник, учитель великого художника Рафаэля. «Видал, чудная, совершенно Перуджинова Бианка» («Невский проспект»).

Песóк. — В старину, когда писали гусиными перьями, написанное чернилами присыпали песком вместо промокательной бумаги. «Сначала он [Чичиков. — *Ред.*] принялся угождать во всяких незаметных мелочах... сдувал и сметал со стола его песок и табак» («Мертвые души»). *Песóчница* — баночка с крышкой с маленькими отверстиями (вроде перечницы), куда насыпали песок. «Вот оно, внутреннее расположение: в самой середине мыльница, за мыльницею шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленною между ними лодочкой для перьев, сургучей и всего, что подлиннее» («Мертвые души»).

Пестрúшка — полосатая бумажная ткань. «Запятки были заняты лицом лакейского происхождения, в куртке из домашней пеструшки» («Мертвые души»).

Пестрядёвый — прилаг. к «пестрядь» — грубая бумажная ткань из разноцветных ниток. «...Набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов» («Мертвые души»).

Петит-увёрт (птит-уверт) — термин карточной игры. «...Он сидел за столом, весело говорил: «петит-уверт», закрывши одну карту» («Старосветские помещики»).

Петли́ца — нашивка из цветной материи на воротнике форменной (особенно военной) одежды. «Он-то, пожалуй, надворный советник и петлицу носит, да уж на подъем куды тяжел, не выманишь из дому» («Женитьба»).

Петр свято́й — один из ближайших учеников Христа, апостол, во время гонения на христиан при Нероне был схвачен и распят; по евангельскому сказанию, Христос поручил ему ключи от царства небесного. «...Торжеством его [кузнеца.— *Ред.*] искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа» («Ночь перед рождеством»).

Петро́вка (чаще — *петровки*) — у православных пост перед петровым днем, то есть праздником апостолов Петра и Павла (29 июля ст. ст.). «Он [пастух.— *Ред.*] не преминул рассказать, как летом перед самою Петровкой, когда он лег спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров» («Ночь перед рождеством»).

Петро́вый бато́г — щикорий. «На крыше тоже немало сушилось разного рода трав: петровых батогов, нечуй-ветра и других» («Иван Федорович Шпонька...»).

Пехо́та — название армии пехотинцев; обобщенно: нога. «Чем быстрее действовал городничий своею пехотою, тем менее она двигалась вперед» («Повесть о том, как поссорился...»).

Печа́тка.— В старину, когда письма запечатывались сургучом или особыми облатками, была мода на печати, на которых вырезывались или дворянские гербы их владельцев, или разнообразные изречения, символические знаки, инициалы и пр.; небольшие печатки (золотые, медные, сердоликовые) носились, как брелоки, на часовой цепочке. «Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середа, четверг, понедельник и проч.» («Нос»). «Нет, что ж за куш пятьдесят? Лучше ж в эту сумму я включу тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам» («Мертвые души»).

Пивко́пы — 25 копеек. «Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу, дала пивкопы — та ничего... не больно» («Ночь перед рождеством»).

Пилястра — четырехугольный столб, плотно примыкающий к стене, служит для укрепления или украшения стены. «...Несколько мужчин, прислонясь у колонн и пилястр, на которых возлегли боковые своды, печально стояли тоже на коленях» («Тарас Бульба»).

Писанье — имеется в виду так называемое у христиан священное писание, то есть книги Ветхого и Нового завета. «Уж дело известное, и по Писанью известно, что глас народа — глас божий» («Тарас Бульба»).

Пи́сарь волостной — в дореволюционное время канцелярский служащий для составления и переписки бумаг. «...Волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село» («Ночь перед рождеством»).

Пистоль — короткое огнестрельное оружие. «...Пистолы его давно уже заржавели и лежат в комод» («Старосветские помещики»).

Питейная часть — служба, связанная с торговлей спиртными напитками. «Отец — пьяница, мать — стряпуха, родня — кварташки или служащие по питейной части» («Отрывок»).

Питейный дом — кабак; так как в кабаках вино продавалось казенное, то на кабацких вывесках были поставлены государственные гербы. «Чаще же всего заметно было потемневших двухглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом» («Мертвые души»). «...Канцелярский и его помощник, инвалид, от дружных усилий дыханием уст своих распространили такой сильный запах, что комната присутствия превратилась было на время в питейный дом» («Повесть о том, как поссорился...»).

Пищаль — старинное название артиллерийского оружия. «И стали наступать они [ляхи.— *Ред.*] тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалами» («Тарас Бульба»).

Плэхта — женская одежда: вместо юбки четырехугольный кусок толстой полосатой шерстяной или бумажной материи, который обертывался вокруг пояса. «Она [мачеха.— *Ред.*] ...сидела... в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска» («Сорочинская ярмарка»).

Плевё — сорная трава, вообще что-то вредное, дурное. «Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Я не стану снимать плевё с черт знает чего» («Мертвые души»).

Плес — «хвост у сома, весь из жира» (из записной книжки Гоголя). «Стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовым плесом» («Мертвые души»).

Плетюган — плеть, плетка. «А может, так как вы сделали уже слишком разумные, так, может, и плетюганами пороли?» («Тарас Бульба»)

Плие́ — то есть гну, ставлю на карту. «У, молодец гусар! Семерка... уби... ах, нет! плие, черт поberi, плие, опять плие! А, проиграл гусар» («Игроки»).

Плисовый — прилаг. к «плис» — род хлопчатобумажного бархата. «Одна очень любезная дама... не вытерпела, однако же, и сделала несколько кругов в плисовых сапогах» («Мертвые души»).

Плошка — плоский сосуд с фитилем для освещения. «...Пешеходы жались и теснились под домами, унизанными плошками» («Ночь перед рождеством»).

Плюма́ж — султан, украшение из перьев на шляпе. «По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считается в ранге статского советника» («Нос»).

По-английски клумбы — на открытом месте, среди широкого газона. «На ней [на покатоности горы.— *Ред.*] были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сирени и желтых акадий» («Мертвые души»).

Побасёнка — короткий, забавный, занимательный рассказ. «...Статься может, найдете побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие). «Побасенки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось все, что было, а побасенки живут и повторяются поныне» («Театральный разбезд»).

Побратима — деревянный шарообразный сосуд с узким горлом для варенья и меда. «Коробочка, успокоившись, уже стала рассматривать все, что было во дворе ее; вперила глаза на ключницу, выносившую из кладовой деревянную побратиму с медом» («Мертвые души»).

Поверенный — человек, имеющий какие-либо полномочия от учреждения или частного лица. «И в ожидании лучшего принужден был [Чичиков.— *Ред.*] даже заняться званием поверенного,

званием, еще не приобретшим у нас гражданства, толкаемым со всех сторон» («Мертвые души»).

Повершить — закончить, решить. «...Козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дожидаться темной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске» («Тарас Бульба»).

Пове́т — уезд. «Я помещик того же Гадячского повета и ваш сосед» («Иван Федорович Шпонька...»). *Пове́товый* — прилаг. к «повет» — уездный. «Когда был он еще Ванюшею, то обучался в гадячском поветовом училище» («Иван Федорович Шпонька...»). «...Он [Иван Иванович.— *Ред.*] решился забежать зайцем вперед и подать на него [на Ивана Никифоровича.— *Ред.*] прошение в миргородский поветовый суд» («Повесть о том, как поссорился...»).

Пове́тка — сарай. «Двор был уставлен весь чумацкими возами; под поветками, в яслях, в сенях, иной свернувшись, другой развернувшись, храпели, как коты» («Пропавшая грамота»).

Повива́льная ба́бка — акушерка. «...Достоверно известно, что он [цирюльник.— *Ред.*], вместе с одною повивальной бабкою, хочет по всему свету распространить магометанство» («Записки сумасшедшего»).

Пово́йник — женская головная повязка. «Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всех родов... покрыли всю площадь» («Мертвые души»).

Повы́тчик — в дореформенное время чиновник-регистратор, следивший за порядком и хранением поступивших бумаг; столоначальник в суде. «...Он [Чичиков.— *Ред.*] попал под начальство уже престарелому повытчику, который был образ какой-то каменной бесчувственности и непоколебимости» («Мертвые души»).

Погребёц — дорожный ящичек, куда укладывались съестные припасы, вино и необходимые принадлежности при еде и питье (вилка, нож, ложка). «Постой, рожа! где погребец со штофиками?» («Иван Федорович Шпонька...»)

Подво́рье — постоялый двор; усадьба. «...Вся дворянка имела обыкновение забираться в сено под сараями и, открывши рот, испускать такой храп и свист, что панское подворье делалось похожим на фабрику» («Вий»).

Поддедюлить — сказать колкость, поставить в смешное или затруднительное положение. «А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки, ведь я выиграл... Да, брат, ты просто поддедюлил меня» («Мертвые души»).

Подкóва Ивáн — молдавский господарь (II половина XVI в.), по происхождению запорожский казак; руководил борьбой молдавского народа против турецкого ига. Присвоив себе имя убитого турками молдавского господаря, вступил на территорию Молдавии и разгромил турецкого ставленника Петра Хромого; под давлением Турции и местного боярства вынужден был отступить на польскую территорию, где был схвачен польским королем Стефаном Баторием и казнен. «...Дивные речи про давнюю старину ...про молодецкие дела Подковы... не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь старинное чудное дело» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Подкомóрий — межевой судья на Украине (нач. XIX в.). «Теперь же и заседатель и подкоморий отсмолили себе новые шубы из решетилловских смушек с суковною покрышкою» («Ночь перед рождеством»).

Под óбух — под удар. «Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки и подвел даже под обух его пикового короля» («Мертвые души»).

Подорóжная — в царское время документ для проезда на почтовых лошадях по казенной или частной надобности. «Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов» («Ревизор»). «...Ну, хорошо, отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми» («Ревизор»).

Подполкóвник — в царской армии офицерский чин между капитаном и полковником (до 1884 г. — между майором и полковником). «Вот и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо ежели то случалось при посторонних» («Нос»).

Подпорúчик — в царской армии младший офицерский чин. «В скором времени, спустя одиннадцать лет после получения прапорщичьего чина, произведен он [Иван Федорович. — *Ред.*] был в подпоручики» («Иван Федорович Шпоцька...»).

Подрядчик — лицо, ведущее работы или производящее поставки по подрядам. «Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести» («Ревизор»).

Подрясник (поповский) — домашняя длинная одежда духовенства, с узкими рукавами, поверх которой надевается ряса. «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?» («Тарас Бульба»)

Подсочельник — под ребра, в живот. «Сольвычегодские уходили на смерть устьсысольских, хотя и от них понесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочельник» («Мертвые души»).

Подсудок — чиновник земского, уездного суда. «Судья, довольно полный человек ...с доброю миною, в замасленном халате, с трубкою и чашкою чаю, разговаривал с подсудком» («Повесть о том, как поссорился...»).

Подушные (деньги) — подушная подать — налог, который брался со всех лиц мужского пола; отменена в конце XIX в. «...Подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью уступит их [мертвые души.— *Ред.*] каждый уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег» («Мертвые души»).

Пóзов — иск. «Я, Демьян Демьянович,— говорил Иван Иванович, допивая последний глоток,— я к вам имею необходимое дело: я подаю позов... Позов на врага своего, на заклятого врага» («Повесть о том, как поссорился...»).

Позумéнт — тесьма, шитая золотом или мишурой, служит для оторочки одежды. «Из-за фалд выглянул жилет, обложенный золотым позументом, с большим вырезом наперед» («Повесть о том, как поссорился...»).

Покóй (поко́и) — комната в помещицьем доме, в гостинице. «На четвертый день приказал сотник своей дочке носить воду, mesti хату, как простой мужичке, и не показываться в панские покои» («Майская ночь»). «Он [трактирный слуга.— *Ред.*] выбежал проворно, с салфеткой в руке ...встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной галдарее показывать ниспосланный ему богом покой» («Мертвые души»).

Покрóв — у православных праздник покрова богородицы 1 октября ст. ст. «...Сею осенью, может, и закурим. На покров, бьюсь об заклад, что пан голова будет писать ногами немецкие крендели по дороге» («Майская ночь»).

Покропѣть — побрызгать, покрыть брызгами; переносное значение: побить. «Очнувшись, снял он [Корж.— *Ред.*] со стены дедовскую нагайку и уже хотел было покропить ею спину бедного Петра, как откуда ни возмись шестилетний брат Пидоркин, Ивась, прибежал и в испуге схватил ручонками его за ноги, закричав: «Тятя, тятя, не бей Петруся!» («Вечер накануне Ивана Купала»)

Пóкут — место в переднем углу, под образами. «Под самым покутом, на почетном месте, сидел гость — низенький, толстенький человечек с маленькими, вечно смеющимися глазками» («Майская ночь»).

Полати — широкие нары для спанья, которые устраивались в крестьянских избах под потолком, обычно между печью и противоположной стеной. «...Возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги» («Ревизор»).

Полиньяк Жюль Арман (1780—1847) — французский государственный деятель, ярый враг революции; в 1830 г., будучи главой кабинета, подписал ордонансы (указы), по которым свобода печати упразднялась, палаты распускались. Издание ордонансов послужило ближайшим поводом к июльской революции 1830 г. «О, это бестия Полиньяк! Поклялся вредить мне по смерть. И вот гонит да гонит; но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин» («Записки сумасшедшего»).

Политический переворот готовится во Франции. — Классовая борьба во Франции в 30—40-е годы XIX в. проявлялась очень бурно. В 30-м году — июльская революция, окончившаяся воцарением Людовика-Филиппа, герцога Орлеанского; в 30-м же году — процесс министров Карла X, во главе с Полиньяком, вызывает массовые выступления народа; в конце 31-го года — восстание лионских рабочих; в 32-м году — восстание в пользу воцарения брата Людовика-Филиппа, герцога Бордосского; в 34-м году — восстание в Лионе в связи с запрещением политических обществ; в 30-е и 40-е годы — ряд покушений на жизнь короля. «...Мысли [сестры Коробочки.— *Ред.*] не о том, что делается в ее доме и в ее поместьях ...а о том, какой политический переворот готовится во Франции» («Мертвые души»).

Политичный — тактичный, вежливый. «...Если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь» («Ревизор»).

Поли́тура — то же, что полировка, глянец; отполированная поверхность предмета. «Это был красный обшлаг городничего, который, равномерно как и воротник его, получил политуру и по краям превращался в лакированную кожу» («Повесть о том, как поссо-рился...»).

Полицеймейстер — начальник городской полиции. «На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру, где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи» («Мертвые души»).

Пóлка — у пистолетов и ружей часть затвора для насыпания на нее пороха. «Пусть будет так!» — сказал Данило, стирая пыль с винтовки и сыпля на полку порох» («Страшная месть»).

Полкв́арты — половина квартиры — мера жидких тел, немногим больше литра. «Эх, хват! за это люблю! — говорил Черевик, немного подгулявши и видя, как нареченный зять его налил кружку величиною с полкварти» («Сорочинская ярмарка»).

Полкóвник — командир полка; в дореволюционное время старший офицерский чин. «...Русские бородки, несмотря на то, что от них еще несколько отзывается капустою, никаким образом не хотят видеть дочерей своих ни за кем, кроме генералов или, по крайней мере, полковников» («Невский проспект»).

Полóва — мякина, хлебные отбросы. «Будете пановать другим панованьем: сдерут с твоей головы, гетьман, кожу, набьют ее гречаною половою, и долго будут видеть ее по всем ярмаркам!» («Тарас Бульба»)

Полозкí — загнутые спереди и скользящие по снегу пластинки, на которых утверждаются сани; обобщенно: салазки. «Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозки», — сказал Чичиков» («Мертвые души»).

Полонéз — старинный танец медленного, торжественного характера. «...Другая сидела за фортепианом и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобие старинного полонеза» («Невский проспект»).

Полгíна — 50 копеек медью, или 12½ копеек серебром. «Дай ей полтину, предовольно с нее» («Мертвые души»).

Полукафтáнье — кафтан с короткими рукавами. «Жиды беспрестанно посматривали в одну сторону улицы; наконец в конце ее

из-за одного дрянного дома показалась нога в жидовском башмаке, и замелькали фалды полукафтаныя» («Тарас Бульба»).

Полутабенёк — старинная шелковая материя. «...Молодицы... в синих, из лучшего полутабенеку, с красными клапанами кунтушах, важно подбоченившись, выступали поодиночке и мерно выбивали гопака» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Полушка — старинная монета — половина гроша, то есть четверть копейки. «...Память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Полшеляга — старинная монета, равная грошу ($\frac{1}{2}$ копейки). «А вот у хрыча Черевика нет совести, видно, и на полшеляга: сказал, да и назад» («Сорочинская ярмарка»).

Помёт — буквально: единовременный приплод; переносное значение: происхождение от одних родителей, одного рода. «Оно хоть и панского помету, да все когда ведьма, то ведьма» («Вий»).

Помост — настил, пол из досок. «Под потолком взад и вперед мелькают нетопыри, и тень от них мелькает по стенам, по дверям, по помосту» («Страшная месть»).

Пonomáрь — низший церковнослужитель в православной церкви, то же, что дячок, псаломщик. «...К Коржу повадился ходить какой-то лях, обшитый золотом, с усами, с саблюю, со шпорами, с карманами, бренчавшими, как звонок от мешочка, с которым пономарь наш, Тарас, отправляется каждый день по церкви» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Понтёр — в азартных карточных играх человек, играющий против банка. «А средств отвлечь внимание других — есть тысяча. Придеритесь тут же к какому-нибудь из понтеров, скажите, что у него не так записано: глаза всех обратятся на него, а в это время колода уже и подменена» («Игроки»).

Пороховница — в старину сумка у солдат для пороха. «Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы» («Тарас Бульба»).

Поручик — в царской армии офицерский чин между подпоручиком и штабс-капитаном. «Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, служивший прежде поручиком, не помню в каком полку, страшный реформатор»

(«Старосветские помещики»). *Поручиковый* — прилаг. к «поручик». «...Сегодня катался в них [дрожках.— *Ред.*] майор, завтра они появлялись в поручиковой конюшне» («Коляска»).

Посéссор — владелец. «Здесь вы встретите усы ...к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие» («Невский проспект»).

Посибаритствовать — вести жизнь сибарита, жить в роскоши и предаваться праздности и удовольствиям. «Пообедал он [Акакий Акакиевич.— *Ред.*] весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело» («Шинель»).

Послужной список — документ, содержащий сведения о происхождении, образовании и прохождении службы каким-нибудь лицом. «Да не нужно ли аттестат, послужной список? Может быть, невеста захочет полюбопытствовать? Я сбегая за ними в минуту» («Женитьба»).

Пост — воздержание от принятия скоромной пищи, предписываемое церковными правилами. «Ну, это еще не совсем худо,— подумал дед, завидевши на столе свинину, колбасы, крошенный с капустой лук и много всяких сластей,— видно, дьявольская сволочь не держит постов» («Пропавшая грамота»).

Постой — в царское время размещение воинских частей в частных домах. «А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой» («Ревизор»).

Потоп (всемирный) — по библейскому сказанию, наводнение, затопившее всю землю за грехи людей. «Долгом почитаю предудеждать читателей, что это была именно та самая бричка, в которой еще ездил Адам... Совершенно неизвестно, каким образом спаслась она от потопа» («Иван Федорович Шпонька...»).

Почеломкаться — поздороваться, поцеловаться. «Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!» — И отец с сыном стали целоваться» («Тарас Бульба»).

Почтмейстер — чиновник, управляющий почтовой конторой. «Но почтмейстер чрезвычайно глуп, ничего не знает. «...Нет, говорит, здесь нет никаких испанских депутатов, а письма если угодно написать, то мы примем по установленному курсу» («Записки сумасшедшего»).

Пошарпать — потрепать, подергать, потормошить. «...Вот что я думаю: пустить с челнами одних молодых, пусть немного пошарпают берега Натоллии» («Тарас Бульба»).

Православие — одна из христианских религий, перешедшая из Византии в Древнюю Русь и ставшая в царской России официальной религией. «Вечно неугомонный, он [Тарас.— *Ред.*] считал себя законным защитником православия» («Тарас Бульба»).

Прапорщик — в царской армии офицерский чин, являвшийся первым в военное время. «Он [Пирогов.— *Ред.*] любил поговорить об актрисе и танцовщице, но уже не так резко, как обыкновенно изъясняется об этом предмете молодой прапорщик» («Невский проспект»).

Преамбиционный — прилаг. к «амбиция» — самолюбие, чувство чести. «Я задумал жениться; но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбиционные люди» («Мертвые души»).

Предводитель (дворянства) — в дореволюционное время выборный представитель дворянства, заведовавший различными его делами. «В прошлые выборы дал он [Чертокуцкий.— *Ред.*] дворянству прекрасный обед, на котором объявил, что если только его выберут предводителем, то он поставит дворян на самую лучшую ногу» («Коляска»). «Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он [учитель.— *Ред.*] скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал» («Ревизор»). *Предводительша* — жена предводителя дворянства. «Поддай-ка, брат, мне свою колоду: я выберу себе карту на счастье нашей губернской предводительши» («Игроки»).

Председатель палаты — в царское время лицо, руководившее палатой. «...В разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, сказал даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство», что очень им понравилось» («Мертвые души»).

Презентабельный — представительный, видный, приличный. «Дамы города N были то, что называют презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим» («Мертвые души»).

Прелат — духовный сановник в католической церкви. «Прелат одного монастыря, услышав о приближении их [запорожцев.— *Ред.*], прислал от себя двух монахов, чтобы сказать, что они не так ведут себя, как следует; что между запорожцами и правительством стоит согласие» («Тарас Бульба»).

Прелестник — человек, прельщающий, обольщающий других своей привлекательностью, обаянием; соблазнитель. «Ну что ж наш прелестник?» — сказала между тем дама приятная во всех отношениях» («Мертвые души»). «...Кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!» ...Каково вам это покажется? Каков же после этого прелестник?» («Мертвые души»)

Прельститель — человек, исполненный обаяния, способный увлечь, прельстить другого. «Она миг только жила любовью, только в первую горячку страсти, в первую горячку юности, — и уже суровый прельститель ее покидал для сабли, для товарищей, для бражничества» («Тарас Бульба»).

Преосвященный — титул епископа в православной церкви. «А чья это такая размалеванная хата?» — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках» («Ночь перед рождеством»).

Престól — в церкви столик в алтаре, против так называемых царских врат. «К стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола» («Тарас Бульба»). В переносном значении — власть царя. «Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника, и оттого происходят возмущения» («Записки сумасшедшего»).

Прешпéкт — искажен.: «проспект». «...Вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет» («Ревизор»).

Прибýлочный — прибыльный. «А приданое: каменный дом в Московской части о двух елтажах, уж такой прибыточный, что истинно удовольствие» («Женитьба»).

Привáтный — частный, личный, домашний. «...Извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке» («Ревизор»). *Привáтно* — частным, неофициальным образом. «Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, навестаться, не терпят ли проезжающие неприятностей» («Ревизор»).

Приврáтник — сторож у входа, на дворе. «У себя обер-полцимейстер?» — вскричал он [Ковалев.— *Ред.*], зашедши в сени. «Никак нет,— отвечал привратник,— только что уехал» («Нос»).

Пригáркивать — покрикивать. «Петух, встрепенувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы» («Мертвые души»).

Пригина́ть — загибать, придумывать. «Ах, какие ты забранки пригинаешь!» — сказала старуха, глядя на него [Чичикова. — *Ред.*] со страхом» («Мертвые души»).

Прика́з — в царское время учреждение, ведавшее определенной отраслью управления. «Одного боюсь я, чтоб как-нибудь не зятянулась в приказе выдача денег» («Игроки»).

Приказ общественного призрения — учреждение, ведавшее больницами, богадельнями, сиротскими домами и пр. «Денег нет у вас?» — «Денег? Как денег?» — «...В займы рублей тысячу». — «Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?» — «При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения» («Ревизор»). *Прика́зный* — чиновник, служивший в приказе. «Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводку круп, да и красную бумажку прибавь» («Мертвые души»).

Прика́зчик — лицо, служившее в имении помещика, управляющий помещичьим хозяйством. «...Приказчик его был обстрелянная птица: он знал, как нужно отвечать, а еще более, как нужно хозяйничать» («Старосветские помещики»).

При́перть — обидчик. «Помилуй, батюшка барин, Кифа Мокиевич, — говорила отцу и своя и чужая дворня, — что у тебя за Мокий Кифович? Никому нет от него покоя, такой приперть» («Мертвые души»).

Припря́чь — здесь: добавить к ранее известным образам героев. «Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припрячем подлеца!» («Мертвые души»)

Присма́ктывать — присасывать, понемногу посасывать. «Да исподку-то... пропеки ее так, чтобы всю прососало, проняло бы так, чтобы она вся, знаешь, этак растого — не то, чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту, как снег какой, так чтобы и не услышал», — говоря это, Петух присмактывал и подшлепывал губами» («Мертвые души»).

Приспéшник — человек, готовый на всякие услуги, сообщник. «Он [Чартков. — *Ред.*] прислонился к окну и расположился ожидать терпеливо, пока не раздались наконец позади него шаги

парня в синей рубаше, его приспешника, натурщика, краскотебрица и выметателя полов» («Портрет»).

Присутственное место — правительственное учреждение; помещение, занимаемое этим учреждением (присутственная зала). «Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами» («Ревизор»). «Напрасно судья кричал в переднюю, чтобы кто-нибудь из находившихся там выпер сзади Ивана Никифоровича в присутственную залу» («Повесть о том, как поссорился...»).

Присыкнуться — приставать, привязываться к кому-нибудь. «Следовало взять сына портного, он же и пьянчужка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой» («Ревизор»).

Притвор — срединная часть храма. «...Торжеством его [кузнецца. — *Ред.*] искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе» («Ночь перед рождеством»).

Притча — иносказательный рассказ; переносное значение: непонятная вещь, труднообъяснимое явление. «Что ж за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души? Логика нет никакой в мертвых душах; как же покупать мертвые души?» («Мертвые души»)

Прификс (с прификсом) — определенная цена, которую нельзя ни повысить, ни понизить. «Сукно понравилось; о цене условились, хотя она и с прификсом, как утверждал купец» («Мертвые души»).

Пришпилиться — притаиться, присмиреть. «Собакевич пришипился так, как будто и не он, и, подошедши к тарелке, которая была подальше прочих, тыкал вилкою в какую-то сушеную маленькую рыбку» («Мертвые души»).

Пришпандорить — стегнуть, отстегать кого-нибудь. «...Пришпандорить кнутом вон того, того, солового, что он корячится, как корамора?» («Мертвые души»)

Пробавить — продлить, продолжить. «Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь?» («Тарас Бульба»)

Провидение — по представлениям религиозных людей, верховное существо, бог. «...Я вся краснела, я более недели была боль-

на; я не знаю, как я могла перенести все это. Подлинно, одна вера в провидение подкрепила меня» («Отрывок»). «...Дай бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призвание свое быть представителем провиденья на земле» («Театральный разъезд»).

Прого́н, прого́ны — в дореволюционное время плата за проезд на почтовых лошадях. «...Скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не платит: прогон, мол, скажи, казенный» («Ревизор»). «Профинтил дороною денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны» («Ревизор»).

Проже́кт — проект, план. «Его [Чичикова.— *Ред.*] занимал другой прожект — купить имени Хлобуева» («Мертвые души»).

Пролётки (пролётка) — легкий открытый двухместный экипаж. «Мне крайняя необходимость быть дома»,— сказал Костанжоголо, прстился, сел и уехал на своих пролетках» («Мертвые души»).

Проблу́б — искажен.: «прорубь». «...Нужно быть такой сумасшедшей, как ты, чтобы повеситься! Он утонул! утонул в пролубе» («Ночь перед рождеством»).

Прометей — мифологический герой, один из титанов, похитивший для блага людей огонь у богов. «Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных,— да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей» («Мертвые души»).

Промы́сл — то же, что провидение (см. *Провидение*). «...Я был тогда молод, дерзкомыслен, как юноша. Благ промысл, не давший вкусить мне ранних восторгов и хвал!» («Театральный разъезд»)

Протобёстия — бестия (плут, пройдоха) в высшей степени. «Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварчики, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы морские, жаловаться?» («Ревизор»)

Протопо́п — старинное название священника — высшего сана. «А протопоп отец Петр, что живет в Колиберде, когда соберется у него человек пяток гостей, всегда говорит, что он никого не знает,

кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Иван Иванович» («Повесть о том, как поссорился...»). *Протопопша* — жена протопопа. «Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви Николая на Недотычках и остановилась перед воротами дома протопопши» («Мертвые души»).

Протори — издержки, расходы. «...Прошу одного дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочуна... ко взысканию штрафа, удовлетворения проторей и убытков присудить» («Повесть о том, как поссорился...»).

Профит — прибыль, выгода. «Нет, позвольте, уж этого я никак не просил вас говорить. Что-нибудь замолвить в мой профит, похвалить — другое дело; а чтобы эдаким образом, эдакими словами — уж извольте разве кого-нибудь другого, а уж я слуга покорный» («Женитьба»).

Прошколить — выучить, наказать. «Не пора ли нам всех этих повес прошколить хорошенько и заставить их заниматься делом?» («Майская ночь»)

Пряглы — оладьи. «Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками» («Мертвые души»).

Пряженцы — пирожки с мясом и луком. «...С виду и кажется будто бы в комодке ничего нет, кроме белья ...да распоротого сапога, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою» («Мертвые души»).

Псалтырь — в православной церкви книга псалмов. «...Можно ли узнать по каким-нибудь приметам ведьму?» — «Нельзя, — отвечал Дорош. — Никак не узнаешь; хоть все псалтыри перечитай, то не узнаешь» («Вий»).

Психея — в древнегреческой мифологии олицетворение человеческой души в образе девушки необыкновенной красоты, влюбившейся в Эрота; история любви Эрота и Психеи служила темой для многих поэтов и художников; Психея изображалась с крыльями бабочки. «...Да и кому нужны рисунки с антиков и натурального класса, или моя неоконченная любовь Психеи» («Портрет»).

Публі́чность — известность, популярность. «Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьми себе бабу, да и лежи весь век на подлатах да ешь пироги» («Ревизор»).

Пульпи́тр (*пюпитр*) — наклонный столик или подставка для поддержания наклонного положения бумаги, книги, нот. «Полковника он [Чичиков.— *Ред.*] застал за пульпитром стоячей конторки, с пером в зубах» («Мертвые души»).

Пуля́рка — откормленная курица. «...Ему [Чичикову.— *Ред.*] подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоеным пирожком... мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная» («Мертвые души»).

Пу́ндики — сладости. «Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков, тащи нам всего барана, козу давай, меды сорокалетние!» («Тарас Бульба»)

Пуни́ш — спиртной напиток, для приготовления которого варят ром с сахаром и разными приправами. «...Он [Иван Яковлевич.— *Ред.*] отправился в заведение с надписью: «Кушанье и чай» спросить стакан пуншу» («Нос»).

Пури́ст — сторонник пуризма — излишне строгое стремление сохранять старинные нормы жизни, культуры, языка. «Он [Чартков.— *Ред.*] не входил в шумные беседы и споры; он не стоял ни за пуристов, ни против пуристов» («Портрет»).

Пу́стынь — уединенное место, где живет отшельник. «Он [отец.— *Ред.*] удалился с благословенья настоятеля в пустынь, чтоб быть совершенно одному» («Портрет»).

Пу́тря — род каши. «...Не случилось ли вам подчас есть путрю с молоком?» («Вечера на хуторе», ч. I. Предисловие)

Пфе́йфер — перец. «Философ, почесываясь, побрел за Явтухом. «Теперь проклятая ведьма задаст мне пфейферу!» — подумал он» («Вий»).

Р

Ра́да — народное собрание, сходка по общественному делу на Украине. «...Хмельные козаки, в числе нескольких человек, повадили прямо на площадь, где стояли привязанные к столбу литавры, в которые обыкновенно били сбор на раду» («Тарас Бульба»). «Или хотите, может быть, собрать раду?» («Тарас Бульба»).

Раёк — верхние места в театре под потолком, галерка. «...Я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галереи, в кресла, в раек, проникнуть всюду, услышать всех мненья и впечатленья» («Театральный разъезд»).

Разговётъся — у православных по прошествии поста полагалось поест впервые скоромной пищи. «Ух, как в нем забилось ретивое, когда он только подумал о том! Одеться в модный фрак, разговеться после долгого поста, нанять себе славную квартиру, отправиться тот же час в театр... и он, схвативши деньги, был уже на улице» («Портрет»).

Раздобър — разговорчивость, болтливость. «Нашего запорожца раздобар взял страшный» («Пропавшая грамота»). *Раздобаривать* — разговаривать, болтать. «Раздобаривая почасту с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня» («Мертвые души»).

Раздóл — простор, свобода. «Прогоулкам и гуляньям был раздол повсюду» («Мертвые души»).

Размёт — здесь в смысле: размах. «...Все прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли» («Тарас Бульба»).

Размытáрить — расточить, промотать, прожить. «...Вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награбленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдешь» («Тарас Бульба»).

Ракáлия — негодяй, мерзавец. «Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия» («Мертвые души»).

Рапé — высший сорт нюхательного табаку. «Чтоб черт побрал ваш табак! Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе» («Нос»).

Раскóльники — старообрядцы, члены одной из сект, принадлежавших к расколу — религиозному движению в России в XVII веке; постоянно преследовались правительством и имели основание быть недовольными отдельными мероприятиями властей, стеснявших их в отправлении церковных обрядов. «В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не даст покоя, скупая какие-то мертвые души» («Мертвые души»).

Рассольник — пирог с курицей, гречневой кашей, рублеными яйцами и рассолом. «Пирог-курник и пирог-рассольник выглядывали даже наверх» («Мертвые души»).

Расстегай, расстегайчик — пирожок с открытой начинкой (обычно — рыбной). «Стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовым плесом» («Мертвые души»). «Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорей прислал нам расстегайчиков» («Мертвые души»).

Растепеля — растрепанная, перьях, разгильдяй. «Смерть не люблю таких растепелей!» («Мертвые души»)

Ратующий — от «ратовать» — сопротивляться силе, бороться, сражаться. «Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу» («Страшная месть»).

Раут — торжественный званый вечер. «Все этим происшествиям были чрезвычайно рады все светские, необходимые посетители раутов, любившие смешить дам, у которых запас в то время совершенно истощился» («Нос»).

Реал — старинная испанская серебряная монета. «Охотники до военной жизни, до золотых кубков, богатых парчей, дукатов и реалов во всякое время могли найти здесь работу» («Тарас Бульба»).

Ревизовка — контроль, пересмотр, проверка. «Если же кто и производил обыск и ревизовку, то делал это большею частью для своего собственного удовольствия» («Тарас Бульба»).

Ревизская сказка — именные списки крепостных крестьян, которые представлялись помещиками в административные органы при каждой ревизии, переписи. Государственный налог взимался с числа взрослых крепостных мужчин. Для учета крепостных крестьян назначались ревизии, вследствие чего крестьяне-мужчины назывались «ревизскими душами». Число этих «ревизских душ», показанное помещиками в списках, считалось неизменным до следующей ревизии, хотя бы часть крестьян и умерла за это время. Таким образом, умершие крестьяне — мертвые души — от одной ревизии до другой считались живыми, и налог с них уплачивался помещиками, как с живых. «Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?» («Мертвые души»)

Редингот — длинное летнее пальто широкого покроя. «Все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия:

мужчины в длинных сюртуках, с заложенными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках» («Невский проспект»).

Реэстр, реэстрик — опись, письменный перечень. «...Реэстр Собакевича поражал необыкновенною полнотою и обстоятельностью» («Мертвые души»). «Ты, пожалуйста, их перечти,— сказал Чичиков,— и сделай подробный реэстрик всех поименно» («Мертвые души»).

Резонёр — человек, любящий вести пространные рассуждения, преимущественно правоучительного характера. Осип... говорит сурьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать правоучения для своего барина» («Ревизор»).

Рейнвэйн — сорт виноградного вина («рейнское» от названия реки Рейн). «Мадеры тоже подюжины бутылок непременно. У невесты, верно, есть куча тетушек и кумушек — эти шутить не любят. А рейнвейн — черт с ним, не правда ли?» («Женитьба»).

Рэктор — здесь: лицо, стоявшее во главе духовного учебного заведения. «Об этом философ узнал от самого ректора, который нарочно призывал его в свою комнату и объявил, чтобы он без всякого отлагательства спешил в дорогу, что именитый сотник прислал за ним нарочно людей и возок» («Вий»). «...Ректор и профессормонахи не жалели лоз и плетей» («Тарас Бульба»).

Ренонс — в карточной игре отсутствие карты какой-нибудь масти на руках у игрока. «...У меня ведь на руках сам-третьей дама крестов, а у Лукьяна Федосеевича, я давно вижу, что ренонс» («Утро чиновника»).

Реприманд — упрек, выговор, «Какой реприманд неожиданный» («Ревизор»).

Ресторирован (реставрирован) — то есть возобновлен, приведен в прежнее состояние. «Портрет, по-видимому, уже несколько раз был ресторирован и поновлен, и представлял смутные черты какого-то азиатца в широком платье, с необыкновенным, странным выражением в лице» («Портрет»).

Ресурс — запас, источник средств. «Я не понимаю выгод служить в департаменте. Никаких совершенно ресурсов» («Записки сумасшедшего»).

Ретирада — отступление. «Перекрестись!» — сказал голова, оглядываясь назад, как будто выбирая безопасное место в случае ретирады» («Майская ночь»).

Рефинáт — искажен.: «рафинáд» — твердый очищенный сахар в кусках. «Да собой-то, какова собой?» — «Как рефинат! Белая, румяная, как кровь с молоком, сладость такая, что и рассказать нельзя» («Женитьба»).

Решпéкт — искажен.: «респéкт» — уважение, почтение. «А вместе с решпектом позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше к племяннику моему Ивану Федоровичу, который много им хвалится» («Иван Федорович Шповька...»).

Рíга — большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота. «Наступит зима... молотьба по всем гумнам; перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары» («Мертвые души»).

Рíза — облачение священника, надеваемое во время богослужения. «...Вышли навстречу все попы в светлых золотых ризах, неся иконы и кресты» («Тарас Бульба»). Переносное значение: одеяние, покров. «Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает — и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплотся звезды» («Страшная месть»).

Ринальдо Ринальдíни — легендарный разбойник, ставший героем многих разбойничьих романов; герой популярного в начале XIX века романа немецкого писателя Вульпиуса (1762—1827) «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников», переведенного на все языки и широко известного в России. «Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальдо Ринальдини, и требует: «Продайте, говорит, все души, которые умерли» («Мертвые души»).

Рíтор — семинарист, учившийся в одном из двух первых классов духовной семинарии. «Риторы шли солиднее: платья у них были совершенно целы, но зато на лице всегда почти бывало какое-нибудь украшение в виде риторического тропа: или один глаз уходил под самый лоб, или вместо губы целый пузырь, или какая-нибудь другая примета; эти говорили и божились между собою тенором» («Вий»).

Рóберт (рóбер) — в карточных играх, например в висте, круг игры, состоящий из трех отдельных партий. «Сыгравши два роберта, Чертокуцкий опять нашел под рукою стакан с пуншем, который тоже, позабывшись, выпил, сказавши наперед: «Пора, господа, мне домой, право, пора» («Коляска»).

«*Рóберт-Дьявол*» — популярная в 30-е годы опера французского композитора Джакомо Мейербера (1791—1864). «Моих, впро-

чем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма» («Ревизор»). «Насвистывает [Хлестаков.— *Ред.*] сначала из «Роберта» («Ревизор»).

Робро́н — широкое дамское платье с округленным шлейфом. «Ведь известно, зачем берешь взятку и покривишь душой: для того чтобы жене достать на шаль или на разные роброны» («Мертвые души»).

Рождество́ — церковный праздник рождения Христа, празднуется 25 декабря старого стиля (7 января нового). «Ведьм такая гибель, как случается иногда на рождество выпадает снегу» («Пропавшая грамота»). «Теперь я готов. Если богу угодно, я совершу свой труд». Предмет, взятый им, было рождество Иисуса» («Портрет»).

Рождо́н — острый кол. «Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом» («Тарас Бульба»).

Рок — в мифологии и театральных представлениях Древней Греции потусторонняя сила или воля божества, предreshавшая события человеческой жизни. «...Смешно то, что пиеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних» («Театральный разезд»). «...Дай бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призвание свое — быть представителем провиденья на земле, и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступления» («Театральный разезд»).

Ро́лла — персонаж популярной драмы немецкого драматурга Августа Коцебу (1761—1819) «Гишпанцы в Перу, или Смерть Роллы». «...Давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова» («Мертвые души»).

Ру́дый — рыжий. «...Нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие).

Руло́ — оборка юбки в виде жгута. «Во время обедни у одной из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви» («Мертвые души»).

Руते́ — при игре в банк такое положение, когда игроку исключительно везет, то есть много раз подряд выигрывает одна и та же карта. «На, немец, возьми, съешь семерку! Руте, решительно руте!» («Игроки»)

Ручёвский — прилаг. к «Руч» — модный в то время петербургский портвой. «Дай-ка мне ручевский фрак, сшитый по моде, да повяжи я себе такой же, как ты, галстук,— тебе тогда не стать мне и в подметки» («Записки сумасшедшего»).

Рушник — полотенце. «А пани Катерина принялась вышивать золотом шелковый рушник» («Страшная месть»).

Рыдван — большая, громоздкая, старомодная карета. «И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители ...поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны, солдат верхом на лошади» («Мертвые души»).

Рюш — отделка жёнского платья в виде собранной или заложённой в складки полоски ткани, иногда кружев. «Мы с ним были на всех почти балах. Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и черт знает чего не было» («Мертвые души»).

Рядно́ — толстый холст из грубой льняной пряжи. «На дворе лежало на земле множество ряден с пшеницею, просом и ячменем, сушившихся на солнце» («Иван Федорович Шпонька...»).

Ряса — у православного духовенства верхняя длинная одежда в талию, с широкими рукавами. «Белая, как снег, борода и тонкие, почти воздушные волосы такого же серебристого цвета рассыпались картинно по груди и по складкам его черной рясы» («Портрет»). «С раскрытым ртом и замершим дыханьем смотрел он [Чартков.— *Ред.*] на этот страшный фантом высокого роста, в какой-то широкой азиатской рясе и ждал, что станет он делать» («Портрет»).

С

Саврасый (о масти лошади) — светло-гнедой с желтизной, с черным хвостом и черной гривой. «...У Ивана Ивановича кобылка саврасая, с лысинкой на лбу; хорошая очень лошадка» («Повесть о том, как поссорился...»).

Сагайдачный Петр Кóнонович (?—1622) — украинский гетман первой четверти XVII века, проводил политику казацкой верхушки, участвовал в походах Польши на Москву. «...Дивные речи про давнюю старину ...про молодецкие дела... Сагайдачного не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь старинное чудное дело» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Саж — хлев, в котором откармливают свиней. «Я вам дам за него бурую свинью, ту самую, что я откормил в сажу» («Повесть о том, как поссорился...»).

Саламата — мучная похлебка. «Не забирайте много с собой одежды: по сорочке и по двое шаровар на козака да по горшку саламаты и толченого проса» («Тарас Бульба»).

Салоп — широкое дамское пальто. «...Кажется, будто бы в моде ничего нет, кроме белья, да ночных кофточек, да нитяных моточков, да распоротого салопы, имеющего потом обратиться в платье» («Мертвые души»).

Самопал — старинное ружье примитивного устройства. «Сабля, ружье-самопал, короткобубучная трубка с медными бляхами, железными провертками и огнивом были неотлучно при каждом козаке» («Тарас Бульба»).

Санда́л — дерево с сильно ароматической, богатой эфирными маслами древесиной. «...В вино мешает [Повомарев.— *Ред.*] всякую дрянь: сандал, жженую пробку и даже бузиной, подлец, затирает» («Мертвые души»).

Сантурийское — сорт вина от названия греческого острова Санторин. «Возьмитесь лучше с Иваном Никифоровичем за руки, да поцелуйтесь, да купите сантурийского, или никопольского, или хоть просто сделайте пуншику, да позовите меня» («Повесть о том, как поссорился...»).

Сапоги всмятку — чепуха, бессмыслица. «Какая же причина в мертвых душах? даже и причины нет. Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!» («Мертвые души»)

Сарказм — язвительная насмешка, едкая ирония. «Политические экономы!» — говорил Костанжогло, не слушая его, с выражением желчного сарказма на лице» («Мертвые души»).

Сбитенщик — продавец сбитня — горячего напитка на меду с пряностями. «В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар» («Мертвые души»).

Свайка — название игры, состоящей в том, что толстый гвоздь с большой шляпкой нужно броском вонзить в землю, попав в середину лежащего на земле кольца. «...Посреди площади самые маленькие лавочки; в них всегда можно заметить... двух купеческих приказчиков, во всякое время играющих около дверей в свайку» («Коляска»).

Свѣтлое воскресѣнье — у христиан праздник пасхи. «Казалось, что природа сделала непростительную ошибку, определив ей носить темно-коричневый по будням капот с мелкими оборками и красную кашемировую шаль в день светлого воскресенья и своих именин» («Иван Федорович Шпонька...»).

Свѣтка — широкая верхняя одежда, род полукафтаныя. «На ярмарке случилось странное происшествие: все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась красная свѣтка» («Сорочинская ярмарка»). «Голова терпеть не может щегольства: носит всегда свѣтку черного домашнего сукна» («Майская ночь»).

Свод законов — в царское время законы Российской империи, соединенные в одно целое, расположенные в известном порядке. «Проси (бросает поспешно собаку и разворачивает свод законов)» («Утро чиновника»).

Свѣлок — перекаладина под потолком. «...Однако ж свиньи на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили жиды плетеными тройчатками, заставя его плясать повыше вот этого свѣлока» («Сорочинская ярмарка»).

Святки — у христиан праздничное время от праздника рождества Христова (25 декабря ст. ст.) до праздника крещения (6 января ст. ст.). «У меня о святках и свиное сало будет» («Мертвые души»).

Святѣе писаніе (священное писание) — так называется у христиан Библия. «Да ведь он бусурмен: и бог и Святое писаніе велит бить бусурменов» («Тарас Бульба»).

Святотѣтство — богохульство, поругание какой-нибудь святыни. «...Свинья не иначе как была подушена к тому самим противником, называющим себя дворянином Иваном, Ивановым сыном, Перерепенком, уже уличенным в разбое, посягательстве на жизнь и святотѣтстве» («Повесть о том, как поссорился...»). *Святотѣтец* — человек, совершивший святотѣтство. «Посему прошу одного дворянина, яко разбойника, святотѣтца, мошенника, уличенного уже в воровстве и грабительстве, в кандалы заковать и в тюрьму, или государственный острог, препроводить» («Повесть о том, как поссорился...»).

Священнодѣйствующій — лицо, совершающее церковную службу. «...Один из священнодѣйствующих, тут же находившихся, приносивший с таким усердием жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях... прислужился нашим приятелям» («Мертвые души»). Здесь это выражение имеет иронический смысл.

«Се́верная Пчела́» — политическая и литературная газета, издавалась в Петербурге в 1825—1864 гг.; издатели-редакторы были Булгарин, Греч. Вначале газета не чуждалась либерализма, печатала стихи Рылеева, позднее же стала рупором монархизма и реакции, с 1860 г. приняла умеренно-либеральное направление. «...По дороге он [Пирогов.— *Ред.*] зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из «Северной Пчелы» и вышел уже не в столь гневном положении» («Невский проспект»). «Прочитать еще «Северную Пчелу», что там такое? Надоела мне эта «Северная Пчела»: точь-в-точь баба, засидевшаяся в девках» («Тяжба»).

Сейм — название государственного собрания, парламента в Польше. «Но власть короля и умных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своею необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление» («Тарас Бульба»).

Секи́ра — старинное холодное оружие в виде топора с длинной рукояткой. «Эх, недобрые руки подкинули свитку!» Схватил секиру и изрубил ее в куски» («Сорочинская ярмарка»). «А вот тот, душечка, что, вы видите, держит в руках секиру и другие инструменты,— то палач, и он будет казнить» («Тарас Бульба»).

Секу́нд-майо́р — в царской армии XVIII в. офицерский чин, соответствовавший позднему чину капитана. «Когда-то, в молодости, Афанасий Иванович служил в компанейцах, был после секунд-майором» («Старосветские помещики»).

Семина́рия — среднее духовное учебное заведение. «У нас ведь сочинители совершенно без всякого образования: все это большею частью воспитывалось в семинарии» («Театральный разбезд»). *Семинари́ст* — ученик духовной семинарии, человек, получивший семинарское образование. «Сыновья его [Тараса Бульбы.— *Ред.*] только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы» («Тарас Бульба»).

Семира́мид — легендарная ассирийская царица, украсившая Ниневию, столицу Ассирии, замечательными сооружеиями, среди которых были так называемые висячие сады. «...Там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения,— словом, Семирамида, сударь, да и полно!» («Мертвые души»)

Сенáт — в царской России и в других государствах, например в Польше, высшее правительственное учреждение, орган надзора за исполнением законов. Иронически о семинаристах: «Тогда сенат, состоявший из философов и богословов, отправлял грамматиков и риторов под предводительством одного философа, — а иногда присоединялся и сам, — с мешками на плечах опустошать чужие огороды» («Вий»). *Сенáтский* — прилаг. к «сенат». «Пролетов, сенатский обер-секретарь (один, сидит в креслах и поминутно икает)» («Тяжба»). *Сенáтор* — член сената. *Сенáторский* — прилаг. к «сенатор». «Не мало было и всяких сенаторских нахлебников, которых брали с собою сенаторы на обеды для почета» («Тарас Бульба»). Иронически о семинаристах: «Сенаторы столько обедались арбузов и дынь, что на другой день аудиторы слышали от них вместо одного два урока; один происходил из уст, другой ворчал в сенаторском желудке» («Вий»). *Сенáхтор* — искажен.: «сенатор». «А дворянин пойдет на купца к сенахтору» («Женитьба»).

Сердёнко — моя любимая. «Выйди ко мне, мое серденько» («Майская ночь»).

Сердоликовый — прилаг. к «сердолик» — камень-халцедон красного или желто-оранжевого цвета, выделяемый для украшения. «Майор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середа, четверг, понедельник и проч.» («Нос»).

Сердюк — так назывался в старину на Украине казак пешего казачьего полка, состоявшего на жалованье и находившегося в личном распоряжении гетмана. «Старый гетьман сидел на вороном коне. Блестела в руке булава; вокруг сердюки; по сторонам шевелилось красное море запорожцев» («Страшная месть»).

Сермяжный — прилаг. к «сермяга» — одежда из грубого, некрашеного сукна. «Странное, неизъяснимое чувство овладело бы зрителем при виде, как от одного удара смычком музыканта, в сермяжной свитке, с длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие» («Сорочинская ярмарка»).

Серпянка — грубая редкая бумажная материя. «Он [Акакий Акакиевич. — *Ред.*] подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка распозлась» («Шинель»).

Серяк — простой, грубошерстный кафтан. «Кучера, в серых чкменях, свитках и серяках, в бараньих шапках и разнокалиберных фуражках, с трубками в руках, проводили по двору распряженных лошадей» («Повесть о том, как поссорился...»).

Сибёрка — короткий кафтан с перехватом и сборами, с невысоким стоячим воротником. «...Я... глядел и на шедшего в стороне пехотного офицера, занесенного бог знает из какой губернии, на уездную скуку, и на купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках, и уносился мысленно за ними в бедную жизнь их» («Мертвые души»).

Сивый — серый, серовато-сизый (часто о масти лошади); *сивый мерин* — переносно-ироническое выражение: чрезвычайно глупый человек. «Городничий — глуп, как сивый мерин» («Ревизор»).

Сиделец — человек, работавший в качестве посыльного, сторожа, приказчика в лавке. «...Чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит» («Ревизор»).

Синдячки — узкие ленты. «...Тогда еще девушки наши не заплетали их [волосы.— *Ред.*] в дрибушки, перевивая красивыми, ярких цветов синдячками» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Синица — пятирублевая, синего цвета, ассигнация (бумажные деньги). «Вот тебе и синица в задаток» («Сорочинская ярмарка»).

Синюха — то же, что и *синица*. «...А у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь десяти синюх» («Мертвые души»).

Сировец — хлебный квас. «...Дед надел свитку, подпоясался, взял под мышку заступ и лопату, надел на голову шапку, выпил кухоль сировцу, утер губы полою и пошел прямо к попову огороду» («Заколдованное место»).

Сичь — то же, что и *Сечь*. «За Сичь!» — сказал Тарас и высоко поднял над головою руку!» («Тарас Бульба»)

Скалдырник — скупой человек, жадный, скаред. «Ну, послушай, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего» («Мертвые души»).

Скарбница — в старину на Украине место хранения казны. «В тот же час отправились несколько человек на противоположный берег Днепра, в войсковую скарбницу, где, в неприступных тайниках, под водою и в камышах, скрывалась войсковая казна и часть добытых у неприятеля орудий» («Тарас Бульба»).

«Скачи́, вра́же, як пан ка́же». — Скачи, враг, как пан приказал — пословица («Вий»).

Сквалы́га — то же, что *скалдырник*. «А уж у нас в нашей губернии... Вы не можете себе представить ...меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупердяем первой степени» («Мертвые души»).

Сколёской — искажен.: «коллежский» (советник.) «Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу по государску, он сколеской советник» («Мертвые души»).

Скоморо́х — в Древней Руси певец-музыкант, актер, исполнявший в балагане шутовские и акробатические номера. «...Ибо не признает современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха!» («Мертвые души»)

Скопапéль истоа́р — то, что называется историей (искаженное французское выражение). «...Душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, скопапель истоар», — говорила гостя с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом» («Мертвые души»).

Скороду́мки — пирожки. «Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки...» («Мертвые души»)

Скорóмный — пища, которая запрещается церковными правилами во время постов. «...Ведь сегодня голодная кутья [то есть постный день. — *Ред.*], а он ест вареники, вареники скоромные» («Ночь перед рождеством»). «Вишь, проклятая баба! А поглядеть на нее: как святая, как будто и скоромного никогда не брала в рот» («Ночь перед рождеством»).

Сластéна — пышка. «...Запах горячих сластен понесся по всему табору» («Пропавшая грамота»).

Сливя́нка — наливка из слив. «...Чтоб ему не довелось обтирать губ после панской сливянки» («Сорочинская ярмарка»).

Слово-тíтлу поста́вить зна́л — знал хорошо грамоту. В старину читать учили по слогам, называя не звуки, а буквы церковнославянской азбуки: твердо (т), он (о) — то; титло в славянском языке — знак, который ставится над сокращенными словами, обозначая выпущенную букву. «Покойный дед, надобно вам сказать, был не из простых козаков. Знал и твердо он-то и слово-титлу поставить» («Пропавшая грамота»).

Слог «въ».— С начала XIX в. под воздействием политики царского правительства, направленной к обрусению Украины, украинское дворянство, особенно позднего происхождения («новое панство»), легко поддавалось «великорусским» влияниям. Детей заставляли говорить по-пански, то есть по-русски, изгоняя украинский язык как рабский, холопский; руссифицировали старинные украинские фамилии прибавлением в конце слога «в» (например, вместо Гриценко — Гриценков). «...Наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на «о», слог «въ» («Старосветские помещики»).

Служка — слуга в монастыре. «Четыре раза закапывал он [Остап.— *Ред.*] свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержат его в монастырских служках целые двадцать лет» («Тарас Бульба»).

Смирительный дом — дом, где, отбывая наказание, работали приговоренные за разного рода провинности. «Мне нужно захватить стсюда в смириительный дом» («Нос»).

Смольный монастырь — женский монастырь в Петербурге на берегу Невы; основан Елизаветой Петровной, позднее здесь институт благородных девиц; церковь в монастыре была построена по проекту Растрелли. «Ну, положим, например, я отправился на гулянье на Аптекарский остров, а кучер меня вдруг завез на Выборгскую или к Смольному монастырю» («Театральный разъезд»).

Смушевый — то же, что *смушковый*, прилаг. к «смушка» — мех, шкурка новорожденного ягненка особой, ценной породы овец. «Данило надел смушевую шапку, закрыл окошко, задвинул засовом дверь, замкнул и вышел потихоньку из двора, промеж спавшими своими козаками, в горы» («Страшная месть»).

Смушки — овечьи шкурки; решетиловские — мелкие, черные шкурки. «Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки! Фу ты, пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие!» («Повесть о том, как поссорился...») «...Вынул [Вакула.— *Ред.*] из супдука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу» («Ночь перед рождеством»).

Собачей — собачник, любитель собак; псовый охотник. «Так русский барин, собачей и йора-охотник, подъезжая к лесу, из кото-

рого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, превращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг» («Мертвые души»).

Содо́м — крайний беспорядок, шум, суматоха. «Слышно между общим содомом, что говорят про заднепровский хутор пана Данила, про красавицу жену его» («Страшная месть»). *Содо́мный* — прилаг. к «содом». «И, мать моя, да на Руси есть такие содомные прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь» («Женитьба»).

Созда́тель — тот, кто создал что-нибудь; обобщенно: творец мира, бог. «О, какое небо! какой рай! дай силы, создатель, перенести это!» («Невский проспект»)

Соло́вый (о масти лошади) — желтоватый, с светлым хвостом и светлой гривой. «...Пришпандорь кнутом вон того, того, солового, что он корячится, как корамора?» («Мертвые души»)

Соломо́н — царь объединенного израильско-иудейского царства (X в. до н. э.); по представлению восточной литературы, Соломон — премудрый царь. «Слушай, пан! — сказал Янкель, — нужно посоветоваться с таким человеком, какого еще никогда не было на свете. У-у! то такой мудрый, как Соломон» («Тарас Бульба»). «В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-либо бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда» («Ревизор»).

Соло́н — афинский законодатель, древнегреческий мудрец. «Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хотя он Солон заткни за пояс!» («Мертвые души»)

Сони́ще — множество, толпа. «Подымите мне веки: не вижу! — сказал подземным голосом Вий — и все сонмище кинулось подымать ему веки» («Вий»).

Соня́шница. — 1) Трава, настой. «Заваривают соняшницу от дурноты и боли живота. Для этого зажигают кусок пеньки, бросают в кружку и опрокидывают ее вверх дном в миску, наполненную водою и поставленную на живот больного; потом, после зашептываний, дают ему выпить ложку этой самой воды» (прим.

Гоголя). «Чего ни делала Пидорка: и совещалась с знахарями, и переполох выливали, и совяшницу заваривали — ничто не помогло» («Вечер накануне Ивана Купала»). 2) Боль в животе. «А я думала было уже, Афанасий Иванович, что к вам болячка или совяшница пристала» («Сорочинская ярмарка»).

Сóрок сороков — традиционное выражение для обозначения многочисленности церквей в дореволюционной Москве. «Продли бог на сорок сороков!» («Ревизор»). Здесь — в переносном значении.

Сорóка — праздничный головной убор украинских крестьянок. «Сороки, кички, повойники, зипуны и картинно-окладистые бороды красивого населения обступили его [Тентетникова.— *Ред.*] кругом» («Мертвые души»).

Сослóбие — группа лиц, имеющих одинаковое занятие. «...В этом бою должны были участвовать все, даже и цензора, обязанные смотреть за порядком и нравственностью всего учащегося сословия» («Вий»). Здесь речь идет об учащихся в духовной семинарии.

Сотвори́ть крест — перекреститься (по-христиански). «...Он [кузнец.— *Ред.*] сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок» («Ночь перед рождеством»).

Сóтник — начальник войсковой сотни казаков. «Давно, мое серденько, жил в этом доме сотник» («Майская ночь»).

Сочинéние Пу́шкина.— В 20—30-е годы XIX в. была мода на рукописные сборники стихов и песен. Любители литературы переписывали в свои тетради и альбомы понравившиеся стихи из книг и журналов или такие, которые по условиям цензуры не могли быть напечатаны и распространялись в рукописях. Именем Пушкина в рукописной литературе подписывались многие стихи, ему не принадлежавшие. «Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение» («Записки сумасшедшего»). Это стихотворение поэта Н. П. Николаева (1758—1815); некоторые его стихотворения, перепечатанные в старинных песенниках, были очень популярны, например: «Взвейся выше, понесися», «Вечерком румяну зорю».

Спа́ржа — растение с тонкими чешуйчатыми листьями, молодые побеги которых употребляются в пищу. «Обед был чрезвычайный: осетрина, белуга, стерлядь, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки» («Коляска»).

Спекуля́тор — предприимчивый, оборотистый человек в торговых, промышленных делах. «Один спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами, продававший при входе в театр разные сухие кондитерские пирожки, нарочно поделал прекрасные деревянные прочные скамьи, на которых приглашал любопытных становиться за восемьдесят копеек от каждого посетителя» («Нос»).

Спиртуо́зный — то же, что *спиртной*. «Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович» («Шинель»).

Спо́дка — спод, низ, дно. «Вот замечаю я, что она [старуха моя.— *Ред.*] пирожки печет все на какой-то бумаге... Посмотрел как-то на сподку пирожка, смотрю: писанные слова. Как будто сердце у меня знало, подхожу к столу — тетрадки и половины нет! Остальные листки все растаскала на пироги» («Иван Федорович Шпонька...»).

Станисла́в — орден царской России. «Просто, статский советник, по месту только числится в четвертом классе. Каково счастье? В пятнадцать лет службы Владимира, Анну, Станислава...» («Театральный разъезд»)

Ста́роста це́ркви — лицо, ведающее хозяйственными делами церкви. «В том селе был у одного козака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным; может, оттого, что никто не помнил ни отца его, ни матери. Староста церкви говорил, правда, что они на другой же год померли от чумы» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Старшина́ — представитель зажиточной верхушки казачества, занимавший командную должность. «Между тем в народе стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами» («Тарас Бульба»).

Ста́тис́тый — стройный. «Очень, очень хорошая! — сказал Чертокуцкий, — статистая лошадь!» («Коляска»)

Ста́точный — могущий случиться, статья. «Взгляните ша всякое творение божие: чему-нибудь да служит, имеет свое отправление... а человек, разумнейшее существо, чтобы оставался без пользы, — статочное ли это дело?» («Мертвые души»)

Стегнышко — уменьш. к «стегно» — верхняя часть ноги, бедро. «Да что ж вы так мало взяли? Возьмите стегнышко! Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: «Иван Федорович, возьмите стегнышко!» («Иван Федорович Шпонька...»)

Столбовой (дворянин) — дворянское сословие разделялось на потомственное (столбовое) и личное. Потомственное дворянство — звание, получаемое по наследству от предков. Списки потомственных дворян заносились в особые книги (до XVII в. записывались на столбах, узких и длинных полосках бумаги, которые потом склеивались и скатывались в толстые трубки). «Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые или личные — бог ведает» («Мертвые души»).

Столначальник — в дореволюционное время чиновник, ведавший в учреждении каким-нибудь отделением со специальным кругом дел. «Они думали, что я напишу на самом кончике листа: столначальник такой-то. Как бы не так! а я на самом главном месте, где подписывается директор департамента, черкнул: «Фердинанд VIII» («Записки сумасшедшего»).

Столпотворение вавилонское — шум, беспорядок, неразбериха, особенно при большом стечении народа (выражение идет из библейского сказания о так называемом вавилонском столпотворении, то есть о неудавшейся попытке жителей Древнего Вавилона построить столп вышиною до неба). «...Вообразите, что ни один канцелярский не умел порядочно буквы написать. Смотришь: иной «К» перенесет в другую строку. Иной в одной строке пишет «си», а в другой: «ятельству». Словом сказать: это был ужас! столпотворение вавилонское!» («Утро чиновника»)

Сторчаком — стоймя, торчком. «Петрушка два раза сторчаком слетел с коляски, так что необходимо было наконец привязать его веревкой к козлам» («Мертвые души»).

Страстной четверг. — Так называется у православных четверг на последней неделе перед праздником пасхи; эта неделя называется страстная, так как, по Евангелию, в эту неделю Христос страдал и был распят на кресте. «Бог с вами, пан! Что вы это говорите! да я, хоть оно непристойно сказать, ходил к булочнице против самого страстного четверга» («Вий»).

Страшный суд — по представлению христианских религий, суд, который будет устроен богом над всеми людьми, живыми и мертвыми, когда наступит конец света. «...Торжеством его [кузнеца. —

Ред.] искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда» («Ночь перед рождеством»). «Вот погодика: на Страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками» («Мертвые души»).

Стремёшка (штрипка) — тесьма, пришитая к низу брюк и охватывающая ступню под башмаком. «Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простирающий до того пронизательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка,— что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его» («Шинель»).

Стричка — лента. «...Дивчата, в нарядном головном уборе из желтых, синих и розовых стричек, на верх которых навязывался золотой галун» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Стрѣбить кѳры (искаженный перевод французского выражения) — ухаживать (за женщиной). «Как, неужели он и протополше строил кѳры?» («Мертвые души»)

Стряпчий — чиновник, исполнявший обязанности блюстителя интересов казны, наблюдавший за правильным ходом дел в судебных учреждениях. «Пошлите теперь же к прокурору, он человек праздный, и, верно, сидит дома, за него все делает стряпчий Золотуха, первейший хапуга в мире» («Мертвые души»).

Стусан — подзатыльник; кулак. «Сказавши это, дал он [Корж.— *Ред.*] ему легонько рукою стусана в затылок, так что Петрусь, невзирая земли, полетел стремглав» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Субтильный — тонкий, нежный, хрупкий. «Да, тонкого поведения человек, немецкая штука! А сам-то такой субтильный, и ножки узенькие, тоненькие» («Женитьба»).

Судовѳ панич — судейский канцелярист. «...Не давать обывательских лошадей без моего ведома судовым паничам» («Майская ночь...»).

Сукня — старинная женская одежда из сукна. «Дивилися гости белому лицу пани Катерины, черным, как немецкий бархат, бровям, нарядной сукне и исподнице из голубого полутабенеку» («Страшная месть»).

Сулей — большая бутылка. «...Все трое очутились в известной ярмарочной ресторации — под яткою у жидовки, усеянную многочисленной флотилией сулей, бутылей, флажек всех родов и возрастов» («Сорочинская ярмарка»).

Султан. — 1) Титул монарха в Турции до 1922 г. «Мы обещали султану мир». — «Да ведь он бусурмен; и бог и Святое писание велит бить бусурменов» («Тарас Бульба»). 2) Украшение на головных уборах у военных царской армии в виде пучка перьев или конских волос. «Низенькие домики часто видели проходящего мимо ловкого, статного офицера с султаном на голове» («Кольска»).

Сурыяк — судно. «...Далече виднеют по всей площади кучи наваленных в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не погрузится весь в глубокие суда — сурыяки» («Мертвые души»).

Сусальное золото — тончайшие пластинки из золота (или других металлов), идущие на золочение или серебряние каких-нибудь изделий. «Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности» («Ночь перед рождеством»).

Сутозолотая парча — серебряная парча с золотом. «...Молодичи, с корабликом на голове, которого верх сделан был весь из сутозолотой парчи» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Сушило — верхний этаж над амбаром. «...У кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сырмятных» («Мертвые души»).

Сфинкс — в древнегреческой мифологии крылатое существо с львиным туловищем и головой женщины; сфинкс обитал близ города Фивы на скале и убивал путников, которые не могли разгадать предложенные им загадки; Эдип разгадал предложенную ему загадку, и тогда сфинкс бросился со скалы и разбился. «Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старые мебели с выгнутыми линиями, с грифами, сфинксами и львиными лапами... все было навалено, и вовсе не в таком порядке, как в магазинах» («Портрет»).

Схимник — тот, кто принял схиму, то есть высшую монашескую степень, требующую выполнения суровых правил. «Одинок сидел в своей пещере перед лампадою схимник и не сводил очей с святой иконы» («Страшная месть»). «...Муж твой и не знает, какие это стены. Их строил святой схимник, и никакая нечистая си-

да не может отсюда вывести колодника, не отомкнув тем самым ключом, которым замыкал святой свою келью» («Страшная месть»).

Схоластический — прилаг. к «схоластика» — название средневековой идеалистической философии, в основе которой лежало не познание действительности, а постановления церкви. «...Эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни» («Тарас Бульба»).

Съезжая — полицейский участок. «Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму» («Ревизор»).

«Сын Отечества» — исторический, политический и литературный журнал, созданный в Петербурге в 1812 г.; основатель и редактор-издатель — Н. Греч. До 1825 г. выходил еженедельно, с 1825 г. реорганизован в двухнедельник; в 1829 г. слился с журналом Булгарина «Северный архив». «Московские Ведомости» и «Сын Отечества» зачитывались немилосердно и доходили к последнему чтецу в кусочках, не годных ни на какое употребление» («Мертвые души»).

Сычу́г — кушанье в виде фаршированного мясом желудка. «Да в свиной сычуг положи ледку, чтобы он взбухнул хорошенько» («Мертвые души»).

Сюжет — событие, случай, происшествие, замысел. «И вот таким образом составился в голове нашего героя сей странный сюжет, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж как благодарен автор, так и выразить трудно» («Мертвые души»).

Т

Та́бор — народное сборище, ярмарка. «Запах горячих сластен понесся по всему табору» («Пропавшая грамота»).

Тавли́нка — табакерка из бересты. «Голове открыт свободный вход во все тавлинки; и дюжий мужик почтительно стоит, снявши шапку, во все продолжение, когда голова запускает свои толстые и грубые пальцы в его лубочную табакерку» («Майская ночь»).

Тайный советник — в царское время чиновник III класса. «...Толпа его [Пискарева. — *Ред.*] притиснула так, что он не смел податься вперед, не смел попятиться назад, опасаясь толкнуть каким-нибудь образом какого-нибудь тайного советника» («Невский проспект»).

Талисмáн — по представлению суеверных людей, предмет, приносящий обладателю его счастье, удачу и наделяющий его чудодейственной силой. «...Пятый [показывает.— *Ред.*] — перстень с талисманом на щегольском мизинце» («Невский проспект»).

Тáлия.— 1) Две колоды карт для игры. «Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый крап глядел весьма подозрительно» («Мертвые души»). 2) Круг игры (в банк) до окончания колоды у банкмета или до срыва банка. «В банчик — другое дело. Проклнем хоть талию!» («Мертвые души»)

Талмúд — свод правил и предписаний, составленный на основе толкований священных книг и определяющий быт верующих евреев (в частности пищу). «Жид принес под полоу несколько колбас из свинины и, поживши на стол, тотчас отворотился от этого запрещенного талмудом плода» («Вий»).

Тамóжня — учреждение, ведающее контролем над провозом через границу товаров и взиманием пошлин и сборов. «Но переносил все герой наш, переносил сильно, терпеливо переносил, и — перешел наконец в службу по таможне» («Мертвые души»). *Тамóженный* — прилаг. к «таможня». «Он [Чичиков.— *Ред.*] видел, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какие фарфоры и батисты пересылали кумушкам, тетушкам и сестрам» («Мертвые души»).

Танцующие стулья.— «В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать: дело пошло по начальству — кн. Долгорукий нарядил следствие. Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. Н сказал, что мебель придворная и просится в Аничков (дворец)» (Из дневника Пушкина; 17/XII 1833 г.). «...История о танцующих стульях в Конюшенной улице была еще свежа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в три часа прогуливается по Невскому проспекту» («Нос»).

Тарабáнить — делать что-нибудь, идти или ехать, производить стук или шум. «Редко, очень редко какой-нибудь помещик, имеющий одиннадцать душ крестьян, в нанковом сюртуке, тарабанит по мостовой в какой-то полубричке и полутележке» («Коляска»).

Таратайка — двухколесная тележка. «...Ксендзы ездят теперь по всей Украине в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а

то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан» («Тарас Бульба»).

Тату — то же, что *тятя* (отец). «...Пошли, тату, сей же час в Киевскую семинарию и привези бурсака Хому Брута» («Вий»).

Тать — вор, грабитель. «...Вчерашнего дня пополудни, как разбойник и тать, с топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудиями, забрался ночью в мой двор и в находящийся в оном мой же собственный хлев» («Повесть о том, как поссорился...»).

Тафта́ (тафти́ца) — тонкая, глянцеви́тая и плотная шелковая ткань. «...Натурально, одета: здесь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамские разные сережки... ну, словом, такой лакомый кусочек» («Женитьба»).

Телепе́нь — неуклюжий, вялый, неповоротливый человек. «Брось, Фома Меньшой, сеть да приподыми осетра из лохани! Телепень Козьма, ступай, помоги!» («Мертвые души»)

Темля́к — тесьма на оружии для надевания на руку. «...Двое из офицеров были страшные игроки в банк и проигрывали мундир, фуражку, шинель, темляк и даже исподнее платье» («Иван Федорович Шпонька...»).

Тенди́тный — слабосильный, тонкий. «Да и ваш кучер, я знаю вашего кучера, он такой тендитный да маленький, его всякая кобыла побьет» («Старосветские помещики»).

Тенье́р Дави́д Мла́дший (1610—1690) — голландский живописец, отличался необыкновенной плодовитостью (им написано до 800 картин). «Комната во вкусе Теньера, видишь: беспорядок, беспорядок, стол, на нем бюст, рука, палитра; вон пыль,— видишь, как пыль нарисована!» («Портрет»)

Терно́вник — низкий колючий кустарник с синими съедобными плодами. «Бурульбаш с верным слугою тихо спрятался за терновник, прикрывавший срубленный засек» («Страшная месть»).

Тита́р — ктитор, церковный староста. «Он один исправлял должность церковного титара» («Ночь перед рождеством»).

Титло — звание. «Это был художник, каких мало... одно из тех самородных чуд, которых часто современники чествуют обидными словами «невежи» и которые не охлаждаются от охулений и собст-

венных неудач, получают только новые рвения и силы и уже далеко в душе своей уходят от тех произведений, за которые получили титуло невежи» («Портрет»).

Титул — первая выходная страница книги, на которой помещены заглавие, имя автора, год и место издания; титульный лист. «...Дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье» («Шинель»).

Титулярный советник — в царской России чиновник IX класса. «Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход» («Невский проспект»).

Тициан Вечеллиоди Кадоре (1477—1576) — великий итальянский живописец эпохи Возрождения. «Еще не понимал он [Чартков.— *Ред.*] всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвиды, останавливался перед портретами Тициана» («Портрет»).

Товченички — изделия в виде лепешек. «Вот вам и привошения, Афанасий Иванович... варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!» («Сорочинская ярмарка»)

Толстобрюшка — толстобрюхий человек или широкий, громоздкий предмет. «А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки!» («Ревизор»)

Томпаковый — прилаг. к «томпак» — сплав из меди и цинка. «Я ему подарю,— подумал он [Плюшкин.— *Ред.*] про себя,— карманные часы: они ведь хорошие, серебряные часы, а не то чтобы какие-нибудь томпаковые» («Мертвые души»).

Тоня — одна закидка, одна тяга невода. «...Выступали они в степи для стрельбы несметного числа всех возможных степных птиц, оленей и коз или же выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидать невода, сети и тащить богатые тони на продовольствие всего куреня» («Тарас Бульба»).

Торнюра — осанка, фигура. «Немка согласилась в одну минуту, потому что немки всегда охотницы до танцев. На этом Пирогов очень много основывал свою надежду: во-первых, это уже доставляло ей удовольствие, во-вторых, это могло показать его торнюру и ловкость» («Невский проспект»).

Торсик — уменьш.-ласкат. к «торс» — туловище статуи без головы и конечностей. «...Куплю себе отличный манкен, закажу гипс-

совый торсик, сформулю ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюр с первых картин» («Портрет»).

Травя́нки — грибы. «А вот это большие травянки: я их еще в первый раз отваривала в укусе: не знаю, каковы-то они» («Старосветские помещики»).

Трактова́ть. — 1) Рассуждать о чем-нибудь. «...Трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он [Чичиков. — *Ред.*] показал, что ему неизвестны и судейские проделки» («Мертвые души»). 2) Давать какое-то толкование, оценивать как-то. «...Ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство». — «Вы слышали, как она трактует нас?» («Ревизор»)

Трено́га — то же, что трено́жник. «На треногах варили рыбаки уху из животрепещущих ершей» («Мертвые души»).

Трено́жник — подставка на трех ножках разного назначения. «...Никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем» («Старосветские помещики»).

Треу́х. — 1) Теплая мужская шапка с наушниками и опускающимся задком. «...Как только раздавался звонок, он [Чичиков. — *Ред.*] бросался опрометью и подавал учителю прежде всех треух (учитель ходил в треухе)» («Мертвые души»). 2) Оплеуха, пощечина. «Подошедши на три шага к нему [незнакомцу. — *Ред.*], замахнулся он [Левко. — *Ред.*] со всей силы, чтобы дать треуха, от которого незнакомец, несмотря на свою видимую крепость, не устоял бы, может быть, на месте» («Майская ночь»).

Трибу́н — высшая общественно-политическая должность в Древнем Риме, на его обязанности лежала защита прав плебеев; личность трибуна считалась неприкосновенной. «Иван Иванович с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны!» («Повесть о том, как поссорился...»)

Тривиа́льный — избитый, пошлый, лишенный оригинальности, свежести. «А ведь здесь все лица — один отвратительней другого». — «Да, тривиально, тривиально» («Театральный разъезд»).

Три́зна — поминки по умершем. «Лодка причалила, и вышел из нее колдун. Невесел он; ему горька тризна, которую свершили козаки над убитым своим паном» («Страшная месть»).

Трили́стник — название различных растений с тройчатыми листьями (например, клевер). «...Слыхали ли вы когда-нибудь,

чтобы яблоки пересыпали канупером? Правда, кладут смородиновый лист, вечуй-ветер, трилистник, но чтобы клали канупер... нет, я не слыхивал об этом» («Вечера на хуторе...», ч. II. Предисловие).

Триповый — прилаг. к «трип» — сорт грубого шерстяного бархата. «К крыльцу подходил лет сорока человек, живой, смуглой наружности. На нем был триповый картуз» («Мертвые души»).

Триумфальные ворота — большая арка, воздвигнутая в ознаменование какого-нибудь триумфа, блестящего успеха, победы. «...В воротах показались кони; точь-в-точь как лепят или рисуют их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине» («Мертвые души»).

«*Тришкин кафтан*» — название басни И. А. Крылова. Герой ее, Тришка, безуспешно пытается привести в порядок свой кафтан. «Как видно, в хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: стрезывались обшлага и фалды на заплату локтей» («Мертвые души»).

Тройчатка — плеть-треххвостка, тройная плеть. «...Однако ж свињи, на ногах, длинных, как ходули, повлезали в окна и мигом оживили жида плетеными тройчатками, заставя его плясать повыше вот этого сволока» («Сорочинская ярмарка»).

Тропáк — пляска с топотом. «...Философ, вдруг поднявшись на ноги, закричал: «Музыкантов! непременно музыкантов!» — и, не дождавшись музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака («Вий»).

Трухтуáр — искажен: «тротуар». «...Будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара?» («Шинель»)

Трюфели — род подземных грибов, отличающихся ароматом и тонким вкусом, служащих приправой к кушаньям. «...Теперь ты упишешь подбараньего бока с кашей, закусивши ватрушкой в тарелку, а тогда бы ты ел какие-нибудь котлетки с трюфелями» («Мертвые души»).

Туз — важный, влиятельный человек (чиновный или богатый). «...С беспокойством проходил он [Пискарев.— *Ред.*] из комнаты в комнату и толкал без милосердия всех встречаемых, но во всех комнатах все сидели тузы за вистом, погруженные в мертвое молчание» («Невский проспект»).

Туза́н — удар кулаком. «Написать письмо от имени этой девушки, да и выронить как-нибудь нечаянно при нем или позабыть

на столе в его комнате. Конечно, может выйти как-нибудь плохо. Да впрочем что ж? надает ведь только тузанов? Тузаны, конечно, больно, да все же ведь не до такой степени, чтобы...» («Отрывок»)

Туземный — местный, коренной. «...Степы, выкрашенные масляной краской, потемневшие вверху от трубочного дыма и залосненные снизу спинами разных проезжающих, а еще более туземными купеческими» («Мертвые души»).

Турбан — народный музыкальный инструмент. «И взшедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам с бандурами, турбанами, круглыми балалайками, и церковных песельников» («Тарас Бульба»).

Турецкая вера — мусульманская религия. «Я полагаю, что королі хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру» («Повесть о том, как поссорился...»).

Турецина (турѣчина) — турецкие земли, Турция. «...Можно пойти на Турещину или на Татарву». — «Не можно ни в Турещину, ни в Татарву», — отвечал кошевой» («Тарас Бульба»).

Туркѣнл — женск. р. к «турок»; турчанка. «Солить их выучила меня туркѣня в то время, когда еще турки были у нас в плену» («Старосветские помещики»).

Турѹсы — вздорные разговоры, болтовня. Подпустить турусы — склонить к чему-нибудь пустыми обещаниями, разговорами. «Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек» («Ревизор»).

Турчѣн — турок. «Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперед: «Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением?» («Ночь перед рождеством»)

Тягло — в эпоху крепостного права так называлась пара крепостных крестьян, состоявшая из мужа и жены и принимавшаяся за рабочую единицу; установление новых тягол производилось в зависимости от семейных перемен в крестьянских хозяйствах. «...Сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее» («Мертвые души»). «...Еще не похлылась весна, а уж зачинаются работы... подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; устансвление новых тягол» («Мертвые души»).

Тяжба — гражданское судебное дело, иск. «...Что прикажете? в чем могу быть вам полезным?» — «Дело, тяжба». — «Тяжба, с кем?» — «С родным братом» («Тяжба»).

У

Увѣтливый — приветливый, ласково уговаривающий, убеждающий. «Верите ли, — сказал доктор ни громким, ни тихим голосом, но чрезвычайно уветливым и магнетическим, — что я никогда из корысти не лечу» («Нос»).

Угодник божий — буквально: угодивший богу; название некоторых святых в православной церкви. «Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекешы» («Повесть о том, как поссорился...»).

Угол — двадцать пять рублей. «Собакевич подсел поближе и сказал ему [Чичикову. — *Ред.*] тихо на ухо, как будто секрет: «Хотите угол?» — «То есть двадцать пять рублей?» («Мертвые души»)

Ужб — позже, потом, как-нибудь на досуге. «Мы с тобой потолкуем ужб» («Игроки»).

Узвѣр — вареные плоды, ягоды (чернослив, изюм, яблоки, груши и др.) «...Чего ж бы такого съесть?» — «Кислого молочка или жиденского узвара с сушеными грушами» («Старосветские помещики»).

Унди́на — по средневековым поверьям, водяной дух — героиня поэмы Ля-Мотт-Фукэ, переведенной на русский язык Жуковским. «Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он [Чартков. — *Ред.*] с большой охотой соглашался на все» («Портрет»).

Уния — объединение православной церкви с католической под властью римского папы, происшедшее частично в украинских областях Польши в конце XVI века. «...Поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, — поднялась отмстить за посягательство на права своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию» («Тарас Бульба»). «Шляхетство наше все переменило на польский обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унию» («Страшная месть»). Униѣт — последователь церковной унии. «...Иные бродяги... на униатов даже не похожи: не заглянут в Божию церковь. Таких бы нужно допросить порядком, где они таскаются» («Страшная месть»).

Унтер-офицёрша — жена унтер-офицера — представителя младшего командного состава в царской армии. «Унтер-офицерская жена Иванова» («Ревизор»).

Упокой души — покой, спокойствие (души умершего). «Ты одна только поверишь мне и вместе со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы» («Майская ночь»).

Управа благочиния — полицейская управа, ведавшая всей городской полицией. «В его положении следовало ему прежде всего отнестись в Управу благочиния, не потому, что оно имело прямое отношение к полиции, но потому, что ее распоряжения могли быть гораздо быстрее, чем в других местах» («Нос»).

Урдá — конопляные выжимки, выжимки из маковых зерен. «...Это пирожки с сыром! это с урдою» («Старосветские помещики»).

Устерса — искажен.: «устрица» — съедобный морской моллюск, имеющий раковину. «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа» («Мертвые души»). «Для него решительно ничего не значат все господа большой руки, живущие в Петербурге и Москве, проводящие время в обдумывании, что бы такое поесть завтра и какой бы обед сочинить на послезавтра, и принимающиеся за этот обед не иначе, как отправивши прежде в рот пилюлю; глотающие устерс, морских пауков и прочих чуд» («Мертвые души»).

Усы золотые — нашитые накрест галуны. «А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатой запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы ...то дьяк уже верно закашливался и прищуривал неволью в ту сторону глаза» («Ночь перед рождеством»).

Утиральник — полотенце. «Попадались вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников» («Мертвые души»).

Утренняя — церковная служба у православных христиан. «Но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни» («Мертвые души»).

Утрибка — кушанье из потрохов. «Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу» («Повесть о том, как поссорился...»).

Ф

Фагот — музыкальный духовой инструмент низкого регистра с характерным хриповатым тембром. «Он [Пискарев.— *Ред.*] опять ожидал вечера, опять заснул, опять спился какой-то чиновник, который был вместе и чиновник, и фагот» («Невский проспект»).

Фактура — опись посланного товара, накладная, счет. «В три-четыре недели он [Чичиков.— *Ред.*] уже так набил руку в таможенном деле, что знал решительно все: даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин сукна или иной материи; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов» («Мертвые души»).

Фальконетов монумент — конная статуя Петра I в Петербурге, памятник работы выдающегося французского скульптора Фальконе Этьена Мориса (1716—1791). «...Когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента, — Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению» («Шинель»).

Фантасмагория — нечто причудливое, чепуха, невозможная вещь. «Какая быстрая совершается на нем [Невском проспекте.— *Ред.*] фантасмагория в течение одного только дня» («Невский проспект»).

Фантом — призрак, привидение. «С раскрытым ртом и замершим дыханьем смотрел он [Чартков.— *Ред.*] на этот страшный фантом высокого роста, в какой-то широкой азиатской рясе и ждал, что станет он делать» («Портрет»).

Фарс — театральная пьеса легкого, игривого, несколько фривольного содержания. «...Пьеса, просто недостойна даже быть названа комедией. Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный» («Театральный разезд»).

Фатальный — случающийся роковым образом, неотвратимый, неизбежный, predetermined. «Я понимаю это положение. Это все равно, что полководец; что он должен чувствовать, когда нет войны? Это, любезнейший, просто фатальный антракт» («Игроки»).

Фашинник — кустарник разного рода, который употребляется для укрепления насыпей, прокладки дорог по болоту, при сооружении плотин. «Пробираясь меж тростником, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником» («Тарас Бульба»).

Февруáрий — февраль. «Мадрид. Февруарий тридцатый» («Записки сумасшедшего»).

Фельдъегерь — военный или правительственный курьер. «...Смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!..» («Ревизор») «Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «лошадей!» («Ревизор»).

Фемíда — в древнегреческой мифологии богиня правосудия; жрецы Фемиды — судьи. «Из окон второго и третьего этажа высывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту же минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник» («Мертвые души»). «Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей» («Мертвые души»). Здесь Гоголь употребляет этот образ в сатирическом смысле.

Фенардú — фамилия акробата. «Фенарди четыре раза вертелся мельницею» («Мертвые души»).

Фензёрв — пряный соус. «Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана — повар там, можете себе представить, иностранец, француз эдакой с открытой физиогномией, белье на нем голландское, фартук белизною равный снегам, работает там фензерв какой-нибудь, котлетки с трюфелями» («Мертвые души»).

Фенóмен — явление. «Одна знатная, почтенная дама просила особенным письмом зрителя за садом показать детям ее этот редкий феномен и, если можно, с объявлением наставительным и назидательным для юношей» («Нос»).

Фестóн (*фестóнчик*) — зубчатая кайма по подолу женского платья. «Да, поздравляю вас: оборок более не носят». — «Как не носят?» — «На место их фестончики» («Мертвые души»). «...Дочь воеводы смело подошла к нему [Андрюю.— *Ред.*], надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом» («Тарас Бульба»).

Фетюк — разиня, простофиля; «слово обидное для мужчин, происходит от фиты, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою» (*прим. Гоголя.*). «Ну, черт с тобой, поезжай бабиться с женою, фетюк!» («Мертвые души»)

Фíга — плод фигового дерева, инжир. «В продолжение сих дней он [Чичиков.— *Ред.*] полоскал беспрестанно горло молоком с фигой, которую потом съедал» («Мертвые души»).

Фйжмы — каркасы из китового уса, которые в XVIII в. и в начале XIX века надевали женщины под платье, чтобы придать фигуре пышность; так называлась и юбка на таких каркасах. «...Юбка вся собирается вокруг, как, бывало, в старину фйжмы» («Мертвые души»).

Филантро́пия — благотворительность, покровительство нуждающимся. «Философ был одним из числа тех людей, которых если накормят, то у них пробуждается необыкновенная филантропия» («Вий»). *Филантропический* — прилаг. к «филантропия». «Какие-то философы из гусар, да недоучившийся студент, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество» («Мертвые души»).

Фила́тка. — «Филатка и Мирошка — соперники, или Четыре жениха и одна невеста» — водевиль в одном действии, сочинение актера Петра Григорьева-младшего; впервые был поставлен на сцене в 1831 г., пользовался большим успехом у публики и держался в репертуаре до 50-х годов, несмотря на то что чопорная критика резко упрекала автора в банальности картины из «простонародной» жизни. «Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся» («Записки сумасшедшего»). «В театре какая бы ни была пьеса, вы всегда найдете одного из них [офицеров. — *Ред.*], выключая разве если уже играют какие-нибудь «Филатки», которыми очень оскорбляется их разборчивый вкус» («Невский проспект»).

Филемон и Бавки́да — в древнегреческой мифологии счастливые, примерные супруги, до глубокой старости нежно любившие друг друга. «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их [Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. — *Ред.*]» («Старосветские помещики»).

Филипп II (1527—1598) — испанский король; орудием его внутренней политики была инквизиция. «Она [Мавра. — *Ред.*] испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли в Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства» («Записки сумасшедшего»).

Фили́пповка, *Филиппов пост* — у православных пост шестинедельный перед праздником рождества (7 января н. ст.). «...Постов не содержит, ибо накануне филипповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел зарезать своей беззаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было под тот

час сало на каганцы и свечи» («Повесть о том, как поссорился...»), «У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья» («Мертвые души»),

Финифть — эмаль для покрытия металлических изделий и для наклеивания узора на фарфор. «Чтобы еще больше согласить в чем-нибудь своих противников, он [Чичиков. — *Ред.*] всякий раз подносил им всем свою серебряную с финифтью табакерку, на дне которой заметили две фиалки, положенные туда для запаха» («Мертвые души»),

Финтирлюшка — безделушка, ненужное мелкое украшение, пустяки, глупости. «Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтирлюшки» («Ревизор»).

Фиска́л — доносчик, ябедник. «Ноздрев отвечал ..что еще в школе, где он с ним [Чичиковым. — *Ред.*] вместе учился, его называли фискалом, и что за это товарищи, а в том числе и он, несколько его поизмяли» («Мертвые души»).

Фламáндцы — художники фламандской (голландской) школы XV—XVI вв., отличавшиеся реалистическим изображением бытовых явлений. Главные из них: братья Ван-Эйки, Ван дер Вейдан, Мемлинг, Давид. «Еще не понимал он [Чартков. — *Ред.*] всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, оставившаяся перед портретами Тициана, восхищался фламандцами» («Портрет»). *Фламáндский* — прилаг. к «фламандцы». «...Фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека» («Портрет»).

Флегмáтик — человек медлительный, невозмутимо-равнодушный, хладнокровный. «Хотя он [Шиллер. — *Ред.*] был флегматик и немец, однако ж поступки Пирогова возбудили в нем что-то похожее на ревность» («Невский проспект»). *Флегмáтический* — прилаг. к «флегматик». «...Самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам» («Старосветские помещики»).

Фли́гель-адъюта́нт — в царской России офицер, зачисленный в свиту царя. «...Пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтись на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым» («Мертвые души»).

Флотíлия — совокупность военных судов; переносное значение: скопление, совокупность лиц, предметов. «Тут была целая флотии-

для русских купцов из Гостиного двора и даже толкучего рынка в синих немецких сюртуках» («Портрет»).

Фомá и Ерёма — распространенные лубочные картинки. «Что русский народ заглядывается на Ерусланов Лазаревичей, на объедал и обивал, на Фому и Ерему, это не казалось ему [Чарткову. — *Ред.*] удивительным: изображенные предметы были доступны и понятны народу» («Портрет»).

Фонарь. — 1) Большие окна, выходящие на три или четыре стороны. «На крыше большой фонарь, не для видов, но для рассматривания, где и в каком месте и как производились работы» («Мертвые души»). 2) Синяк от побоев, от ушиба. «Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами — и правому и виновному» («Ревизор»).

Форейтор — верховой кучер, сидящий на одной из лошадей в запряжке четверней или шестерней. «Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него ...когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях» («Невский проспект»). *Форейторский* — прилаг. к «форейтор». «...Губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала: коляска с фонарями, перед подъездом два жандарма, форейторские крики вдали — словом, все как пужно» («Мертвые души»).

Форс — чванство, важность, бойкость, дерзость. «Разговор сначала не клеился, но после дело пошло, и он [Чичиков. — *Ред.*] начал даже получать форс» («Мертвые души»).

Форту́нка — азартная игра, упрощенная рулетка; лотерея. «В фортунку крутнул: выиграл две банки помады, фарфоровую чашку и гитару» («Мертвые души»).

Фóска — карта с небольшим числом очков. «На, немец, возьми, съешь семерку! Руте, решительно руте! просто карта фоска!» («Игроки»)

«*Фрега́т Надежда*» — популярная в 30-е годы повесть А. Марлинского — псевдоним писателя-декабриста Александра Бестужева (1797—1837), который вместе с Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда», после разгрома декабристов был приговорен к 20 годам каторжных работ, а в 1829 г., по своей просьбе, он был отправлен в действующую армию рядовым, получил чин прапор-

щика, убит в стычке с горцами. «У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф» — все это я написал» («Ревизор»).

Фрэйлина — придворное звание девушки или дамы из аристократического круга, состоявшей при царице. «Ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался до тех пор, покуда не приехали гостить к генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина... Обе фрейлины прежних времен» («Мертвые души»).

Фрэска — стенная живопись. «Комнаты были... просторны, и ничего больше. Ни фресков, ни картин по стенам, ни бронзы по столам, ни этажерок с фарфором или чашками» («Мертвые души»).

Фризовая шинель — шинель, сшитая из фриза, то есть толстой ворсистой ткани. «...Старые лакеи во фризовых шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать» («Портрет»). «Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою» («Ревизор»).

Фрикасе́ — мелкие куски мяса или дичи под соусом. «...Это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется!» («Мертвые души»)

Фриштик (нем.) — завтрак. «А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки!» («Ревизор»)

Фронтиспис — страница книги с рисунком перед заглавием или титульным листом. «...Эта комедия вовсе не картина, а скорее фронтиспис. Вы видите — и сцена, и место действия идеальны» («Театральный разъезд»).

Фронто́н — часть фасадной стены, ограниченная двумя скатами крыши, имеющая форму треугольника. «Маленький, острый и высокий фронтон с окошком, похожим на поднятый кверху глаз, был весь измалеван голубыми и желтыми цветами и красными полумесяцами» («Вий»). «Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился архитектор» («Мертвые души»).

Фузе́я — кремневое ружье. «Проклятый поцелуй, казалось, оглушил его [Коржа.— *Ред.*] совершенно. Ему почудился он громче, чем удар макогона об стену, которым обыкновенно в наше время мужик прогоняет кутью, за неимением фузеи и пороха» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Фурьёр — заготовщик съестных припасов, фуража, квартир для войска. «...Больше я не в силах слушать. Все знаю, все: влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, может, занимается публичным ремеслом» («Отрывок»).

Х

Хаврѳня — свинья (от собственного имени Февронья). «Схвативши бумагу, бурая хаврѳня убежала так скоро, что ни один из приказных чиновников не мог догнать ее» («Повесть о том, как поссорился...»).

Ханжá — притворно-набожный человек, лицемер. «Вот то-то и есть, что у нас нет середины. Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим» («Игроки»).

Хламíда — длинная, несуразная одежда. «Пола его [философа.— *Ред.*] длинной хламиды, казалось, прилипла к земле, как будто ее кто приколотил гвоздями» («Вий»).

Хлебѳщут — от глагола «*хлебестать*» — хлестать, биться, болтаться. «...Алые, как кровь, волны хлебещут и толпятся вокруг старинных стен» («Страшная месть»).

Хлигерь — искажен: «флигерь». «Два деревянных хлигера: один хлигерь совсем деревянный, другой на каменном фундаменте; каждый рублев по четыреста приносит доходу» («Женитьба»).

Хлобучить — трепать, натягивая, надувая покрывку (о ветре). «Изредка мешал ему [значительному лицу.— *Ред.*], однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг бог знает откуда и неведь от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлобуча, как парус, шинельный воротник» («Шинель»).

Хлопанцы — туфли. «Отец, больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах, надетых на босую ногу...» («Мертвые души»)

Ховáнский князь — в переносном сатирическом значении денежные ассигнации. «...Как только приходил проситель и засовывал руку в карман, с тем чтобы вытащить оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются у нас на Руси, «Нет, нет», — говорил он [Чичиков.— *Ред.*] с улыбкой, удерживая его руку» («Мертвые души»).

Ходячая газета — распространенная газета. «На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он [Чартков.— *Ред.*] к одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи» («Портрет»). Здесь намек на Ф. Булгарина, который печатал различные оплачиваемые рекламы в газете «Северная пчела».

Хожальый — служивший в полиции, рассыльный, бывалый, опытный человек. «Все были хожалые, ежжалые: ходили по анатолийским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр» («Тарас Бульба»).

Хозрѳе-Мирзѳ — персидский принц, приехавший в Россию для принесения русскому правительству извинений за убийство в 1829 г. Грибоедова. «...Портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке» («Портрет») «...Пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хозрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы» («Нос»).

Хорѳмы — жилой дом с большим числом комнат, обставленных обычно роскошно. «Невысокие у него хоромы: хата на вид как и у простых козаков» («Страшная месть»). «Философ хотел, однако же, несколько обсмотреть снаружи панские хоромы» («Вий»).

Хортица — остров на Днепре, в 1620 г. здесь была установлена запорожскими казаками Сечь. «Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь» («Тарас Бульба»).

Хорѳгвь — здесь: войсковое знамя. «Вот и наша победа!» — раздалась со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь» («Тарас Бульба»).

Хорѳнжий — знаменосец в казацких войсках. «Гляжу — впереди отряда пан хорунжий Галяндович. Он человек мне знакомый: еще с третьего года задолжал сто червонных» («Тарас Бульба»). «Генеральный хорунжий предводил главное знамя» («Тарас Бульба»).

Христопрѳдѳвец — предатель (возникло в связи с евангельским сказанием о предательстве Христа его учеником Иудой за 30 серебряников). «...Вот эти все, что юлят во все стороны, лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и се: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopрѳдѳвцы» («Записки сумасшедшего»).

Хѳстка — кусок холста, платок. «Вот, скинувши новые сапоги и обернувши в хустку, чтобы не покорибились от дождя, задал он [дед.— *Ред.*] такого бегуна, как будто панский иноходец» («Заколдованное место»).

Ц

Царская водка — смесь одной части азотной кислоты с тремя частями соляной, растворяющая золото. «Купцы, зная уже вкус помещиков, любивших добрую мадеру, заправляли ее беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки» («Мертвые души»).

Целко́вый, целко́вик — один рубль (первоначально — рублевая серебряная монета). «...Смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдгегера, катили и песни бы пели!» («Ревизор») «В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик, — оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай» («Ревизор»).

Целова́льник — приказчик в питейном доме, в кабаке. «Целовальники такие завели теперь настойки, что с одной рюмки так станет задирать в животе, что воды ведро бы выпил; не успеешь опомниться, как все спустишь» («Мертвые души»).

Церко́вное покая́ние — в дореволюционное время наказание, за некоторые преступления присоединявшееся к уголовному наказанию по усмотрению духовного начальства и состоявшее в припудительной молитве, поклонах и пр. Это наказание иногда мог накладывать и священник. «Жил тогда при ней [при церкви. — *Ред.*] иерей, блаженной памяти отец Афанасий. Заметив, что Басаврюк и на светлое воскресенье не бывал в церкви, задумал было пожуричь его — наложить церковное покаяние» («Вечер накануне Ивана Купала»). «Но еще больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние» («Ночь перед рождеством»).

Цехи́н — старинная золотая венецианская монета, равна 4 руб. 18 коп. «Я ему восемьсот цехинов дал, когда нужно было выкупиться из плена у турка» («Тарас Бульба»).

Цимба́лы — музыкальный инструмент в виде плоского ящика с металлическими струнами, по которым, играя, ударяют молоточками. «Гостям поднесли варенуху с изюмом и сливами и на немало блюде каравай. Музыканты принялись за исподку его, спеченную вместе с деньгами, и на время притихнув, положили возле себя цимбалы, скрипки и бубны» («Страшная месть»).

Цити́ет (цитова́ть) — то же, что *цити́ровать*, то есть приводить цитату из какого-нибудь сочинения. «Цитует [ученый. — *Ред.*] немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит ка-

кой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями за просто» («Мертвые души»).

Цицерон Марк Туллий (I—II вв. до н. э.) — выдающийся оратор, писатель, политический деятель, адвокат Древнего Рима. Его речи сыграли важную роль в развитии римского ораторского искусства и права. «...Здесь были и те, которые знали, что такое Гораций, Цицерон и Римская республика» («Тарас Бульба»). «Амос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел» («Ревизор»). Здесь — иронический намек на утмствование судьи.

Цур — чур. «Еще никакого дела с панночками не имел, сколько ни живу на свете. Цур им, чтобы не сказать шепристойного» («Вий»).

Цурки — девушки. «...А цурки, где только увидят военных... ай, ай!» («Тарас Бульба»)

Цыбуля — лук. «...Щеки у него [кума.— *Ред.*] расцвели, как мак; теперь он не цыбуля, а буряк» («Сорочинская ярмарка»).

Цяцки (цацки) — игрушки. «Вздروгнул Петро... «Ге-ге-ге! да как горит!» — заревел он, пересыпая на руку червонцы. «Ге-ге-ге! да как звенит! А ведь и дела только одного потребую за целую гору таких цяцек» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Ч

Чабрѐц — растение, так называемая богородская травка. «Вот это грибки с чабрѐдом» («Старосветские помещики»).

Чайка — длинное узкое речное судно запорожцев. «Все бросили вмиг берег и снарядку челнов, ибо предстоял теперь сухопутный, а не морской поход, и не суда да козацкие чайки,— пондобились телеги и кони» («Тарас Бульба»).

Чалма́ — мужской убор мусульман, состоящий из длинного куска материи, обернутого особым образом вокруг головы. «Не вытерпел атаман Мосий Шило, истоптал ногами святой закон, скверною чалмой обвил грешную голову, вошел в доверенность к паше» («Тарас Бульба»).

Чапоруха — стаканчик. «...Он [Тентетников.— *Ред.*] сам присутствовал и приказал выдать даже по чапорухе водки за усердные труды» («Мертвые души»).

Чапыжник — частый кустарник, «...Седой чапыжник густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья» («Мертвые души»).

Часовня — небольшое церковное здание с иконами, но, в отличие от церкви, без алтаря. «Они достигли небольшой площадки, где, казалось, была часовня; по крайней мере, к стене был приставлен узенький столик в виде алтарного престола, и над ним виден был почти совершенно изгладившийся, полинявший образ католической мадонны» («Тарас Бульба»).

Часослов — книга, в которой содержатся псалмы, молитвы и песнопения, расположенные в том порядке, в котором они исполняются во время церковных богослужений, главным образом так называемых «часов». «...Много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой часослов, не разобрали бы ни аза в нем» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Частный (пристав) — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города. «Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей, но государственную ассигнацию предпочитал всему» («Нос»). «Когда же рассказал он [Акакий Акакиевич.— *Ред.*], в чем дело, она [хозяйка квартиры.— *Ред.*] всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному, что кварталный надует, пообещается и станет водить» («Шинель»).

Частный дом — то же, что полицейский участок в царское время. «Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен» («Ревизор»).

Чаятельно — вероятно, по-видимому. «Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чаятельно, ваше благородие, ходите и на лед ковзаться, какие ж должны быть самые ножки?» («Ночь перед рождеством»)

Чекмёнь — верхняя мужская кавказская одежда. «У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хотя на них и не было фраков, а козацкие чекмени синего домашнего сукна» («Мертвые души»).

Челобитчик — проситель, истец. «Производство его [дела.— *Ред.*] уже пойдет не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представляю очевидные доказательства» («Мертвые души»).

Челом бить — почтительно просить кого-нибудь о чем-нибудь. «А что вы, любезные?» — «Челом бьем вашей милости» («Ревизор»). «...Милости прошу; на городничего челом бью» («Ревизор»).

Чепрак — сукопная, коврая подстилка под седло поверх потника. «Скоро старуха вылезла из кладовой, кряхтя и таща на себе старинное седло с оборванными стремянами, с истертыми кожаными чехлами для пистолетов, с чепраком когда-то алого цвета, с золотым шитьем и медными бляхами» («Повесть о том, как поссорился...»).

Червонец — окрашиваться в красный цвет, багроветь. «Червонели уже всюду красные реки» («Тарас Бульба»).

Червонец — золотая монета в 10 рублей. «Три ночи как-нибудь отработаю, — подумал философ, — зато пан набьет мне оба кармана чистыми червонцами» («Вий»). *Червонный* — прилаг. к «червонец». «Ступай, ступай! Исправляй свое дело! Не справишь — не встанешь, а справишь — тысяча червонных!» («Вий»)

Черевички — женские сапожки на высоких каблуках. «Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица» («Ночь перед рождеством»).

Черёши — кошельки. «Не раз черёши у штанных очкуров пабивали всё чистыми цехинами» («Тарас Бульба»).

Чернец — монах, название от черной рясы, то есть одежды, которую носят монахи. «Э, э, э! что же это вы, хлопцы, так притихли? — сказал наконец Бульба, очнувшись от своей задумчивости. — Как будто какие-нибудь чернецы» («Тарас Бульба»). «Мы не чернецы, — продолжал запорожец, — а люди грешные. Падки, как и все честное христианство, до скромного» («Ночь перед рождеством»).

Чернильный — прилаг. к «чернила» — ироническое название канцелярских чиновников (и их службы), постоянно связанных списанием разных бумаг. «Заветный сундук был отперт, из сундука были вынуты — что же? карбованцы! старые, дедовские карбованцы! И эти карбованцы перешли в запачканные руки чернильных дельцов» («Повесть о том, как поссорился...»). «...Нет, твой отец, не говоря дурного слова, большая скотина, извини, — ведь мы на ты, — ну, как этого молодца вздумал было в чернильную службу?» («Игроки»)

Чернь — черная эмаль, которая накладывается на серебро в ювелирных изделиях. «...Вынимал [Чичиков. — Ред.], например, из

кармана серебряную с чернью табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой» («Мертвые души»).

Чёт и *нечёт* — игра, состоявшая в угадывании, четное или нечетное число предметов, очков взято тем, кто ведет игру. «А между тем запорожцы... курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чет и нечет» («Тарас Бульба»).

Чета́ — пара, ровня, под стать кому. «Не всякий голова голове чета! — произнес с самодовольным видом голова» («Майская ночь»). «Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня», — продолжала хорошенькая кокетка» («Ночь перед рождеством»).

Четверта́к — четверть рубля, 25 копеек. «А сколько?» — сказал художник». — «Да что за него дорожитья? три четвертачка давайте» («Портрет»).

Четверто́к — то же, что *четверг*. «...В продолжение всей среды и даже во весь четверток нос у него [Ковалева. — *Ред.*] был цел» («Нос»).

Чехарда́ — игра, в которой играющие поочередно прыгают через своих партнеров, стоящих в согнутом положении или на четвереньках... «Между тем запорожцы... курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чет и нечет» («Тарас Бульба»).

Чигири́н — уездный город бывшей Киевской губернии на реке Тясмяне, при Богдане Хмельницком был главным городом Украины, в истории которой играл видную роль; в настоящее время районный центр Черкасской области УССР. «Отвсюду поднялись козаки: от Чигирина, от Переяслава, от Батурина, от Глухова» («Тарас Бульба»).

Чили́га — колючий кустарник, вид желтой акации. «Тут было все вместе: и клен, и груша, и низкорослый ракитник, и чилига» («Мертвые души»).

Чили́зник — акация. «...Подшли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником» («Мертвые души»).

Чин — обобщенно: служащие, чиновники какого-нибудь ведомства, разряда. «Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин» («Тарас Бульба»).

Чисты́лище — по учению католической церкви, место, в котором души умерших, не оставляемые навсгда в аду, посредством

разных испытаний очищаются от грехов, раньше чем попасть в рай. Переносное значение: душа человека-избранника, очищающая его от всего скверного. «В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души» («Портрет»).

Чистоган — палочные, чистые деньги. «...Купец привез на шестьсот тысяч железа. Во вторник окончательная сделка, и деньги получает чистоганом; да вчера приехал один с пенькой на полмиллиона» («Игроки»). «Труд закипит, и, подобно тому, как в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться изо всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган» («Мертвые души»).

Чобот — сапог, башмак. «Вы, плугари, гречкосеи, овцепасы, баболубы! полно вам за плугом ходить, да пачкать в землю свои желтые чоботы, да подбираться к жинкам и губить силу рыцарскую! Пора доставать козацкой славы!» («Тарас Бульба») «Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чоботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства» («Тарас Бульба»).

Чубарый (о масти лошади) — с темными пятнами по светлой шерсти, вообще с пятнами другой шерсти. «...Кучер, довольный приемом дворовых людей Манилова, делал весьма дельные замечания чубарому пристяжному коню, запряженному с правой стороны» («Мертвые души»).

Чубук — полый деревянный стержень, на который насаживается курительная трубка и через который курящий втягивает дым табака. «После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закулив трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофию в руках на крыльцо» («Коляска»).

Чума́к — в старину на Украине крестьянин, возивший на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозивший оттуда соль и рыбу. «С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки с солью и рыбою» («Сорочинская ярмарка»). *Чумацкий* — прилаг. к «чума́к». «Двор был уставлен весь чумацкими возами» («Пропавшая грамота»). *Чумаковать* — заниматься промыслом чумаков. «С собою взял он [батько. — *Ред.*] трех годового брата приучать заранее чумаковать» («Заколдованное место»).

Чуприна — то же, что *чуб*. «Но один всех живее вскрикивал и летел вслед за другими в танце. Чуприна развевалась по ветру, вся открыта была сильная грудь» («Тарас Бульба»).

Чухонка — женск. р. к «чухонец» — в дореволюционное время название финна. «Мавра вздумала мыть пол. Эти глупые чухонки всегда некстати чистоплотны» («Записки сумасшедшего»). *Чухонский* — прилаг. к «чухонец». «А уж куда бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам-самородок, живой и бойкий русский ум» («Мертвые души»).

Ш

Шаломовый — прилаг. к «шалон» — род шерстяной материи. «Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шаломовом сюртуке» («Мертвые души»).

Шаль — шалость, дурачество, безрассудство, взбалмошное состояние. «...Подымется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя» («Вечера на хуторе...», ч. I. Предисловие).

Шанишки — род ватрушек. «Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки...» («Мертвые души»)

Шантрёт — искажен.: «шатен». «А собой каков он: брюнет или блондин?» — «Нет, больше шантрет» («Ревизор»).

Шафран — южное растение, из его высушенных рылец готовится порошок, который употребляется как пряность в кушанья. «...Кроме кутьи, будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного» («Ночь перед рождеством»). *Шафранный* — прилаг. к «шафран». Потом выпил я водки персиковой, настоящей на золототысячник. Была и шафранная; но шафранной, как вы сами знаете, я не употребляю» («Повесть о том, как поссорился...»).

Швабский немец — житель немецкой провинции Швабии. «Я швабский немец; у меня есть король в Германии» («Невский проспект»).

Швец — сапожник. «Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать» («Ночь перед рождеством»).

Шемизетка — накидка, вставка или манишка в дамском лифе. «...Дочь воеводы смело подошла к нему [Андрию.— *Ред.*], надела ему на голову свою блистательную диадему, повесила на губы

ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку с фестонами, вышитыми золотом» («Тарас Бульба»).

Шехерезáда — сказочная героиня, в уста которой вложены сказки «Тысячи и одной ночи» (старинный сборник арабских сказок); обобщенно: сказочный мир этих волшебных сказок. «Вдруг перед ним [Копейкиным.— *Ред.*] свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада («Мертвые души»).

Шибéник — сорванец, негодяй, висельник. «Постой ты, бесовский кузнец, чтоб черт поколотил и тебя, и твою кузницу, ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеник!» («Ночь перед рождеством»)

Шибнúть — ударить. «...Игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным крючком изо рта в нос» («Мертвые души»).

Шильник — плут, мошенник. «...Такой шильник, печник гадкий! С тех пор с тобой никакого дела не хочу иметь» («Мертвые души»).

Шинóк — кабак, питейный дом. «...Перед козаками показался шинок, повалившийся на одну сторону, словно баба на пути с веселых крестин» («Пропавшая грамота»). *Шинкáрь* — содержатель шинка. «Шинкарь долго верил, потом и перестал» («Сорочинская ярмарка»). *Шинкáрка* — жена шинкаря. «...Зеленые фляжки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные» («Сорочинская ярмарка»).

Широмб́жка (*шеромб́жка*); правильное: *шаромб́жка*, *шаромб́га* — человек, любящий поживиться на чужой счет, плут, обманщик (буквально с французского: «милый друг»); *на широмб́жку* (на шаромыжку) — обманом, плутовски. «...Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на шаромыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков за счет доходов англицкого короля?» («Ревизор»)

Широмб́жник (*шеромб́жник*) — то же, что *шаромыжка* (шаромыга). «Мы-де, говорит, этаких шаромыжников и подлецов видали» («Ревизор»).

Шйшка — небольшой свадебный хлеб. «...Заварили свадьбу: напекли шишек, нашили рушников и хусток; выкатили бочку горелки; посадили за стол молодых» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Шляхётство — польское мелкопоместное дворянство. «Всех ты привела к ногам моим: лучших дворян изо всего шляхетства, бога-

тейших панов, графов и ивоземных баронов и все, что ни есть цвет нашего рыцарства» («Тарас Бульба»). *Шляхтич* — польский дворянин. «На другом берегу горит огонь и, кажется, вот-вот готовится погаснуть, и снова отсвечивается в речке, вздрагивавшей, как польский шляхтич в козацких лапах» («Пропавшая грамота»). «...В ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно» («Вечер накануне Ивана Купала»).

Шмак — вкусно. «Хотя бы были тут одни паляницы, и то в шмак» («Ночь перед рождеством»).

Шмаровать — стегать, сечь. «Посему прошу оного дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличенного уже в воровстве и грабительстве, в кандалы заковать и в тюрьму, или государственнй острог, препроводить, и там уже, по усмотрению, лиша чинов и дворянства, добре барбарами шмаровать» («Повесть о том, как поссорился...»).

Штабс-капитан — в царской армии офицерский чин, средний между поручиком и капитаном. «Мудрая опека (из одного бывшего заседателя и какого-то штабс-капитана в полинялом мундире) перевела в непродолжительное время всех кур и все яйца» («Старосветские помещики»).

Штаб(с)-офицер — в царской армии звание офицера в чине полковника, подполковника, а также майора. «Он [коллежский асессор.— *Ред.*] опустил глаза в низ газеты, где было извещение о спектаклях; уже лицо его было готово улыбнуться, встретив имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карман: есть ли при нем сияя ассигнация, потому что штаб-офицеры, по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах» («Нос»). *Штаб-офицер, брандери-офицер*, связанный с судном, нагруженным горючим материалом и предназначенным для поджога несприятельского флота. «Сосед, принадлежавший к фамилии отставных штаб-офицеров — брандеров, выражался о нем [Тентетникове.— *Ред.*] лаконическим выражением: «Естественнейший скотина!» («Мертвые души») *Штаб-офицерша* — жена штаб-офицера. «У меня много знакомых: ...Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша» («Нос»).

Штаб-ротмистр — в дореволюционное время офицерский чин в кавалерии и жандармерии, равный штабс-капитану в пехоте. «В одном углу штаб-ротмистр, подложивши себе под бок подушку, с трубкою в зубах, рассказывал довольно свободно и плавно любовные ссы приключения» («Коляска»).

Штаметовый — прилаг. к «штамет» («стамет») — сорт шерстяной ткани. «По воскресным дням, бывало, Иван Иванович в шта-

метовой бскеше, Иван Никифорович в нанковом желто-коричневом казакине отправляются почти об руку друг с другом в церковь» («Повесть о том, как поссорился...»).

Шта́ндарт — знамя, флаг; носитель флага или полкового знамени. «...Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» («Ревизор»)

Штафи́рка — презрительное название штатских, невоенных. «...Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку, просто, не могу смотреть теперь» («Отрывок»).

Штос — азартная карточная игра вроде банка; *што́сы сре́зывать* — выигрывать. «Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, bestия, срезывает» («Ревизор»).

Што́фик, штоф — мера жидкостей (вина, водки и др.) в России до введения метрической системы, равна $\frac{1}{10}$ ведра, около $1\frac{1}{2}$ литров; сама бутылка такой меры. «Постой, рожа! Где погребец со штофиками?» («Иван Федорович Шпонька...»)

Штрафт — искажен.: «штраф». «А за ошибку-то повели ему [городничему.— *Ред.*] заплатить штрафт» («Ревизор»).

Шу́рин — родной брат жены. «И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки» («Шинель»).

Шу́шера — дрянные ничтожные люди, сброд. «...Уж коли тебя бары гоняют с крыльца, так ты, видно, так себе, шушера какой-нибудь!» («Мертвые души»)

Ш

Щедро́вка — песенка, котсрую распевали дети и молодежь в канун Нового года, тогда как колядки распевались в канун рождества. «То вдруг один из толпы вместо колядки отпуская щедровку и ревел во все горло: «Щедрик, ведрик! Дайте вареник, грудочку кашки, кильце ковбаски!» («Ночь перед рождеством»)

Щелкопёр — тот, кто щелкает перьями, писака, бумагомарака. «...Мало того, что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно!» («Ревизор»)

Щепной двор — лавки, где продавали деревянную посуду. «Заглянул бы кто-нибудь к нему [Плюшкину. — *Ред.*] на рабочий двор ...ему бы показалось, уже не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор, куда ежедневно отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы» («Мертвые души»).

Щит — щиток из перламутра, фарфора или цветного стекла, пропускающий свет, но скрадывающий резкость пламени свечи. Щитки покрывались иногда какими-либо узорами, рисунками. «Вечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутрным щегольским щитом» («Мертвые души»).

Щукин двор — петербургский рынок. «Нигде не останавливалось столько народа, как перед картиною лавочкою на Щукинском дворе» («Портрет»). «...Пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»» («Ревизор»)

Э

Экзекутор — чиновник, на котором лежали хозяйственные обязанности и надзор за внешним порядком в канцелярии. «Сегодня приходил наш экзекутор с тем, чтобы я шел в департамент, что уже более трех недель как я не хожу на должность» («Записки сумасшедшего»).

Экивоки — двусмысленные намеки, увертки. «Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и придворные штуки — как они, что они делают в своем кругу, — вот что бы мне хотелось узнать!» («Записки сумасшедшего»)

Эконом (политический) — то же, что *экономист* — специалист по экономическим вопросам. «Хороши политические экономы! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет, — дальше своего глупого носа не видит!» («Мертвые души»)

Экспедитор — в дореволюционное время начальник отделения в некоторых правительственных учреждениях. «Глуп, вот просто глуп, хоть и экспедитор» («Женитьба»). «...Пряатель мой, Подколесин Иван Кузьмич, надворный советник; служит экспедитором, один все дела делает, усерпшенствовал отличнейше свою часть» («Женитьба»). *Экспедиторчюнок* — уменьш. к «экспедитор». «...Вообрази, около тебл экспедиторчюнки, маленькие эдакие канальчюнки...» («Женитьба»)

Экстракт — извлечение, краткое изложение. «Передо мною положили какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт. Но я и пальцем не притронулся» («Записки сумасшедшего»).

Эмпирéи — точнее: *эмпирéй* — в представлении древних греков и равных христианских писателей самая высокая часть неба, наполненная светом и огнем и служащая местопребыванием богов (у греков) и святых (у христиан); обобщенно-иронически: воздушные и неземные пространства, просторы; *в эмпирéях* — в райском, неземном блаженстве. «Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпирéях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет» («Ревизор»). «...Если вытащит из дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку — ну просто, брат, находишься в эмпирéях» («Мертвые души»).

Эска́дра — часть военного флота, находящаяся под командой одного начальника. «Суконце-то ведь аглицкое! Ведь каково носится! В девяноста пятом году, когда была эскадра наша в Сицилии, купил я его еще мичманом и сшил с него мундир» («Женитьба»).

Эскадрóн — в кавалерии часть полка, подразделение, соответствующее роте в пехоте. Переносное значение: большая группа, толпа, огромное количество. «...Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того...» («Ревизор»). «...Воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостию старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами» («Мертвые души»).

Эспаньóлка — короткая остроконечная борода. «...За спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньóлкой под губой» («Шинель»).

Эста́мп — гравюра. «Но как только сумерки упадут на дома и улицы ...а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня, тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться» («Невский проспект»). Намек на то, что вечером ловкие владельцы магазинов выставляли в окнах эстампы эротического, непристойного содержания.

Этикéт — установленный порядок поведения, форма обхождения (особенно это было принято в высшем обществе, при дворе). «Будем без церемонии, оставим лишние этикеты и станем говорить друг другу: «ты» («Игроки»). «До сих пор не могу понять, что это за земля Испания. Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны» («Записки сумасшедшего»).

Эштафёта — правильное: эштафёта — доставка писем с помощью нарочных, то есть гонцов, посылаемых с каким-нибудь спешным поручением. «...Призвал было уже курьера с тем, чтобы отправить его [письмо.— *Ред.*] с эштафетой, — но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал» («Ревизор»).

Ю

Юнговы «Ночи».— Юнг Штиллинг Иоганн Генрих (1740—1817) — немецкий писатель-мистик, сочинения его проникнуты религиозностью и мистицизмом. Книга Юнга «Ночи» пользовалась большой популярностью в России в начале XIX века. «Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» («Мертвые души»).

Юнкер — в царской России воспитанник военного (юнкерского) училища, а также нижний чин (рядовой или унтер-офицер) из дворян. «Помилуйте, да разве вы не знаете: ведь нужно начинать с юнкеров?» («Отрывок») *Юнкерский* — прилаг. к «юнкер». «Я, слава богу, и толстенок немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками — совестно даже будет смотреть» («Отрывок»).

«Юрий Милославский» — популярный в XIX в. исторический роман писателя М. Н. Загоскина (1789—1852), проникнутый идеализацией старины и монархической идеологией. «Так, верно, и Юрий Милославский ваше сочинение?» — «Да, это мое сочинение». — «Я сейчас догадалась». — «Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение» («Ревизор»).

Юриско́нсульт — юрист, являющийся постоянным консультантом какого-нибудь учреждения по практическим правовым вопросам, представляющий это учреждение в суде. «Юриско́нсульт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом; всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться» («Мертвые души»).

Юфть — особый сорт мягкой кожи. «...Рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги» («Мертвые души»).

Я

Яко — как. «Посему прошу одного дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника ...в кандалы заковать и в тюрьму, или государственной острог, препроводить» («Повесть о том, как поссорился...»).

Ялѹмок — шапочка. «...Длинные курчавые пейсики его [Янке-ля.— *Ред.*] развевались из-под жидкого яломка» («Тарас Бульба»).

Янычѹры — привилегированная пехота в султанской Турции, составившаяся первоначально из военнопленных христиан, обращенных в мусульманство, а затем пополнявшаяся принудительным путем из христианского населения Турции; в XVIII в.— начале XIX в. янычары обладали большой вооруженной силой, которой пользовались враждовавшие при дворе партии для осуществления своих замыслов, интриг, дворцовых переворотов; янычары были уничтожены в 1826 году султаном Махмудом II. «Воевал король Степан с турчином ...а все не может его выгнать. А у турчина был паша такой, что сам с десятью янычарами мог порубить целый полк» («Страшная месть»).

Яр — крутой, обрывистый берег реки, обрыв. «...Собрался он [Петро.— *Ред.*] в дорогу и бережно спустился густым лесом в глубокий яр, называемый Медвежьим оврагом» («Вечер накануне Ивана Купала»).

«*Яр*» — название известного в Москве ресторана в дореволюционное время. «Поеду в Москву, пообедаю у Яра» («Игроки»).

Яресковскій — прилаг. к «Ярески» — местечко бывшей Полтавской губернии, Миргородского уезда. «...Ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковскій голова, то он переломал бы их в первом козачке» («Ночь перед рождеством»).

Ярь — зеленая краска, получаемая путем окисления меди. «...Боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь да бакап» («Ночь перед рождеством»).

Ятка — палатка. «Ей бы хотелось туда, где под полотняными ятками нарядно развешаны красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты» («Сорочинская ярмарка»).

Ячанье — крик (лебедей) «...Блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей» («Тарас Бульба»).

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителей	3
<i>Н. П. Верховская.</i>	
ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ	5
<i>Н. П. Верховская.</i>	
ОКРУЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ	75
<i>Н. П. Верховская.</i>	
МЕСТА, ГДЕ ЖИЛ И БЫВАЛ ПИСАТЕЛЬ	147
<i>П. К. Боголепов.</i>	
СЛОВАРЬ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ГОГОЛЯ .	175

Для средней школы

Петр Кириллович Боголепов
Наталья Павловна Верховская

ТРОПА К ГОГОЛЮ

Книга-справочник

Ответственный редактор *К. А. Черненко.*
Художественный редактор *М. Д. Суховцева.*
Технический редактор *Е. М. Захарова.*
Корректоры *Г. С. Мукозозова* и *Э. Н. Сизова.*

Сдано в набор 1/X 1975 г. Подписано к печати 15/VI 1976 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бум. типстр. № 1. Усл. печ. л. 24. Уч.-изд. л. 20,63+16 вкл. = 22,56. Ти-
раж 100 000 экз. А08566. Заказ № 1719. Цена 1 р. 01 к. Ордена
Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская
книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Минист-
ров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва,
Сушевский вал, 49.

